КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVII. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.“ Архимандрита Леонида. (1—VIII).

II. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. А. А. Востокова (1—17).

III. Культурныя переживанія. LXXII—LXXXVI. Проф. Н. Ѳ. Сумцова (18-54).

IV. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. Ѳ. Д. Николайчика. (52—69).

V. Живая могила. (Малорусская легенда). Л. М. Старицкой. (70—102).

VI Старая Брацлавщина и ея люди. II. Ц. Г. Неймана. (103—120).

VII. Воспоминанія М. К. Чалаго. (121-142).

VIII. Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни Генриха Іоссе. (Переводъ съ польскаго). (143—160).

IX. Документы, Извѣстія и Замѣтки: Старинное малорусское стихотвореніе. Два дѣла о волшебствѣ. И. А. Линниченка. Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи Сообщ. О. Л. Пропавшія рукописи Н. И. Костомарова. Л. Рисунки Шевченка. Изъ прошлаго г. Кіева. А. Востокова. Одинъ изъ Мазепинцевъ. Плачъ дворянина (161-197).

X. Для справокъ. (197).

XI Библіографія. Этнографическое Обозрѣніе. Періодъ. изд отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Кн. I. подъ ред. Н. А. Янчука. Ц. Г. Неймана. Николай Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губерніи. П. В Голубовскаго. Сочиненія Г. Ѳ. Квитки. III. Повѣсти и разсказы. В. Г. Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. А. Степовича. „Wisła“ 1887—1888 г Проф. Н. Ѳ. Сумцова. Краткое описаніе г. Житомира, составленное Т. І. Вержбицкимъ. Изданіе 2-е Арк. Лященка. Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Арк. Лященка. Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. (198—224).

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVII.

ОКТЯБРЬ.

1889 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 26-го Сентября 1889 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1890 ГОДЪ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

будетъ выходить въ 1890 году *(девятый годъ изданія)* по той же программѣ. въ тѣ же сроки и въ томъ же объемѣ, какъ и въ предшествующіе годы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

	НА ГОДЪ.	НА ПОЛГ.
Съ пересылкой и доставкой .	10 *р.* —	6 *р.*
Безъ доставки	8 *р.* 50 *к.*	5 *р.*
За границу.	13 *р.* —	7 *р.*

Подписка принимается въ редакціи: Кіевъ, Театральная. домъ № 4.

Редакторъ-издатель **А. С. ЛАШКЕВИЧЪ.**

НѢСКОЛЬКО НОВЫХЪ ЗАМѢЧАНІЙ КЪ НАШЕЙ СТАТЬѢ:

„Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга“ (Русская Старина, іюль 1888 года),—

по поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.“ (Кіевск. Стар., 1889 г., мѣсяцъ іюль и августъ).

Сии блж҃наа Ѻлга҃ оставльши ⊢Єлиньскую злоую прелесть Ѻчїю (отчю), паче же дия (волю), вземши ⊢Єлениноу мудрость...

Изъ „Проложнаго житія св. Ольги“, первой древнѣйшей редакціи онаго (Прологъ Румянцевскаго музея XIII—XIV вѣка; то же самое житіе въ Хлуводскомъ Прологѣ XIV вѣка).

Съ особеннымъ любопытствомъ и удовольствіемъ прочли мы статью „О происхожденій св. Ольги“ досточтимаго И. И. Малышевскаго, въ которой между прочимъ подробно обслѣдованъ имъ открытый нами „Владимірскій лѣтописецъ“, одно мѣсто коего касается не маловажнаго вопроса о происхожденіи св. Ольги. Этотъ памятникъ древней русской письменности XV вѣка обратилъ на себя наше вниманіе именно потому, что, вопреки извѣстію нашего лѣтописнаго свода XIV в. о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги, сообщаетъ извѣстіе о ея южномъ происхожденіи.

Прочтя съ подобающимъ вниманіемъ статью нашего многоуважаемаго ученаго и знатока церковной исторіи, мы охотно и безъ всякаго колебанія признаемъ, что въ тѣхъ мѣстахъ нашего лѣтописнаго свода, гдѣ говорится о Плесковѣ, разумѣется русскій Плесковъ (Псковъ), а не болгарскій, какъ мы полагали доселѣ.

*

Прибавимъ къ этому отъ себя еще одно замѣчаніе: въ нашемъ изслѣдованіи, мы выразили мнѣніе, что наши книжники XIV—XVI вѣковъ могли узнать о существованіи болгарскаго Плескова изъ рукописи славянскаго (болгарскаго) перевода хроники Константина Манассіи, 1344 года, находящейся въ московской синодальной библіотекѣ, на поляхъ которой есть современныя замѣтки, и въ одной изъ нихъ упоминается Плиска (Плесковъ). Мы отказываемся отъ этого предположенія, припомнивъ, что рукопись эта сдѣлалась извѣстною въ Россіи лишь со временъ Арсенія Суханова, который привезъ ее въ Москву съ Аѳона вмѣстѣ съ иными лишь въ 1650 году.

Но для того, чтобы отдать рѣшительное предпочтеніе свидѣтельству о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги изъ Плескова (Пскова), необходимо еще *доказать*, что свидѣтельство о семъ лѣтописнаго свода XIV вѣка точно принадлежитъ нашей первоначальной лѣтописи, писанной въ Кіевѣ въ началѣ XII вѣка, а не есть позднѣйшая вставка въ него, относящаяся къ 1237—1250 годамъ, т. е. не къ кіевскому, а къ владимірскому періоду нашей исторіи.

Такое предположеніе не есть нашъ голословный домыслъ; на это существуетъ весьма основательная причина, а именно: кромѣ лѣтописнаго свода есть еще одинъ важный источникъ свѣдѣній о св. Ольгѣ; это древнее проложное житіе ея, завѣдомо относящееся (по сочиненію) къ до-монгольскому, т. е. кіевскому періоду [1]). Оно сохранилось въ древнихъ прологахъ; намъ извѣстны два такіе пролога съ житіемъ св. Ольги: румянцевскаго музея XIII—XIV вѣка и хлудовской библ. XIV вѣка.

Въ обоихъ этихъ прологахъ съ житіемъ св. Ольги (древней, первой редакціи) нѣтъ ни одного слова о происхожденіе св. Ольги изъ Плескова, тогда какъ во всѣхъ прочихъ прологахъ XIV—XVI вѣковъ, гдѣ встрѣчается (подъ 11 іюля) житіе святой Ольги, оно является уже въ иной редакціи (вторая), написанной очевидно подъ вліяніемъ лѣтописнаго свода, почему въ самомъ началѣ этого житія и встрѣчается извѣстное выраженіе „Сія блаженная Ольга родомъ Ильсковытыни“.

[1]) Таково мнѣніе и покойнаго И. И. Срезневскаго.

Это и приводить насъ къ заключенію, что извѣстіе о происхожденіи св. Ольги изъ Плескова (Пскова) не принадлежитъ первоначальной лѣтописи (нач. XII вѣка), а вставлено въ нее, какъ отголосокъ народныхъ сказаній новгородско-псковской области, возникшихъ подъ вліяніемъ мѣстнаго преданія о посѣщеніи великой княгиней Ольгою въ числѣ мѣстъ новгородской области русскаго Плескова (Пскова) въ 947 году. Но принадлежатъ ли это упоминаніе о Плесковѣ первоначальной лѣтописи нач. XII вѣка? Сомнительно! [1]).

Въ кіевской же Руси было свое собственное преданіе о происхожденіи св. Ольги. Преданіе это, послѣ татарскаго погрома Кіева въ 1237 года, принесено кѣмъ либо изъ кіевлянъ въ срединную, владимірскую Русь и тутъ было вписано въ мѣстную лѣтопись, какъ надобно полагать, во вторую половину XIII или въ первую XIV вѣка. Преданіе это гласитъ, что Олегъ „поятъ Игорю жену въ Болгарѣхъ, княжну именемъ Ольгу, и бѣ мудра вельми“. Таково южное кіевское преданіе о происхожденіи св. Ольги, сохранившееся въ краткомъ владимірскомъ лѣтописцѣ исхода XV вѣка.

Изъ всего этого слѣдуетъ такое заключеніе: оба преданія (новгородско-псковское и кіевское) по своей первоначальной записи не далеки одно отъ другаго и потому оба заслуживаютъ равнаго вниманія любителей отечественной исторіи.

Многоуважаемый И. И. Малышевскій, изслѣдуя варіанты отрывка владимірскаго лѣтописца, приложеннаго къ нашей статьѣ, (числомъ 8), подвергъ ихъ подробному анализу; шесть изъ нихъ, по обнаруженнымъ тщаніемъ изслѣдователя первоначальнымъ источникамъ, оказались достаточно доброкачественными въ истори-

---

[1]) Замѣчательно, что въ *Ипатскомъ* спискѣ (половины XIV или начала XV вѣка) мѣсто это было написано, а потомъ зачеркнуто. Вѣроятно писатель его зналъ, что оба мѣста первоначальной лѣтописи, въ которыхъ упоминается Плесковъ (подъ 903 и 947 годами), есть *вставка* въ нее изъ новгородскаго лѣтописнаго свода нач. XIII вѣка, и потому хотѣлъ ихъ исключить вовсе изъ своего списка: второе исключилъ, а первое запамятовалъ исключить. Новгородскій же лѣтописный сводъ, какъ извѣстно, составленъ вскорѣ послѣ 1204 г. (см. начало Новгородской лѣтописи въ рукоп. графа Толстаго. Отд. II, № 119). Итакъ, вотъ когда именно (послѣ 1204 г.) попали въ него эти и другія *вставки*, сдѣланныя на осно-

ческомъ отношеніи, (хотя и не всѣ въ равной степени), седьмой варіантъ: „Деревы (Древляне); рекше Литва“ онъ назвалъ „неудачнымъ“. Не отрицая справедливости этого эпитета, замѣчу однако, что лѣтописецъ XV вѣка словами „рекше Литва“ вовсе не желалъ выразить (какъ полагаетъ изслѣдователь) мысль, что онъ считаетъ древлянъ литовскимъ, а не славянскимъ племенемъ, а то, что въ его время (въ XV вѣкѣ) древляне жили въ предѣлахъ литовской, а не московской Руси. Замѣтимъ при томъ, что предъидущіе варіанты (числомъ 7) имѣютъ не самостоятельное, а лишь пояснительное значеніе и состоятъ всего изъ двухъ, много трехъ словъ, и уже по одному этому не могутъ идти въ сравненіе съ главнымъ варіантомъ владимірскаго лѣтописца, то есть съ тѣмъ его мѣстомъ, которое свидѣтельствуетъ о южномъ происхожденіи св. Ольги и читается такъ: „Игоря же жени (Олегъ) въ Болгарѣхъ, поятъ же за него княжну, именемъ Ольгу, и бѣ мудра вельми“. Предъ нами не два и не три пояснительныхъ слова, а цѣльное, округленное предложеніе, выраженное при томъ ясно и опредѣленно [1]).

Досточтимый И. И. Малышевскій, приступая къ изслѣдованію этого главнаго варіанта лѣтописи, прямо заявилъ, что онъ считаетъ его „собственнымъ домысломъ“ лѣтописца, вѣроятно на томъ основаніи, что источникъ этого варіанта имъ не обна-

---

ваніи народныхъ легендарныхъ преданій, во славу Новгорода, соперничавшаго искони съ „матерью градовъ русскихъ“, перелявшей у него первенство еще въ 882 г. удерживавшаго оное въ продолженіи $3^1/_2$ столѣтій (до 1237 г.). Изъ новгородскаго лѣтописнаго свода *вставки* эти перешли въ лѣтописный сводъ серединной (владимірской) Руси, въ первой же половинѣ XII вѣка (послѣ 1237 и не позже 1250 г.)

[1]) Кстати, позволимъ себѣ заявить здѣсь многоуважаемому И. И. Малышевскому и всѣмъ интересующимся обсуждаемымъ вопросомъ, что свидѣтельство о южномъ происхожденіи св. Ольги, приведено нами изъ подлинной рукописи, въ коей находится владимірскій лѣтописецъ, съ дипломатическою точностью: слово въ слово, и буква въ букву (съ раскрытіемъ титлъ), а потому и вопросъ изслѣдователя, вѣрно ли прочтено или переписано выраженіе „въ Болгарѣхъ“, не стоитъ ли вмѣсто него „въ Болярѣхъ“, мѣста не имѣетъ.

Полагаемъ, что такое чтеніе не можетъ быть допущено и въ видѣ догадки, потому что, будучи не лишено смысла въ настоящее время, по отношенію къ первоначальному періоду нашей исторіи оно едва ли найдетъ подтвержденіе въ примѣрѣ изъ лѣтописи.

руженъ. Мы не удивляемся такому предположенію, но согласиться съ нимъ не можемъ.

Весьма понятно, что почтенный изслѣдователь, признавая неоспоримымъ извѣстіе о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги (въ защиту котораго и написана его статья), и какъ принадлежащее, по его мнѣнію, первоначальной лѣтописи, писанной въ Кіевѣ въ нач. XII вѣка, и принимая во вниманіе, что извѣстіе о южномъ происхожденіи св. Ольги нашлось пока лишь въ одной второстепенной и краткой лѣтописи XV вѣка, конечно имѣлъ полное право усумниться въ его подлинности и потому обозвать его „собственнымъ домысломъ“ лѣтописца. Но мы, какъ сказали выше, не можемъ считать *доказаннымъ*, что извѣстіе о сѣверномъ происхожденіи Ольги „изъ Плескова“ (Пскова) принадлежитъ нашей первоначальной лѣтописи (нач. XII вѣка), а по изъясненнымъ выше причинамъ, считаемъ это извѣстіе позднѣйшею вставкою въ лѣтописный сводъ, сдѣланною не въ кіевскій, а во владимірскій періодъ нашей исторіи, а именно между 1237 и 1250 годами, изъ новгородскаго лѣтописнаго свода нач. XIII вѣка (послѣ 1204 г.), а извѣстіе о южномъ происхожденіи св. Ольги отъ болгаръ, сохранившееся въ лѣтописцѣ XV вѣка, признаемъ заимствованнымъ изъ источника болѣе древняго, восходящаго тоже ко второй половинѣ XIII или по крайней мѣрѣ къ первой половинѣ XIV вѣка, однимъ словомъ, считаемъ оба эти извѣстія (по записи) одновременными или не далекими одно отъ другаго и потому имѣющими равное право на вниманіе.

Высказавъ свое мнѣніе касательно „сочиненности“ извѣстія южномъ происхожденіи св. Ольги владимірскаго лѣтописца, многоуважаемый И. И. Малышевскій, какъ бы въ оправданіе или подкрѣпленіе онаго мнѣнія, сопоставляетъ съ нимъ извѣстіе, относящееся къ тому же самому вопросу о происхожденіи св. Ольги, изъ лѣтописца нач. XVII вѣка (1606 г.), находящееся въ одномъ изъ сборниковъ Императорской публичной библіотеки (изъ Погодинскаго собранія). Извѣстіе это читается такъ: „Посемъ (послѣ похода Олега на Царьградъ) женись Князь Игорь Рюриковичь во Плесковѣ, поя за себѣ Княжну Ольгу дщерь Тмутаркана, Князя Половецкаго“. Приведя эту выписку, изслѣдователь говоритъ:

„не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это сообщеніе не есть извѣстіе, почерпнутое изъ какого либо древняго источника, а собственное мнѣніе, собственное измышленіе автора краткой лѣтописи москвича XVII вѣка“. Мы не думаемъ ошибиться, сказавъ, что приведеніе этого извѣстія на среду сдѣлано изслѣдователемъ для показанія „возможности“ сдѣлать то же самое заключеніе и относительно извѣстія владимірскаго лѣтописца XV вѣка.

Но мы отказываемся согласиться съ мнѣніемъ достопочтеннаго изслѣдователя о „сочиненности“ и этого извѣстія лѣтописца XVII вѣка. По нашему мнѣнію, онъ повиненъ передъ судомъ исторической критики вовсе не въ „измышленіи“ извѣстія, а въ неумѣлой поправкѣ его первоначальнаго чтенія, изъ желанія согласовать оное съ извѣстіемъ лѣтописнаго свода. Полагаемъ, что первоначальное чтеніе было таково:

„Посемъ женись князь Игорь Рюриковичь въ Тмутарканѣ, поя за себѣ княжну Ольгу, дщерь князя тмутарканскаго“.

Лѣтописецъ XVII вѣка, не понявъ смысла этого извѣстія, вздумалъ „пояснить“ его слѣдующимъ образомъ: онъ вмѣсто „въ Тмутарканѣ“ поставилъ „въ Плесковѣ“, но по добросовѣстности (за что ему великое спасибо!) не выключилъ вовсе слова „Тмутарканъ“ а только изъ географическаго термина (названіе города и области) сдѣлалъ имя собственное; вмѣсто же князя „тмутарканскаго“ поставилъ (по догадкѣ) „половецкаго“, чтобы избѣгнуть повторенія одного и того же слова, уже измѣненнаго имъ въ своемъ значеніи.

Таковъ, по нашему мнѣнію, процессъ испорченности первоначальной записи; полагаемъ, нѣтъ надобности доказывать, что наши древніе лѣтописцы (до XVIII вѣка) не были охочи сочинять подложныя лѣтописныя сказанія, а если иногда и бывали виновны, какъ въ настоящемъ случаѣ, въ неудачныхъ поправкахъ той или другой первоначальной записи, то все таки дѣлали это не смѣло, а скорѣе робко, подчасъ и неумѣло.

Очевидно, что въ разсматриваемомъ варіантѣ лѣтописецъ, встрѣтивъ двукратное повтореніе слова Тмутаркань, („въ Тмутарканѣ“, и „Тмутарканскаго“) и инстинктивно понявъ, что оно въ этомъ извѣстіи имѣетъ какое то выдающееся значеніе, потому и не рѣшился вовсе исключить его, и тѣмъ сохранилъ для насъ драгоцѣнное указаніе, о какихъ именно „болгарахъ“ идетъ рѣчь въ опредѣленномъ и ясномъ извѣстіи о южномъ происхожденіи св. Ольги во владимірской лѣтописи XV вѣка.

Ясно открывается, что тамъ разумѣются болгары не дунайскіе (какъ мы полагали прежде), а азовско-черноморскіе, тѣснѣе тмутараканскіе, которыхъ византійскіе историки X вѣка именуютъ „черными болгарами“, единоплеменники болгаръ дунайскихъ.

О черныхъ, или тмутараканскихъ болгарахъ и ихъ отношеніи къ кіевскимъ великимъ князьямъ свидѣтельствуетъ договорная грамота в. к. Игоря 946 года, изъ которой видно, что они въ это время уже состояли въ вассальной зависимости отъ Игоря и потому онъ обязуется удерживать ихъ отъ нападенія на Корсунь и греческія крымскія колоніи.

Вассальному подчиненію, конечно, предшествовали мирныя дружескія отношенію сихъ болгаръ къ кіевскимъ руссамъ, вѣнцомъ этихъ отношеній, по мудрой политикѣ в. к. Олега, и была женитьба его воспитанника и родича князя Игоря (въ 903 г.) на княжнѣ Ольгѣ, дочери тогдашняго тмутараканскаго князя.

А при св. Владимірѣ, при раздѣленіи имъ великаго княжества кіевскаго на удѣлы,—Тмутаракань уже является удѣломъ одного изъ его сыновей,—Мстислава, о чемъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 988 годомъ. Княжество это составляло самый дальній юго-восточный край тогдашней кіевской Руси и принадлежало ей до исхода XI вѣка, въ которомъ, или въ началѣ XII вѣка, было отторгнуто половцами.

Въ послѣдній разъ тмутараканское княжество является на страницахъ лѣтописнаго свода подъ 1096 годомъ. Ко многимъ и интереснымъ заключеніямъ ведетъ извѣстіе кіевскаго преданія о происхожденіи св. Ольги отъ болгаръ, и именно отъ тмутараканскихъ, или азовско-черноморскихъ.

Это извѣстіе между прочимъ упраздняетъ справедливое возраженіе И. И. Малышевскаго относительно язычества Ольги. „Не вѣроятно, говоритъ онъ, чтобы болгарская княжна X вѣка была и пришла въ Русь язычницею, а не христіанкою“. Это дѣйствительно, если не невозможно, то мало вѣроятно, зная, что у дунайскихъ болгаръ христіанство еще во второй половинѣ IX вѣка уже сдѣлалось господствующею религіи и что это дѣло (т. е. принятіе христіанства), какъ и у насъ въ кіевской Руси при св. Владимірѣ, шло сверху внизъ, а не на оборотъ, т. е. что христіанство было принято сперва княземъ и боярами и потомъ, по ихъ примѣру, народомъ.

Но у болгаръ тмутараканскихъ это было наоборотъ. Тамъ частныя обращенія въ христіанство, благодаря сосѣдству сильныхъ

греческихъ центровъ, каковы Корсунь и Сугдея, начались съ VII вѣка и продолжались въ послѣдующія вѣка, съ разными колебаніями, по недостатку сильной централизаціи и по поводу ихъ вассальной зависимости въ IX вѣкѣ отъ хозаръ, съ которыми „черные болгары“ долго вели кровопролитныя войны, оспаривая свою независимость при помощи кіевскихъ руссовъ, и лишь къ началу X вѣка успѣли наконецъ сладить съ хозарами, послѣ того когда на смѣну хозарскихъ гарнизоновъ въ ихъ городахъ явились гарнизоны изъ кіевскихъ руссовъ. Посему нѣтъ ничего невѣроятнаго, что дочь тмутараканскаго князя, выйдя замужъ за русскаго в. к. Игоря язычника, хотя пришла на Русь оффиціально тоже язычницею, но какъ рожденная въ такой странѣ, гдѣ христіанство издавна уже пустило глубокіе корни въ народѣ (такъ что въ исходѣ IX вѣка Тмутаракань (греческая Таматарха) въ Уставѣ императора Льва Философа уже значилась въ числѣ епархій, подвѣдомственныхъ константинопольскому патріарху),—принесла съ собою въ Кіевъ твердое душевное предрасположеніе къ христіанству, и именно къ восточно-греческому. Посему когда наступило сему благопріятное для нея время (по смерти мужа язычника) и отправилась для крещенія не въ Римъ, (то было бы вѣроятнѣе, если бы она была варяжкою), а въ Царьградъ, не къ папѣ, а къ патріарху.—Послѣдуя примѣру досточтимаго И. И. Малышевскаго, въ заключеніе нашей статьи скажемъ, что хотя мы и не скрываемъ, по всему вышесказанному, своего сочувствія къ извѣстію о южномъ происхожденіи св. Ольги, но вовсе и не намѣрены придавать ему „рѣшающаго“ значенія, а стоимъ лишь на томъ, что извѣстіе это отнюдь „не сочинено“, а будучи по времени записи недалекимъ отъ такого же извѣстія о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги, имѣетъ посему равное съ нимъ право на вниманіе любителей исторіи.

Вопросъ остается „открытымъ“ до находки иныхъ записей относительно южнаго (кіевскаго) преданія о происхожденіи св. Ольги. А что эти находки возможны, доказываетъ найденная нами запись владимірскаго лѣтописца XV вѣка и варіантъ того же извѣстія въ лѣтописи XVII вѣка, разумѣется въ его первоначальномъ, (а не испорченномъ неудачной поправкой лѣтописца“) видѣ.

Архимандритъ **Леонидъ.**

Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ.

Должно быть не дешево обходилось малороссійской старшинѣ полученіе урядовъ, такъ какъ сохранилось множество дѣлъ о злоупотребленіяхъ старшины, начиная отъ гетмановъ до простыхъ сотенныхъ писарей. Всѣ эти злоупотребленія, въ большинствѣ случаевъ, выражались въ излишнемъ обложеніи козаковъ поборами и особенно въ требованіяхъ исправленія патуральныхъ повинностей. Жалобы на мелкихъ чиновъ обыкновенно кончались полковымъ судомъ; жалобы же на полковниковъ доходили въ XVIII в. до гетмана и до иностранной коллегіи. Какія позволяли себѣ полковники злоупотребленія, можно видѣть изъ дѣла полковника полтавскаго Ивана Черняка, производившагося въ 1714 г. и встрѣтившагося мнѣ среди дѣлъ, относящихся до княжествъ Молдавскаго и Валашскаго, куда оно попало, очевидно, совсѣмъ случайно.

Дѣло началось по письму государственнаго канцлера, графа Гаврилы Ивановича Головкина на имя гетмана Скоропадскаго отъ 18 ноября 1714 г. слѣдующаго содержанія: „Извѣстно здѣсь учинилось, что полтавскаго полка судья Петръ Кованко и иные приносили ему жалобу на полковника полтавскаго Ивана Черняка во многихъ его ко всему полку обидахъ и что онъ же, Чернякъ, выдалъ на тотъ полкъ горѣлки своей 1000 куѳъ, а за каждую куѳу взялъ по 24 рубля; да онъ же для взятковъ учреждаетъ въ сотники и въ иные уряды того полка людей подозрительныхъ, а именно: учинилъ въ мѣстечко Будище сотникомъ зятя своего Дмитрія Калачинскаго, у котораго братъ родной при измѣнникѣ Войнаровскомъ маршалкомъ, новосенджаровской сотникъ Матвѣй

Буцкой, нехворощинской сотникъ Стецко были при измѣнникѣ Мазепѣ, переволочанской сотникъ Дмитро съ измѣнникомъ Косткою Гордѣенкомъ былъ, когда въ Царичанкѣ побили великоросскихъ людей. И ежели такое доношеніе ему, господину гетману, отъ того судьи и другихъ на того полковника есть, то надлежитъ его призвать въ Глуховъ, а въ тотъ полкъ послать кого изъ генеральной старшины и изъ офицеровъ отъ полковъ, которые при немъ, гетманѣ, есть, и, въ небытность Черняка въ полтавскомъ полку, противъ того доношенія тѣмъ обоимъ посланнымъ велѣть о немъ, полковникѣ, сыскать: такія тому полку обиды и тягости онъ, Чернякъ, чинилъ ли? А что въ сыску тамошніе жители учнутъ говорить, тому учинить записку и привезть къ нему, гетману, а онъ бы тотъ сыскъ прислалъ въ СПбургъ къ государственному канцлеру; а тѣхъ людей, которыхъ онъ въ чины наставилъ, и ежели оные подлинно суть въ вѣрности подозрительные и такіе, какъ писано выше сего, то велѣть ихъ отъ чиновъ отлучить и выбрать на ихъ мѣста иныхъ добрыхъ и вѣрныхъ людей". Въ отвѣтъ гетманъ Скоропадскій извѣстилъ Головкина, что онъ уже давно послалъ въ полтавскій полкъ для розыска о дѣяніяхъ Черняка генеральнаго есаула Бутовича, который уже произвелъ розыскъ, а указанныхъ въ жалобѣ сотниковъ велѣлъ отъ урядовъ отставить, а на ихъ мѣсто выбраны новые. При письмѣ этомъ Скоропадскій прислалъ и самый розыскъ о Чернякѣ, дополнивъ его доношеніемъ козака Кондака на Черняка же и показаніями отставленныхъ сотниковъ.

Въ доношеніи козака Данила Кондака написано: „ноября въ 23 д. 1714 г. въ Полтавѣ въ канцеляріи передъ комендантомъ Иваномъ Отяевымъ полтавской житель Данило Кондакъ доносилъ: въ 1713 г. зимою, послѣ Рождества Христова, посылалъ его полковникъ Чернякъ говорить кошевому Косткѣ и прочимъ запорожцамъ, чтобъ „не важились кланяться царскому величеству: еще де висѣлицы московскія не наполнились; а если де поклонитесь, то, конечно, наполнятся вами!" И онъ де, Данила, пріѣхавъ въ Сѣчу, боясь полковника Черняка, чтобъ его не убилъ кіями до смерти, оныя слова кошевому Косткѣ говорилъ и за оное кошевой полковника Черняка благодарилъ; и онъ, Данила, видя

его полковничье съ кошевымъ, съ Костькою, согласіе, а къ царскому величеству незычливость, напомнилъ Бога и вѣрную свою службу къ царскому величеству, прочимъ запорожцамъ такихъ словъ не говорилъ, чтобы не сдѣлать большаго въ Сѣчи возмущенія. Про такіе слова онъ давно хотѣлъ донесть коменданту, но за страхомъ полковника Черняка не смѣлъ, для того что видѣлъ, что онъ, полковникъ, сдѣлалъ надъ другими. Да онъ же, Чернякъ, отпуская его въ Сѣчу, говорилъ: „видишь ты меня теперь паномъ, еще надѣюся быть и большимъ!“

Въ челобитной полтавскаго полка судьи полковаго Петра Кованка съ товарищами приведены слѣдующія обвиненія полковника Черняка:

1) По указу царскаго величества повелѣно, чтобъ въ малороссійскихъ городахъ аренды не было, и всякой бы человѣкъ, не имѣя другихъ занятій, могъ свободно шинковать виномъ, заплатя въ ратушу два рубля за куѳу; а полковникъ ихъ наложилъ на подлыхъ бѣдныхъ людей на вымѣръ ведро по два талера, и хотя бы вино пили или вылили, только бъ деньги ему за него дали. Чрезъ это людямъ ихъ полка чинится немалая обида, а войсковой прибыли убытокъ.

2) Такожъ повелѣно, чтобъ никто въ полевыя рѣчки за добычами звѣриными и рыбными не дерзалъ; полковникъ же ихъ посылалъ козаковъ за рѣку Самарь на р. Быкъ для добычи, изъ нихъ запорожцы одного знатнаго товарища сотни полтавской убили, а другихъ ограбили. По примѣру полковника и другіе козаки стали ходить по рѣчкамъ для добычи, а когда возвращаются съ добычей домой, полковникъ же ихъ ограбитъ.

3) Онъ же, полковникъ, хотя показать свою службу, собравъ лучшихъ козаковъ своего полка, ходилъ за Днѣпръ за запорожцами; но дойдя до Суры въ степь, убоясь идти дальше, отправилъ на запорожцевъ небольшое число козаковъ, которые, сшедшись съ татарами и запорожцами, дали имъ бой; видя невозможность удержаться противъ непріятеля, козаки послали къ полковнику съ просьбой о присылкѣ помощи, но полковникъ на помочь не послалъ, отчего нѣсколько десятковъ козаковъ должны были пропасть.

4) За нерадѣніемъ полковника, въ полку нѣтъ надлежащихъ сторожъ и разъѣздовъ, а потому непріятели ежегодно угоняютъ скотъ и лошадей, чего при прежнихъ полковникахъ не было.

5) Козаки, которые должны быть наряжены на сторожи и въ разъѣзды, вмѣсто того, по приказанію полковника, возятъ ему на строеніе лѣсъ и гатятъ гребли, и не только въ ихъ полку, но выгоняетъ козаковъ на гребли и въ миргородской полкъ въ городокъ Омельникъ къ своимъ племянникамъ; сѣно ему козаки косятъ, и не только ему, но и всѣмъ его свойственникамъ и арендовымъ шафарчикамъ. Живя въ такой неволѣ, козаки не могутъ исправиться послѣ шведскаго разоренія, а потому многіе разошлись въ иные полки, а иные находятся въ крайнемъ убожествѣ.

6) Также имъ, козакамъ, и то великая тягость, что онъ, полковникъ, переломавъ права ихъ и вольности козацкія, которыя его царскаго величества грамотами утверждены, ставитъ на уряды сотниковъ не тѣхъ, которые по заслугамъ своимъ и вольнымъ козачьимъ голосамъ годны, но учиняетъ торгъ, и кто больше дастъ, того и допускаетъ на урядъ сотничества; а тѣ, въ свою очередь, чинятъ великій грабежъ бѣднымъ козакамъ и посполитымъ людямъ, чтобъ возвратить данную полковнику сумму.

О взяткахъ его и грабежахъ всякъ своими супликами будетъ бить челомъ, если кто будетъ присланъ отъ гетмана для розыску.

Въ заключеніе просятъ полковника ихъ Черняка перемѣнить.

Подъ челобитьемъ подписались: Петръ Кованка, судья полковой, Иванъ Залѣсскій, писарь полковой, Михаилъ Руденко и Павелъ Гарасимовъ, хорунжіе полковые, и восемь человѣкъ другихъ того полку товарищей.

Не привожу отвѣтовъ Черняка на обвинительные пункты, потому что объясненія его на нѣкоторые пункты совершенно голословны, не подтверждены никакими свидѣтелями, а иные пункты онъ призналъ правильными, ссылаясь на обычай.

Послѣ того Бутовичемъ были допрошены тѣ сотники, которые, по мнѣнію челобитчиковъ, поставлены на уряды неправильно. Первымъ подалъ о себѣ сказку Дмитрій Калачинскій, зять полковника: „Когда Мазепа на покойныхъ Кочубея и Искру гналъ, гналъ же и за тестемъ его; и домъ его Григорьемъ Гер-

цикомъ разоренъ, а его, Черняка, ѣдущаго въ войско, взяли компанейцы и, заклепавъ въ колодку, привезли подъ Кіевъ и отдали артилерному есаулу, и сидѣлъ за карауломъ, о чемъ вѣдаетъ литейный мастеръ Карпъ. Тогда жена полковника Черняка, увѣдавъ, что мужъ ея держится въ узахъ за карауломъ, посылала къ Мазепѣ сына своего Еремѣя и его, Дмитрія, въ Бѣлую Церковь просить о свободѣ его; и какъ они пріѣхали въ Кіевъ, и ихъ, не давъ свидѣться съ Чернякомъ, за карауломъ послали въ Бѣлую Церковь, гдѣ, по Мазепиному приказу, были посажены въ тюрьму и сидѣли пять дней,—о чемъ вѣдаютъ полковникъ Чернышъ и Матвѣй Буцкій, и угрожали ему, Дмитрію, пыткою, чтобы онъ объявилъ о пожиткахъ Кочубея, гдѣ они скрыты. Затѣмъ вмѣстѣ съ артиллеріею привезли въ Бѣлую Церковь и тестя его, Черняка, и всѣхъ ихъ; по принятіи Чернякомъ присяги, что онъ о пожиткахъ Кочубея тоже ничего не знаетъ, отпустили. Въ это время онъ часто видѣлся съ своимъ братомъ, а по отъѣздѣ домой и донынѣ онъ совершенно не знаетъ, гдѣ находится его братъ, и живъ ли онъ, такъ какъ писемъ отъ него не получалъ и самъ къ нему не писалъ. А какъ измѣнникъ Мазепа и бунчужный Мировичъ пріѣзжали въ Полтаву, тогда они были гонимы отъ Дороша, Красноперича и Михаила Руденка. Послѣ того тесть его Иванъ Чернякъ посланъ въ Крымъ и въ Сѣчу, гдѣ кошевой Костька, бивъ его нещадно, забивъ въ кандалы и оковавъ руки, отослалъ съ сотникомъ миргородскаго полка съ потоцкимъ къ Мазепѣ; а теща его съ сыномъ и съ нимъ, Дмитріемъ, и свойственники, оставивъ жилище и имѣніе свое въ Полтавѣ и въ Яворонцахъ, боясь сообщниковъ Мазепиныхъ, чтобы и надъ ними какого зла не учинили, съ позволенія князя Александра Волконскаго, уѣхали въ Нехворощу, оттуда въ Вольный, а изъ Вольнаго въ Харьковъ, гдѣ узнали, что Мазепа тестя его, полковника Черняка, въ Великихъ Будищахъ хочетъ казнить смертью. Тогда они били челомъ генералъ-фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю Меньшикову о вызволеніи его отъ смерти; его свѣтлость приказалъ объявить Герцичкѣ старой, чтобы она послала къ зяту своему Орлику и къ дѣтямъ своимъ, бывшимъ при измѣнникѣ Мазепѣ, съ предложеніемъ: ежели Чернякъ Ма-

зепою будетъ казненъ, то взаимно она, Герцичка, съ дѣтьми ея буґдутъ казнены, а потому старались бы они Черняка отъ казни вызволить. Герцичка, по приказу князя, написала къ Орлику и къ своимъ дѣтямъ письмо, которое онъ, Калачинскій, послалъ изъ Гайворонца съ шпигомъ къ Орлику; шпига шведы поймали и казнили, о чемъ старая Карамущиха съ дѣтьми своими свѣдома, а письмо было отдано Орлику, и по тому письму тесть его не казненъ. По отсылкѣ Герцичина письма, онъ, Калачинскій, возвратился въ Харьковъ, гдѣ и жилъ до полтавской викторіи; а ни въ какой измѣнѣ онъ не былъ".

Матвѣй Буцкой, сотникъ новосенджаровской, показалъ: „Когда Кочубей и Искра поѣхали къ великому государю доносить о Мазепиной измѣнѣ, тогда они были въ своемъ хуторѣ Коломацѣ. Дорошецъ, имѣя на нихъ злобу, послалъ дѣтей своихъ въ другой хуторъ ихъ Готовянской; тамъ они забрали ихъ пастуховъ и, бивъ, спрашивали, гдѣ находятся Буцкіе. Одинъ изъ пастуховъ ушелъ отъ Дорошанъ къ нимъ въ Коломакъ и объявилъ имъ, что ихъ хотятъ, забивши въ колодки, везти въ Полтаву въ тюрьму. Услыша объ опасности, онъ съ братомъ Григорьемъ ушли въ городъ Коломакъ и жили тамъ весь великій постъ; а въ великую субботу ночью въ Коломакъ пріѣхала, укрываясь, госпожа Искрина. Узнавши объ ея прибытіи въ Коломакъ, Григорій Герцикъ пріѣхалъ съ козаками и, забравъ ихъ, забилъ въ колодки и привезъ въ Полтаву; здѣсь, вмѣсто колодокъ, забилъ въ кандалы и отослалъ его въ Бѣлую Церковь къ Мазепѣ, а брата его въ Гадячъ въ тюрьму. Въ Бѣлой Церкви сидѣлъ онъ подъ карауломъ отъ Вознесенія до Воздвиженія, вмѣстѣ съ полковникомъ Чернышемъ и другими, а потомъ Мазепа послалъ его въ Быково и приказалъ Гамалѣю, чтобы, наказавши жестоко, изъ подъ караула отпустилъ его. Чрезъ нѣсколько дней его и брата его Григорья изъ гадяцкой тюрьмы освободили и по ихъ прошенію Мазепа далъ имъ листъ объ освобожденіи ихъ женъ и объ отдачѣ пожитковъ, съ каковымъ листомъ они пріѣхали въ Полтаву. На той же недѣлѣ, какъ они пріѣхали въ Полтаву, сдѣлался въ Полтавѣ бунтъ изъ за грамотъ царскаго величества, что онѣ не были читаны въ радѣ, при чемъ былъ убитъ полтавскій писарь Лозинской.

По усмиреніи бунта, Дорошъ и Красноперичъ, считая ихъ, Буцкихъ, подстрекателями къ убійству Лозинскаго, приказали посадить ихъ въ ратушу, гдѣ они сидѣли день, а затѣмъ по просьбѣ ихъ женъ полтавскій полковникъ ихъ освободилъ. Тесть его, узнавши, что онъ опять взятъ подъ караулъ, взялъ его жену и дѣтей и отвезъ въ Новосенджаровъ; а они, Буцкіе, съ полковникомъ Чернякомъ поѣхали къ царскому величеству въ Лебединъ, откуда Чернякъ былъ посланъ въ Крымъ. О всѣхъ его бѣдствіяхъ вѣдаетъ бывшій тогда въ Полтавѣ командиромъ князь Волконской, который совѣтовалъ ему изъ Полтавы куда нибудь удалиться, только не въ противную его царскому величеству сторону, такъ какъ Дорошъ, Красноперичъ и Руденокъ говорили: „пока они всѣхъ Кочубейскихъ свойственниковъ и ихъ совѣтниковъ не перевѣшаютъ, дотолѣ въ дѣлѣ ихъ не будетъ имъ свободы“. По совѣту князя Волконскаго, братъ его съ дочерью Черняка ушелъ въ Нехворощъ, а онъ къ своей женѣ и дѣтямъ въ Новосанджаровъ, и хотя очень желалъ переѣхать въ Нехворощъ, но по причинѣ великой весенней воды черезъ Ворсклъ переправиться не могъ и принужденъ былъ остаться въ Новосанджаровѣ почти до баталіи. Тутъ ихъ застали запорожцы, отъ которыхъ онъ съ тестемъ своимъ, съ женою и съ дѣтьми, по случаю слабаго присмотра, уѣхалъ въ миргородской полкъ къ Потоку, и стояли за Псломъ; а какъ услыхали про гетмана и князя Долгорукаго, что они гонятся за шведами, то явились къ гетману и къ Долгорукому и просили себѣ у гетмана охранительнаго указа, который имъ и былъ выданъ. Съ нимъ они пріѣхали въ Омельникъ. Въ бытность свою въ Сенджаровѣ, онъ не имѣлъ никакого уряда и жилъ въ рядовыхъ товарищахъ. Когда запорожцы пришли въ Новосанджаровъ и кошевой Костька сталъ на квартирѣ у тестя его, то узнавши, что онъ, Матвѣй, свой Кочубею, призвалъ его и спросилъ: „онъ ли былъ за карауломъ за Кочубея?“ „Я“. „Ты ему родичъ доводишься?“ „Родичъ“. Кошевой продолжалъ: „былъ у насъ въ Сѣчи Иванъ Жуковъ, внукъ, да добро, что ушелъ!“ А больше того ничего не говорилъ. Потомъ пріѣзжалъ въ Новосенжаровъ Мазепинъ бунчужный Ѳедоръ Мировичъ; изъ Новосенжарова Мировичъ вмѣстѣ съ кошевымъ поѣхалъ къ Мазепѣ

въ Великое Будище и захватилъ его и бывшаго новосенжаровскаго сотника Романа. За карауломъ ихъ не держали, а только подъ крѣпкимъ надзоромъ, и чрезъ нѣсколько недѣль съ кошевымъ возвратились въ Новосенжаровъ.

Это показаніе Матвѣя Буцкаго засвидѣтельствовали и подписали бывшій сотникъ новосенжаровскій Яковъ Мелещенко съ товарищами, восемь человѣкъ.

По окончаніи допроса сотниковъ, полковникъ Чернякъ далъ свое объясненіе относительно будто бы неправильнаго назначенія указанныхъ сотниковъ на уряды, помимо болѣе достойныхъ. Онъ указалъ на то, что доселѣ никто изъ старшины полтавскаго полка не указывалъ ему на неправильный выборъ сотниковъ; съ другой стороны въ полку такъ мало осталось старшины, которые бы не измѣнили государю, что онъ не имѣлъ никакой возможности выбирать на уряды исключительно вѣрныхъ людей; такъ, ему пришлось по нуждѣ вручить хорунжество Михаилу Руденку, который теперь, вмѣстѣ съ Кованькомъ, на него челобитчикъ, а между тѣмъ во время измѣны возилъ грамоты великаго государя къ Мазепѣ и за то получалъ отъ него награды, и когда узналъ, что Мазепа измѣнилъ, въ Великихъ Будищахъ ограбилъ до нага великороссійскихъ людей и еслибъ бывшій сотникъ Максимъ Левченко не выслалъ ночью людей въ Опошню, то онъ ихъ перебилъ бы.

Послѣ розыска по общимъ пунктамъ челобитной, генеральный есаулъ Бутовичъ приступилъ къ разбору жалобъ отдѣльныхъ лицъ. На жалобы давалъ отвѣты или самъ полковникъ, или полтавская полковая старшина, смотря по тому, на чье рѣшеніе приносится жалоба; въ заключеніе по каждой жалобѣ Бутовичъ ставилъ свое опредѣленіе. Хотя этихъ жалобъ приведено въ дѣлѣ слишкомъ много, но онѣ такъ ярко освѣщаютъ бытъ того времени, что было бы грѣхомъ не привести ихъ, тѣмъ болѣе, что бытовая исторія Малороссіи XVIII ст. далеко не разработана.

Иванъ Шило, товарищъ сотни полковой, билъ челомъ на полковника въ порубкѣ его лѣса на свое мельничное и хоромное строеніе; въ лѣсу этомъ были доли и его братьевъ. Полковникъ отвѣчалъ, что велѣлъ Шиловъ лѣсъ рубить за его прелюбодѣяніе,

за что съ вѣдома митрополита кіевскаго, по правиламъ св. отецъ и по артикуламъ правнымъ (какъ въ книгѣ мѣской ратуши полтавской написано) присужденъ былъ къ смертной казни, но, по ходатайству духовенства, бывшаго на томъ судѣ, отъ казни освобожденъ, а за вину указано вырубить его лѣсъ, при чемъ срублены и братнія части. Но въ вознагражденіе братьевъ Шила за вырубленный лѣсъ изъ мѣскаго уряду велѣно отвести имъ нерубленный лѣсъ, а опустошенное мѣсто оставить Ивану.

Леско Мищенко, житель полтавскій, жаловался на полковника за взятье двадцати четырехъ ульевъ пчелъ за то, что будто у него чужой улей опознали, чего по розыску не явилось. Полковникъ отвѣчалъ, что три улья пчелъ, по приказу гетманскому, вслѣдствіе челобитья Мищенка, онъ уже возвратилъ, а двадцать одинъ улей отдастъ весною, на что и обликъ Мищенку своею рукою написалъ.

Петръ Кушнеръ, житель тахтауловскій, билъ челомъ на полковника за взятый лѣсъ, да на бывшаго великобудинскаго сотника Калачинскаго и бывшаго атамана тахтауловскаго Константина въ двухъ коровахъ, въ двухъ свиньяхъ и въ двухъ плугахъ желѣза. На это челобитье полтавская полковая старшина дали отвѣтъ, что жена его, Кушнеренкова, приличилась въ чародѣяніи и хотѣла зятя своего Грицка Рѣзниченка съ его женою отравить; также чинила и другія чародѣйства, въ чемъ сама сознялась и записано въ книгахъ мѣскихъ, за ту вину вышеписанное и забрано.

Юрій Панченко, бывшій козакъ рѣшетиловской сотни, а теперь самовластно перешедшій въ подданство къ госпожѣ Искриной, въ село Демидовку, жаловался о забраніи лѣса, лужка сѣножати, поля пахотнаго и рухомостей нѣкоторыхъ на полковника. Въ отвѣтъ полковникъ представилъ письмо, составленное на рѣшетиловскомъ урядѣ, въ которомъ написано, что какой то Миронъ Корноушенко, укравши неводъ на хуторѣ на Гоутвѣ, принесъ его къ Панченку; разрѣзавши неводъ на волоки, они украдомъ ловили рыбу въ озерахъ госпожи Искриной, въ чемъ Панченка рѣшитиловскій урядъ и обвинилъ. А когда прислали взять у него на полковника пчелъ, то нашли въ погребѣ два

краденыхъ улья, одинъ подъ клеймомъ Родька Слюсаренка, а другой Матвѣя Сененка; за двукратное злодѣйство означенную худобу онъ и побралъ.

Степанъ Бутовичъ опредѣлилъ: лѣсъ, поле, и сѣножати возвратить.

Агрипина Баришка бывшая сотничка уманьская, била челомъ на полковника о лу́кѣ покойнаго мужа своего, который она дала полковнику за то, чтобъ освободилъ ея мужа своею инстанціею изъ подъ караула въ Кіевѣ; однако жъ мужа ея онъ не освободилъ. Полковникъ отвѣчалъ, что дала ему тотъ лукъ по своей доброй волѣ; однако жъ, указу региментарскому довольство чиня, лукъ возвратилъ и квитанцію съ нея взялъ.

Ярема Безрученко билъ челомъ на полковника за порубку въ его лѣсу полутораста деревьевъ на городовое строеніе, изъ которыхъ пятьдесятъ, по пропорціи своего грунта, уступаетъ, а за сто требуетъ денегъ, такъ какъ его этимъ противъ иныхъ обидѣли. Опредѣлено: Наказано именемъ региментарскимъ, дабы за сто деревьевъ заплатили съ города.

Миронъ Рябуха, житель старосанджаровскій, билъ челомъ, что якобы полковникъ велѣлъ у него товарищу сотни новосанджаровской Моклякову, когда онъ шелъ изъ Вольнаго, худобу всю забрать. На это обвиненіе отвѣчалъ полковой судья Кованько: когда Вольный съ Плякою забунтовали и присоединились къ противной сторонѣ, въ то время и онъ, Рябуха, показалъ знатную непріязнь противъ царскихъ людей и чинилъ поиски; когда же жители Вольнаго, видя свою не силу, склонилися къ царскому величеству и пошли въ города, тогда и онъ, Рябуха, прибравъ свою компанію, шелъ отъ полка поодаль назади, гдѣ его Моклякъ и ограбилъ.

Лукьянъ Кондратенко жаловался на полковника за взятую пару воловъ; а вина его была такая: заставши въ саду своего зятя человѣка, крашаго яблоки, онъ не отвелъ его ни къ какому уряду. Полковникъ отвѣчалъ: „я не знаю, за какой его проступокъ старшина мнѣ прислали пару воловъ“. Опредѣлено: волы возвратить.

Гарасимъ Коваленко жаловался на полковника и старшину старосанджаровскую о забраніи всей его худобы за то, что, поймавъ въ просѣ своемъ двухъ поросятъ и везя ихъ на возу связанныхъ, одного удушилъ. Опредѣлено: когда неправедно худобу побрали, такъ дабы все отъ мала до велика возвратили.

Матвѣй Бражниченко, товарищъ сотни бѣлицкой, билъ челомъ на полковника въ осьмнадцати штукахъ товара, который онъ взялъ у запорожцевъ. Опредѣлено: полковнику взятый товаръ возвратить челобитчику или удовольствовать деньгами, что за оный надлежитъ.

Гарасимъ Марченко, житель диканскій, билъ челомъ на полковника о завладѣніи власнымъ его лѣсомъ, находящимся подъ Диканькою, которымъ въ настоящее время владѣетъ его зять, Дмитрій Калачинскій. На это челобитье полковникъ и старшина полтавская представили декретъ изъ черныхъ мѣскихъ книгъ, которымъ челобитчикъ за любодѣяніе былъ присужденъ къ лишенію грунта. Опредѣлено: сему отказано.

Иванъ Лукомскій, козакъ сотни полковой полтавской, принесъ жалобу на полковника, что безъ всякой причины далъ ему передъ ратушей кіевъ тридцать. Полковникъ отвѣчалъ, что челобитчикъ наказанъ за неявку въ теченіе трехъ дней къ нему съ отвѣтомъ гетмана.

Петро Слюсаренко, житель новосанджаровской, билъ челомъ на полковника, что безвинно забралъ худобу его, выставивъ такую причину: сестра его, покинутая мужемъ, о которомъ она не имѣла извѣстія семь лѣтъ, считая его погибшимъ, вышла замужъ за другаго, а когда первый мужъ вернулся, полковникъ обвинилъ, будто онъ зналъ, что его зять живъ. Опредѣлено: понеже на него, Слюсаренка, то не довелося, чтобъ онъ былъ о своемъ зятѣ свѣдомъ, первомъ сестры своей мужѣ, того ради забранную худобу возвратити.

Иванъ Рябуха принесъ жалобу на полковника за пару воловъ, взятыхъ за то, что якобы онъ ухоронилъ у себя краденую свинью. Полковникъ отвѣчалъ, что еще до прибытія своего изъ Глухова велѣлъ воловъ возвратить.

Лаврінъ Киселенко съ братьями, жители цариченскіе, жалобу принесли на полковника о забраніи двухсотъ овецъ и 30 талеровъ денегъ. Полковникъ отвѣчалъ, что отобралъ овецъ у челобитчика за прелюбодѣяніе и частію подѣлился со старшиною, а Руденку, полковому хорунжему, досталось, семьдесятъ золотыхъ.

Билъ челомъ Иванъ Кгвонтаренко на полковника о взятіи: двухъ червоныхъ золотыхъ, денегъ 5 р. 6 алт. 4 д., пары лошадей, пары воловъ, кафтана французскаго тонкаго съ серебрянымъ шнуромъ, двухъ локтей лудану, пятидесяти овецъ, сѣдла добраго, куѳы жита, куѳы проса, двухъ мѣховъ соли, двухъ шапошныхъ вершковъ, рубк.. одного. Опредѣлено: такъ какъ дѣло это рѣшено войсковымъ генеральнымъ судомъ въ Глуховѣ и декретомъ суда ему въ возвращеніи худобы отказано, то Лихваренко повиненъ ему, Кгвонтаренку, заплатить, что указано въ ономъ декретѣ.

Билъ челомъ Иванъ Разнокалеченко, житель облянскій, на полковника, что онъ взялъ у него каменное мливо, стоявшее на рѣкѣ Орели, за то, что братъ его Василій Разнокалеченко во время шведскаго смятенія, будучи въ противной сторонѣ, часто прихаживалъ къ нему, а онъ полковнику не объявлялъ. Опредѣлено: разсуждая о семъ, что онъ, Василій Разнокалеченко, и прихаживалъ къ женѣ своей въ Орель, и у брата бывалъ, однако къ брату онъ приходилъ съ намѣреніемъ, прося его объявить полковнику, что онъ желаетъ обратиться по прежнему къ сторонѣ царскаго величества; а поѣхавши отъ брата своего, жилъ три дня въ старомъ Санджаровѣ съ Бычкомъ и оттуда посылалъ о томъ же листъ къ отцу Іоанну Святоспасскому полтавскому, но о. Іоаннъ не скоро тотъ листъ полковнику объявилъ, а тѣмъ временемъ они, убоявшись, ушли по прежнему въ противную сторону; а потому отецъ Іоаннъ долженъ заплатить ему, Василью, сорокъ золотыхъ, а полковникъ также долженъ возвратить сорокъ золотыхъ и тѣмъ дѣло окончить.

Панко, житель тахтауловскій, билъ челомъ на полковника о забраніи избы, луки, нивы, саду и двадцати возовъ яблоковъ. На это челобитье полковникъ представилъ свидѣтелей, жителей тахтауловскихъ, которые по совѣсти сказали, что тесть Пан-

ковъ во время шведской войны, будучи при шведахъ въ измѣнѣ, сказалъ шведамъ про казанъ полковничій, затопленный въ прудѣ, который шведы, вытащивши изъ пруда, изрубили. Опредѣлено: худобы его возвращать не велѣно.

Ильчиха баба, жителка старосанджаровская, била челомъ на полковника, что лошадь у нея взялъ. Опредѣлено: во свидѣтельство сему подана инквизиція, выведенная на старосанджаровскомъ урядѣ, записанная и въ мѣскія книги, что Ильчиха, будучи на крестинахъ у Игнатихи, украла у спящей Романихи изъ кармана 13 алт. 2 ден.; и того ради сей бабѣ отказано.

Грицко Скрипиченко, житель старосенджаровскій, билъ челомъ на полковника, что покрадено у него восемь воловъ, и воры пойманы, и въ Полтавѣ сидѣли въ секвестрѣ, но полковникъ, взявъ съ нихъ худобы золотыхъ на сто, ихъ отпустилъ, а ему награжденія не учинилъ. Полковникъ отвѣчалъ, что съ виновныхъ взялъ за вину, а воры и нынѣ въ лицахъ; вольно ему, Скрипиченку, чего хочетъ на нихъ искать.

Моисей Лебедь и Демьянъ Сѣвериненко, жители китаегородскіе, жалобу принесли на полковника за взятіе бочки рыбы, въ которой было половина короповъ, а половина сомовъ. Полковникъ отвѣчалъ, что онъ того не помнитъ; а если взята, то потому, что за заповѣдью ходили за рыбой туда, куда не позволяютъ.

Тринадцать человѣкъ бѣличанъ били челомъ, что дѣти ихъ украли въ войскѣ семь овецъ, за что съ нихъ тамошняя старшина взяли со всякаго по пяти рублей, а у одного двадцать талеровъ, хотя вина ихъ очень неважная, потому что покрали овецъ будучи въ военномъ походѣ. Опредѣлено: приказано тамошней старшинѣ семьдесятъ талеровъ отдать.

Попадья старосанджаровская била челомъ на полковника, что взялъ у нея 200 золотыхъ за то, что Марко Бычко, пріѣхавши въ Старый Санджаровъ съ противной стороны, навѣщалъ ея больнаго мужа, священника. Полковникъ отвѣчалъ, что есть гетманскій указъ, по которому таковымъ велѣно чинить наказаніе.

Съ козаковъ полтавскаго полка, кобыляцкихъ и кишенскихъ жителей, которые ходили въ луга и въ полевыя рѣчки для звѣ-

риной и рыбной ловли, съ 73 человѣкъ, да своего полка за такую жъ вину съ 50 чел. взялъ полковникъ по 5 золотыхъ, итого 123 рубля. Полковникъ отвѣчалъ, что большую часть этихъ денегъ издержалъ на вырытіе колодца въ Полтавѣ, есаулу далъ 10 талеровъ да писарю три рубля, а осташіяся удержалъ у себя до указу.

По разборѣ частныхъ жалобъ, Бутовичъ приступилъ къ разбору челобитенъ отъ жителей всѣхъ городовъ полтавскаго полка. Всѣ челобитныя сводятся къ двумъ группамъ: жители городовъ Старосенджарова, Новосенджарова, Бѣлика, Кобелякъ, Соколки, Кереберди, Переволочни, Кишенки, Орели, Китай-городка, Нехворощи жаловались на полковника, что онъ раздавалъ вино свое въ шинки по два талера за ведро, хотя оно больше одного талера не стоитъ, потому что очень плохое. Всего полковникомъ было роздано въ полтавскомъ полку своего вина на продажу 290 куѳъ; а такъ какъ каждая куѳа и съ провозомъ стоитъ 18 рублей, а полковникъ накладывалъ на куѳу по 22 р., то отъ каждой куѳы получалъ прибыли по 4 рубля, а всего 1160 руб.; жители тѣхъ же городовъ жаловались, что полковникъ ежегодно выгоняетъ ихъ для гаченія его гребель и для перевозки матеріаловъ на постройку его мельницъ.

Разсмотрѣніемъ этихъ жалобъ производство дѣла и окончилось. Но оказалось, что за Чернякомъ еще есть грѣшокъ: онъ растратилъ или присвоилъ себѣ деньги, собранныя съ сотенъ полтавскаго полка во время полтавской осады на покупку селитры. Дознаніе объ этомъ послѣднемъ преступленіи произвелъ по гетманскому приказу полтавскій полковой хорунжій Иванъ Кгаевскій. 1-го декабря 1714 года, и въ результатѣ оказалось, что въ Полтавѣ было собрано 30 тал., въ старосенджаровской сотнѣ 100 зол., въ новосенджаровской 100 зол., съ бѣлицкой 3 руб. 20 алт., съ кобыляцкой 160 зол., съ соколянской 50 зол., съ кишенской 70 зол., съ переволоченской 50 зол., съ керебердянской 100 зол., съ нехворощенской 4 руб., съ мояцкой 24 зол., съ цариченской 120 зол., съ китаегородской 40 зол. да 40 тал., съ орлянской 20 тал., съ велико-будянской 140 зол., съ сотни полковой Якова Черняка 50 зол. и полвосемь шаговъ, съ сотни

полковой Дмитрія Самарскаго 100 зол. Всего 259 руб. 18 алт., 2 деньги, считая талеръ по 20 алт., золотой по 6 алт. по 4 ден., шагъ по 4 деньги.

Въ такомъ видѣ дѣло было переслано гетманомъ канцлеру графу Головкину въ Петербургъ, гдѣ, по обсужденіи его въ иностранной коллегіи и по докладѣ государю, состоялся слѣдующій указъ: „1715 г. марта въ 31-й д. великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ послать свою царскаго величества грамоту къ гетману Ивану Ильичу Скоропадскому и къ стольнику Ѳедору Протасьеву: писать и велѣть полковнику полтавскому Ивану Черняку, въ присутствіи генеральной старшины и другихъ полковъ полковниковъ, сказать его царскаго величества именной указъ, что, по доношенію и по челобитью полтавскаго полку судьи Петра Кованка и иныхъ полковой старшины, и козаковъ, и посполитыхъ людей, за его, полковника Черняка, къ нимъ, полтавскаго полку козакамъ и посполитымъ людемъ, учиненные налоги, обиды и взятки, какъ онъ, полковникъ Чернякъ, самъ въ отвѣтѣ своемъ сказалъ, что накладывалъ на нихъ куѳами вино свое и отъ того многую прибыль себѣ получилъ, козаковъ не только на своихъ гребляхъ, но и свойственниковъ своихъ въ работу употреблялъ; также особливо съ нѣкоторыхъ козаковъ и посполитыхъ людей бралъ взятки, отбиралъ лѣса и иныя обиды имъ учинилъ, въ которыхъ онъ, полковникъ, самъ признался, а о другихъ по розыску есаула генеральнаго Стефана Бутовича явилось, и что онъ, полковникъ, нѣчто изъ того взятаго обидимымъ и возвратилъ, а иное велѣно возвратить;—надлежало было его, полковника, отъ того уряду отставить. Однако жъ его царское величество, напомня его, Ивана Черняка, вѣрность, что во время измѣны Мазепиной былъ въ вѣрности и по прелести его Мазепиной къ нему не приставалъ; и посланъ онъ былъ въ Крымъ и въ Сѣчу запорожскую, и тамо отъ вора кошеваго Костьки былъ пойманъ, вязанъ, битъ и къ Мазепѣ отвезенъ и до счастливой баталіи полтавской держанъ,—пожаловалъ его, Черняка, велѣлъ ему то все вышеписанное, что онъ въ полтавскомъ полку къ тягости козаковъ и посполитаго народа чинилъ,

отпустить и быть въ томъ полку по прежнему полковникомъ, но съ такимъ опредѣленіемъ, что ему, будучи впредь во томъ полку полковникомъ, отнюдь того не чинить, а именно: вина своего на полкъ не накладывать, на работы свои козаковъ не употреблять, приметокъ и тягостей какъ козакамъ, такъ и посполитымъ людемъ не чинить и взятковъ неправедныхъ отнюдь не брать, въ полковые уряды и въ сотники по своей волѣ не обирать и не учреждать, но съ общей рады и совѣту съ полковою старшиною и съ сотниками назначивать къ тѣмъ урядомъ изъ людей заслуженныхъ и не подозрительныхъ въ вѣрности, и, выбравъ, отсылать къ господину гетману, какъ о томъ недавно въ его царскаго величества грамотѣ, а именно, сего жъ году генваря въ 22 д. посланной и во всемъ малороссійскомъ краю публикованной, изображено; и отставленныхъ сотниковъ: будищенскаго, нехворощанскаго, новосенжаровскаго и переволоченскаго ни въ какіе уряды въ томъ полтавскомъ полку не допускать. А на судью полковаго, Кованка, и на прочихъ старшину полковую за ихъ на него, полковника Черняка, доношеніе, также и которые козаки и посполитые въ сыску на него что объявили, и доказали, ему, полковнику Ивану Черняку, не мстить и отъ урядовъ ихъ безъ указу его царскаго величества и безъ вѣдома гетманскаго не отставливать, и никакого имъ наказанія ни за что, не описався съ господиномъ гетманомъ, не учинить и рядовымъ никакой тягости и обиды не показать. И въ томъ во всемъ взять у него, полковника, письмо за его рукою, что онъ такой его царскаго величества указъ вѣдаетъ и исполнять по оному обѣщаетъ. Буде жъ, паче чаянія, онъ, Иванъ Чернякъ, будучи впредь полковникомъ, дерзнетъ то чинить, и хотя въ маломъ чемъ вышеписанномъ по сыску сыщется виновенъ и сего указа преслушенъ, и за то конечно уже не токмо отъ уряду полковничества будетъ отлученъ, но въ томъ и истязанъ. И о семъ вышеписанномъ, како царское величество, милосердуя о своихъ подданныхъ малороссійскаго народа людѣхъ, изволяетъ при ихъ вольностяхъ содержать, и дабы отъ полковника Черняка полтавскаго полку козакомъ и посполитому народу отнюдь ни въ чемъ никакой тягости и обидъ не было, объявить въ Полтавѣ, со-

звавъ всю старшину и козаковъ и посполитыхъ людей; и для того объявленія послать въ Полтаву нарочно изъ Глухова одного изъ подполковниковъ или изъ маіоровъ и одного кого изъ гетманскихъ, и велѣть имъ при собраніи всей старшины и прочихъ прочитать всѣмъ вслухъ копію съ посланной его царскаго величества грамоты, дабы они сіе его царскаго величества милостивое объ ихъ пользѣ попеченіе вѣдали. И притомъ такожде объявить, что ежели онъ, полковникъ Чернякъ, впредь будетъ имъ какія налоги, обиды и взятки чинить, и они бъ приносили на него челобитье гетману, также и объявляли стольнику Ѳедору Протасьеву, которые его царскаго величества указъ имѣютъ въ томъ имъ чинить справедливость.

Доношеніе козака Данилы Кондака на него жъ полковника Черняка, такожде его царское величество изволилъ уничтожить за его прежнюю вѣрность, и что тотъ козакъ объявилъ о томъ пропустя многое время; и того доносителя козака велѣть господину гетману перевесть въ иной который полкъ, давъ ему гдѣ грунтъ земли, ибо уже ему подъ командою того полковника быть не пристойно. Графъ Г. Головкинъ. Баронъ Петръ Шафировъ. Петръ Толстой".

Соотвѣтственно этому указу къ гетману была послана государева грамота 6-го апрѣля 1715 г., писанная на александрійскомъ листѣ и запечатанная малороссійскою печатью съ кустодіею гладкою, а къ стольнику Ѳедору Протасьеву—списокъ съ нея.

Такъ опять пустили щуку въ рѣку—ловить карасей!

А. Востоковъ.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

72.

Къ исторіи развитія понятій народа о нравственномъ значеніи кумовства.

Въ народной словесности обнаруживаются съ одной стороны слишкомъ свободныя отношенія между кумомъ и кумой, переходящія въ половую связь, съ другой стороны самыя строгія требованія морали, устанавливающія близкое родство по кумовству. По мнѣнію Мена, фикція родства по кумовству выражаетъ одинъ изъ древнѣйшихъ пріемовъ установленія искусственнаго родства (*Менъ*, Древ. обыч. 168). По моему мнѣнію, родство по кумовству, или у́же и потому точнѣе, установленіе строгихъ нравственныхъ отношеній кума къ кумѣ составляетъ крупный шагъ народной морали впередъ, выражаетъ прогрессъ нравственнаго чувства, обусловленный преимущественно христіанствомъ. Народно-поэтическіе мотивы о разгульныхъ и развратныхъ кумовьяхъ выражаютъ то, что было въ народной жизни въ старину, что и теперь часто встрѣчается въ бытовой жизни, а народно-поэтическіе мотивы, поставляющіе въ обязанность куму и кумѣ строго нравственныя отношенія, выражаютъ одинъ изъ простонародныхъ идеаловъ нравственной жизни, то, что должно быть.

Мотивъ: „кумъ пьетъ съ кумой“ — обнаруживается уже въ старинныхъ пѣсняхъ. Такъ, въ думѣ про Нечая XVII в. „молодый козакъ Нечай зъ кумою Хмельницкою медъ—вино кружае“ (*Головацкій*.

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 9, сентябрь.

I, 8); „пишовъ до кумонькы звинокъ рыбы зъисты и съ кумою зъ любою медъ—вино кружае“ (*Антоновичъ и Драгомановъ*, II, 58). Въ весьма распространенной пѣснѣ кумъ проситъ куму: „звары мени судака, щобъ и юшка була; и юшечка, и петрушечка; ты жъ моя кума люба, кума душечка“ (*Чубинскій*, V. 1159). Здѣсь, какъ во многихъ другихъ пѣсняхъ, присутствіе рыбы иносказательно говоритъ, что отношенія кума къ кумѣ зашли далѣе простаго знакомства. Въ свадебной пѣснѣ, записанной въ сѣдлецкой губерніи, непозволительно близкое отношеніе кума къ кумѣ обрисовано въ другой иносказательной формѣ, заимствованной отъ пѣсенъ о связи брата съ сестрою: „Пошовъ кумъ горою, кума долыною; зацвивъ кумъ рожею, кума калыною“. (*Янчукъ*, Малор. свад. 37). Съ наибольшей подробностью кумовской развратъ очерченъ въ галицко-русскихъ пѣсняхъ. Въ одной пѣснѣ кумъ проситъ куму сначала отпить изъ рюмки, потомъ выпить до половины, наконецъ, до дна рюмки:

Ажъ до денця, кумко,
Ажъ до денця, любко,
Ажъ до денця, кумасенько,
Сывая голубко... (*Kolb.*, Pokucie II. 236).

Въ другой пѣснѣ жена жалуется, что мужъ послалъ ее на огородъ садить фасолю, а самъ пошелъ къ кумѣ въ корчму; она идетъ въ корчму и обращается къ своей соперницѣ съ просьбой:

Кумко моя, любко моя,
Любе закохання,
Не любы мого чоловика,
Не псуй ми мѣшканья.

Кума высокомѣрно отвѣчаетъ:

Хыба бысь ми кумко-любко
Красно попросыла,
Тобымъ твого чоловика
Любыты лышыла.
А якъ мене, кумко-любко,
Будешъ проклынаты;
Мы се будемъ такъ любыты,
Що не будешъ знаты (ib. 232).

Въ варіантѣ этой пѣсни жена видитъ въ корчмѣ, какъ заигрываетъ ея мужъ съ кумой. Любовники приказываютъ ей сварить

вечерю, что она послушно исполняетъ; мужъ приводитъ куму домой, вечеряетъ съ ней и ведетъ ее на постель, приготовленную женою. Жена исполнила всѣ приказанія наглыхъ любовниковъ; но затѣмъ она побѣжала къ войту съ жалобой на мужа: „пане—війту, начальныку, дай же мыни раду, бо я зъ своимъ чоловикомъ на вики пропаду".

Ой прыйшовъ війтъ изъ прысижнымъ,
Сталы на порози,
Закували кума зъ кумовъ
Та за оби нози.
Та якъ же ихъ закувалы,
Въ фурдыгу замкнулы,
Та шоби си кума зъ кумомъ
Въ купи си набулы... (ib. 233).

Нестроенія въ семейной жизни, проистекавшія отъ вторженія въ нее развратнаго кумовства, давно уже повели къ строгому осужденію такого кумовства, тѣмъ болѣе, что тутъ примѣшалось возрѣніе, что пребываніе кума и кумы въ церкви, при введеніи новорожденнаго въ общество христіанъ, при таинствѣ крещенія, ставитъ ихъ въ духовное родство. Отсюда въ стихѣ о Правдѣ и Кривдѣ, вошедшемъ въ старинный духовный стихъ про Голубиную книгу, въ число грѣховъ, искупленіе которыхъ требуетъ „тяжкаго покаянія", вошелъ тотъ грѣхъ, „кто блудъ блудитъ съ кумою крестовою" (*Калѣки перехожіе* § 81). Въ Малороссіи говорятъ, что „кумъ зъ кумою повынни житы, якъ зъ ридною сестрою" (*Номисъ*, Приказки № 9,492). Это мнѣніе установились на Украинѣ уже въ старину. Въ поддержку ему въ XVIII ст. былъ выдвинутъ дьяволъ, какъ орудіе наказанія за нарушеніе кумовскаго родства. Въ южнорусской картинѣ страшнаго суда, находящейся въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, пріурочиваемой хронологически къ XVIII в. между разными оригинальными грѣшниками оказываются кумъ и кума. Они сидятъ на телѣжкѣ, которую везетъ дьяволъ; у кума въ рукахъ фляжка; у кумы рюмка (*Покровскій*, въ III т. Труд. VI арх. съѣзда, 327). Этотъ мотивъ разработанъ въ многочисленныхъ народныхъ сказкахъ о человѣкѣ, запроданномъ чорту, и адскомъ ложѣ, или о чортовомъ сынѣ и кровати чортоваго кума (*Драгомановъ*, Мал. нар. пред., 50, 56, 57, 406). Наиболѣе

подробный варіантъ, напечатанный въ *Пантеонѣ* 1888 г. (кн. IX 13—16) подъ заглавіемъ „Кумова кровать", представляетъ въ то же время наиболѣе рѣзкое осужденіе половой связи кума съ кумой. Малороссъ продалъ чорту своего сына во время его малолѣтства. Когда сынъ выросъ, то первой его заботой было возвратить отцовскую росписку. Представители высшей духовной іерархіи оказываются несостоятельными оказать ему непосредственную помощь въ данномъ дѣлѣ. Юноша идетъ къ священнику, а отъ него къ пустыннику и, по совѣту послѣдняго, наконецъ къ куму сатаны, прижившему съ своей кумой троихъ дѣтей. Послѣдній идетъ къ своему куму сатанѣ, или Ироду и возвращаетъ юношѣ росписку. Кумъ сатаны, устрашенный видомъ приготовленной для него въ аду огненной кровати, въ свою очередь просилъ юношу за оказанную услугу спасти его душу. Юноша обращается за совѣтомъ къ пустыннику, и послѣдній говоритъ, что кумъ для спасенія души долженъ сжечь на кострѣ жену и дѣтей, а потомъ сдѣлать большую насыпь, засадить ее колючими кустарниками и пролѣзть черезъ нихъ три раза. Кумъ сатаны выполняетъ возложенные на него подвиги и спасаетъ свою душу, а невѣрящаго тому пустынника постигаетъ смерть.

Подъ вліяніемъ библейскаго сказанія о Содомѣ и Гоморѣ возникло простонародное повѣрье, что озера и пруды произошли, большею частью, отъ сдѣланнаго на томъ мѣстѣ преступленія. Въ полтавской губ. переяслав. у. вблизи мѣстечка Борисполя есть на полѣ озеро съ крутыми берегами, извѣстное подъ именемъ „Кумынои Долыны". Озеро это будто бы произошло отъ того, что на этомъ мѣстѣ кумъ съ кумою, неся въ другое селеніе крестить дитя, совершили прелюбодѣяніе. На томъ озерѣ и теперь, говорятъ, всегда плаваетъ пара дикихъ утокъ, убить которыхъ никто не рѣшается. (*Чубинскій*. I, 40).

Установленіемъ родства по кумовству обусловленъ обычай наборскихъ русскихъ (въ Галиціи) куму выбирать свахой (*Науков. Сборн.* 1865, стр. 138).

Южные славяне связь кума съ кумой считаютъ такъ же преступной, какъ связь брата съ сестрой, и говорятъ, что такая связь жестоко наказывается небомъ (*Янчукъ*, Малор. свад. 104).

73.

Кувада.

Кувадой принято называть то проявленіе низкаго умственнаго состоянія, когда отрицается физическое раздѣленіе индивидуумовъ, именно, когда между отцомъ и дѣтьми его, уже послѣ ихъ рожденія, признается физическая связь. У многихъ нецивилизованныхъ и даже у нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ существуетъ вѣрованіе, что дѣйствія отца и пища, которую онъ употребляетъ, оказываютъ вліяніе на ребенка до и послѣ его рожденія. Когда у караибовъ родится ребенокъ, мать вскорѣ принимается за свои занятія; отецъ же начинаетъ охать, ложится въ постель, и его навѣщаютъ какъ больнаго; въ продолженіи мѣсяца онъ выдерживаетъ діету. Когда жена абипонца родитъ ребенка, мужъ ея ложится въ постель, укутывается циновками и кожами, чтобы не пахнуло на него вреднымъ вѣтромъ, и соблюдаетъ постъ. Кувада встрѣчается въ Америкѣ, Африкѣ, въ восточной Азіи. Въ Европѣ обычай этотъ можно прослѣдить отъ древнихъ и до новѣйшихъ временъ въ мѣстахъ у Пиринейскихъ горъ. Страбонъ говоритъ, что у иберійцевъ, жившихъ въ сѣверной Испаніи, женщины послѣ родовъ „кладутъ вмѣсто себя въ постель своихъ мужей и ухаживаютъ за ними“. Этотъ разсказъ подтверждается существованіемъ этого обычая у басковъ, въ Бискаіи и въ Наваррѣ; и нынѣ, какъ говорятъ, обычай этотъ существуетъ въ Беарнскихъ кантонахъ, гдѣ онъ называется „faire la couvade“, т. е. высиживать (*Тэйлоръ*, Доистор. бытъ, 393—405; *Леббокъ*, Нач. цивилиз. 15—16).

И. В. Ягичъ въ Archiv f. slav. Philologie 1887 г. (IX, H. IV; 701) помѣстилъ замѣтку, что въ неизданномъ этнографическомъ матеріалѣ изъ смоленской губерніи, собранномъ Добровольскимъ, находятся слѣды кувады: въ с. Руднѣ смоленской губ. мужъ во время родовъ жены стонетъ и охаетъ.

Остатки кувады встрѣчаются изрѣдка и въ малорусскихъ родинныхъ обрядахъ. Такъ, въ с. Юриновкѣ черниговской губерніи новгородъ-сѣверскаго у., при рожденіи младенца, если женщина сильно страдаетъ и долго не разрѣшается, то у ея мужа развязываютъ

воротникъ рубахи (комниръ) и поясъ на штанахъ (учкуръ); въ такомъ положеніи онъ сидитъ передъ родильницей до тѣхъ поръ, пока она не родитъ (*Черниг. Губ. Вѣд.* 1855, № 20). И въ этомъ обычаѣ, очевидно, обнаруживается обобщеніе физической жизни мужа и жены, чуть не до отожествленія ихъ относительно природныхъ ихъ свойствъ; внѣшнее подобіе и подражаніе обманываютъ мысль до такой степени, что пріобрѣтаютъ значеніе дѣйствительнаго факта. Остаткомъ кувады можно признать существующій въ харьковской губерніи обычай надѣвать во время крестинъ бѣлую простыню на отца новорожденнаго.

Повидимому, кувада скрывается еще въ слѣдующемъ темномъ по значенію болгарскомъ обрядѣ: когда мужъ видитъ, что роды приближаются, онъ опускаетъ свои руки въ тазъ съ водой, куда бабка бросаетъ корень съ наговоромъ, и жена, по приказанію мужа, пьетъ изъ таза воду (*Каницъ*, въ Слав. Ежегод. 1877, 159). Признать за этимъ обрядомъ очистительное значеніе трудно, потому что онъ совершается до рожденія ребенка.

74.

Наказаніе мужа за родовыя боли жены.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой и Малой Россіи, напр., въ губерніяхъ костромской, орловской, харьковской, отцу новорожденнаго даютъ на крестинахъ съѣсть что нибудь противное на вкусъ, напр., кусокъ каши съ хрѣномъ и уксусомъ (*Зап.* Геогр Общ. II 47; *Чтенія* въ моск. общ. ист. 1846, II, 25). Чтобы понять основное значеніе этого страннаго обряда, мы должны обратиться къ родиннымъ обычаямъ дикихъ и варварскихъ народовъ. Въ нихъ встрѣчаются очень рельефныя проявленія обрядоваго истязанія мужа послѣ родовъ его жены. Такъ, у карайбовъ, по истеченіи сорока дней послѣ рожденія ребенка, когда соблюдается кувада, т. е. притворная болѣзнь мужа, къ нему являются родственники и друзья, раздираютъ его кожу въ разныхъ мѣстахъ тѣла зубами агути и смачиваютъ раны и царапины сильнымъ растворомъ перца, при

обязательномъ молчаніи бѣдняка (*Тэйлоръ*, Доист. бытъ, 394). Тэйлоръ не отдѣляетъ этого жестокаго обряда отъ кувады; но, повидимому, онъ имѣетъ самостоятельное значеніе и возникъ, вѣроятно, въ эпоху полнаго развитія материнства (Mutterrecht), когда главой семьи считалась женщина; ни она, ни ея родственницы не могли простить мужу родовыя боли и, возлагая на него потомъ часть перенесенныхъ ею мученій, доходили до сугубаго мучительства. Остроумное замѣчаніе по этому поводу высказалъ проф. Максъ-Мюллеръ: „Ясно, что сначала несчастный мужъ подвергался тираніи своихъ родственниковъ женскаго пола, а потомъ страхъ перешелъ въ суевѣріе... Хотя обычай, называемый „la couvade“, и страненъ, и нелѣпъ, но намъ кажется, что въ немъ есть нѣчто такое, чему многія тещи должны симпатизировать (*Леббокъ*, Нач. цив., 17)

75.

Развязываніе узловъ и отмыканіе замковъ при родахъ.

Изъ того понятія, что женщина при родахъ разрѣшается отъ бремени, произошелъ рядъ обрядовъ съ узлами и замками. Въ Малороссіи, Великороссіи и Сербіи во время родовъ отмыкаютъ въ домѣ всѣ замки, развязываютъ на платьѣ родильницы всѣ узлы и расплетаютъ ея косу (*Гласникъ*, 1867, V, 155); въ черниг. губ, у малороссіянъ даже мужъ родильницы развязываетъ у себя воротникъ на рубахѣ и поясъ на штанахъ, для облегченія родовъ (*Черн. Г. Вѣд.* 1855, № 20) Въ Германіи невѣста оставляетъ подвязку на чулкахъ не завязанной, чтобы легко рожать (*Wuttke*, Volksabergl., 348). У римлянъ беременныя женщины, принося жертву Юнонѣ, заботились о томъ, чтобы у нихъ не было узловъ ни въ одеждѣ, ни въ волосахъ (*Плоссъ*, въ „Знаніи“ 1877, II, 12). Та же точка зрѣнія на узлы и замки проходитъ въ заговорахъ. Такъ, въ великорусскомъ заговорѣ, записанномъ въ архангельск. губ.: „Пресвятая Мати Богородица, сходи со престола Господня, бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божіей (имя рекъ) мясные ворота и выпущай младенца на свѣтъ и на Божью волю“ (*Майковъ*, въ Зап. Г. Общ. по О. Этн. II, 446).

По развитію мысли по противоположности завязываніе и замыканіе стало означать всякаго рода порчу. Въ другомъ мѣстѣ мы подобнѣе остановимся на наузахъ, какъ одной изъ весьма распространенныхъ формъ колдовства.

76.

Ночные роды.

По народнымъ понятіямъ счастье человѣка обусловливается стеченіемъ многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ при появленіи его въ міръ; почти все будущее человѣка зависитъ отъ того, гдѣ и когда онъ родился, какое слово промолвитъ мать, когда его купаетъ, зависитъ отъ бабки и кумовьевъ. Въ слѣдующей малорусской пѣснѣ перечислены обстоятельства рожденія, сдѣлавшія парня несчастнымъ.

А я хлопець несчастливый,
Чы я въ лиси родывся?
Чы я въ поли хрестывся?
Ой чы въ лиси, чы въ поли,
Не давъ мини Господь доли!
Чы такія кумы прышлы,
Щастя-доли не принеслы;
Чы такая баба брала,
Щастя-доли не вгадала. (*Чуб.*, V, 34).

Въ ряду неблагопріятныхъ условій рожденія выдается ночное рожденіе. Въ одной пѣснѣ женщина говоритъ своей матери: или ты родила меня ночью, что всѣмъ дала добрую долю, а мнѣ лихую (*Костомаровъ*, въ Бесѣдѣ 1872, IV, 49). Въ этомъ повѣрьѣ скрывается древнѣйшее понятіе о ночномъ мракѣ, какъ источникѣ всякаго зла, о ночи, какъ времени господства духа злобы и мрака. Отсюда произошелъ цѣлый рядъ характерныхъ повѣрій и обрядовъ; у нѣкоторыхъ американскихъ индѣйскихъ племенъ существуетъ боязнь ночнаго мрака, и ночью выходятъ изъ шалаша съ лучиной; у многихъ народовъ подъ большіе праздники всю ночь поддерживаютъ огонь. Въ юго-западномъ краѣ (у малороссовъ) отъ рож-

денія до крещенія младенца по ночамъ горитъ свѣча, чтобы чортъ не укралъ или не подмѣнилъ ребенка (*Чуб.*, IV, 6).

Въ харьковской губерніи я слышалъ о народномъ повѣрьѣ, что женщинамъ вредно купаться по заходѣ солнца, особенно беременнымъ,—будетъ выкидышъ.

77.

Обрядовое употребленіе перстня при родахъ.

Обрядовое употребленіе кольца (иногда вѣнчальнаго) изрѣдка встрѣчается въ Малороссіи: кольцо держатъ передъ родильницей. „Золотъ перстень“ встрѣчается и въ заговорахъ, относящихся къ родамъ. Такъ, въ рукописныхъ матеріалахъ П. С. Ефименка, собранныхъ послѣ выхода въ свѣтъ „Малор. заклинаній“, находится любопытный заговоръ отъ живота, когда матка не на мѣстѣ: „Господу Богу помолюся, Матери Божой поклонюся. Господи, благослови! Маты Божа, поможы! Дай, Господи, часъ добрый и день господній! Самъ Господь основавъ, Маты Божа осадыла, да на мѣстѣ жывотъ становыла. Йшлы три браты жывоты подбираты; йшла Божая Маты золотымъ мостомъ; нашла Божая Маты золотый перстень. Золотныкъ, золотныче! Стань ты на своимъ мѣсти, якъ царь на золотымъ кресли,—якъ народывся, такъ и окоренывся; я тебе одбовляю, и одмовляю, и отговарую (при этомъ бабка подбираетъ потихоньку животъ кверху). Тутъ тоби не стоять, и костей не ламать, и коринья не пускать. Не одъ мене помощъ, одъ Господа. Богъ зъ помощью, а я зъ ричью. Господа Бога тружу, молытву творю. Станьте на помощь, святи! Святытель Николай, скорый помощныкъ, Божій угодныкъ! Поможы и благословы, да на мѣстѣ животъ становы!“ Я думаю, что заговоръ этотъ, въ особенности мотивъ о золотомъ перстнѣ, и обрядовое употребленіе кольца при родахъ основываются на литературномъ преданіи, именно, на сказаніяхъ о чудесахъ пр. Богородицы, происшедшихъ отъ ея перстня. Въ „Небѣ новомъ“ Галятовскаго цѣлая глава, именно девятая, посвящена изложенію чудесъ отъ перстня пресв. Богородицы. Кромѣ того, съ мѣстными южнорусскими чудотворными иконами пресв. Бо-

городицы связаны были сказанія о чудесной помощи женщинамъ при родахъ. Такъ, въ описаніи чудесъ отъ Купятицкой иконы пресв. Богородицы говорится, что пречистая Дѣва Марія помогла нѣкоей Маріи Мѣгаловой благополучно родить (*Галятовскій*, Небо 27).

Возможно и другое объясненіе, если отождествлять золотой перстень съ золотникомъ. Дѣло въ томъ, что есть весьма сходный великорусскій заговоръ, записанный въ валдайскомъ у. новгород. губерніи. Тутъ упоминается дорогой золотникъ въ значеніи матки женщины; но недостаетъ главнаго—золотаго перстня (у *Майкова*, въ Зап. Г. Общ. по отд. этногр. II, 446) [1]).

78.

Дѣтская сорочка.

Дѣтской сорочкой называется перепонка, которая иногда бываетъ на головѣ новорожденнаго. Послѣ рожденія ребенка ее немедленно снимаютъ съ головы и берегутъ въ домѣ. По повѣрью многихъ народовъ, родившійся въ сорочкѣ будетъ счастливъ, и самую сорочку берегутъ, какъ личный талисманъ, при чемъ понятіе о счастливомъ ея значеніи расширяется въ томъ смыслѣ, что счастливъ всякій имѣющій сорочку, по рожденію въ ней, или по пріобрѣтенію ее покупкой. У древнихъ римлянъ адвокаты покупали сорочку, приписывая ей таинственную способность давать успѣхъ въ дѣлахъ. Такое же воззрѣніе на сорочку въ примѣненіи къ адвокатурѣ существовало въ Англіи и въ Даніи. Въ началѣ прошлаго столѣтія въ англійскихъ газетахъ встрѣчались еще объявленія о продажѣ дѣтскихъ сорочекъ. Во Франціи считаютъ счастливыми дѣтей, родившихся въ сорочкѣ; что объясняетъ французское выраженіе „être né coiffé“ (*Плоссъ*, въ Знаніи 1877, III, 33). Вѣрованіе въ счастливое значеніе дѣтской сорочки распространено повсемѣстно въ Россіи. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ въ дворянскихъ семьяхъ при начинаніи

---

[1]) Г. Кулишеръ въ „Очеркахъ сравн. этногр.“ стр. 154 высказалъ мнѣніе, что обрядовое кольцо служитъ воспоминаніемъ о цѣпяхъ, употреблявшихся будто бы въ древности при похищеніи дѣвицъ. Цѣпь слишкомъ тяжелый и дорогой предметъ, и во время умыканія дѣвицъ къ ней навѣрно не прибѣгали.

труднаго дѣла занимали у сосѣдей сорочку, если не имѣли собственной (*Авдѣева*, Зап. о рус. бытѣ, 138). Въ харьковской губерніи сорочку называютъ чепцомъ и думаютъ, что родившійся въ чепцѣ со временемъ будетъ архіереемъ. Чепецъ или сорочку тщательно сохраняютъ, при чемъ иногда запиваютъ ее въ наиболѣе ноское платье дитяти, имѣвшаго счастье въ сорочкѣ родиться. То же повѣрье встрѣчается у евреевъ западнаго края (*Чубинскій*, VII, I, 43). Объясненіе повѣрій въ счастливое значеніе дѣтской сорочки давно уже представлено проф. А. А. Потебней въ статьѣ о Долѣ, напечатанной въ Древностяхъ моск. археолог. общ. 1865 (II. 20): „По взгляду германской миѳологіи, говоритъ здѣсь проф. Потебня, души до своего рожденія находятся у богини Гольды за облакомъ. Каждый разъ, когда душа сходитъ на землю, чтобы принять на себя человѣческій образъ, за нею слѣдуетъ одна, двѣ, три другія души, какъ ея хранители. Въ скандинавской миѳологіи, гдѣ это вѣрованіе особенно развито, такой духъ называется фильгія (fylgia, weil er dem Menschen folgt) или гамингія (hamingia—felicitas—счастье). Мѣстопребываніе ихъ есть сорочка, которою иногда бываетъ обвита голова новорожденнаго (glückshaube) [1]), съ чѣмъ, очевидно, связано русское повѣрье, что родиться въ сорочкѣ—счастье“. Вопросъ заключается въ томъ, русское повѣрье оригинально, т. е. возникло самостоятельно изъ древнеславянскаго миѳическаго воззрѣнія на происхожденіе души, тожественнаго или весьма сходнаго съ приведеннымъ выше воззрѣніемъ германскимъ, что возможно предположить, или же повѣрье это заимствовано русскими отъ нѣмцевъ. Удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса, при малой извѣстности древняго славянскаго міросозерцанія, возможно лишь путемъ опредѣленія этого повѣрья по всѣмъ угламъ славянскаго міра, въ какихъ мѣстностяхъ и въ какихъ общественныхъ слояхъ оно бытуетъ.

---

[1]) Точно такое же объясненіе народныхъ вѣрованій въ дѣтскую сорочку, какъ талисманъ, высказано недавно (1887 г.) *Швебелемъ* въ соч. „Tod und ewiges Leben im deutsch. Volksglauben“.

79.

Предпочтеніе мальчика.

Въ Малороссіи встрѣчается еще предпочтеніе ребенка мужескаго пола дѣвочкѣ, хотя въ слабыхъ чертахъ, въ немногихъ повѣрьяхъ и обрядахъ. Такъ, замужнюю женщину считаютъ молодицей до тѣхъ поръ, пока она рожаетъ мальчиковъ, и она дѣлается вполнѣ бабой, когда родится дѣвочка. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи, Великороссіи, Сербіи, Болгаріи и б. Польши на свадьбѣ на колѣни невѣсты кладутъ маленькаго ребенка мужескаго пола (*Чтенія* въ общ. ист. 1872, IV, 408; *Гласник* 1867 V, 135; *Верковичъ*, Опис. быта болг. 27, *Kolberg*, Lud XI, 205). Еще у древнихъ индусовъ къ невѣстѣ подводили мальчика, и жрецъ усаживалъ его на колѣняхъ невѣсты (*Weber*, Ind. Stud. V, 208, 329). У поляковъ петрковской и кѣлецкой губерніи существуетъ повѣрье, что дѣвушка до рожденія дѣвочки не теряетъ своего дѣвства (*Federowski*, Lud, II, 293), повѣрье, очевидно сходное, почти тожественное съ малорусскимъ. Любопытно, что то же самое повѣрье встрѣчается и у калмыковъ. Калмычка, производящая на свѣтъ однѣхъ дочерей, считается дѣвственницей, и можетъ быть во всякое время отправлена съ отцу съ возвращеніемъ приданаго (*Лефренъ*, въ журн. „Дѣло“ 1868, I, 124). Въ Сербіи рожденіе мальчика, вызываетъ веселье; рожденіе дѣвочки считается обыкновеннымъ событіемъ („*Знаніе*“ 1876, V, 7). У киргизовъ также только при рожденіи мальчика устраивается угощеніе знакомыхъ и друзей (*Народы Россіи*, IV, 344); то же у осетинъ (*Сборн.* свѣд. о кавк. горцахъ, IV, 29), у персовъ (*Жукоевскій*, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, I, 26). Число примѣровъ можно было бы значительно увеличить, если бы было недостаточно приведенныхъ. У дикихъ и варварскихъ народовъ предпочтеніе мальчика выражается въ безчеловѣчной формѣ преданія смерти новорожденной дѣвочки. У сванетовъ женщинъ менѣе мужчинъ отъ обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, признанныхъ лишними въ семьѣ (*Нар. Россіи*, IV, 333). Мальчика предпочитали, какъ будущаго работника, который потомъ прокормитъ себя и другихъ собственными силами, самъ добудетъ

себѣ и хлѣбъ, и жену, и много лѣтъ будетъ помогать семьѣ, до отдѣленія отъ нея, а дѣвочка могла помогать преимущественно матери, пренебрегаемой рабѣ; ее нужно было оберегать отъ похищенія или умычки, готовить для нея калымъ или приданое, и человѣкъ дикій, варваръ горевалъ при рожденіи дѣвочки и даже рѣшался на умерщвленіе ея.

80.

Обрядовое усыновленіе.

Въ харьковской губерніи новорожденнаго ребенка безъ различія пола завертываютъ въ нѣсколько загрязненную отцовскую сорочку. Въ другихъ мѣстахъ Малороссіи и въ Великороссіи (напр., въ курской губ.) мальчика завертываютъ въ рубашку отца, дѣвочку въ рубаху матери (*Чубинскій*, IV, 9; *Этногр. Сборн.* V, 20). Кашубы первую пеленку для младенца дѣлаютъ изъ рубахи отца (ib. 73). Въ Болгаріи крестная мать передаетъ послѣ крещенія дитя отцу, ожидающему его на порогѣ дома съ новой рубашечкой (*Слав. Ежегод.* 1877, 160). Въ пермской губерніи бабка передаетъ новорожденнаго ребенка отцу, который и кладетъ первый его въ колыбель (*Перм. Сборн.* II. 118). Бѣлоруссы и литовцы виленской губерніи соблюдаютъ слѣдующій обрядъ: послѣ крещенія кума передаетъ ребенка отцу, который кладетъ его на нѣсколько минутъ на порогъ, что называется „освятить дитя черезъ порогъ“ (*Вѣст.* Геогр. Общ. 1857, XX, 258); въ этомъ обрядѣ слились двѣ идеи, во-первыхъ, идея юридическаго признанія ребенка членомъ семьи; во-вторыхъ, идея освященія ребенка положеніемъ на порогъ, какъ мѣсто наиболѣе близкое и пріятное домашнему пенату, или домовому. Къ этому обряду близко подходитъ древній римскій обычай усыновленія ребенка въ такой формѣ, что бабка клала его на землю, а отецъ поднималъ, humi positio infantum (*Плоссъ*, въ Знаніи 1877, III, 48). Подобный обычай былъ у древнихъ германцевъ. встрѣчается въ настоящее время у дикихъ народовъ, напр., готентовъ. Все это разныя проявленія усыновленія ребенка, признанія его отцомъ, что теперь представляется однимъ обрядомъ, а въ древ-

ности имѣло жизненное значеніе, такъ какъ непринятаго отцомъ ребенка, большей частью женскаго пола, нѣкогда убивали или выбрасывали. Съ теченіемъ времени самый обрядъ сильно измѣнился. Въ средніе вѣка усыновляемаго посторонняго человѣка клали подъ рубашку пріемнаго отца или пріемной матери. Впослѣдствіи усыновляемаго подводили только подъ плащъ (mantella) усыновителя, почему гораздо позднѣе, когда и этотъ обрядъ уничтожился, узаконенныя дѣти назывались „mantellati“ (*Якушкинъ*. Обычн. право, XV).

81.

Одмина.

Въ простомъ южнорусскомъ народѣ ходитъ разсказъ, что у одного мужика было дитя лѣтъ трехъ; оно ни говорило, ни ходило, только очень много ѣло,—однимъ словомъ „злыдень“. По худобѣ и безобразію легко было догадаться, что это „одмина“. Родители стали распрашивать у знающихъ людей, что́ сдѣлать, чтобъ избавиться отъ этого ребенка и возвратить собственное отъ нечистой силы. Одинъ знахарь посовѣтовалъ вынести одмину на сорное мѣсто и бить его тамъ „деркачемъ“ (голикомъ) отъ правой руки къ лѣвой. По совѣту знахаря, родители начали сильно бить ребенка, на отчаянный крикъ котораго прибѣжала какая то женщина и гнѣвно крикнула: „Зачѣмъ бьете, мучите мое дитя, отдайте мнѣ мое, возьмите себѣ свое“, и она бросила на соръ ихъ ребенка, а своего подхватила и быстро съ нимъ скрылась, только вихрь закрутился по направленію къ очерету лежавшаго вблизи пруда. Въ Украинѣ дѣти діавольскаго происхожденія называются упырями. Въ одномъ селѣ, разсказываютъ, родился мальчикъ съ большою, какъ у взрослаго, головой, съ длинными ногами и очень выразительными глазами. Онъ не могъ ходить; на седьмомъ году онъ началъ предсказывать, но только по утрамъ. Отецъ упыря имѣлъ пчельникъ, за которымъ смотрѣлъ его дѣдъ. Однажды ночью упырь началъ будить отца, говоря, что воры намѣрены дѣда убить, а медъ забрать себѣ. Отецъ не повѣрилъ ему, повернулся на другой бокъ и хотѣлъ за-

снуть; но упырь снова началъ ему твердить, чтобъ онъ скорѣе бѣжалъ,—иначе разбойники убьютъ старика. Отецъ вышелъ и дѣйствительно увидѣлъ двухъ разбойниковъ, выбиравшихъ изъ улья медъ, а поодаль связаннаго пасѣчника. Слава о пророчествѣ мальчика-калѣки разнеслась по селамъ. Многіе стали къ нему обращаться съ вопросами. Онъ умеръ на десятомъ году. Опытные люди говорятъ, что похоронили только его тѣло, а онъ снова гдѣ то явился въ другомъ видѣ и продолжаетъ пророчествовать (*Nowos.* Lud ukr., II, 160—163). Малоруссы зажигаютъ по ночамъ свѣчу отъ рожденія до крещенія ребенка изъ опасенія, чтобы чортъ не укралъ и не подмѣнилъ его (*Чубинскій*, IV, 6).

Малорусское повѣрье о возможности подмѣна ребенка со стороны чорта или вѣдьмы повторяется у многихъ другихъ народовъ. Такъ, въ юго-западной части томской губерніи говорятъ, что вѣдьмы, или вѣщицы (у сербовъ вѣдьмы также называются вѣщицами) летаютъ по ночамъ подъ видомъ безхвостой сороки; онѣ спускаются ночью въ трубы, которыя были закрыты не благословясь, похищаютъ дѣтей изъ утробы спящихъ матерей, разводятъ на шесткѣ огонь и съѣдаютъ ребенка, а вмѣсто него оставляютъ въ утробѣ матери голикъ, льдинку или головню. Мужчины слышатъ, какъ онѣ стрекочатъ, но не въ состояніи въ это время пошевелиться (*Потанинъ*, Этн. Сб. VI. 148).

У чеховъ не менѣе опасной считается полудница — лѣсная жена, которая бродитъ по нивамъ въ полуденное время и маленькихъ дѣтей, оставляемыхъ крестьянками безъ присмотра, подмѣниваетъ на своихъ собственныхъ. Смотря по тому, какъ обходятся въ семьѣ съ подмѣнышемъ, точно такъ же хорошо или худо бываетъ и похищенному полудницей ребенку. Когда дитя начинаетъ кричать, суевѣрная мать унимаетъ его угрозой, что за крикъ возьметъ его полудница (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. III, 311). По указанію хорутанской приповѣдки, дитя, которому случилось погостить у вилъ, долго потомъ носило вилинскій духъ (ib., 313).

Съ малорусскимъ и чешскимъ разсказами о подмѣнышѣ весьма сходна латышская народная сказка о ребенкѣ чертовки. Однажды работала въ полѣ мать и положила своего ребенка у края поля. Видитъ староста работниковъ, что съ близкаго дуба сходитъ чер-

товка (velna mate), кладетъ своего ребенка, а сама беретъ ребенка работницы и лѣзетъ опять на дерево. Закричалъ, заплакалъ чертовъ ребенокъ. Мать работница, полагая, что плачетъ ея ребенокъ, хотѣла накормить его грудью, но староста не пустилъ ее до самаго заката солнца. Когда солнце закатилось, чертовка не могла уже больше вытерпѣть; ругаясь и проклиная, она опять слѣзла съ дерева и обмѣнялась ребятами (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. Дашк. Музея, II, 53).

Къ сказаніямъ о подмѣнѣ ребенка со стороны вѣдьмы или чертовки близко подходятъ сказанія о томъ, что лѣшіе и водяные похищаютъ дѣтей, при чемъ взамѣнъ похищеннаго младенца кладутъ въ колыбель связку соломы или полѣно, превращая ту и другое въ живаго ребенка, или оставляютъ свое родное дѣтище, глупое и прожорливое (подроб. см. у *Аѳанасьева* III, 311—317). Разница тутъ та, что похитителемъ ребенка является фантастическое существо мужескаго пола.

Къ этому же разряду сказаній относятся многія сказанія о чудовищныхъ дѣтяхъ, напр., сказаніе о ребенкѣ прирожденной вѣдьмы въ „Зап. о южн. Руси“ *Кулиша* (II, 34). Но нѣкоторыя сходныя сказанія имѣютъ источники другіе, или миѳологическія представленія о весеннемъ солнцѣ, какъ быстро растущемъ ребенкѣ, или повѣствовательные и апокрифическіе мотивы о мудромъ Соломонѣ.

Повѣрье, что новорожденному ребенку грозятъ многочисленныя опасности отъ злыхъ духовъ и болѣе всего похищеніе, встрѣчается не только у малороссовъ, не только у славянъ и литовцевъ, но также у многихъ другихъ народовъ. Въ Германіи до крестинъ опасаются, чтобы ребенокъ не былъ похищенъ подземными духами и по ночамъ не тушатъ огня (*Kuhn*, Märk. Sagen 364, 383). Въ Англіи въ XVI ст. было всеобщимъ суевѣріе касательно подмѣны ребенка эльфомъ (*Спенсеръ*, Описат. соціол. 222). По мнѣнію грузинъ, нечистая сила стремится къ тому, чтобы напасть въ видѣ змѣя на ребенка и задушить родильницу (*Нар. Рос.* IV, 391)

82.

Обрядная продажа ребенка.

Въ Малороссіи продаютъ новорожденнаго ребенка за нѣсколько копѣекъ какому нибудь прохожему, нищему, страннику, или кому нибудь изъ родственниковъ, разумѣется, безъ отдачи ребенка. Эта обрядовая продажа имѣетъ мѣсто, если дѣти ранѣе умирали. Обрядная продажа новорожденнаго еще недавно бытовала въ довольно культурной дворянской средѣ. Любопытно, что тожественные обычаи существуютъ у вотяковъ и у кавказскихъ горскихъ евреевъ. Смерть новорожденнаго евреи приписываютъ дѣйствію злобнаго духа „Нумъ-Негира". Чтобы сохранить ребенка въ живыхъ, горскіе евреи стараются уйти отъ Нумъ-Негира или обмануть его. Они перемѣняютъ мѣсто жительства, продаютъ новорожденнаго тотчасъ послѣ появленія его на свѣтъ старухамъ знахаркамъ и потомъ выкупаютъ его (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этногр. III, 51, 211). Повѣрья горскихъ евреевъ въ Нумъ-Негира и связанная съ нимъ продажа дѣтей объясняютъ происхожденіе обрядной продажи ребенка въ Малороссіи; очевидно, и здѣсь первоначально исходили изъ мысли обмануть злобнаго духа, можетъ быть, домоваго, который признавался виновникомъ смерти прежде родившихся дѣтей. Народныя понятія о нѣкоторыхъ дѣтскихъ болѣзняхъ съ припадками (родимчикъ) указываютъ на старинное вѣрованіе въ злобнаго духа, который душитъ и убиваетъ дѣтей.

Изъ опасенія демоновъ произошло, между прочимъ, обыкновеніе скрывать имя, данное при рожденіи, а называть ребенка по первой фразѣ, произнесенной матерью, что обычно у абиссинцевъ (*Лежанъ*, Путеш. въ Абиссинію).

83.

Размывки.

Обрядъ размывки или очищенія рукъ повивальной бабки встрѣчается въ Малороссіи и Великороссіи въ сходныхъ формахъ. У малороссіянъ обрядъ этотъ совершается такимъ образомъ: бабка

въ присутствіи однѣхъ женщинъ держитъ въ мискѣ воду, въ которую кладетъ немного хмѣлю и кусочекъ вѣника. Родильница подходитъ къ бабкѣ и кланяется ей въ ноги со словами: „просты мене, бабусю, разъ, и другый, и третій“. Бабка отвѣчаетъ три раза: „Господь зъ тобою, голубка, извѣстно, такъ должно; всѣ мы въ грѣхѣ“. Затѣмъ бабка умываетъ свои руки и лицо родильницы, приговаривая; „будь багата якъ осень (?, вѣроятно, земля), жостка якъ рыбка, космата якъ овечка, да любы свого чоловика“ (*Архіеп. Филаретъ*, Ист.-стат. опис. черниг. еп. VII, 152). Въ пермской губерніи бабка идетъ на рѣку съ чистымъ ведромъ и зачерпываетъ воду по теченію; опустивъ въ ведро правую руку и зачерпнувъ горстью воду, пускаетъ ее по рукѣ черезъ локоть въ тазъ или лаханку; она черпаетъ тридевять горстей, которыя считаются съ отрицаніемъ, т. е.: не одна, не двѣ, не три и т. д.; во время возліяній на руку она говоритъ заговоръ, оберегающій родильницу отъ уроковъ (*Пермскій Сборн.*, II, 118). Обыкновенно, размывки бываютъ шесть недѣль спустя послѣ родовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. и М. Россіи воду льютъ родильницѣ на руки и на спину, поставивъ родильницу на топорѣ или на вѣникѣ (*Черемшанскій*, Опис. оренб. губ., 213; *Этногр. Сб.*, I, 350). Въ старину при размывкѣ рукъ клали въ тазъ серебряныя деньги (*Авдѣева*, Зап. о стар. рус. бытѣ, 117).

Очищеніе родильницы посредствомъ воды чрезвычайно распространено у разныхъ народовъ, въ западной Африкѣ, на Малайскомъ полуостровѣ; было извѣстно и древнимъ грекамъ, у которыхъ обрядовое омовеніе рукъ повивальной бабки совершалось недѣлю спустя послѣ родовъ (*Тэйлоръ*, Первоб. культура II, 466, 471).

Обрядъ размывки рукъ вышелъ изъ народнаго воззрѣнія, что роды дѣлаютъ родильницу и ребенка въ теченіи извѣстнаго времени нечистыми. Воззрѣніе это вызвано было послѣродовымъ состояніемъ женщины. Ставя въ связь понятіе о нечистотѣ женщины съ ея послѣродовыми выдѣленіями, народная мысль въ разныхъ странахъ обнаружила большое единство въ назначеніи срока окончанія нечистаго состоянія: у египтянъ, пшавовъ, евреевъ, древнихъ и новыхъ грековъ, русскихъ полагается сорокъ дней; у иныхъ народовъ, напримѣръ, у древнихъ евреевъ и грековъ, послѣ рож-

денія дѣвочки женщина считалась нечистою вдвое болѣе дней (*Плоссъ*, въ Знаніи 1877 г., III, 42). Распространеніе понятія о нечистотѣ женщины у различныхъ народовъ востока и запада исключаетъ возможность предположенія, чтобы понятіе это выработалось первоначально на востокѣ. Оно возникало у разныхъ народовъ, по сходству культурнаго состоянія и подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же физіологическихъ причинъ. Повидимому, и у русскихъ, какъ у иранцевъ, выдавались въ древности религіозно-нравственныя опредѣленія нечистоты и очищеніе отъ нея посредствомъ воды. У древнихъ иранцевъ очищеніе людей, прикоснувшихся къ трупу, выражалось въ томъ, что жрецъ лилъ чистую воду на макушку, плечи, спину, грудь и т. д. по всему тѣлу, произнося заклинанія. Олицетворенная нечистота Друджъ уходила все далѣе и далѣе, отъ головы къ ножнымъ пальцамъ, пряталась, наконецъ, въ большомъ пальцѣ лѣвой ноги, но и отсюда изгнанная водой, удалялась въ сѣверныя страны (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 69). По воззрѣнію на нечистоту женщины вообще, въ особенности послѣ родовъ или во время мѣсячныхъ очищеній, великоруссы подходятъ къ древнимъ иранцамъ. Въ этомъ отношеніи можно было бы привести цѣлый рядъ любопытныхъ аналогій и параллелей между современными великорусскими повѣрьями о чистотѣ и обрядами очищенія съ одной стороны и предписаніями по этой части Ману и Авесты; мы здѣсь укажемъ лишь на своеобразное очистительное значеніе бани въ Великороссіи, которой пользуются почти во всѣхъ случаяхъ семейной жизни, послѣ родинъ, передъ свадьбой, даже послѣ каждаго половаго акта. Въ юго-западной части томской губерніи человѣкъ, не облившійся водой по исполненіи своихъ супружескихъ обязанностей, считается нечистымъ, и ему запрещается входить на пасѣку, которая считается священнымъ мѣстомъ (*Потанинъ*, Этн. Сб. VI, 143). У великоруссовъ, особенно въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, строго соблюдается обычай удаленія родильницы на одинъ или нѣсколько дней въ баню. Такъ, въ нижегородской губерніи дѣти родятся въ банѣ, гдѣ родильница остается нѣсколько дней (*Этногр. Сбор.*, I, 23). Въ тульской губ. родильница живетъ въ банѣ цѣлую недѣлю; потомъ у своей матери до истеченія шести недѣль, послѣ чего уже возвращается въ домъ

мужа (*Вѣстн.* Геогр. Общ. 1853, VII, 87). Такой обычай предписанъ Авестой и до сихъ поръ еще соблюдается парсами: родильницу помѣщаютъ въ уединенное мѣсто, нынѣ называемое Dashtanistan, которое должно находиться на разстояніи по крайней мѣрѣ 15 шаговъ отъ огня, 15 шаговъ отъ воды, 3 шаговъ отъ чистыхъ людей. Пищу родильницѣ приносятъ въ желѣзномъ сосудѣ. По предписанію Авесты, родильницу омывали водой. По древнимъ персидскимъ воззрѣніямъ, женщина во время мѣсячныхъ и послѣ-родовыхъ очищеній однимъ взглядомъ своимъ оскверняетъ огонь, воду, растенія, животныхъ и людей (*Дилленъ*, Дуал. въ Авестѣ, III).

Въ Малороссіи почти совсѣмъ исчезъ обычай удалять родильницу. Остаткомъ этого обычая можно считать, что иногда крестьянки во время родовъ скрываются въ сараѣ, что, однако, бываетъ рѣдко, и можетъ вытекать изъ другихъ соображеній родильницы, изъ опасенія дурнаго глаза и злыхъ языковъ. Отъ обширнаго и сложнаго обрядоваго очищенія родильницы остались лишь размывки, да и то уже съ примѣсью христіанскаго религіозно-нравственнаго поученія. Повидимому, остаткомъ древняго воззрѣнія на очистительное значеніе при родахъ воды является встрѣчающійся въ харьковской губерніи обычай ставить вскорѣ послѣ родовъ подъ кровать родильницы сосудъ съ водой. Обычай этотъ соблюдаютъ даже въ Харьковѣ образованныя акушерки; сосудъ съ водой ставятъ, чтобы у родильницы не было молочной лихорадки.

Примѣчаніе: О повѣрьяхъ, связанныхъ съ родами, способахъ облегченія родовъ, первоначальномъ уходѣ за новорожденнымъ ребенкомъ, крестинахъ и постригахъ я ранѣе говорилъ уже въ статьѣ „О славянскихъ народныхъ воззрѣніяхъ на новорожденнаго ребенка“, напечатанной въ Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія за 1880 г. ч. CCXII. Здѣсь можно найти нѣсколько мелкихъ малорусскихъ родинныхъ обрядовъ, не упомянутыхъ въ предыдущихъ статьяхъ, въ которыя вошло все то, что имѣетъ довольно крупное значеніе въ малорусской народной жизни и о чемъ въ статьѣ „О слав. народ. воззрѣніяхъ на новорожд. ребенка“ или совсѣмъ не было рѣчи, или говорилось вскользь и мимоходомъ.

84.

Коронування.

Въ любопытной статьѣ г. *Боржковскаго* о парубоцтвѣ въ „Кіев. Стар.“ 1887, VIII, 765—776 говорится, что „принятіе въ парубоцтво сопровождается нѣкоторыми обрядами и носитъ названіе коронування. Оно совершается такимъ образомъ: послѣ предварительнаго заявленія подростка о желаніи его „парубковать“, парубки собираются въ опредѣленномъ мѣстѣ, и, когда хлопецъ, явившись въ ихъ собраніе, отвѣситъ имъ поклонъ, его поднимаютъ на рукахъ вверхъ и поютъ величальную пѣсню: „Посіялы дивкы ленъ“. Коронованный садится въ кругу товарищей и угощаетъ ихъ водкой“. Обрядъ этотъ существуетъ въ разныхъ мѣстахъ винницкаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ селахъ винницкаго и литинскаго уѣздовъ для пріема хлопца въ парубоцтво избирается время, когда парубки собираются идти колядовать, т. е. на Рождество Христово, или вырубать крестъ на рѣкѣ наканунѣ Богоявленія, либо косить сообща. Пріемъ означается допущеніемъ вступающаго къ общей работѣ и затѣмъ угощеніемъ на его счетъ.

Въ обрядовомъ вступленіи въ парубоцтво можно усмотрѣть нѣсколько культурныхъ переживаній.

Самимъ древнимъ слоемъ культуры здѣсь нужно признать фактъ вступленія въ парубоцтво. У разныхъ народовъ существуетъ обыкновеніе подвергать молодыхъ людей, при наступленіи половой зрѣлости, испытаніямъ и даже истязаніямъ. У гуронцевъ, ирокезовъ и алгонкинскихъ племенъ дѣти, при наступленіи половой зрѣлости, уходятъ въ лѣсъ и здѣсь постятся и чернятъ себѣ лицо, верхнюю часть спины и грудь. Въ Сѣверной Каролинѣ юношей и дѣвушекъ, при достиженіи ими половой зрѣлости, держали въ теченіи 5 или 6 недѣль запертыми въ темной хижинѣ и подвергали жестокому посту. Въ Калифорніи жрецъ подноситъ имъ въ такомъ случаѣ опьяняющій напитокъ. У эскимосовъ молодымъ людямъ, достигшимъ половой зрѣлости, пробуравливаютъ уши, нижнюю губу и ноздревой хрящъ, и вставляютъ въ отверстія кости, бусы и т. п. Подобное обыкновеніе соблюдалось у древнихъ перуанцевъ относительно юно-

шей при наступленіи 16-ти лѣтняго возраста. (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этн. 64).

Второй историческій слой въ обрядовомъ парубоцтвѣ выразился въ томъ способѣ, какимъ совершается пріемъ хлопца, и особенно въ названіи коронування. Это слой удѣльно-вѣчевой Руси, а можетъ быть и болѣе древней Руси, раздѣленной на мелкія племенныя особи, съ выборными по областямъ князьями, съ порядкомъ выбора въ видѣ поднятія вверхъ и пѣнія величальныхъ пѣсенъ.

Третій слой—спеціально южнорусскій. Парубоцтво вошло въ кругъ общественной жизни въ тѣ времена, когда общественная жизнь южной Руси текла широкимъ русломъ, когда южнорусское общество пользовалось широкими правами самоуправленія и суда, и на обязанности его, кромѣ обороны внѣшней и охраны имущественныхъ и личныхъ правъ, лежало удовлетвореніе всѣхъ другихъ его потребностей: постройка и содержаніе храмовъ, содержаніе и обезпеченіе причтовъ, устройство школъ, призрѣніе старыхъ, вдовъ и сиротъ, заботы о больныхъ, калѣкахъ и нищихъ и пр. Въ виду столь сложной общественной дѣятельности предки наши въ XVI и XVII ст. организовались въ различныя ассоціаціи и кружки, въ формѣ цеховъ и братствъ.

85.

Досвитки.

Въ 1886 г. я помѣстилъ въ „Кіев. Стар.“ довольно большую статью о досвѣткахъ и посидѣлкахъ (потомъ вышла отдѣльною брошюрой), и потому здѣсь я сдѣлаю лишь нѣсколько дополнительныхъ замѣтокъ. Общіе выводы такіе: досвѣтки и посидѣлки служили первоначально для опредѣленія способности молодыхъ людей къ дѣторожденію, при чемъ обнаруженіе такой способности со стороны женщины вело къ заключенію формальнаго и обрядоваго брака. Кромѣ досвѣтокъ, допускающихъ спанье парней съ дѣвушками безъ нарушенія ихъ невинности, остаткомъ пробнаго брака въ Малороссіи служитъ еще тотъ обычай, по которому женихъ отъ сговоринъ до самой свадьбы ночуетъ въ домѣ невѣсты и даже спитъ съ ней съ

разрѣшенія ея родителей. Такое сближеніе молодыхъ теперь въ тѣхъ мѣстностяхъ Малороссіи, гдѣ оно соблюдается, не ведетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, и лишь усиливаетъ привязанность жениха къ невѣстѣ и вызываетъ его лестные о ней отзывы, которые нужно понимать въ смыслѣ отсутствія у невѣсты физическихъ недостатковъ. Съ теченіемъ времени съ развитіемъ народныхъ понятій о нравственности въ жизни семейной и общественной, досвѣтки почти повсемѣстно получили значеніе простыхъ увеселительныхъ собраній молодежи, подъ надзоромъ и руководствомъ взрослой женщины.

У разныхъ народовъ существуютъ досвѣтки. Такъ, на Кавказѣ у осетинъ въ концѣ осени совершается дѣвичій праздникъ—сидѣніе дѣвушекъ ради Матери Маріи, продолжающійся одну ночь или недѣлю. Дѣвушки сосѣднихъ дворовъ собираются въ спальню какой нибудь старухи, приносятъ муку и сыръ, пекутъ прѣсные чуреки, или хлѣбныя лепешки, произносятъ молитвы и гадаютъ по чурекамъ о женихѣ. Дѣвушки на посидѣлкахъ плетутъ конопляныя нити себѣ въ приданое. Мужчинъ не бываетъ (*Вс. Миллеръ*, Осетинск. этюды, II, 281).

У вотяковъ зимой, съ Михайлова дня и почти до Благовѣщенія, въ деревняхъ устраиваются посидѣлки, гдѣ нибудь въ банѣ или у лицъ, поставившихъ новую избу. Во многихъ мѣстностяхъ хозяева до тѣхъ поръ не переходятъ въ новую избу, пока тамъ хоть одинъ разъ не соберутся на посидѣлки (*Вс. Миллеръ*, Сбор. мат. по этногр., III, 52).

Для сравненія съ малорусскими досвѣтками можно еще взять болгарскія „сидѣнки“ и „попрелки“. Устраиваются онѣ обыкновенно осенью на краю деревни вокругъ большаго костра, а зимой въ избѣ. Около Рущука на сидѣнкахъ парни ночуютъ съ дѣвушками, давши обѣщаніе вести себя скромно, въ противномъ случаѣ парня заставляютъ жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ. Въ той же Болгаріи встрѣчаются и совсѣмъ безнравственныя формы общенія молодежи. Такъ, въ южной Македоніи въ окрестностяхъ Прилѣпа парень и дѣвушка отправляются въ праздникъ къ обѣднѣ, во время чтенія св. Евангелія стоятъ вмѣстѣ около священника, послѣ обѣдни цѣлуются, дарятъ другъ другу подарки, называются братомъ и сестрой, но живутъ, какъ мужъ и жена, только врозь, въ раз-

ныхъ домахъ. Въ двухъ селахъ (Габрово и Ново-Село) въ южной части Доспатскихъ горъ еще недавно существовалъ, а можетъ и теперь не совсѣмъ исчезъ такъ называемый „паратеко“; обычай этотъ состоитъ въ томъ, что парни и дѣвицы выбираютъ другъ друга, идутъ попарно въ лѣсъ или, если это происходитъ зимой, на сѣнникъ, и тамъ вступаютъ другъ съ другомъ въ противоестественное общеніе (per anum). Названіе „паратеко“ значитъ лишнее. Старики и старухи относятся снисходительно къ этому обычаю и не запрещаютъ его (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер., изд. при Дашков. этногр. музеѣ I, 5, 4 и 3).

Въ статьѣ о досвѣткахъ я привелъ свидѣтельства Чубинскаго о вечерницахъ въ юго-западномъ краѣ, Лепкаго о галицко-русскихъ, Никонова о воронежскихъ, Аѳанасьева-Чужбинскаго и Костомарова о досвѣткахъ въ полт. губ. и вообще въ Малороссіи. Добавлю, что о вечерницахъ въ Подоліи говорится въ „Основѣ“ 1861, X, 54; въ черниг. губ.—въ „Истор.—стат. опис. черниг. епархіи“ Филарета V, 204). Въ дополненіе къ этимъ свидѣтельствамъ о вечерницахъ приведу еще слѣдующее письмо ко мнѣ уважаемаго А. Д. Т. отъ 6 дек. 1888 г. изъ Ахтырки:

„Ни для кого не тайна, что этнографическія изслѣдованія у насъ, въ харьковской губерніи, пока лишь въ зачаткѣ, что многое изъ народной жизни для интеллигенціи, ею интересующейся, во многихъ отношеніяхъ—темна вода во облацѣхъ, какъ гласитъ писаніе. Поэтому факты изъ народнаго быта, уясняющіе его съ положительной или съ отрицательной стороны—вещь, надѣюсь, заслуживающая вниманія. Сообщаю вамъ, какъ человѣку заинтересованному родиной, фактъ изъ быта хухрянъ (Хухра—слоб. ахтыр. у.), именно фактъ досвитчаный.

3 декабря 1888 г., въ Ахтыркѣ, временнымъ отдѣленіемъ сумскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разбиралось дѣло объ обывателѣ с. Хухры, 25 лѣтнемъ Петрѣ Мазкунѣ (онъ же по уличному Легеза), который обвинялся въ грабежѣ съ насиліемъ. Фабула дѣла не сложна. Въ Хухрѣ есть одинъ шинокъ; въ 80 саженяхъ отъ него—досвѣтки „великыхъ дивчатъ“, въ 45-досвѣтки „маленькыхъ дивчатокъ“. Маленькія дивчатка, въ сезонъ сходокъ прошлой (1887—8 г.) зимы съ однолѣтками „хлопятами“, которымъ было 10—14 лѣтъ, задумали „почастуватысь горилкою“, само собой, съ согласія досвитчаной матери. Достали пляшку, и маршъ юрмою, 4 хлопца и 4 дивчины, въ шинокъ къ шинкарю. Купили, несутъ, вдругъ изъ подъ плетня шасть великій парубокъ.

— Ке пляшку.—Геть къ бису. Тотъ насильно вырвалъ и гайда черезъ пустую леваду. Се—Петро!... Адже винъ?—Винъ, винъ! завопила молокососная громада. Сейчасъ къ урядннку... Явился урядникъ и сдѣлалъ обыскъ у Петра Мазкуна, на великыхъ досвитхахъ и у Мазкуноваго дяди, въ пустой хатѣ котораго, отстоящей

отъ жилой на 70 саженей, и была найдена отнятая у хлопчика пляшка, но безъ горилки. Урядникъ составилъ актъ; пошло дѣло къ судебному слѣдователю и привело Петра Мазкуна на скамью подсудимыхъ.

На судѣ свидѣтелями явились со стороны Мазкуна—досвитчана маты, бабенка лѣтъ 30, шустрая и, видимо, моргуха, хлопцы и дивчата его „лавы“ и дядя; со стороны обвинителей—откормившійся, широчайшій въ плечахъ, таліи и прочемъ шинкарь, бывшій урядникъ, нѣкто К. и хлопьята съ дивчатками. Послѣдніе въ одинъ голосъ заявили, что въ сумерки вечеромъ 28 декабря 1887 г. Петро отнялъ у нихъ пляшку съ горилкою, которой они ему не давали; они хорошо распознали его.

Петро: Воны по злоби: усе, ще зъ лита враждують проти мене за выгинъ. Я бидный, такъ имъ завыдно, що е въ мене скотына.

Шинкарь отозвался, что водку точно хлопцы и дѣвочки у него купили, а больше ничего не знаетъ. Петро—человѣкъ не пьющій. К. подробно разсказалъ, что при обыскѣ дѣлалось: нашелъ бутыль, мѣрялъ сапоги Мазкуна, которые пришлись къ слѣдамъ на пустоши. О Петрѣ сказалъ: не пьющій.

Досвитчана маты, дѣвушки и парни: Петро пришелъ на досвитки въ сумерки и до разсвѣта никуда не выходилъ; горѣлки не приносилъ; самъ не пьетъ.

Прокуроръ досвитчаной матери: вы все время слѣдили за нимъ, что утверждаете, что онъ никуда не выходилъ?—Я була все время въ хати.—И можете поручиться, что рѣшительно никуда не выходилъ, положимъ на короткій срокъ?—Хто его зна!... може про себе й выйшовъ якый разъ, тилко мени щось невпомку...—Вотъ видите... вы не помните... Ну-съ, а когда онъ отъ васъ ушелъ?—У досвита.—Т. е. на разсвѣтѣ?—Ни.—А когда же?—У-досвита, се, бачите, передъ свитомъ—Такъ.. Ну, а водки съ собой не приносилъ?—Ни.

Дядько показалъ: бувъ смеркомъ и пишовъ соби, билшъ ничого не знаю.

Прокуроръ въ своей рѣчи настаивалъ на обвиненіи подсудимаго... Конечно, присяжные вынесли вердиктъ: „нѣтъ, не виновенъ“. Петро благодарилъ присяжныхъ со слезами на глазахъ. Онъ недавно женился. Но суть не въ этомъ. Каковы отцы съ матерями, не прекратившіе миромъ этого дѣла, и каково положеніе окружнаго суда, рѣшающаго дѣло какъ грабежъ съ насиліемъ по кодексу, тогда какъ оно со стороны обычнаго права—просто урокъ старшаго молокососамъ, вздумавшимъ въ 10—14 лѣтъ пить горилку.. По сбычаю, взрослый человѣкъ, накрывъ такихъ in actu adulterii, въ видѣ улики, могъ снять шапку, сирякъ, отнять люльку, кисникъ, хрестъ, и въ результатѣ былъ бы смѣхъ надъ накрытыми сторонихъ, а родители, конечно, постарались бы поступить съ ними по пословицѣ: „катузи по заслузи“. Какъ не пожелать, чтобы такія и подобныя имъ дѣла были изъяты изъ вѣдѣнія окружныхъ судовъ и были предоставлены суду общественному, гдѣ и кара гуманнѣе, и безнаказанность въ случаяхъ дѣйствительно обидныхъ (напр., пропой парубкомъ денегъ, одежды) невозможна. У досвитчанъ свои обычаи, часто грубые; но за нихъ карать арестантскими ротами и Сибирью едва ли приходится. Лучше дома воздать достодолжное, и обычай народный въ такомъ разѣ, какъ извѣстно, не похвалитъ. Я, конечно, выключаю случаи чистой уголовщины. Замѣчу еще, что Хухра, какъ и хутора при-ахтырскіе, мало еще тронуты заводско-фабричной цивилизаціей“.

У галицкихъ лемковъ, находящихся подъ сильнымъ вліяніемъ словаковъ, вечерницы отличаются своеобразнымъ характеромъ, мало

напоминающимъ украинскія увеселенія этого рода. На вечерницы сходятся парубки и дивчата, иногда и замужнія женщины, приходятъ, между прочимъ, люди пожилые, старые. Здѣсь разговариваютъ, поютъ пѣсни, разсказываютъ сказки и разныя „приповѣдки", напр., сказки о трехъ братьяхъ, о разбойникахъ, о двухъ сестрахъ—доброй бѣдной и злой богатой. Старики и старухи разсказываютъ про старинное время, кому что случилось испытать въ жизни, какой разумный дьякъ былъ въ селѣ, „якъ то за ихъ батькивъ було и якъ то еще ихъ батькамъ тѣхъ батьки оповѣдали". Отставные солдаты разсказываютъ о походахъ и чужихъ странахъ. По словамъ этнографа лемковъ, А. Торонскаго, „вечерницы (у лемковъ) суть то сходбища, на которыхъ юношество много учится. Онѣ не суть вредливы, якъ то больше на далахъ быти може, понеже не сходятся съ цѣлаго села парубки и дѣвки, а только съ 10 или 20 хатъ разомъ, и то не все въ одной и той же хатѣ, напр. у якой вдовы, но въ различныхъ хатахъ. Суть то семейныи розговорки, на которыхъ старыи и молодыи участвуютъ. Пьянства тамъ также нѣтъ" (*Зоря Галицкая*, 1860 г., 416).

Примѣчаніе. Оставляю въ сторонѣ многіе свадебные обряды, повѣрья и пѣсни, потому что славянскимъ свадьбамъ вообще и малорусской въ особенности ранѣе уже было посвящено мной нѣсколько изслѣдованій; именно: *„Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы"*, *„Къ вопросу о вліяніи греко-римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу"* и *„О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ"*. Послѣднее сочиненіе издано было въ Харьковѣ въ 1881 г., какъ магистерская диссертація, и сравнительно съ предыдущими представляется болѣе крупнымъ. Содержаніе первыхъ двухъ изслѣдованій видно уже изъ ихъ заголовка. Въ диссертаціи „О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ", говорится о слѣдующемъ: Пѣсни и обряды, относящіеся къ похищенію и куплѣ невѣсты. Небесные браки. Участіе небесныхъ свѣтилъ въ устроеніи человѣческихъ браковъ. Время совершенія свадебъ. Черты небеснаго брака въ бракѣ человѣческомъ. Свадебные символы солнца, грома и дождя. Купаніе молодыхъ (баня). Жертвоприношеніе животныхъ и хлѣба (коровай). Обрядовое употребленіе соли. Жертвенныя возліянія. Посвященіе волосъ. Посадъ. Покрываніе головы невѣсты. Музыка и танцы. Молитвы и религіозныя пѣсни. Вильце. Значеніе растеній въ свадебныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ. Обрядовое употребленіе сѣна и соломы. Домъ и его части. Обрядовое употребленіе стола, вѣника и сора. Одежда молодыхъ. Въ дополненіяхъ помѣщены статьи о роли мальчика на свадьбахъ, обязательномъ молчаніи молодой, разбиваніи посуды, жертвоприношеніи лошади и названіи жениха княземъ, а невѣсты княгиней. Сочиненіе „О свад. обряд." давно вышло изъ продажи. Оно вызвало нѣсколько обширныхъ рецензій: *проф. А. И. Кирпичниковъ* въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. сдѣлалъ нѣсколько цѣнныхъ дополненій о французскихъ и нѣмецкихъ

свадебныхъ обрядахъ; *акад. А. Н. Веселовскій* касается моего труда въ разныхъ своихъ статьяхъ, при чемъ въ однихъ случаяхъ пользуется имъ, въ другихъ опровергаетъ нѣкоторыя мои замѣчанія по миѳологіи или дополняетъ мое изслѣдованіе (напр., по вопросу о разуваніи молодаго); *проф. А. А. Потебня* предложилъ поправки и дополненія въ 1 т. „Объясненій малорусск. и сродныхъ пѣсенъ“ (стр. 1, 16 и др.); *акад. И. В. Ягичъ* сдѣлалъ общую оцѣнку моего труда въ Archiv f. slav. Philologie, 1881, V B., IV H. Пустыя рецензіи были въ „Вѣстн. Европы“ 1881, VI и въ „Руси“ 1881, № 38.

Въ предстоящихъ статьяхъ о свадебныхъ малорусскихъ обрядахъ я буду говорить или о томъ, чего не было въ соч. „О свадебныхъ обрядахъ“, или о томъ, что нуждается въ другомъ научномъ объясненіи, на основаніи другихъ фактическихъ данныхъ.

86.

Малорусская свадебная терминологія.

Малорусская свадебная терминологія отличается вполнѣ славянскимъ характеромъ, только въ отдаленномъ уголкѣ русскаго міра въ Буковинѣ появилось нѣсколько чуждыхъ словъ. И въ Великороссіи обнаруживается то же явленіе: въ центральной Россіи всѣ свадебные термины славянскіе, а на сѣверо-востокѣ встрѣчаются уже въ свадебномъ ритуалѣ такія слова, какъ урвалятне, люкшинъ — пряка, челпанъ. Галицко-русскія свадебныя слова и выраженія близко стоятъ къ великорусскимъ; такъ, слова пропой, кичка, бояре, обычныя въ Великороссіи, весьма распространены и въ Галиціи. Въ мѣстностяхъ, гдѣ малороссы живутъ съ поляками въ близкомъ сосѣдствѣ напр., въ сѣдлецкой губерніи, обнаруживается значительная примѣсь польскихъ свадебныхъ терминовъ, одновременно съ примѣсью польскихъ свадебныхъ рацей. При всемъ томъ, на пространствѣ отъ Дона до Буга свадебная терминологія почти вполнѣ одинакова и устойчива. Тѣ термины, которые находятся въ самомъ раннемъ описаніи украинской свадьбы, сдѣланномъ Калиновскимъ въ 1777 году, встрѣчаются и въ настоящее время на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Свадебная терминологія говоритъ въ пользу нравственнаго и гражданскаго достоинства малорусской свадьбы, такъ какъ въ ней нѣтъ ничего грубаго, суроваго, что вполнѣ отвѣчаетъ общему мягкому складу и веселому тону малорусской

свадьбы, въ ритуалѣ которой только немногіе обряды напоминаютъ о томъ варварскомъ времени, когда „умыкиваху дѣвицъ у воды“, безъ ихъ согласія, времени доисторическомъ, такъ какъ уже въ XI вѣкѣ въ глухихъ мѣстахъ деревской и сѣверской областей умыканіе дѣвицъ происходило, по свидѣтельству лѣтописца, съ ихъ согласія. Главные предки украинскаго народа поляне уже въ XI вѣкѣ имѣли „обычай кротокъ и тихъ и стыдѣніе къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровямъ и деверямъ велико стыдѣнье имѣху, брачный обычай имяху, не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней что вдадуче“. За этими словами скрываются уже степенные старосты съ хлѣбомъ въ рукахъ, веселыя дружки и приданки, пѣсни про ясный мисяцъ и его подругу зирочку вечирнюю. Въ настоящее время въ малорусскихъ названіяхъ сватовъ и старостовъ нѣтъ указаній на ихъ чародѣйство; обнаруживается уваженіе къ нимъ, какъ людямъ пожилымъ, опытнымъ, разумнымъ и краснорѣчивымъ и нѣтъ удручающаго и связывающаго опасенія ихъ, какъ колдуновъ; оттого въ Малороссіи нѣтъ и такихъ названій для свата, какъ *ворожецъ* (олонец. губ., *Бесѣда* 1872, VI, 108), *вѣжливецъ* (дружко-колдунъ въ перм. губ., *Перм. Губ. Вѣд.*, 1864, № 3), *опасный* (ib.). Далѣе, въ Малороссіи въ настоящее время хотя и сохраняется обрядовый плачъ невѣсты, но уже нѣтъ такихъ названій и такихъ лицъ на свадьбѣ, какъ *плачея* въ арханг. губ., которая помогаетъ невѣстѣ выкрикивать плачевныя пѣсни (*Москвитян.* 1853, XIII, 31). или *выльница* въ ярослав. губ., которая по приглашенію „воетъ“ на дѣвичникѣ (*Этн.* Сб., III, 21).

Прилагаемъ при этомъ маленькій словарь малорусскихъ свадебныхъ терминовъ, не претендуя на исчерпывающую полноту его содержанія, съ указаніемъ тождественныхъ или сходныхъ свадебныхъ терминовъ другихъ славянскихъ народовъ, великоруссовъ, чеховъ, болгаръ и пр.

1) *Бажантъ*—въ Подлясьѣ такъ называется пѣтухъ, сваренный за селомъ на горѣ и въ концѣ свадьбы подаваемый къ столу въ домѣ отца невѣсты (*Чуб.*, IV, 385).

2) *Балецъ*—въ Галиціи хлѣбъ особаго вида и обряднаго приготовленія въ домѣ невѣсты въ день витья вѣнковъ (*Голов.*, въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи 1872, III, 369).

3) *Баришъ*—выпивка поѣзжанъ и молодыхъ въ домѣ священника послѣ вѣнчанія (*Чуб.* IV, 675).

4) *Богадъ*—почетное мѣсто на покути подъ образами, покрываемое вывернутой шерстью вверхъ шубой, гдѣ сидятъ молодые (*Чуб.* IV, 143).

5) *Бокрейда*—въ Галиціи букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, который женихъ получаетъ отъ невѣсты, дружко отъ ея подругъ, и надѣваютъ на шляпу (*Гол.*, IV, 400).

6) *Бояре*—въ М., В. и Б. Россіи участники въ свадьбѣ со стороны жениха и невѣсты или пріятели жениха (*Kolberg*, Pokucie, I, 258).

7) *Бояринъ*—въ В. и М. Россіи распорядитель свадебныхъ поѣзда и обѣда (*Этногр. Сборн.*, I, 142). Въ Бѣлоруссіи бояркой называютъ главную подругу невѣсты (*Шейнъ*, Бѣлор. пѣс. 488); въ Галиціи почетный хозяинъ, который несетъ коровай въ домъ молодой (*Kolb.*, I, 238).

8) *Ватажела*—въ Буковинѣ старшій дружко (*Зап.* Ю. З. Отд. Геогр. Общ. II, 480).

9) *Верчъ*—свадебный хлѣбъ, похожій на коровай (*Чуб.*, IV, 236).

10) *Весилье*—у малоруссовъ, чеховъ и поляковъ служитъ общимъ названіемъ свадьбы.

11) *Весильны люде*—сваты, дружки, вообще свадебная дружина въ седлецк. губ. (*Янчукъ*, Малор. свад. 15).

12) *Вильце*—разукрашенная сосновая вѣтка на дѣвичникѣ (подробн. въ моемъ соч. о свад. обряд.).

13) *Винкоплетины*—въ Галиціи плетеніе вѣнковъ и угощеніе гостей въ домѣ невѣсты (*Основа*, 1861).

14) *Вино*—приданое: *видвиноваты*—дать приданое (*Kolberg*, Pokucie, I, 225).

15) *Выдавия*—у лаборскихъ русскихъ староста или сватъ со стороны невѣсты (*Науков. Сборн.*, 1865, 140); у чеховъ то же „oddavač“ (*Čas. čes. Mus.* I, 93).

16) *Гарасивка*—въ Галиціи платокъ на головѣ невѣсты, къ которому прикрѣпляютъ вѣнокъ (*Основа*, 1862 г.).

17) *Гарбуза пиднесты*—отказать сватамъ (*Kolberg*, Pokucie, I, 286; *Квитка*, въ разн. повѣстяхъ).

18) *Гильце*—украшеніе сосновой вѣтки цвѣтами и фруктами (см. *Сумц.*, 80).

19) *Головыця*—у малоруссовъ г. Вилькова (въ Бессарабіи) собраніе дѣвицъ въ субботу вечеромъ, наканунѣ дня вѣнчанія, или дѣвичникъ (*Кіевск. Старина* 1883, кн. II, 396), вѣроятно, отъ болгарскаго названія сватовства „голѣмъ годежь“ (*Чолаковъ*, Бълг. нар. сб., 51).

20) *Гуски*—въ Угорской Руси собраніе молодежи въ домѣ отца невѣсты наканунѣ вѣнчанія, въ родѣ дѣвичника (*Гол.*, IV, 400); въ Галиціи длинный хлѣбъ вмѣсто коровая съ картофелью (*Tomaszewska*, въ Zbior wiadom., XII, 61).

21) *Дивоснубы*—въ сѣдлецкой губ. сваты (*Чуб.*, IV, 56).

22) *Дивоцьки запоины*—дѣвичникъ въ мозырск. у. минской губ. (*Чуб.*, IV, 214).

23) *Дивичъ-вечеръ*—въ чигиринск. у. кіевск. губ. дѣвичникъ наканунѣ дня свадьбы (*Кіевск. Старина* 1883, т. I, 372).

24) *Домо́вины*—въ полтавск. губ. собраніе родныхъ жениха въ домѣ невѣсты и уговоръ о приданомъ (*Чуб*, IV, 560).

25) *Допыты*—начало сватовства, посылка свахи въ домъ невѣсты, при чемъ сваха наводитъ справки, примутъ ли сватовъ (*Чуб.*, IV, 56).

26) *Дружбины*—у малоруссовъ воренежской губ. дѣвичникъ (*Ворон. Бесѣда* 1861, 172).

27) *Дружко*—родственникъ жениха, главный распорядитель на свадьбѣ; въ Малороссіи дружко заправляетъ свадебнымъ поѣздомъ и угощаетъ гостей; въ Великороссіи оберегаетъ молодыхъ отъ порчи, при чемъ въ вологодск. губ. провожаетъ невѣсту въ баню и окачиваетъ ее здѣсь водой, пошептавъ на нее, т. е. воду (*Этн. Сборн*, V, 9). Въ старинное время въ В. и М. Россіи помогалъ молодому исполнить супружескія обязанности, въ случаѣ его робости или немощности. У сербовъ лужицкихъ дружко находится впереди свадебнаго поѣзда (*Haupt und Smoler*, Volkslieder, II, 234).

28) *Дружчины*—потчиваніе дѣвушекъ сыромъ, когда невѣста сидитъ на посадѣ (*Чуб.*, IV, 163).

29) *Дывень*—въ полтавской губ. свадебный хлѣбъ при короваѣ, какъ дополненіе къ нему (*Полтавск. Губ. Вѣдом.* 1864, № 51).

30) *Заводыны*—въ Буковинѣ первый день свадьбы, суббота или среда (*Зап.* Ю. З. О. Г. Общ., II, 475).

31) *Закуція*—въ Подоліи угощеніе гостей послѣ свадьбы въ домѣ новобрачнаго (*Чуб.* IV, 630).

32) *Залёты*—въ сѣдлецкой губ. первое формальное знакомство жениха съ невѣстой за недѣлю до свадьбы (*Янчукъ*, II).

33) *Заповѣдіе*—въ сѣдлецкой губ. оглашеніе въ церкви три раза по воскреснымъ днямъ (*Янчукъ*, II).

34) *Запой*—въ В. и М. Россіи и въ Славоніи сватовство (*Этногр. Сборн*, I, 47; *Ilič*, Nar. Slav. ob., 43).

35) *Запорозци*—на Волыни называютъ такъ постороннихъ лицъ, присутствующихъ на свадьбѣ безъ приглашенія (*Чуб.*, IV, 383).

36) *Заручины*—у в., м. и бѣлоруссовъ, также у поляковъ обрученіе за нѣсколько дней до свадьбы (*Труды* эти. отд. общ. любит. естеств., V, I, 75; *Народы Россіи*, I, 71; *Шейнъ*, Бѣлор. п. 306 и др.).

37) *Застава*—у лаборскихъ русскихъ (въ Галиціи) свадебное знамя (*Гол.*, IV, 422); у чеховъ заставникомъ называется дружко, несущій знамя (Časop. čes. Musea, I, 92).

38) *Зводины*—обрядовое подниманіе молодыхъ послѣ первой брачной ночи (*Чуб.*, IV, 60; *Янч.*, 48); сходныя слова: у великоруссовъ харьк. губ. *своды*—сговоръ за нѣсколько дней до свадьбы (*Этн. Сборн.*, III, 9); курской губ.—благословеніе молодыхъ хлѣбомъ и иконой передъ вѣнчаніемъ (ib., V, 33); у поляковъ *звяды*—сватовство (*Нар. Рос.*, I, 71).

39) *Згода*—у малоруссовъ сѣдлецкой губ. сговоръ (*Янч.*, II).

40) *Змовины*—у малоруссовъ и поляковъ сговоръ (*Kolb.*, Lud. III, 250).

41) *Знаки*—въ полтавской губ. свадебныя полотенца (*Вѣстн.* Геогр. Общ. 1855, I, 144).

42) *Казане*—рѣчь молодаго или свата, произносимая на печкѣ, какъ съ каѳедры, дидактическаго характера (*Янч.*, 42).

43) *Казаница*—въ сѣдлецкой губ. печка, сидя или стоя на которой сватъ говоритъ рѣчь, при чемъ голосомъ и жестами подражаетъ церковному проповѣднику (*Янч.*, 42).

44) *Калачи* — въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи свадебные хлѣбы (*Kolb.*, Pokucie, I, 227).

45) *Княгиня, князь*—названія молодыхъ въ В. и М. Россіи; въ Грузіи ихъ называютъ царь и царица. Различныя объясненія этихъ названій см. въ моемъ сочин. „О свад. обр." 205 и въ рецензіи Кирпичникова, 184.

46) *Кодашъ*—въ Буковинѣ возница молодыхъ въ свадебномъ поѣздѣ (*Зап.* Ю. З. О. Геогр. Общ., II, 486).

47) *Коровай*—*1*) свадебный хлѣбъ и 2) по немъ такъ называется цѣлый актъ свадебнаго ритуала или особый день свадьбы; подробности въ моемъ сочиненіи „Хлѣбъ въ обр. и пѣсняхъ", дополненія у Янч. 12. Свадебный хлѣбъ называется короваемъ также у румелійскихъ болгаръ (*Чолак.*, Бълг. н. сб. 17).

48) *Куралъ*—въ Угорской Руси свадебное знамя (*Голов.*, IV, 402).

49) *Ладкане*—свадьба, свадебныя пѣсни (*Гол*, *Kolb.*, Pokucie, I, 228).

50) *Лежень, лежни* — свадебные хлѣбы; пекутъ ихъ наканунѣ свадьбы вмѣстѣ съ короваемъ (*Чуб.*, IV, 236; *Этн. Сборн.*, I, 352); ѣдятъ въ понедѣльникъ (когда молодые полежали; *Кіевск. Стар.* 1883, т. I, 396).

51) *Маршалокъ*—дружко или сватъ (*Терещ.* Быт рус. нар., II, 516; *Вѣст.* Г. Общ., 1853, VIII, 73).

52) *Молодая* — названіе замужней женщины въ Малороссіи до рожденія ребенка (особенно дѣвочки); у сербовъ въ теченіи года (*Rajacsich*, Das Leben der Südslav., 185).

53) *Музыка*—названіе музыкантовъ; въ минской губерніи почетнаго гостя (*Минск. Губ. Вѣд.*, 1865, № 24).

54) *Обзорыны*—въ Галиціи осмотръ родителями жениха дома невѣсты и знакомство съ ея родителями (*Kolb.*, I, 286).

55) *Обминяты хлибъ* — сговоръ (*Этн. Сб.*, I, 352).

56) *Оброкъ*—овесъ и вода, чѣмъ мать невѣсты потчиваетъ молодаго.

57) *Одклуйнщины*—собраніе гостей у жениха и невѣсты наканунѣ дня свадьбы (*Чуб.*, IV, 580).

53) *Очепины*—покрываніе головы молодой очипкомъ; у поляковъ „окапины" (*Kolb.* Lud., III, 259).

59) *Перезва*—послѣдній свадебный пиръ у матери невѣсты, присутствуютъ только замужнія женщины; поютъ скабрезныя пѣсни (*Чуб.*, IV, 465; *Кистяковск.*, въ Записк. Г. Общ.).

60) *Перейма*— на другой день свадьбы парубки ставятъ на дорогѣ въ честь молодыхъ, возвращающихся домой отъ священника или изъ дома отца молодой, столъ; на него кладутъ хлѣбъ, водку, пшеницу, овесъ, и получаютъ отъ молодыхъ угощеніе (*Чуб.*, IV, 463).

61) *Перепой*—въ сѣдлецкой губ. угощеніе гостей въ понедѣльникъ послѣ свадьбы въ домѣ молодаго (*Янч.*, 30).

62) *Печеглядины*—осмотръ дома жениха или невѣсты, то же у донскихъ козаковъ „смотрѣть печи" (*Терещ.*, II, 610); то же у чеховъ—„ohnisco obzerat" (*Časop.*, 1859, I, 91).

63) *Пиддружій*—помощникъ дружка (*Кіев. Ст.* 1883, т. I, 380; *Чуб.*, IV, 600).

64) *Пидналокъ*—у лаборскихъ русскихъ въ Галиціи плоскій хлѣбъ (*Науков. Сборн.* 1865, 158).

65) *Пирникъ*—платокъ, который даритъ женихъ невѣстѣ и въ которомъ она стоитъ подъ вѣнцомъ (*Чуб.*, IV, 214).

66) *Платъ*—кусокъ хорошаго полотна, которымъ перевязываютъ невѣсту (*Чуб.*, IV, 676).

67) *Покликъ*—поклонъ, или дареніе священнику передъ огдашеніемъ хлѣба и куръ (*Kolb.*, Pokucie, I, 286).

68) *Покраса*—въ воронежской губ. снопъ жита подъ образами въ день свадьбы (*Ворон. Бесѣда*, 1861, 170), въ юго-западномъ краѣ рубаха молодой послѣ первой брачной ночи (*Чуб.*, IV, 453).

69) *Покрейта*—связка бѣлыхъ перьевъ, полагаемая въ Галиціи на столѣ (*Науков. Сб.* 1865, 141).

70) *Посагъ*—почетное мѣсто молодыхъ на покути или молодой на дѣжѣ (*Чуб.*, IV, 143; *Янч.*, 21); иногда—приданое (*Янч.*, 11).

71) *Посадъ*—почетное мѣсто для невѣсты (подробн. у *Сумц.* 156; *Nowos.*, Lud ukr., I, 203).

72) *Посыранки*—потчиваніе дружекъ сыромъ, когда невѣста находится на посадѣ (*Чуб.*, IV, 163).

73) *Приданки*—у малороссовъ женщины, которыя отвозятъ приданое невѣсты въ домъ жениха; у кашубовъ „przedanki"—двѣ почетныя замужнія женщины, съ бѣлыми платками на головѣ (*Этн. Сб.*, V, 59).

74) *Присваха*—въ сѣдлецкой губ. ходитъ съ невѣстой по домамъ созывать гостей на свадьбу (*Чуб.*, IV, 64).

75) *Пропій*—въ Буковинѣ третій день свадьбы и пиръ въ домѣ молодаго (*Зап.* ю. з. о. Геогр. Общ., II, 475); въ многихъ мѣстахъ Великороссіи сговоръ (*Этн. Сб.*, V, 25 и др.); въ Славоніи „popit"=пропой (*Ilić*, 41).

76) *Просатори*—у галицкихъ лемковъ сваты (*Голов.*, III, 367); у мазуровъ сватъ, созывающій гостей, называется „proszek" (*Toeppen*, Abergl. aus Masuren, 84).

77) *Проща*—въ Буковинѣ длинная свадебная рѣчь религіознаго характера (*Зап.* ю. з. о. Геогр. Общ., II, 482).

78) *Розвидки*—то же, что и „допыты", см. это слово выше (*Чуб.*, IV, 56).

79) *Розглядины*—осмотръ дома жениха родителями невѣсты (*Чуб.* IV, 95; *Кіевская Старина*, 368).

80) *Руковины, Рукодаины*—заручины, сговоръ (*Чуб.*, 65), въ Славоніи то же—„rukovna" (*Ilić*, 49).

81) *Рушники братъ*—сватовство, сговоръ (*Ворон. Бес.* 1861, 161); у чеховъ „ruszniса"—женщина, которая отвозитъ приданое въ домъ жениха (*Časop.*, 1859, I, 93).

82) *Свадьба*—у поляковъ начала XVII в. *svadva*, у кашубовъ нынѣ *suadzba*—рядъ брачныхъ увеселеній и обрядовъ (*Терещ.*, II, 32; *Этн. Сб.*, V, 110; *Nowos.*, I, 175).

83) *Сватання*—посылка сватовъ, начало свадьбы (*Кіевск. Старина* 1883, т. I, 368).

84) *Сватъ*—такъ называется лицо, дѣлающее предложеніе отцу дѣвушки отъ имени жениха (*Янч.*, 16) и еще чаще отцы молодыхъ относительно другъ друга. Въ Великороссіи бываетъ одинъ сватъ; въ Малороссіи почти всегда два свата (или старосты). У древнихъ индусовъ въ домъ отца взрослой дѣвушки шли также два

свата съ цвѣтами и плодами (*Weber*, Ind. Stud., V, 276, 291, 380). Въ Малороссіи они почти всегда несутъ съ собой хлѣбъ. Въ Германіи къ отцу невѣсты приходятъ также два свата (*Mülhause*, Die Urrelig., 194). Въ орловск. губ. бываетъ сватъ со стороны жениха и сватъ со стороны невѣсты (*Терещ.*, II, 194), въ родѣ галицко-русскаго выдавца и чешскаго оддавача.

Сваха—изрѣдка устроительница сватовства, какъ въ Великороссіи повсемѣстно, а большею частью такъ называются матери молодыхъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Свахи въ смыслѣ устроительницъ бракосочетаній были у древнихъ грековъ (промнестріи) и у ацтековъ (*Страшкевичъ*, Кратк. оч. греч. древн., 448; *Klemm*, Allgem. Kulturgesch., V, 33).

86) *Свашки*—родственницы жениха, большею частью жены его братьевъ (*Кіевская Старина* 1883, т. I, 380).

87) *Свитивка или свитилка*—родная или двоюродная сестра жениха; въ старинное время держала въ рукахъ козацкую саблю, украшенную калиной, съ восковой свѣчой на верху (*Абевега*, 1786 г., 44; *Чуб.*, IV, 588; *Зап.* ю. з. о. Г. Об., II, 474; *Kolberg*, Pokucie, I, 231).

88) *Словорыны*—уговоръ о днѣ свадьбы и пирушка (*Кіевск. Старина*, 369), послѣ сватовства или проноя (*Этн. Сб*, V, 32).

89) *Сербина*—въ Буковинѣ свадебный танецъ (*Зап.* ю. з. о. Г. Общ., II, 503).

90) *Слово* — уговоръ родителей молодыхъ о приданомъ предъ свадьбой (ib., 474).

91) *Смѣны*—въ Буковинѣ четвертый день свадьбы, съ угощеніемъ гостей (обыкновенно суббота—ib, 475).

92) *Старосты*—устроители свадьбы, послы отъ жениха къ отцу невѣсты (часто упоминаются въ повѣстяхъ и комедіяхъ Квитки, преимущественно въ „Пидбрехачѣ“ и „Сватаньѣ на Гончаривци“).

93) *Старосцины*—свахи, послы отъ жениха (*Чуб.*, 248).

94) *Стульни*—свадебные пироги. Въ Малороссіи молодой относилъ стульни къ тестю, обложивъ ихъ калиновыми вѣтвями, въ случаѣ цѣломудрія невѣсты (*Абевега*, 47; *Терещ.*, II, 536).

95) *Торочины*—собраніе дѣвушекъ въ домѣ невѣсты съ цѣлью пришить къ полотенцамъ тороки—волокнистые концы (*Чуб.*, IV, 96).

96) *Торочки*—вишневыя вѣтви, обвитыя тѣстомъ и воткнутыя въ коровай (*Чуб.*, IV, 672).

97) *Турпанъ*—въ Буковинѣ свадебное покрывало невѣсты (*Зап.* ю. з. о. Г. Общ., II, 491).

98) *Умовины*—сговоръ, розглядины (*Чуб.*, 400, 671 и др).

99) *Хорунжій*—парубокъ, который держитъ свадебное знамя, „весильну корогву“ (*Чуб.*, 262; *Основа* 1862, IV, 27).

100) *Хустка*—платокъ, который невѣста даритъ жениху (*Янч.*, 26), то же, что ширинка на княжескихъ и царскихъ свадьбахъ стариннаго времени (*Забѣлинъ*, Дом. бытъ русск. царицъ 637).

101) *Цыганщина*—послѣсвадебное увеселеніе съ переодѣваніями въ цыганъ, жидовъ и пр. (*Чуб.*, IV, 580).

102) *Чильце*—въ галицкомъ Покутьѣ мѣдный полукругъ, надѣваемый на лобъ невѣстѣ подъ вѣнокъ (*Kolberg*., I, 232).

103) *Шишки*—небольшіе свадебные хлѣбы при короваѣ въ харьк. губ., въ астраханской г. у малоруссовъ (*Волга* 1864, № 51) и въ др. мѣстахъ М. Россіи.

104) *Шуренги*—въ Подоліи такъ называются четыре мальчика не моложе пяти лѣтъ, которые стоятъ возлѣ невѣсты съ палочками, поднятыми вверхъ (*Чуб.*, IV, 625).

Бокрейда (№ 5) и покрейта (№ 69), кажется, тожественны по значенію; оба эти слова происходятъ отъ мадьярскаго „bokreta“ (*Miklosich*, Die Fremdwörter, 6). Слово бажантъ (№ 1) польское, значитъ фазанъ, серб. бажанъ; (ib. 5). Слово балецъ (№ 2), вѣроятно, отъ зап.-слав. bala—приданое, нѣм. Ballen, итал. balla—тюкъ (ib., 4).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НОВЫЙ ИСТОЧНИКЪ О КОЗАЦКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1625 Г. И МѢСТО ЗАКЛЮЧЕНІЯ КУРУКОВСКАГО ДОГОВОРА.

Въ числѣ многихъ интересныхъ памятниковъ, напечатанныхъ въ вышедшемъ въ прошломъ году изданіи кіевской археографической коммиссіи «Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси», есть дневникъ похода противъ запорожскихъ козаковъ въ 1625 году. Любопытный этотъ «діаріушъ» извлеченъ проф. В. Б. Антоновичемъ изъ одной записной книги (т. н. Silva rerum) XVII или начала XVIII в. въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ. Вотъ что говоритъ ученый издатель о важности дневника.

«Фактъ, разсказанный въ издаваемомъ дневникѣ: возстаніе козацкаго гетмана Жмайла и усмиреніе его польскимъ гетманомъ Конецпольскимъ, оставленъ въ тѣни какъ козацкими лѣтописцами, такъ и польскими историками. Обыкновенно мы встрѣчаемъ только ссылки на Куруковскій договоръ, долго потомъ служившій польскому правительству какъ бы нормою для регулировки козацкихъ отношеній, но возстаніе, подавшее поводъ къ заключенію этого договора, оставалось долго совершенно почти неизвѣстнымъ и даже имя его предводителя не приводилось историками, описывавшими козацкія возстанія. Впрочемъ, издаваемый нынѣ дневникъ послужилъ источникомъ для двухъ историческихъ сочиненій: свѣдѣнія, заимствованныя изъ него, мы встрѣчаемъ въ жизнеописаніи Ѳомы Замойскаго, изданномъ Батовскимъ и составленномъ въ 1643 году Журковскимъ [1]). Затѣмъ, подробности возстанія Жмайла разсказаны въ предисловіи къ «Богдану Хмельницкому» Костомарова въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ этого сочиненія; мы не знаемъ, заимствовалъ ли почтенный историкъ приводимыя имъ свѣдѣнія изъ указаннаго сочиненія Журковскаго, или изъ подлиннаго дневника, встрѣтившагося ему въ рукописи; во всякомъ случаѣ, такъ какъ первоначальный ис-

[1]) „Żywot Tomasza Zamojskiego napisał Stanisław Żurkowski, wydał Alexander Batowski z rękopismu w zbiorze Wiktora Baworoskiego. Lwów. 1860“.

точникъ не былъ приложенъ ни въ одномъ изъ двухъ названныхъ сочиненій, то мы полагаемъ, что изданіе его обогатитъ лѣтописный матеріалъ, собранный для южно-русскаго бытописанія XVII столѣтія [1]).

Такъ какъ дневникъ напечатанъ въ «Сборникѣ лѣтописей» въ подлинникѣ, на польскомъ языкѣ, и изданіе, пріютившее его, не можетъ похвалиться распространенностью среди читающей публики, то уже это одно обстоятельство даетъ ему право появиться на страницахъ «Кіевской Старины» въ русскомъ переводѣ, какъ появились тамъ другіе подобные памятники. Мы, впрочемъ, на этотъ разъ воспользуемся дневникомъ и для рѣшенія одного маленькаго вопроса въ нашей исторіи—вопроса о мѣстѣ заключенія извѣстнаго Куруковскаго договора. Въ печати, сколько помнится, къ вопросу этому относится спеціально одна только замѣтка священника Никифорова, помѣщенная въ апрѣльской книгѣ «Кіевской Старины» за 1885 годъ. Почтенный авторъ замѣтки, очевидно хорошо знакомый съ мѣстностью, о которой пишетъ, именно нуждался въ точномъ и ясномъ разсказѣ о событіяхъ, вызвавшихъ Куруковскій договоръ. Мѣсто для него онъ указываетъ въ посадѣ Крюковѣ, что на правомъ берегу Днѣпра, противъ Кременчука. Это, какъ увидимъ, весьма вѣроятно, но по содержанію замѣтки мало доказательно. О. Никифоровъ взялъ разсказъ о возстаніи Жмайла у Костомарова, а покойный историкъ, не имѣя въ виду спеціальнаго описанія именно этого возстанія, коснулся даннаго вопроса только вскользь.

Предлагая ниже цѣликомъ «Дневникъ» въ русскомъ переводѣ, мы позволимъ себѣ для нашей цѣли только подчеркнуть въ немъ тѣ мѣста, которыя касаются топографіи, начиная съ Крылова, который можно взять за послѣдній точно опредѣленный пунктъ на пути, законченномъ искомымъ Куруковскимъ урочищемъ. Для большей ясности прилагаемъ и карту мѣстности отъ Крылова до Крюкова, снимокъ съ трехверстной карты Россіи.

„Дневникъ коммиссіи или экспедиціи противъ войска Запорожскаго. 1625“.

(*Diarjusz kommissji albo expedicji przeciwko wojsku Zaporoskiemu. 1625*).

«Сталъ его милость п. гетманъ съ войскомъ его королевскаго величества кварцянымъ 5 іюля нынѣшняго 1625 года за Мурахвой,

[1]) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изд. коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. К., 1888 г. Предислов. стр. XXIX—XXX.

надъ рѣчкой, между шляхами Черными и Кучманскимъ, чтобы дать отпоръ набѣгамъ поганыхъ и непріятельскимъ замысламъ; здѣсь войско стояло обозомъ во всей воинской дисциплинѣ до 15 сентября; двинувшись отсюда по полкамъ, перешли въ разныхъ мѣстахъ р. Бугъ. Отсюда къ 25 числу того же мѣсяца стали — по крайней мѣрѣ самъ е. м. п. гетманъ съ полкомъ своимъ, отправивъ въ Барѣ пословъ отъ Мехметъ-Ддакъ баши, отъ Шагинъ Гирея, отъ господаря волошскаго и посланца семиградскаго, — въ милѣ предъ Паволочью, гдѣ на его милость напалъ первый пароксизмъ квартанны [1]), которая его жестоко мучитъ и по сей день.

26. Утромъ послы кіевскіе привѣтствовали его милость и получили отвѣтъ на принесенныя письма. Его милость съ полкомъ шелъ черезъ Паволочь, навѣстилъ ея милость панію (каштеляншу) виленскую, а потомъ сталъ обозомъ въ доброй милѣ за городомъ.

27. Обозъ остановился въ полумилѣ за мѣстечкомъ Таборовкой, гдѣ его милость привѣтствовали п. Рогошъ, подстароста бѣлоцерковскій, съ мѣщанами.

28. Тамъ же стояли цѣлый день, ожидая другихъ полковъ и ихъ милостей пп. коммиссаровъ.

29. Обозъ подвинулся на милю и сталъ надъ рѣкой Раставицей, въ тотъ же день къ обозу подошли полки е. м. п. Потоцкаго, подкоморія каменецкаго.

30. Тамъ же присоединился полкъ пана старосты винницкаго и пана Тржцинскаго.

Октября 1. Стоятъ (гетманъ) на томъ же становищѣ.

2. Тамъ же, пришелъ полкъ пана (каштеляна) галицкаго.

3. Тамъ же въ обозъ пріѣхалъ е. м. п. воевода русскій, коммиссаръ его королевскаго величества.

4. Утромъ обозъ тронулся изъ подъ Раставицы и, переправившись черезъ рѣку Каменицу, шелъ мимо Бѣлой-Церкви и остановился въ четверти мили за городомъ.

5. Тамъ же (стояли), ожидая пп. коммиссаровъ.

6. Обозъ двинулся и сталъ въ двухъ миляхъ надъ рѣкою Узенемъ.

7. Въ этотъ день обозъ сдѣлалъ около мили и стоялъ за мѣстечкомъ Рокитной.

8. Тамъ же, въ ожиданіи пп. коммиссаровъ.

9. Утромъ обозъ двинулся и сталъ надъ Катарлыкомъ, въ трехъ съ половиной миляхъ.

[1]) Перемежающаяся лихорадка.

10. Обозъ шелъ 3 мили и стоялъ надъ урочищемъ Піевомъ. Подстароста каневскій и мѣщане встрѣтили его милость.

11. Двинулся обозъ и остановился въ милѣ отъ Канева. Пріѣхали къ е. м. п. гетману три посла отъ каневскихъ козаковъ съ оповѣщеніемъ, что гетманъ ихъ Жмайло еще на Запорожьѣ, и просили при этомъ, чтобы въ городѣ не дѣлали на нихъ нападенія, дабы имъ можно было безопасно имѣть въ немъ раду между собою.

12. Тамъ же. 3000 козаковъ, не согласившись на радѣ (поддаваться ли п. гетману или нѣтъ?), ушли изъ города; въ погоню за ними п. гетманъ послалъ п. Одрживольскаго съ 10 хоругвями.

13. П. Одрживольскій, догнавъ козаковъ надъ рѣкою Мошною, громилъ ихъ. Тамъ же, твердоуздый конь унесъ къ козацкому табору сына князя Четвертинскаго, котораго козаки и держали въ плѣну впродолженіе всей экспедиціи. Обозъ шелъ 3 мили; переправившись черезъ рѣку Рось подъ Рожнищами [1]), стоялъ на той сторонѣ. Е. м. п. гетманъ послалъ на помощь п. Одрживольскому кавалера Юдыцкаго съ нѣмецкой пѣхотой и хоругвью п. Коссаковскаго и п. Бѣлецкаго; догнали его только ночью, у рѣки Мошны. А козаки, получивъ подкрѣпленіе, съ табором своимъ направились къ Черкасамъ.

14. Шелъ неутомимо п. Одрживольскій съ подкрѣпленіемъ и съ полкомъ своимъ до Черкасъ, оттуда за часъ до разсвѣта вышло таборомъ 20,000 козаковъ къ войску козацкому, которое изъ Масловаго Ставу дошло уже до Цаловъ (które się już do Całów (sic) z Masłowego Stawu sciągnęli). Давъ знать объ этомъ его милости п. гетману, самъ (Одрживольскій) остался въ городѣ. Обозъ въ этотъ день сдѣлалъ мили три и дошелъ до самой рѣки Мошны, переправившись черезъ которую, остановился. Прибыли въ обозъ: его милость п. воевода кіевскій, князь Панницкій, князь Вишневецкій и ихъ милости пп. коммиссары.

15. Е. м. п. гетманъ съ войскомъ и ихъ мм. пп. коммиссарами прибылъ къ Черкасамъ и сталъ обозомъ подъ городомъ.

16. Тамъ же, впродолженіе цѣлаго дня, вслѣдствіе рады, которую имѣли ихъ мм. пп. коммиссары, собравшись въ полномъ составѣ.

17. Утромъ обозъ двинулся изъ Черкасъ и, прошедши мили 2, сталъ надъ Днѣпромъ. Тамъ же посолъ козацкій выѣхалъ на встрѣчу его милости п. гетмана, съ увѣдомленіемъ, что получили вѣсть о своемъ гетманѣ, который уже двинулся изъ Запорожья съ артиллеріей.

---

[1]) Вѣроятно с. Рожовка черкасскаго уѣзда (Прим. издат. дневника).

18. Обозъ двинулся и въ двухъ миляхъ прошелъ мѣстечко Воровицу; въ милѣ за нимъ остановился.

19. Утромъ пришли къ е. м. п. гетману послы отъ козаковъ съ просьбою, чтобы онъ не наступалъ на нихъ, а подождалъ бы прибытія изъ Запорожья гетмана ихъ пана Жмайла. Его милость однако обозъ двинулъ и, прошедши около 3 миль, сталъ надъ рукавомъ Днѣпра.

20. Тамъ же. Цѣлый день была рада ихъ милостей пп. коммиссаровъ. Пріѣхалъ посолъ отъ пословъ христіанскихъ, находящихся въ Цареградѣ; пріѣхалъ онъ въ обозъ черезъ государство волошское и имѣлъ аудіенцію у е. м. п. гетмана.

21. Двинулся обозъ и, сдѣлавъ двѣ мили, остановился за милю предъ Крыловымъ.

22. Тамъ же, цѣлый день,—вслѣдствіе рады, происходившей у ихъ м.м. п.п. коммиссаровъ. Посла чужеземнаго е. м. п. гетманъ отправилъ.

23. Тамъ же, впродолженіе дня. Были послы отъ козаковъ, твердя одно и то же, что гетманъ ихъ изъ Запорожья еще не прибылъ.

24. Обозъ двинулся и шелъ до Крылова; вышедши оттуда, *сталъ въ милѣ за городомъ надъ рѣчкою Цыбульникомъ, въ разстояніи одной мили отъ козацкаго табора*; съ этого становища хорошо было видѣть обозъ козацкій и стражу ихъ.

25. Къ е. м. п. гетману прислали (козаки) пословъ, давая знать, что гетманъ запорожскій съ артиллеріей прибылъ въ таборъ своего войска и увѣдомилъ черезъ посла о своемъ прибытіи е. м. п. гетмана.

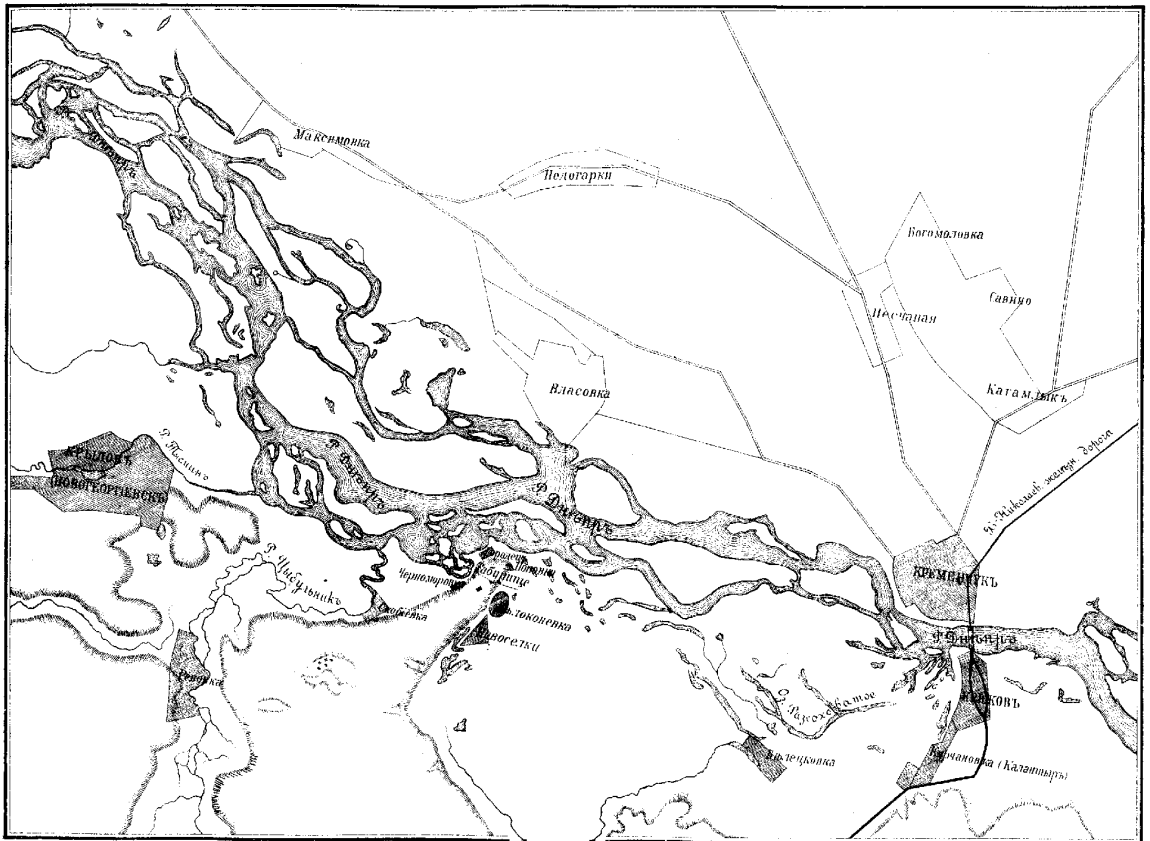
26. Тамъ же, е. м. п. гетманъ посылалъ къ козакамъ нѣкоторыхъ п.п. коммиссаровъ съ условіями, которыя они должны выполнять, если хотятъ быть вѣрными подданными е. к. в.; козаки взяли условія на раду.

27. Тамъ же. Козаки объявили условія тяжелыми; начали раду между собою.

28. Тамъ же. Рада у козаковъ продолжалась до полудня; вечеромъ 13 старшихъ козаковъ пріѣхали къ е. м. п. гетману съ увѣдомленіемъ, что молодцы рѣшительно не обѣщаютъ исполнять ни одного пункта изъ предложенныхъ условій. Пословъ задержали впродолженіе ночи, а всему войску отданъ приказъ быть къ утру наготовѣ.

29. Утромъ е. м. п. гетманъ отправилъ тѣхъ 13 пословъ, растрогавъ ихъ до слезъ нѣсколькими парами словъ: «такъ какъ вы покорностью, какъ вѣрные подданные, не хотите заслужить милосер-

Карта мѣстности на прав. берегу Днѣпра
между Крыловомъ и Крюковомъ.



Лит. Г. Т. Корчакъ Новицкаго.

Масштабъ: въ 1 дюймѣ 8 верстъ.

дія и благосклонности е. к. в., то мы надѣемся на Бога, что за непослушаніе и своеволіе вы скоро испробуете нашихъ сабель на своихъ шеяхъ; и кровопролитіе, которое произойдетъ, падетъ на души ваши». Вслѣдъ за этимъ гетманъ отдалъ приказъ и всему войску двигаться изъ обоза на козаковъ; строй былъ такой: впереди шли 3 полка—воевода кіевскій съ полкомъ держалъ правое крыло, панъ (каштелянъ) галицкій со своимъ полкомъ лѣвое и полкъ князей Збаражскихъ занималъ середину. За этими тремя полками слѣдовало 800 душъ иностранной пѣхоты п. капитана Бутлера и Винкрота; далѣе шла артиллерія войсковая, и вслѣдъ за нею—пана воеводы кіевскаго (при его же нѣмецкой пѣхотѣ, предводимой п. Фитингсомъ). За ними п. капитанъ Надольскій велъ всѣ хоругви пѣхоты венгерской и отборныхъ (wybrańców), за которыми шелъ п. Потоцкій, воеводичъ брацлавскій, съ полкомъ е. м. п. гетмана; за нимъ п. подкоморій и далѣе п. староста винницкій и п. Шклинскій. День былъ погодный; *широкое поле покрыто было людьми*. Когда построенное такимъ образомъ войско *перешло одну болотную переправу*, е. м. п. гетманъ тоже надѣлъ на себя оружіе и *съ высокихъ могилъ* внимательно осматривалъ козацкій таборъ и мѣстоположеніе; затѣмъ приказалъ своему сторожевому отряду согнать съ мѣста козацкую стражу, а пану Галицкому съ ротой Бутлера и 5 хоругвями гайдуковъ—*обойти низомъ* и занять позицію подъ лѣвымъ рогомъ козацкаго табора, *у лѣса и озера*; то же самое сдѣлать *внизу подъ правымъ рогомъ* поручено было кавалеру Юдыцкому съ ротой п. Винкрота и 5 хоругвями гайдуковъ. Во время этого движенія произошла стычка съ долгой и довольно упорной перестрѣлкой. Но когда наши съ большей рѣшимостью бросились на нихъ съ обѣихъ низинъ и конница наша вогнала козацкую конницу обратно въ таборъ, то и пѣшіе молодцы отступили къ самому окопу. Кавалеръ (Юдыцкій) съ пп. Винкротомъ и Фитингсомъ, разгорячившись, бросились было за козаками прямо къ табору, такъ что ужъ самъ е. м. п. гетманъ, видя близкую для нихъ опасность—быть окруженными козаками—удержалъ ихъ, а е. м. п. воевода кіевскій подкрѣпилъ ихъ собственной хоругвью и пушками, которыя не только вредили табору, но и отражали конныя козацкія вылазки *отъ правой низины*. Е. м. п. гетманъ *загородилъ фронтъ или середину поля, отъ одной до другой низины*, своимъ полкомъ и артиллеріей, которая довольно успѣшно вредила непріятелю и производила у него замѣшательство.

Тѣмъ временемъ панъ Галицкій, замѣтивъ со своей низины, что въ обращенномъ къ ней рогѣ козацкаго табора фортификація слабѣе, хотѣлъ съ п. капитаномъ Бутлеромъ обойти съ этой стороны непріятеля; козаки, замѣтивъ это, направили большую часть своихъ силъ для обороны этой стороны и все время отбивались частой стрѣльбой. Наступилъ за тѣмъ вечеръ; пѣхота, частью измученная, частью перераненная, нуждалась въ отдыхѣ; вслѣдствіе этого е. м. п. гетманъ, хорошо присмотрѣвшись къ табору, приказалъ свести съ позиціи находившуюся передъ таборомъ пѣхоту и артиллерію какъ свою, такъ и е. м. п. воеводы кіевскаго; вслѣдъ затѣмъ онъ отвелъ и все войско къ обозу, расположенному тамъ, гдѣ прежде стояли козацкіе пикеты.

30. Тамъ же, впродолженіе дня, дѣлали кошы (туры) для штурма, а каждый въ отдѣльности запасался пулями и проч. Гайдукъ е. м. п. гетмана передался козакамъ и увѣдомилъ ихъ о кошахъ и о готовящемся штурмѣ; козаки, желая уйти изъ табора, пустились было на нѣсколькихъ челнахъ за Днѣпръ; но такъ какъ всѣ они отъ ужасной волны и бури, бывшей въ этотъ день, потонули, то остальные, подъ предводительствомъ гетмана ихъ Жмайла, рѣшили лучше уходить таборомъ *внизъ Днѣпра, къ старому городищу надъ Куруковымъ озеромъ*; тотчасъ отъ нихъ отдѣлилось нѣсколько хоругвей конницы и разсыпалось въ разныя стороны Когда наступила темная ночь, е. м. п. гетманъ выслалъ 40 нѣмцевъ лѣсомъ подъ таборъ, чтобы добыть языка; они, подошедши подъ самый окопъ и не находя тамъ огней и стражи, рѣшили, что козаки ушли изъ лагеря, и тотчасъ дали знать объ этомъ е. м. п. гетману.

31. Въ пятницу наканунѣ Всѣхъ-Святыхъ, е. м. п. гетманъ задолго до разсвѣта выслалъ п. подкоморія съ его полкомъ въ догонку за козаками, которыхъ тотъ и догналъ, спустя часъ послѣ разсвѣта, *въ милѣ разстоянія, уже переправившихся черезъ болото или озеро*. Козаки, оставивъ въ чащѣ лѣса 1500 душъ для обороны переправы, сами *шли таборомъ полмили до другой воды*, перешедъ черезъ которую и оставивъ здѣсь 2000 всадниковъ, *шли таборомъ вторыя полмили, до самаго озера, называемаго Куруково;* выстроивъ для обороны по сю сторону озера 2000 душъ при возахъ полумѣсяцемъ, они переправили затѣмъ войско и *въ полчетверти мили отъ озера, около стараго шанца или городища* заложили таборъ, поставивъ возы въ нѣсколько рядовъ, и укрѣпили его. Какъ только разсвѣло, е. м. п. гетманъ отдалъ приказъ полкамъ въ обычномъ порядкѣ выходить изъ

лагеря, а кавалеру и п.п. капитанамъ приказалъ, чтобы они съ иноземной ихъ пѣхотой, какъ можно скорѣе, бѣжали козацкимъ шляхомъ, что они и исполнили съ большимъ усердіемъ. Когда они раньше конницы достигли *первой переправы* и нашли тамъ п. подкоморія и п. Тышкевича, укрѣпившихся нѣсколько козацкимъ способомъ, то, передавъ имъ приказъ гетмана, начали быстро и охотно обстрѣливать и поражать козацкую засаду, помѣщавшуюся въ гущинѣ. Сами начальники, сошедши съ коней для придания большей охоты солдатамъ, быстро вскочили въ воду съ мушкетами и оттѣснили козаковъ отъ берега. Тогда легкая кавалерія упомянутыхъ выше полковниковъ, перешедши переправу по ихъ слѣдамъ, смѣло ударила на козаковъ, принудила ихъ обратить тылъ и погнала. Часть козаковъ разсыпалась по травамъ и болотамъ, часть же прямо побѣжала *ко второй переправѣ*: всѣ они были перебиты преслѣдующими. Иноземная пѣхота, прибывъ ко второй переправѣ, сначала частымъ и мѣткимъ огнемъ вытѣснила оставленныхъ здѣсь козаковъ изъ ихъ засады, а потомъ, вскочивъ въ воду, обратила молодцовъ въ бѣгство. Тутъ остервенѣлая конница, не давая отдыха лошадямъ и храбрымъ своимъ рукамъ, поразила всѣхъ на голову, такъ что ни одинъ козакъ не ушелъ къ Куруковской переправѣ для подания своимъ вѣстей. Предъ этой послѣдней переправой наша конница должна была остановиться и ждать подкрѣпленія отъ иноземной пѣхоты, такъ какъ переправа обстрѣливалась частымъ двойнымъ огнемъ съ того и другаго берега. Подошедшая пѣхота сначала штурмомъ взяла у козаковъ таборчикъ, лежавшій по сю сторону воды, и прогнала ихъ за воду, отнявъ хоругви; затѣмъ, по наступленіи ночи, *изъ за чащи* и покинутыхъ козаками возовъ обстрѣливала другой берегъ. Когда же пѣхота и конница разомъ *перешли въ бродъ глубокое озеро* и завязалась продолжительная стычка, молодцы наконецъ безстыдно принялись улепетывать; а наши, наступая, безъ милосердія рубили ихъ, такъ что за нѣкоторыми въѣхали въ самый ихъ таборъ, который не былъ еще укрѣпленъ какъ слѣдуетъ. Къ этому времени прибылъ е. м. вельможный панъ Галицкій и воодушевлялъ истомленную пѣхоту, чтобы она не допускала непріятеля сильнѣе укрѣпиться до прихода войска; кавалеръ Юдыцкій съ поручикомъ п. Винкрота и съ нѣсколькими десятками мушкетеровъ, въ своемъ стремленіи помѣшать козакамъ окончить таборъ, попалъ подъ непріятельскіе выстрѣлы и, раненый въ то мѣсто груди, гдѣ носитъ крестъ, былъ сведенъ съ позиціи вмѣстѣ съ нѣсколькими убитыми товарищами. Между тѣмъ прибылъ со своимъ полкомъ е. м. п.

гетманъ; онъ указалъ пѣхотѣ болѣе удобное мѣсто для нанесенія вреда непріятелю, а конницу, которой непріятель вредилъ частой стрѣльбой, перевелъ въ болѣе защищенное мѣсто; меньшую артиллерію е. м. п. гетманъ расположилъ въ трехъ мѣстахъ и сейчасъ же отдалъ приказъ ей стрѣлять въ таборъ козаковъ, а всей пѣхотѣ—дѣлать приступъ. Когда онъ самъ подъ сильнымъ огнемъ велъ всѣхъ на штурмъ въ такомъ порядкѣ, то неожиданно наткнулся *на ужасную трясину, находившуюся въ густой травѣ подъ самымъ табором*ъ; гетманъ замѣтилъ ее только тогда, когда былъ уже недалеко отъ непріятельскихъ возовъ, и попалъ въ нее самъ, вмѣстѣ съ пѣхотой и конницей; узнанный и указываемый козаками, онъ испыталъ великую опасность отъ пуль и дивное покровительство Провидѣнія. Убитыхъ у насъ въ этомъ штурмѣ изъ разныхъ хоругвей было нѣсколько десятковъ: изъ хоругви е. м. п. гетмана убитъ п. ротмистръ Рогавскій, товарищъ его п. Модржинскій и п. Уѣйскій; изъ полка е. м. п. подчашаго короннаго п. Молодецкій; подъ е. м. паномъ Галицкимъ и подъ многими другими знатными людьми убиты были лошади, а особъ знатныхъ застрѣлено было только трое. Отъ такой частой стрѣльбы съ нашей стороны и столь смѣлаго наступленія у козаковъ былъ замѣченъ большой уронъ, такъ что они, получивъ должное возмездіе, громко вопили о милосердіи. Когда услышалъ это е. м. п. гетманъ, онъ приказалъ своимъ перестать стрѣлять, пѣхотѣ далъ знакъ отступить, а орудія свезти съ батарей; когда же наступилъ вечеръ, онъ отвелъ съ поля битвы и все войско, оставивъ только необходимую стражу. Усталый, а еще болѣе мучимый своей лихорадкою, онъ удалился въ лагерь, расположенный *подъ Медвѣжьими Лозами или у Курукова озера*, гдѣ было это третье козацкое побоище.

Ноября 1. Въ день Всѣхъ Святыхъ войско отдохнуло, испытывая съ утра жестокій холодъ отъ приморозка и выпавшаго снѣга. Такъ какъ козаки еще вчера, послѣ заданной имъ трепки (po swej chłóście), просили о милосердіи, пословъ же боялись будто бы присылать къ разгнѣваннному гетману, то его милость отдалъ приказъ всей пѣхотѣ серьезно готовить кошы для штурма, не желая болѣе потворствовать козакамъ и собираясь поступить съ ними, какъ съ упорными бунтовщиками. Е. м. п. гетманъ былъ однако уговоренъ пп. комиссарами и послалъ къ козакамъ п. старосту Бѣлецкаго, ротмистра и п. Хмѣлецкаго. Козаки приняли ихъ радушно, умоляли о милосердіи и обѣщали послать на другой день пословъ къ е. м. п. гетману.

2. Утромъ козаки прислали трехъ пословъ къ его милости съ письмомъ, прося о милосердіи и начатіи переговоровъ; по сему случаю было совѣщаніе пп. коммиссаровъ; е. м. п. гетманъ объявилъ посламъ такую резолюцію этого совѣщанія, что козаки должны завтра прислать нѣсколько уполномоченныхъ для принятія условій.

3. Пріѣхали полномочные послы заключать трактаты и, находясь при радѣ пп. коммиссаровъ для списанія условій, цѣлый день провели въ обозѣ, а вечеромъ уѣхали въ свой таборъ.

4. Послы отъ козаковъ напрасно пріѣзжали; они оспаривали слѣдующіе два пункта условій: выдавать преступниковъ и имѣть столь малое число своихъ, 6,000 только.

5. Quod felix, faustum fortunatumque sit. Козаки принуждены были согласиться на всѣ условія, кромѣ одного: не выдавать прежнихъ преступниковъ, а карать ихъ чрезъ своихъ старшихъ, по правамъ и обычаямъ ихъ войска; на это ихъ милости согласились.

6. Посланъ былъ пп. коммиссарами коллега ихъ е. м. п. староста красноставскій со многими знатными людьми для выслушанія присяги войска козацкаго, которое съ плачемъ и великимъ сокрушеніемъ присягнуло выполнять данныя ему условія. Потомъ въ обозъ нашъ пріѣхалъ п. Михаилъ Дорошенко, выбранный вчера гетманомъ для войска запорожскаго, со своею старшиною; онъ привѣтствовалъ всѣхъ ихъ милостей. Послѣ такого заключенія дѣла е. м. п. гетманъ угощалъ пріѣхавшихъ и, при возвращеніи ихъ въ таборъ, простился съ ними. Они опредѣлили число козаковъ, убитыхъ нашими наканунѣ дня Всѣхъ Святыхъ, въ 8,000 душъ; но когда вернулись домой въ это время, то замѣтили, что число погибшихъ (съ тѣми, которые гибли въ разныхъ мѣстахъ и утонули въ Днѣпрѣ подъ Цыбульникомъ) гораздо выше. Они нарекали на свою глупость и упорство, которыя привели ихъ къ такому кровопролитію, и согласились съ тѣмъ, что долго до этого времени оспаривали, именно, что нѣтъ войска лучше лядскаго.

7. Утромъ рано данъ знакъ для пробужденія и выхода возовъ. Позже другихъ двинулась артиллерія и шла до Крылова; въ милѣ оттуда, надъ Днѣпромъ, остановились. Въ тотъ же день нѣкоторые изъ пп. коммиссаровъ простились и разъѣхались по своимъ дорогамъ.

8. Обозъ двинулся по утру и черезъ милю остановился передъ Боровицей.

9. Прошелъ утромъ обозъ черезъ Боровицу и остановился въ разстояніи двухъ миль, передъ Черкасами.

10. Обозъ переходилъ черезъ Черкасы и сталъ въ двухъ миляхъ за городомъ, подъ Ставками.

11. Обозъ двинулся рано утромъ и, переправившись черезъ рѣку Мошну, сталъ надъ водою.

12. Переправившись черезъ р. Рось, на которой всѣ потерпѣли много поврежденій, обозъ остановился надъ Конончой [1]).

13. Тамъ же впродолженіи дня было генеральное «коло», на которомъ разобрано только два преступленія. Е. м. п. гетманъ опредѣлилъ, гдѣ какой полкъ будетъ имѣть становище.

14. Е. м. п. гетманъ на ночь уѣхалъ съ полкомъ своимъ подъ Масловъ Ставъ, а другіе полки оставилъ подъ Конончой, приказавъ имъ двинуться оттуда на другой день къ мѣстамъ своего расположенія.

15. Рано утромъ его милость двинулся въ путь съ полкомъ своимъ, и оставивъ его подъ Ольшаницей [2]), уѣхалъ на обѣдъ въ Рокитну къ его милости князю Заславскому.

16. По окончаніи литургіи и послѣ ранняго обѣда е. м. п. гетманъ выѣхалъ изъ Рокитны; на ночь пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь.

17. Выѣхавъ утромъ, е. м. п. гетманъ сталъ на кормежку въ Таборовкѣ; на ночь прибылъ въ Паволочь.

18. Ночевалъ въ Бѣлиловкѣ.

19. На ночь е. м. п. гетманъ пріѣхалъ въ Прилыку.

20. На кормежку въ Вишню, а на ночь въ Баликовцы, имѣніе его милости.

21. Около полудня, больной лихорадкой, прибылъ въ Баръ.

22. Не выходилъ изъ замка.

23. Е. м. п. гетманъ принималъ посла отъ Мехметъ-Джіакъ баши, а утромъ возносилъ благодареніе Господу Богу за счастливый исходъ козацкой экспедиціи».

Для рѣшенія намѣченнаго выше вопроса особенно интересна часть дневника отъ 24 октября по 7 ноября; въ ней и попщемъ необходимыхъ указаній.

24 октября польское войско остановилось *въ миль за Крыловымъ, надъ рѣчкою Цыбульникомъ, «въ разстояніи одной мили отъ козацкаго табора»*. Гдѣ же былъ этотъ послѣдній? Достаточно прочесть изъ дневника о 29 октября и взглянуть на карту, чтобы без-

---

[1]) Село черкасскаго уѣз. Примѣч. издат. дневника. Въ подлин. „nad Kopijcą".

[2]) Село на р. Гороховаткѣ, васильковскаго уѣзда. Примѣч. издат. дневника Въ подлинникѣ „pod Hoszanką".

ошибочно помѣстить козаковъ на мѣстѣ нынѣшняго села Табурища, т. е. на оконечности плоскогорія, которое, съуживаясь, подходитъ здѣсь къ Днѣпру. Разстояніе этого мѣста отъ Крылова по дневнику равно двумъ милямъ; карта почти подтверждаетъ это: отъ той части нынѣшняго Новогеоргіевска, которая лежитъ по лѣвую сторону р. Тясмина, до Табурища будетъ верстъ 10 по прямому направленію; если принять въ соображеніе, что на пути протекаетъ рѣчка Цыбульникъ, не вездѣ доступная къ переправѣ, и что разстояніе опредѣлялось авторомъ дневника по глазомѣру, то таборъ козацкій дѣйствительно долженъ былъ находиться въ указанномъ выше пунктѣ. Но положеніе его въ этомъ именно мѣстѣ опредѣляется совершенно ясными и неприложимыми ни къ какому другому мѣсту указаніями дневника. Чтобы приблизиться къ козацкому табору, обозъ польскій долженъ былъ перейти «одну болотную переправу». Гетманъ Конецпольскій приказываетъ каштеляну Галицкому «обойти *низомъ* и занять позицію подъ лѣвымъ рогомъ козацкаго табора, у лѣса и озера», то же самое сдѣлать «*внизу* подъ правымъ рогомъ» онъ поручаетъ кавалеру Юдыцкому; самъ гетманъ затѣмъ «загораживаетъ фронтъ или середину поля, отъ одной до другой низины, своимъ полкомъ и артиллеріей». Козаки отсюда 30 октября пустились бѣжать за Днѣпръ и во множествѣ потонули. Эта переправа упоминается потомъ подъ 6 ноября, какъ переправа «подъ Цыбульникомъ». Судя по картѣ, мѣстность здѣшняя допускаетъ предположеніе, что Цыбульникъ могъ впадать въ Днѣпръ и подъ самымъ плоскогоріемъ. Наконецъ, село Табурище (или правильнѣе Таборище) своимъ названіемъ очевидно обязано бывшему здѣсь козацкому табору.

Вотъ что говоритъ о мѣстности Табурища о. Никифоровъ. «Табурищенское городище находится на мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Цыбульника въ Днѣпръ. На этомъ самомъ мѣстѣ Эрихъ Лясота, плывшій по Днѣпру въ Запорожье въ 1593 г., видѣлъ татарскую мечеть; а если была мечеть, то существовало, конечно, и немалое поселеніе, отдѣльныя же поселенія не обходились въ то время безъ какихъ либо укрѣпленій [1]). И дѣйствительно, тутъ долго суще-

---

[1]) Эрихъ Лясота дѣйствительно говоритъ въ своемъ дневникѣ: „biss vor ein alte Tatrische Kirch auf einem Hügel zur rechten hand ½ Ml...“ (отъ устья Тясмина) Diarium des Erich Lassota von Steblow. Halle, 1866. Ss. 207—208. Что это за „alte Tattrische Kirch“, не беремся судить. Интересно было бы мнѣніе объ этомъ людей компетентныхъ.

ствовали остатки стараго укрѣпленія. Въ 1860 г., по словамъ прежняго священника с. Табурища (теперь онъ въ Новогеоргіевскѣ, бывшемъ Крыловѣ), жилъ въ этомъ селѣ столѣтній старикъ, который передавалъ, что въ дѣтствѣ своемъ онъ еще видѣлъ полусгнившіе дубы, окружавшіе частоколомъ городище, и что тогда уже этимъ дубамъ, по ихъ ветхости, давали болѣе ста лѣтъ» [1]). Не беремся судить, отъ какихъ временъ оставались въ Табурищѣ полусгнившіе дубы; но повторяемъ, что названіе села весьма соблазняетъ вывести его происхожденіе изъ событій 1625 года. Интересно, что какъ разъ въ аналогичной мѣстности козаки укрѣплялись таборомъ въ маѣ 1638 года, подъ начальствомъ Остраницы. Таборъ ихъ находился тогда на узкой оконечности плоскогорія, омываемаго съ трехъ сторонъ излучиною р. Псла, гдѣ теперь стоитъ с. Голтва, кобеляцкаго уѣзда, съ четвертой стороны они перегородили плоскогоріе рвомъ и валомъ.

Итакъ, мѣстность нынѣшняго с. Табурища можно, кажется, безошибочно взять за базисъ для дальнѣйшихъ поисковъ Курукова озера и «стараго шанца или городища».

Далѣе уже нѣтъ такихъ неизмѣнныхъ примѣтъ, какъ рельефъ поверхности у с. Табурища. Козаки двинулись къ мѣсту втораго своего табора по узкой мѣстности, изрѣзанной водами и покрытой кое гдѣ болотами. Объ этой мѣстности о. Никифоровъ говоритъ: «Далѣе (за Табурищемъ) горы, идущія вдоль праваго берега Днѣпра, отходятъ отъ него на разстояніе отъ 1 до 7 верстъ. Затѣмъ горы опять понижаются къ Днѣпру и упираются въ него при самомъ селеніи Камяно-потоцкомъ (ниже нынѣшняго Крюкова). Между Табурищемъ и Камяно-потоцкимъ мы видимъ прекраснѣйшую долину, испещренную лѣсками, рощами, наполненную озерами, ручьями, извѣстную въ народѣ подъ названіемъ «Днѣпровскихъ плавень» [2]). На такой мѣстности, которая заливается ежегодно Днѣпромъ, расположеніе стоячихъ водъ въ разное время года—весьма ненадежный признакъ: одинъ годъ разливъ выше, къ осени воды больше—и ряды лужъ соединяются въ длинныя озера; другой годъ разливъ ниже—и къ осени тѣ же лужи будутъ только болотами. Съ умноженіемъ населенія, плавни обращаются въ сѣнокосы, воды распредѣляются, по возможности, искусственно, локализуются. Растительность—еще менѣе надежный свидѣтель минувшаго

[1]) „Кіевская Старина“ за 1885 г., апрѣль, стр. 770—771.
[2]) Ibid. стр. 771.

времени какъ по сравнительной недолговѣчности своей, такъ и по полной зависимости отъ человѣка [1]).

Единственная надежная примѣта въ такой мѣстности — разстояніе искомаго предмета отъ какого нибудь извѣстнаго пункта. Авторъ дневника точно опредѣляетъ разстояніе Курукова озера отъ мѣста первой стычки съ козаками, т. е. отъ нынѣшняго Табурища. 31 октября гетманъ Конецпольскій послалъ въ догонку за козаками, пустившимися внизъ, вдоль Днѣпра, п. подкоморія, который и догналъ ихъ *«въ миль разстоянія, уже переправившихся черезъ болото или озеро»*. Если читатель потрудится взглянуть на прилагаемую карту, онъ тотчасъ замѣтитъ у нынѣшняго села Бѣлецковки группу озеръ, изъ которыхъ одно, очевидно наиболѣе постоянное, называется Разсоховатымъ. Несомнѣнно, что здѣсь гдѣ то и было то «болото или озеро», у котораго козаки были настигнуты подкоморіемъ и для охраненія переправы черезъ него оставили въ чащѣ лѣса 1,500 душъ своихъ.

Далѣе козаки *«шли табором полмили до другой воды»*, гдѣ оставили для той же цѣли 2,000 человѣкъ. Гдѣ искать эту вторую воду? Намъ кажется, что весьма правдоподобно было бы помѣстить первую переправу гдѣ нибудь у западнаго конца указанной выше группы озеръ, а вторую — у восточнаго; тогда разстоянія дневника почти совпадутъ съ разстояніями на картѣ. Отъ второй переправы козаки *«шли табором вторыя полмили до самаго озера, называемаго Куруково»*. Отъ восточной оконечности озера Разсоховатаго до нынѣшняго Крюкова немного менѣе полумили. Не Крюковъ ли нынѣшній на мѣстѣ озера Курукова? Намъ кажется, что *да*. Озеро Куруково въ дальнѣйшемъ разсказѣ дневника называется глубокимъ, хотя и допускаетъ перейти себя въ бродъ.

Судя по картѣ и основываясь на отзывахъ людей, знающихъ близко мѣстность нынѣшняго посада Крюкова, въ настоящее время нѣтъ въ немъ, или около него никакого озера, которое бы было болѣе или менѣе замѣтно и носило бы названіе, близкое къ имени посада. Но еще въ прошломъ вѣкѣ Пишчевичъ, авторъ недавно изданныхъ «Записокъ», переѣзжалъ черезъ рѣчку Крюковъ. Священникъ Никифоровъ въ упомянутой своей замѣткѣ говоритъ: «меня не затрудняетъ то обстоятельство, что Пишчевичъ прилагаетъ названіе «Крюковъ»

[1]) Въ виду этого пусть читатель не обращаетъ особеннаго вниманія и на тѣ „лѣсъ и озеро“, которые упоминались, какъ находящіеся внизу лѣваго рога перваго козацкаго табора.

не къ озеру, а къ рѣчкѣ. Кто видѣлъ днѣпровскія плавни въ разное время года, тотъ не могъ не замѣтить, какъ лѣтомъ и осенью, особенно при сушѣ, рукава, заливы и ручьи обращаются въ озера, а при возвышеніи воды изсохшіе ручьи опять наполняются водою. Поэтому не будетъ съ моей стороны ошибки, если я скажу, что «Куракова озеро» у польскихъ писателей и рѣчка «Крюковъ» у Пишчевича, жившаго въ прошломъ столѣтіи, есть одно и то же. Кураковскій договоръ заключенъ въ началѣ ноября, когда убыль воды, особенно въ сухую осень, достигаетъ самаго большаго пониженія и когда, слѣдовательно, многія рѣчки обращаются въ озера, а въ томъ числѣ, конечно, и Крюковъ» [1]). Озеро *Куруково* у Костомарова, откуда взялъ его названіе о. Никифоровъ, неправильно называется *Кураковымъ*. Не говоря уже о нашемъ «Дневникѣ», гдѣ это слово въ такой формѣ не встрѣчается ни разу, подъ самымъ договоромъ Куруковскимъ подписана дата такимъ образомъ: «Działo się na Niedzwiedzich Łozach die 6 miesiąca Listopada roku Pańskiego 1625, u *Kurukowa*» [2]). Потомъ этотъ договоръ воспоминался иногда, какъ «комиссія *Коруковская* или *Куроковская*» [3]). Неустойчивость гласныхъ въ первыхъ двухъ слогахъ этого слова объясняется отсутствіемъ ударенія на нихъ, по польскому произношенію. У русскихъ же поселенцевъ, появившихся потомъ у озера, имя его послужило основаніемъ для послѣдующихъ передѣлокъ не иначе, какъ въ формѣ *Куру́ково*, обратившейся потомъ въ *Круковъ* и далѣе, въ устахъ позднѣйшихъ поселенцевъ—великороссовъ,—въ *Крюковъ*.

Нынѣшній посадъ Крюковъ, составляющій заднѣпровскую часть г. Кременчуга, населенъ въ значительной части великороссами, появившимися здѣсь во времена Потемкина. Когда же возникъ самъ Крюковъ и нѣтъ ли данныхъ, указывающихъ прямо на то, что поселеніе возникло у о. Курукова и усвоило его имя? Къ сожалѣнію, мы не можемъ ничего отвѣтить на эти вопросы, хотя и имѣемъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ поселеніи, относящихся къ позднѣйшему времени. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка оно уже называется селомъ Круковымъ и имѣетъ церковь во имя Покрова пресв. Богородицы. Во второй половинѣ прошлаго вѣка Круковъ испытываетъ на себѣ

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1885 г., апрѣль, стр. 772.

[2]) Архивъ ю.-з. Россіи, ч. III, т. 1, стр. 284—292.

[3]) „Trzymając się Comissiey *Korukowskiey*“ (Арх. ю.-з. Россіи, ч. III, т. 1, стр. 342). Въ извѣстной присягѣ подъ Боровицей козаки говорятъ: „nie pamiętając na *Kurukowską* commissią, krwią naszą pisaną“ (Ibid., стр. 397).

всѣ перипетіи административныхъ опытовъ разныхъ новороссійскихъ правителей и послѣ долгихъ бумажныхъ скитаній изъ губерніи въ губернію, присоединяется, наконецъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка къ Кременчугу [1]).

Но возвратимся къ нашему «Дневнику». Козаки, какъ сказано въ немъ, переправивъ войско черезъ Куруково озеро, заложили таборъ «*въ полчетверти мили отъ озера, около стараго шанца или городища*». Какое это городище и не осталось ли слѣдовъ его до настоящаго времени? Сколько намъ извѣстно, въ настоящее время нѣтъ въ Крюковѣ слѣдовъ какого нибудь древняго землянаго укрѣпленія; мы не знаемъ также и упоминаній о немъ въ прошедшее время. Видѣнное Лассотою въ 1594 году кременчуцкое городище находилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра, о чемъ прямо и отмѣчено путешественникомъ

---

[1]) Мы были бы очень обязаны кому либо изъ знающихъ людей, кто пополбы (помѣщеніемъ въ „Кіевской Старинѣ“) приводимыя ниже скудныя свѣдѣнія о Крюковѣ.

На разныхъ священныхъ вещахъ крюковской Покровской церкви есть надписи, относящіяся къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка, въ которыхъ Крюковъ называется селомъ (I. На евангеліи: „1743 года мѣсяца августа отмѣнилъ сию книгу Евангелие рабъ божии Мартинъ Курка с женою Маріею до храму Покрова Богоматере в село Круковъ за цену семь рублеи а оправлено за церковніе деньги под сребро“. II. На серебряныхъ дискосѣ и звѣздицѣ: „1744 году генваря 30 сей дискус і звѣзду отмѣнили Роман Назаренко з женою Евдокиею за отпущеніе грѣховъ до храму святой Покрови Круковской“. III. На подножіи серебрянаго напрестольнаго креста: „Года 1747 маія 9 рабомъ: божимъ Василіемъ: Малькомъ сей: крестъ: отмѣнілъ за отпущеніе грѣховъ свохъ“. См. Зап. од. общ. ист. и др. IX, 345—346). Самое построеніе церкви Миллеръ относитъ къ 1740—45 годамъ. По мнѣнію того же Миллера (стр. 76), Крюковъ въ первой половинѣ XVIII вѣка входилъ въ кременчуцкую сотню миргородскаго полка. Въ 50-хъ годахъ, при образованіи Новой Сербіи, Крюковъ былъ шанцемъ пандурскаго полка (Скальковскій. Хронол. обозр. исторіи Новор. кр., I, 42. Арх. Гавріилъ. Очеркъ пов. о Новорос. краѣ. Тверь, 1857, стр. 11), а когда съ 1764 года образована была новороссійская губернія, онъ вошелъ въ нее, какъ первая рота и штабъ-квартира желтаго гусарскаго полка елизаветинской провинціи (Скальковскій, I, 72, 120—121). При отдѣленіи отъ новороссійской губерніи азовской, обѣ губерніи раздѣлены были на уѣзды, въ числѣ которыхъ былъ и крюковскій, въ новороссійской губерніи (Зуевъ. Путешеств. записки отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 году. Спб. 1787, стр. 222. Въ этой книгѣ сообщается много интересныхъ свѣдѣній о внутренней жизни Крюкова въ концѣ прошлаго вѣка). Когда изъ двухъ губерній въ 1784 году образовано было одно екатеринославское намѣстничество, состоявшее изъ 15 уѣздовъ, въ числѣ ихъ уже нѣтъ крюковскаго; Крюковъ былъ обращенъ въ мѣстечко. Въ 1796 году кн. Платонъ Зубовъ, бывшій екатеринославскимъ, вознесенскимъ и

въ его дневникѣ [1]). Но по смыслу словъ нашего «Дневника» нельзя допустить, чтобы авторомъ имѣлось въ виду городище, лежащее на противоположной сторонѣ Днѣпра, тѣмъ болѣе, что лѣвобережное городище имѣло свое собственное названіе, которое не было бы опущено и авторомъ дневника, если бы онъ имѣлъ его въ виду. Почему же вообще авторъ дневника не опредѣлилъ мѣста заключенія Куруковскаго договора близостью его къ Кременчугу? Потому что до тридцатыхъ годовъ XVII вѣка Кременчугъ былъ извѣстенъ только какъ урочище, хотя и отмѣченное правительствомъ Рѣчи Посполитой. Повелѣніе короля Сигизмунда III, выраженное въ извѣстномъ универсалѣ 1591 года [2]) о построеніи замка въ урочищѣ Кременчугѣ, не было приведено въ исполненіе [3]) и еще по люстраціи 1635 года Кременчугъ лежитъ впустѣ, «какъ и другія прилежащія къ нему урочища» [4]). Слѣдовательно, урочище и городище Кременчугское, если и было извѣстно автору дневника, то говорило ему ничуть не болѣе, чѣмъ озеро Куруково, или старый куруковскій шанецъ.

Остается еще одна примѣта искомаго мѣста заключенія Куруковскаго договора,—это Медвѣжьи Лозы. Усталый и больной Конецпольскій, послѣ окончательнаго пораженія козаковъ, «удалился въ лагерь, расположенный *подъ Медвѣжьими Лозами или у Курукова озера*, гдѣ было это третье козацкое побоище». Примѣта эта, къ сожалѣнію, еще болѣе ненадежна, чѣмъ старый шанецъ. Нисколько не обязательно предполагать, кажется, что лозы получили названіе отъ того, что въ нихъ водились медвѣди; медвѣжьими онѣ могли быть названы и по какой нибудь случайной причинѣ. Это случайное названіе могло легко потомъ исчезнуть вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самыхъ лозъ. Въ настоящее время не слышно, чтобы какія нибудь

таврическимъ генералъ-губернаторомъ, предписалъ присоединить Крюковъ къ Кременчугу, но это соединеніе произведено было только по частямъ, съ 1803 по 1817 годъ. Съ этого времени Крюковъ входитъ въ составъ г. Кременчуга, и вмѣстѣ съ нимъ—въ полтавскую губернію.

[1]) ..... Biss für Krzemenczek, eine Walstadt eines alten schlosses oder Horodistie zur linken ½ Ml...“ (отъ вышеупомянутой „tattriche Kirch“). Въ русскомъ переводѣ дневника Лясоты, сдѣланномъ проф. Бруномъ, въ этомъ мѣстѣ какъ разъ упущены слова: „zur linken“. См. Diarium, loco citato, и „Путевыя записки“ Эриха Лясоты, пер. Бруна, Спб. 1873, стр. 26.

[2]) Архивъ ю.-з. Россіи, ч. III, т. I, стр. 28—31.

[3]) I. Bielski. Dalscy ciąg kron. polskiej, Warszawa 1851, 152. K. Hejdenszteju. Dzieje Polski. Petersburg 1857, II, 300.

[4]) A. Jabłonowski. Lustracye, etc. стр. 226.

крюковскія лозы (которыхъ и до сихъ поръ растетъ много въ этихъ мѣстахъ) назывались Медвѣжьими.

И такъ, ни Куруково озеро, ни Старое городище или шанецъ, ни Медвѣжьи Лозы не помогаютъ намъ въ поискахъ мѣста заключенія Куруковскаго договора; но, не будучи примѣтами долговѣчными, они въ то же время своимъ отсутствіемъ въ намѣченномъ нами пунктѣ нисколько не мѣшаютъ правдоподобію нашего предположенія. Что Куруковскій договоръ 1625 года былъ заключенъ на мѣстѣ нынѣшняго Крюкова, доказывается: 1) соотвѣтствіемъ разстоянія нынѣшняго Крюкова отъ с. Табурища съ данными о разстояніи Курукова озера отъ того же пункта, имѣющимися въ «Дневникѣ», 2) именемъ нынѣшняго поселенія (Крюковъ, правильнѣе Круковъ), которое не могло быть случайно и естественно вытекаетъ изъ слова *Куруково*, 3) отсутствіемъ въ другихъ, ближайшихъ къ Крюкову, мѣстахъ примѣтъ, упоминаемыхъ въ «Дневникѣ», и 4) возможностью и естественностью уничтоженія къ нашему времени въ Крюковѣ перечисленныхъ выше непрочныхъ примѣтъ.

Θ. Николайчикъ.

Живая могила.

(малорусская легенда).

„Любовь сильнѣе смерти и страха смерти“.
Тургеневъ.

Недалеко отъ Днѣстра, близь Лядово, громоздятся отвѣсныя горы; на одной изъ нихъ насыпана „стародавняя“ могила; на могилѣ два куста калины, здѣсь же развалины старинной каплички; а прямо съ могилы—глубочайшій обрывъ; по краямъ его сбѣгаетъ кудрявый лиственный лѣсъ. Сыро и таинственно въ глубокомъ оврагѣ. Серебрянымъ кольцомъ обхватываютъ могилу два ручейка и стремятся съ обрыва бурнымъ потокомъ; но неожиданно, три шага отступя, подымается изъ земли странной формы черная, дикая скала, точно угрюмый козакъ, властно расправившій руки, и противъ воли снова разъединяетъ его на два разныхъ потока, и тихо ропща, спадаютъ розно ручьи на дно глубокаго оврага, а тамъ, точно обрадовавшись избавленію отъ страшнаго тяготѣнія, снова сливаются и весело журча, и крѣпко обнявшись, продолжаютъ дальше свой путь. И тихо... тихо кругомъ. Только и слышно робкое журчаніе, точно два голоса передаютъ другъ другу старыя воспоминанія, да иногда зашумитъ и закиваетъ пестрой головой съ высокой могилы калина. Кажется, сотнею глазъ смотритъ отовсюду сѣдая старина; чуется что то таинственное въ этомъ поэтическомъ покоѣ... И дѣйствительно, у одинокой могилы есть своя легенда.

ГЛАВА I.

Давно это было, еще Брацлавщина пустыней лежала: не было ни селъ веселыхъ, ни шумныхъ городовъ: лѣсъ, да степь, да высокое небо. Охъ, давно это было—еще за Богдана Хмельницкаго, за козацкихъ войнъ. Пріѣхали изъ Украины въ Подолію два побратыма, а ближе они другъ другу, чѣмъ родные братья. Пріѣхали панъ Жмайло и панъ Громыка „осаду осадить", „занять займанщыну". Храбрые были козаки: не побоялись и лихихъ сосѣдей. Осѣли; сталъ подлѣ нихъ понемногу и людъ собираться: при замкѣ вольнѣе и страху меньше. Вотъ и веселый хуторокъ: забѣлѣли хатки, зашумѣли „млыны", повеселѣла сиротливая степь! Только не весело пану Жмайлу; темныя мысли охватили голову его; очи горятъ недобрымъ огнемъ: у пана Громыки и народу больше, у пана Громыки и „займанщына" лучше, у пана Громыки и жена краса „порядкуетъ" въ свѣтлицѣ, и сыночекъ „однолѣтокъ" протягиваетъ пухлыя рученки... а у него—и въ свѣтлицѣ угрюмо, и народъ не такъ селится, и не такъ его любитъ, и не такъ поважаетъ. И не спится пану Жмайлу, и безконечно длинны ему темныя ночи, а черная зависть ползкомъ пробирается въ сердце и жжетъ пана Жмайла „побратымськый" крестъ. А панъ Громыка собрался въ походъ—татаръ попугать и проситъ онъ пана Жмайла: „Пане Иване, побратымъ дорогой! на тебя оставляю жену и однолѣтка сына; догляди ихъ въ это смутное время,—батькомъ имъ будь!" Шевельнулось что то въ сердцѣ пана Жмайла, да сдержалъ онъ себя: „будь спокоенъ, побратымъ мой, другъ мой!" Попрощались, и поѣхалъ панъ Громыка.

Ой пане Громыко, пане Громыко! Еслибы заглянулъ ты въ сердце побратыма, не бросилъ бы ты на него жены и однолѣтка сына.

Прошелъ мѣсяцъ. Весело возвращается изъ похода панъ Громыка, пѣсни напѣваетъ; вотъ ужъ надалеко и осада его: обрадуется жена, обрадуется сыночекъ, обрадуются и люди его...

Есть же ему чѣмъ всѣхъ и порадовать: вонъ два навьюченныхъ коня—все подарки цѣнные. Уже и домъ близко, только дивно,—что это шуму не слышно никакого? Тишина, точно вымерло все. Пришпорилъ коня панъ Громыка: обгорѣлыя, пустыя хаты, по

улицамъ бродятъ нѣсколько коровъ, да воютъ голодные псы—и ни души! Летитъ Громыка къ дому: на дворѣ валяются всевозможные пожитки; коморы, конюшни пусты; выбиты окна въ будинкѣ, а на порогѣ обезображенный трупъ сына...

Глянулъ Громыка и грохнулся головою объ стѣну. Изъ полуразрушеннаго земляного погреба показалась сѣдая, трясущаяся голова. „Пане!“ Громыка оглянулся на слабый зовъ. Боже! можно ли было такъ наругаться надъ сѣдинами?! Вся спина старика представляла изсѣченный, изорванный кусокъ мяса: несчастный ползъ на четверенькахъ и не могъ разогнуться. — „Диду... що се зъ тобою? Хто се? хто се?“ Дѣдъ поднялъ свои тусклые, оловяные глаза—смерть стояла въ нихъ: „Мы боронылысь... Жмайло... и пани завизъ... а мы боронылысь... Жмайло“... старикъ какъ то страшно гикнулъ и ничкомъ припалъ къ землѣ.

Понялъ Громыка, чьихъ рукъ это дѣло, и разгорѣлось въ немъ сердце. Схватилъ онъ „побратымьскый“ крестъ, высоко поднялъ къ небу и разломалъ въ куски. „Какъ я ломаю этотъ крестъ „побратымськый“, такъ пусть будетъ сломана между нами всякая дружба. Отнынѣ между нами только месть и вражда. Клянусь ни сѣсть, ни съѣсть, ни заснуть, покуда не отомщу тебѣ, злодѣй, кровавой местью! Пусть мои потомки не знаютъ ни минуты счастья и покоя, если забудутъ нашу месть. Будь ты проклятъ, Каинъ, во всемъ твоемъ родѣ и потомствѣ!“.

И снова вскочилъ панъ Громыка на коня и съ дружиною своею помчался къ пану Жмайлу.

Не мало ужъ воды съ тѣхъ поръ утекло,—не одна русая головка посѣдѣла, а панъ Громыка и панъ Жмайло только и живутъ, что местью. Пришла пора, и смерть ихъ примирила; но между потомками горитъ та же вражда. Ужъ сколько поколѣній съ тѣхъ поръ прошло,—перемѣнились люди, перемѣнились нравы, да только не измѣнилась месть, и живетъ она себѣ, и охватываетъ ихъ все сильнѣй и сильнѣй.

ГЛАВА II.

Пышный замокъ у пана Данила, потомка древняго Жмайла! Да и не простые мастера его строили, а нѣмецкіе, и выписывалъ онъ ихъ изъ самаго Львова. Крѣпкія, бѣлыя стѣны, высокія башни, двери дубовыя, желѣзомъ кованныя, узкія окна, а стекла всѣ „штучныя“ въ оловяныхъ оправахъ—красивый замокъ; а кругомъ него стѣна „мурованная“, съ башнями по угламъ, съ „гарматами“, съ „гаковницами“. Стоитъ онъ на высокой горѣ. Смѣло живи здѣсь: что ужъ татары, а и тѣ замокъ обминаютъ! Ясное солнечное утро, на востокѣ еще не разбѣжался сизо-розоватый туманъ; роса блеститъ... свѣжо... А на дворѣ у пана Жмайла уже суматоха: козаки поминутно вбѣгаютъ и выбѣгаютъ изъ конюшни,—бабы съ какими то свертками бѣгаютъ изъ „пекарни“ въ „покои“, дымъ вьется изъ трубъ... И время отъ времени раздаются короткія, отрывочныя приказанія: панъ Данило торопитъ челядь. Что же за причина этого шума? Да сегодня же „Спасъ“, храмовой праздникъ у о. Андрея.—„Добры-день, тату“, прозвенѣло съ „ганка“. Панъ Жмайло сразу обернулся и его суровое, загорѣлое лицо приняло самодовольное выраженіе. „А, это ты, Дорина! Прибралась уже!? Ну, иди же, дай погляжу на тебя, какая ты у меня?“ Высокая, тоненькая фигурка осторожно спустилась съ „ганка“ и, сосредоточенно выбирая сухія мѣстечки, подошла къ отцу. Губки ея сдѣлали совсѣмъ дѣтскую гримаску: „Росяно“,—и она почтительно поцѣловала отцу руку.—„Ну и гарна жъ: сй Богу, красавица. А есть ли у кого дочь краше, чѣмъ дочь пана Жмайла!!“ самодовольно крикнулъ старикъ, отступивши передъ дочкою: „Добудемъ же и жениха, прослышатъ про Жмайла!“ А Дорина стояла передъ нимъ, потупившись: на ея русую головку падалъ цѣлый снопъ солнечныхъ лучей, отчего чистый, высокій лобъ казался еще болѣе; переломанныя, тоненькія „бровенята“ были сдвинуты, между ними легла характерная складочка; большія, задумчивыя „кари очы“ полузакрылись длинными, шелковыми рѣсницами; личико блѣдное, губы сдвинуты. За то жъ какъ горитъ нарядъ: розовый, штофный жупанъ „у швы золотомъ, да серебромъ шытый“ съ золотыми, нѣмецкими пуговицами, алый бархатный спенсеръ, блаватасовая сподница, а монисто, дукачи, а красныя сафьянцы съ серебряными

подковками, золотомъ да перлами шитые! „Славно прибралась! Что жъ мать?“ — „Вотъ они“. На „ganку“ показалась пани Жмайлиха: высокая, гордая постать, соколиныя брови, орлиный носъ и глубокія очи, а изъ подъ высокаго кораблика выбиваются пряди черныхъ, безъ единой серебряной нитки волосъ. А нарядъ? Златоглавъ, блаватасъ, золото, перлы, кораллы. Пышная пани!

„Ну что жъ, пани, готовы ли?“ И панъ Жмайло ловко поцѣловалъ женѣ руку: онъ любилъ иногда щегольнуть польской манерой. — „А что жъ, пане, рушаймо съ Богомъ!“

„Гей, хлопцы!“ Изъ сарая, неуклюже покачиваясь на высокихъ колесахъ, выкатился громоздкой рыдванъ, запряженный „цугомъ“. Пани и панна усѣлись; панъ Данило лихо вскочилъ на коня; козаки поправили „зброю“, сбросили шапки, перекрестились...

„Съ Богомъ“ раздался голосъ пана Данила. „Воротній“ спустилъ ворота; впередъ проскакалъ панъ Данило съ козаками, за нимъ покатился рыдванъ, за рыдваномъ еще нѣсколько козаковъ замыкали шествіе; опять поднялись ворота и маленькій кортежъ двинулся въ путь. Что то необычайное сегодня съ Дориной: и легко ей, и весело такъ, а и плакала бъ она, и смѣялася бъ „безъ краю“. Точно птичка со связанными крыльцами трепещется у ней въ сердцѣ. Раннее ли утро, поѣздка ли взволновали ее, только такъ весело, такъ свѣтло, такъ широко ей! Пріѣхали. Вотъ ужъ и церковь, старая, деревянная, кругомъ „цвынтарь“... а сколько народу столпилось: краснѣютъ козацкія шапки, „кораблыкы“, блестятъ на солнцѣ „дукачи“, „шабли“, „пистоли“, пестрѣютъ жупаны, кунтуши, „стричкы“. Пріятный, неопредѣленный шумъ, а со старенькой „дзвиныци“ мѣрно несутся удары надтреснутаго колокола. И все это залито яркимъ свѣтомъ жаркаго августовскаго солнца. Рыдванъ сталъ. Всѣ вышли. Впереди пошелъ панъ и пани, за ними Дорина, а за нею козаки.

— Панъ Жмайло, панъ Жмайло! пронеслося кругомъ.

Толпа стремится дать скорѣе дорогу, сбрасываютъ шапки, кланяются... а Доринѣ и весело, и страшно чувствовать на себѣ столько пристальныхъ взглядовъ... Церковь уже полна... темная, деревянная церковь, почернѣвшія стѣны, дубовый иконостасъ, темные лики святыхъ... Стоитъ тонкій, сизоватый дымъ ладана... пахнетъ яблоками, сливами, медомъ... Въ церкви душно, полумракъ, только широкими

столбами падаютъ изъ купола солнечные лучи, сверкаютъ въ нихъ мелкія пылинки, колеблются сизыя волны дыма, да около иконъ сіяютъ вѣнки свѣчей. Толпа беззвучно разступилась, Дорину сразу охватило тихое, торжественное чувство. Вотъ она передъ алтаремъ. Вонъ отецъ Андрей въ новыхъ ризахъ ласково смотритъ на нее; онъ ее замѣтилъ; вонъ гдѣ, съ того клироса, моргаетъ чернобривенькая Олеся, дочь о. Андрея,—какая она хорошенькая въ своемъ пышномъ нарядѣ! А на клиросѣ собрались поважные козаки въ синихъ жупанахъ подпѣвать батюшкѣ. „Благослови, Владыко!“ загремѣлъ здоровый дьяконъ. Всѣ встрепенулись: началась служба. Дорина усердно прочитала всѣ ей извѣстныя молитвы... какъ же еще молиться?

И смотритъ Дорина на темный образъ Спасителя,—и картина за картиною проходятъ передъ нею, а глаза съ такимъ восторгомъ устремились на икону: Господи, какой Онъ былъ добрый, какой Онъ былъ милосердный!.. Внезапный шумъ заставилъ Дорину очнуться; она оглянулась: толпа разступилась,—къ лѣвому клиросу спокойно проходилъ высокій, статный, молодой козакъ. Уже по покрою его жупана, по его манерѣ держаться, и по всей его изящной, благородной фигурѣ, видно было, что онъ не изъ простыхъ козаковъ, а изъ высокаго шляхетнаго роду. Онъ съ удивленіемъ оглянулся кругомъ и взглядъ его упалъ на Дорину, упалъ да такъ и не оторвался до конца службы. Пани подтолкнула Дорину: —„что жъ ты не молишься, куда смотришь? бей поклоны!“ Дорина перекрестилась; но ужъ нѣтъ прежняго чувства чистоты и восторга, и глаза невольно обращаются отъ образа въ сторону козака...

О. Андрей съ торжественной улыбкой, съ крестомъ и двумя просфорами вышелъ изъ алтаря. Толпа заколыхалась; стали подходитъ къ кресту. Приложилась Дорина и сразу оглянулась: прямо, на нее въ упоръ, смотритъ пара сѣрыхъ лучистыхъ глазъ, да какъ смотрятъ! Легкая краска набѣжала Доринѣ на щеки; она нагнула голову и прошла дальше.—„Зъ святымъ Спасомъ будьте здоровы!“ говорятъ о. Андрей и матушка, обращаясь къ пану и панѣ Жмайламъ: „Просымо жъ до насъ трапезы одкушать; удостойте, пане, чести!“ и онъ подалъ пану и панѣ по большой просфорѣ.—„Спасибо“, надменнымъ тономъ проговорилъ Жмайло,—„но у меня дома есть дѣла, да и рѣдко я въ гостяхъ обѣдаю“, и сухо глянулъ на о. Андрея.—„Ну такъ

дочь панну оставьте у насъ", прозвучалъ звонкій голосокъ и Олеся съ мольбой глянула на Жмайла.

„Какъ, одну? Не знаю, съ кѣмъ еще моя дочь у батюшки встрѣтиться можетъ". Въ это время на паперти показался статный, молодой козакъ и направился къ выходу.

„Да оставьте ужъ, пожалуйста, сдѣлайте милость", несмѣло прибавила матушка и низко поклонилась.

„Тато, я давно не видѣлась съ Олесею", ласково цѣлуя отцу руку, проговорила Дорина.

„А завтра мы ее сами и отвеземъ къ вамъ домой!"

„Да что жъ, на васъ можно повѣрить дытыну", вступилась и пани.

„Ну, ладно: пусть будетъ по вашему, пусть остается; но чтобъ завтра въ вечернюю пору была уже дома. Ну, дочко, оставайся здорова!"

„Спасибо, тату"! Дорина почтительно поцѣловала отцу и матери руку, и обнявшись съ Олесей, побѣжала весело къ дому.— „Слушай, серденько, — Иванъ Богушъ сегодня пріѣхалъ, какой „гарный", да веселый, да „гострый!" Еще краще сталъ и", не договаривая словъ, перебивая себя, шепчетъ Олеся Доринѣ:— „Спѣшилъ, говоритъ, чтобъ меня увидѣть", и льются безконечныя, отрывочныя фразы, восклицанія: „Боже мой, лышечко мое, счастья мое!" и все больше разгораются червоныя щечки Олеси. А у о. Андрея все уже готово для пріема дорогихъ гостей: на широкомъ дворѣ длинными полосами растянуты бѣлыя полотна, уставленныя мисками съ борщемъ, кашею, холодцомъ, варениками, колбасами... а посреди двора „пышаются" два барила съ медомъ да горѣлкою. Въ свѣтлицѣ же ждутъ самыхъ почетныхъ гостей. Чистенькая свѣтлица убрана по праздничному: полъ усыпанъ желтымъ пескомъ, около иконъ бѣлые, гаптованные рушники, цѣлые вѣнки цвѣтовъ, теплятся лампадки; длинный столъ поверхъ дорогого ковра покрытъ тонкимъ бѣлымъ „обрусомъ" и заставленъ весь дорогими полумисками, чарками, кубками.

Матушка окинула все взглядомъ знатока: ничего, гости останутся довольны, есть чѣмъ поподчивать! „Во имя Отца, и Сына, и св. Духа"! раздалось за дверьми. „Аминь", отвѣтила матушка. Двери распахнулись и на порогѣ показался о. Андрей со своими гостями. Начались обыкновенныя церемоніи, „предковични звычаи", старательно оберегаемые и неизмѣнные. Наконецъ, о. Андрей, под-

держивая рукою широкій рукавъ рясы, торжественно благословилъ трапезу, и гости усѣлись за длинный столъ. Точно что то толкнуло Дорину; она подняла глаза: прямо противъ нея сидитъ тотъ самый козакъ и снова пристально смотритъ... Странное и какое то необъяснимое чувство охватило Дорину: не дивно ли; но и она не можетъ оторвать отъ него своихъ глазъ. Да и хорошее лицо у него, не то чтобы и очень красивое, а глянешь разъ—не забудешь по вѣкъ. На высокій лобъ красиво падаютъ волнистые темные волосы, черныя брови немного сдвинуты; шелковые усы..... чуть улыбающіяся грустной улыбкой губы.... а главное глаза,—свѣтлые, точно стальные, кажется, льется изъ нихъ свѣтъ, и такіе они дивные, словно говорятъ что то; только Дорина не можетъ понять что..... И жутко, и любо ей!

„Ну, пане Романе, изъѣздилъ ты свѣта не мало, повѣдай же намъ, что творится въ далекихъ краяхъ, заморскихъ?“ раздался голосъ о. Андрея. Козакъ перевелъ свои глаза на него. Разговоръ зашелъ о далекихъ странахъ. Дивныя вещи разсказываетъ панъ Романъ и какъ чудно говоритъ! Слушаетъ Дорина—и точно широкій горизонтъ раскрывается передъ нею: и видитъ она пышные, королевскіе дворы; видитъ въ дремучихъ лѣсахъ старинные монастыри, мрачныя кельи монаховъ... и страшно и чудно ей!

„Ну, а какъ же вѣра? прервалъ батюшка,—въ благочестіи ли находятся чужеземцы?

„Ахъ отче, отче! До Карпатъ еще наша вѣра, а тамъ все католицкая. Только тамъ завладѣли ксендзы да іезуиты всѣмъ міромъ: во имя Христа рѣжутъ, жгутъ, мечъ и огонь прошелъ черезъ весь край!“

„Заступи, спаси и помилуй!“ батюшка въ ужасѣ перекрестился; на всѣхъ лицахъ появилось выраженіе напряженнаго ожиданія; матушка даже поблѣднѣла.

„Эхъ, пойти бъ намъ, да проучить этихъ католиковъ!“ вставилъ старый, поважный козакъ.—„Да у насъ и подъ бокомъ заводятся!“ замѣтилъ другой.

„Правда, панове: король безъ „грошей“, магнатство сваволъства чинитъ, „люде убогіи ускаржаются“... не тѣмъ уже духомъ Польша дышетъ!“ воскликнулъ Романъ.

„Охъ, будетъ когда то похмѣлье!“ отозвалось нѣсколько горячихъ голосовъ.

— „Богъ любы есть, братове!“ произнесъ батюшка. „Такъ, такъ, отче, именно любы есть“,—повторило за нимъ нѣсколько „сывыхъ чупрынъ“.

Разговоръ снова зашелъ о дальнихъ странахъ; разсказываетъ Романъ про неприступные, гордые замки, про великолѣпные соборы, про разныя машины хитрыя...

„Вотъ мы всѣ слушаемъ да дивимся, а у пана Романа порожняя чарка! Эй, пане, влей себѣ того венгерскаго, не горше королевскаго будетъ! Да кланяйтесь же, матушка!“ обратился къ стоящей поодаль матушкѣ о. Андрей.

„Спасибо, пилъ ужъ я довольно“.

„Э, неможно, пане:—„хто чарку личыть, той добра не зычыть“.

„За здоровье яснои панны!“ тихо произнесъ, обратившись черезъ столъ къ Доринѣ, панъ Романъ. Дорина низко опустила голову; а онъ снова ласково заглянулъ ей въ глаза.

Слушаетъ Дорина, не наслушается... „Эхъ, панове!“ крикнулъ кто то и ударилъ кулакомъ по столу: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!“—„Панове, за волю, за нашъ край!“ И отецъ Андрей высоко поднялъ тяжелый кубокъ. „Виватъ, виватъ!“ раздалось кругомъ. Обѣдъ ужъ приходитъ къ концу. Олеся, по „стародавнёму звычаю“ подставивши на серебряный подносъ тяжелый кубокъ, съ глубокими поклонами обходитъ всѣхъ гостей: „За неньку повненьку, за отця до кинця, а за мылую симъ, щобъ було весело всимъ“, припрашиваетъ Олеся Ивана Богуша, а оченята ея такъ хитренько улыбаются изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ. Ой, не мало силы нужно пану Ивану, чтобъ не броситься тутъ же при всѣхъ, не расцѣловать тысячу разъ эти полныя радости и жизни оченята! Старые козаки остались допивать мальвазію, меды, да угорское, а молодежь и панны вышли на „дворыще“.

„Ну, и приглянулась же ты ему“, подтолкнула Дорину локтемъ Олеся: „и въ церкви очей не сводилъ, и теперь“.

„Хто онъ такой, не знаешь, Олеся?“—„А какъ же: Романъ Громыка, сынъ Васыля Громыкы. Онъ въ братерствѣ учился, а это вернулся изъ за моря къ батьку въ гости“.—Громыка! холодная,

острая струя пробѣжала отъ головы и остановилась въ сердцѣ Дорины. Громыка! это врагъ ненавистный, заклятый врагъ; но тщетно старается настроить себя Дорина: нѣтъ въ ея сердцѣ ненависти, нѣтъ...

А на дворѣ уже гремитъ музыка „троиста“. Подъ развѣсистымъ деревомъ усѣлись три цыгана: гремятъ бубны, ноетъ скрипка, звенятъ серебряныя подковы; заметая широкими шароварами пыль, несется въ присядку статный козакъ. Кружкомъ обступили танцующихъ зрители, раздаются выкрикиванья, подзадориванья, похвалы; козачекъ перешелъ въ „горлыцю“. „Пойдемъ, пойдемъ“ подзадориваетъ Дорину Олеся. „Что то мнѣ не хочется, серденько!“ „Да, ну бо, голубка!“ Неохотно пошла Дорина въ мелкія „дрибушечки“; но музыка такъ какъ будто выговариваетъ: „а козакъ, якъ орелъ, якъ побачывъ, такъ и вмеръ“. Голову наклонила Дорина на бокъ, лицо сохраняетъ серьозное спокойствіе, тоненькій станъ плавно покачивается, а маленькіе „сапьянци“, сверкая на солнцѣ блестками, такъ старательно выдѣлываютъ труднѣйшія па. „Ухъ, утомылась!“ и Дорина тяжело перевела духъ. Свѣтленькія пряди волосъ отъ движенія непослушно разсыпались надъ лбомъ, губы полуоткрыты, щеки заалѣлись. — „А дозволь, ясная панно, зъ тобою въ „танець пойты!“ раздалось надъ ея ухомъ.—Рядомъ съ нею стоитъ Романъ; очевидно, онъ любуется ею: рука его молодецки крутитъ усъ, волосы совсѣмъ отлетѣли со лба, глаза блестятъ—статный козакъ!

„А знаетъ ли панъ, кого проситъ въ танецъ?“

„Знаю, панно, знаю! Кралю, краше которой во всемъ свѣтѣ не сыщешь?“

„Здѣсь, пане, не въ ласковыхъ словахъ рѣчь; панъ забылъ, что я Жмайлова дочь“.

Но въ гордыхъ словахъ помимо воли зазвучало глубокое сожалѣніе.

„Не считалъ я тебя такою недоброю, панно!“ опустивши голову, низкимъ, грудным голосомъ произнесъ Романъ и тихимъ шагомъ отошелъ къ свѣтлицѣ.

Словно кольнуло что то Дорину, и жалость и еще какое то непонятное чувство; за что, за что она такъ козака оскорбила? А батько, а родъ—вѣдь онъ врагъ.... и снова тщетно вызываетъ въ себѣ Дорина всѣ старинныя воспоминанія, всѣ заповѣты и заклятія предковъ,—нѣтъ въ ея сердцѣ ненависти, а только тоска....

Вотъ и окончился шумный день; какъ быстро онъ промчался! Олеся и Дорина въ свѣтлицѣ; за стѣной еле доносится отдаленный шумъ: козаки бенкетуютъ. А въ свѣтлицѣ тихо и темно; передъ божницею еле теплится лампадка; въ глубинѣ бѣлѣетъ массой гаптованныхъ подушекъ кровать, а въ штучное окно сквозь множество маленькихъ стеклышекъ бьетъ полная луна, и рисуетъ тысячи дрожащихъ, фантастическихъ узоровъ на каменномъ полу. Олеся не умолкаетъ: „серденько Дорино, если бъ ты знала, какъ онъ меня любитъ, говоритъ, что не жить ему безъ меня, что загубила я его совсѣмъ!“—„Неужто ты слово дала: тебя жъ не отдадутъ за козака“.—„А, я принужденія не боюсь; по своей охотѣ подала слово, коли не согласны—убѣгу.“—„Безъ благословенія!“—„Богъ благословитъ!“—„А соромъ?“ Отвѣта не послѣдовало. Дорина оглянулась; губы Олеси весело улыбаются, глаза закрыты: она заснула на полусловѣ.

Нѣтъ, не спится Доринѣ. Окончила она уже и вечернюю молитву, а мысли бѣгутъ и бѣгутъ безъ конца... Луна такъ ярко свѣтитъ... тоска... голова горитъ... лучше освѣжиться. Растворила она окно; въ комнату широко пахнулъ теплый, ароматный, лѣтній воздухъ... дремлютъ высокіе тополи... трепещетъ серебристымъ листомъ осина, а прямо въ окно, заливая все серебристымъ свѣтомъ, съ высокаго неба смотритъ луна. Какъ можно спать въ такую ночь! Далеко, далеко все видно: обрывъ, гора, темныя пятна лѣсовъ, а тамъ—тамъ, вся серебристая степь... Но вдругъ раздался звукъ, и сонная ночь встрепенулась... Издали, вонъ тамъ съ обрыва, широкою волною, точно жалобный стонъ, пронеслись первые аккорды пѣсни и замерли.

Сердце Дорины забилось: эта пѣсня—это былъ стонъ, это былъ голосъ ея души! И пѣсня полилась и задрожала въ сонномъ воздухѣ грустною, безутѣшною жалобой. Въ ней говорилось о тоскѣ, о страданіи любящаго одинокаго сердца, о тяжести нераздѣленной любви: „Ой любывъ козакъ та дивчыноньку, якъ та матирь дытятко, а теперъ іи покидае, якъ на мори вутятко!“ плакали и рыдали грустные звуки....

Стоитъ Дорина у окна, точно окаменѣлая... только горячая слеза медленно катится по холодной щекѣ и тоскливо шепчутъ уста: Зачѣмъ, зачѣмъ?.. Неужели.....

ГЛАВА III.

Поздно встала на другой день Дорина. Голова тяжелая, въ виски стучитъ. Олеси ужъ нѣтъ. Въ домѣ такъ странно, тихо, вѣрно ужъ всѣ уѣхали; а вдругъ?... Двери скрипнули; вбѣжала Олеся: „что это съ тобой, Дорина, не захворала ли? Господи, какъ блѣдна! А мы думаемъ, что это ты такъ поздно спишь. И всѣ уже уѣхали еще свѣтомъ.“ Послѣдняя надежда Дорины упала. „Значитъ, не увидимся больше никогда, никогда въ жизни,—къ чему, зачѣмъ?“ старается она себя успокоить. „Да скорѣй одѣвайся! ѣхать ужъ часъ“. Вышла Дорина въ свѣтлицу: какъ пусто здѣсь сегодня! Вонъ гдѣ столъ: здѣсь вчера еще сидѣлъ онъ за обѣдомъ, здѣсь глядѣлъ на нее, тамъ сказалъ ей слово ласковое, а нынче ужъ нѣтъ здѣсь его, и никогда въ жизни они не увидятся! А въ домѣ всѣ уже хлопочутъ и складываютея, точно въ далекія стороны собираются. Наконецъ окончился скучный обѣдъ; пора! Всѣ, не исключая и столѣтней няньки, усѣлись по мѣстамъ и нѣсколько мгновеній молча посидѣли; первый поднялся о. Андрей и сталъ креститься на образа; за нимъ поднялись и всѣ остальные; начались благословенія, поцѣлуи и пожеланія счастливой дороги.—Матушка, Олеся и Дорина усѣлись въ рыдванъ. „Ну, съ Богомъ!“ произнесъ наконецъ съ высокаго „ганка“, крестя рукою рыдванъ, батюшка. Захлопали бичи, дернули кони и, плавно покачиваясь, двинулся рыдванъ въ ворота. Уже и крышка его въ послѣдній разъ исчезла за горою, а о. Андрей все креститъ ту сторону, въ которую покатились путники. Катится себѣ, погромыхивая, неуклюжій рыдванъ; впереди, по бокамъ и сзади скачутъ Жмайловы козаки: опасное время,—того и гляди выскочитъ изъ за холма какая нибудь татарская рожа... Дремлетъ попадья, перебирая пальцами, голова ея непроизвольно шатается изъ стороны въ сторону; толчекъ, откроются сонные глаза, губы забормочутъ какіе то безсвязные обрывки молитвъ, и снова закиваетъ сѣдая голова. Безъ умолку, безъ перерыву шепчетъ Олеся Доринѣ; глаза ея блестятъ, руки въ движеніи—вся фигура принимаетъ участіе въ разговорѣ. „Да ты не слушаешь, Дорино. Или ты не здужаешь, или что́ сталось съ тобою, точно не при себѣ“?—„Ничего, серденько, это такъ что то“,—и Дорина провела рукою по лбу.

Привычные кони спокойно несутъ рыдванъ; передъ глазами разстилаются зеленыя поля.... мелькнетъ на горизонтѣ группа деревьевъ или высокая, печальная могила, и пусто кругомъ .. ни души.... Печально и въ сердцѣ Дорины: щемитъ какая то тупая боль... Ночь не спала—оттого, успокаиваетъ она себя, а передъ глазами наперекоръ стоитъ взглядъ тѣхъ сѣрыхъ глазъ, такой глубокій, да ласковый, какого не видѣла она никогда ни у батька, ни у матери... А въ ушахъ все звенитъ: „Ой любывъ козакъ та дивчыноньку, якъ та матирь дытятко, а теперъ такъ и покыдае, якъ на мори вутятко“. И снова гонитъ она прочь мысли, и снова встаютъ передъ ней „его голосъ тихый“, да „поглядъ любый“!

Катится рыдванъ, погромыхиваетъ: дремлетъ попадья, притихла Олеся, грустно смотрятъ Доринины „думныя очи!“ Рыдванъ началъ спускаться въ оврагъ и перелѣсокъ. Пронесся рѣзкій, дикій крикъ; изъ-за куста поднялся одинъ татаринъ, другой, третій, бросились къ лошадямъ; раздались выстрѣлы, взвизгнули сабли—и... но что это?—они несутся; взбѣшенные кони вихремъ летятъ, возжи разметались, кучера нѣтъ... рыдванъ скачетъ подъ гору, шатаясь... на встрѣчу несется страшный оврагъ—провалье... Холодомъ обдало всѣхъ...

Дорина оцѣпенѣла, а въ головѣ жужжитъ одна мысль: а, вотъ и смерть, вотъ и смерть! Но что это? Быстро мимо же промчался Романъ; онъ заѣзжаетъ противъ лошадей, Господи, что онъ дѣлаетъ: его сотрутъ, его истопчутъ кони. „Козаче!“ успѣла только крикнуть она. Раздался выстрѣлъ, толчекъ, какой то страшный лязгъ и—ничего болѣе! Дорина открыла глаза. Что жъ это, не сонъ ли? Прямо передъ нею глаза Романа съ безпокойствомъ смотрятъ на нее. „Боже мой, не ушиблась ли, не болитъ ли что у тебя, очень перепугалась, панночко!?“ И онъ осторожно посадилъ ее на траву.

„Что это? Гдѣ мы?“—„Успокойся; ты сидишь подлѣ меня; все благополучно, всѣ живы“. Дорина съ удивленіемъ оглянулась кругомъ: она сидѣла на зеленомъ холмѣ; внизу, шагахъ въ пяти отъ глубочайшаго обрыва, лежалъ опрокинутый на бокъ рыдванъ; безформенная масса лошадей билась, а одна трупомъ лежала,—пуля угораздила ей прямо между глазъ. Надбѣжавшіе козаки суетились. Олеся хлопотала подлѣ разстроенной матери, а та, испуганная на

смерть, вздымала очи „горѣ“, и обильныя слезы текли по ея полному, добродушному лицу.

„Спасибо тебѣ, козаче; ты спасъ намъ жизнь“, шептала Дорина.

„Спасибо, Господу мылосердому... Если бы... что бы со мной тогда было?“ промолвилъ Романъ, смотря въ землю...

„А татаре?“ Она сидѣла передъ нимъ въ высокой травѣ и ея оченята съ такой дѣтской довѣрчивостью смотрѣли на него снизу вверхъ.—„Татаре? Мои козаки далеко отбили ихъ, не тревожься, а я нарочно ждалъ тебя, голубко, близь этой горы, зналъ, что здѣсь будете отдыхать, чтобъ еще разокъ глянуть на тебя коли вижу... Тутъ я бросился... или убью коня, остановлю ихъ, или пусть и я“... голосъ его досказалъ то, чего не договорили слова.

„Козаче! одинъ Богъ!“... Дорина хотѣла сказать что то, но смѣшалась, зардѣлась и слеза благодарности блеснула у ней на глазахъ.

„Слушай, Дорино, я не вѣрю, чтобы ты меня ненавидѣла—у тебя вѣдь доброе сердце? Виноваты ли мы въ насиліяхъ и разбояхъ нашихъ дѣдовъ? За что же, за вражду прадѣдовъ и на насъ, внуковъ, переносить такую злобу, такую месть!?“

„Прости меня, козаче, я“...

„Знаешь, Дорино, у меня нѣтъ матери, кромѣ батька—никого; не зазналъ я съ дѣтскихъ лѣтъ любви, да ласки, росъ себѣ, какъ „перекотыполе“. Былъ я и въ нѣмецкихъ, и въ турецкихъ земляхъ, видѣлъ я много краль, и княгинь, и княженъ, такихъ, что и солнце обрадуется, какъ завидитъ ихъ... а сердце мое къ нимъ не лежало: не сказалось родной, любимой души“. Онъ стоялъ передъ ней во весь ростъ, голосъ его то падалъ низко и тихо, то снова подымался; а глаза ея съ такимъ восторгомъ, съ такою любовью смотрѣли...—„А вчера, вчера, когда я тебя увидѣлъ, Дорино—точно солнце взошло подлѣ меня; вотъ мое счастье, моя жизнь, моя радость, крикнуло сердце! И такъ ты мнѣ мила, такъ ты мнѣ люба стала, точно тебя только и ждалъ я всю мою жизнь. Теперь безъ тебя жизнь—могила, а съ тобою я не боюсь ни горя, ни лиха“... Онъ опустился подлѣ нее: „Скажи жъ, Дорино, ненавидишь ты меня?“

„Нѣтъ, за что же? ты меня“... головка ея низко склонилась.

„А любишь ли?“ Она замолчала, только головка ея склонилася еще ниже.

„А пошла бъ ли ты рядомъ со мною по моему пути?“ Онъ ласково и грустно заглянулъ ей въ глаза, взявши за руку.

Какъ ни настораживали ушки желтенькіе „Иванъ да Марья“,— но имъ не удалось услышать тихаго отвѣта Дорины. А вотъ поцѣлуй такъ услыхала высокая тырса—трава и, заколыхавшись, пошла передавать это всей степи .. и, обрадовавшись, тихо закивала тысячью своихъ пестрыхъ головокъ широкая степь ..

Небо поблѣднѣло. Надъ самой головой медленно таяло послѣднее золотисто розовое облачко. Внизу уже привели длинный „драбынякъ“, высоко наложенный сѣномъ. Сытыя лошадки пофыркиваютъ, козаки хлопочутъ, очнувшаяся попадья зоветъ Олесю и Дорину. Пора. Въ высокомъ небѣ блеснула первая звѣздочка... Романъ поднялъ Дорину на руки: „Моя, Дорино, моя до вику?“ Дорина подняла глаза: сколько безконечной любви въ этихъ глубокихъ карихъ оченятахъ, а на рѣсницѣ задрожала крупная слеза— что могло быть больше этого? И Романъ горячо прижалъ дорогую головку къ своей груди.

Тихо поскрипываетъ длинный драбынякъ. Рядомъ, сдерживая коня, ѣдетъ панъ Романъ. Взглянетъ онъ на Дорину, улыбнется она счастливой улыбкой,—у нихъ свой широкій, счастливый міръ и никому до него нѣтъ дѣла, и никто объ немъ не знаетъ... Молчатъ, а сколько счастья, сколько словъ въ этомъ безмолвномъ молчаніи? А глубокое небо все усѣялось міріадами мерцающихъ звѣздъ; потянуло сыростью; гдѣ то прошумѣли въ воздухѣ запоздалыя утки; изъ земли всталъ тонкій легкій паръ... Впереди козаки затянули какую то широкую, вольную пѣсню.

ГЛАВА IV.

Гнѣвенъ панъ Жмайло, страшно гнѣвенъ. Зачѣмъ онъ уступилъ вчера просьбамъ и оставилъ дочь у батюшки? Какъ ему въ голову не пришло, что тамъ, именно тамъ, она можетъ встрѣтиться съ заклятымъ врагомъ! А теперь еще этотъ врагъ спасъ дочь его отъ неминучей смерти и долгъ рыцарскій требуетъ отблагодарить

его... и глухо раздаются въ пустой свѣтлицѣ тяжелые шаги гнѣвнаго пана. Но вотъ Жмайло дернулъ сердито дубовую дверь и кликнулъ сѣдоусаго Власа: „сѣдлай, мой вѣрный слуга, скорѣе быстраго огиря да лети къ пану Громыкѣ; перекажи ему отъ меня большое спасибо за услугу его сына, да спроси непремѣнно, чѣмъ мнѣ прикажетъ онъ отблагодарить его? Да прибавь, козаче, что родъ Жмайловъ ни отъ кого даромъ благодѣяній не принималъ, а тѣмъ болѣе отъ своихъ стародавнихъ сосѣдей!“

Полетѣлъ орломъ старикъ Власъ до сосѣда и передалъ вельможное панское слово. Усмѣхнулся Громыка на эту гордыню, а сынъ его Романъ и ей радъ. Обнимаетъ онъ своего отца крѣпко, и умоляетъ, чтобъ помирился съ паномъ Жмайломъ, чтобъ высваталъ ему красавицу—дочку.

Любитъ старый козакъ Громыка своего сокола-сына, единственную вѣтвь стараго славнаго древа, а чего отецъ не сдѣлаетъ, чѣмъ не пожертвуетъ для своей „дытыны?“ Онъ поступится гордостью, поѣдетъ, протянетъ руку... Но, знаетъ ли Романъ „запеклаго“ Жмайла?..

„Отецъ, вѣдь я спасъ жизнь его единственной дочери,—неужели хватитъ у него совѣсти отвѣтить на это неблагодарностью черной? Неужели вмѣсто сердца у него камень, мохомъ поросшій?“

„Да у него воля желѣзная и сердце стальное... онъ, сыну мой, не согнется ни передъ мольбами, ни передъ слезами, и скорѣе волкъ „сироманець“ пожалѣетъ „ягня“, чѣмъ Жмайло Громыкѣ что добраго вчинитъ!“

„Да когда же прекратится эта безумная вражда, когда уляжется поднятая дьяволомъ злоба?“

„Все то отъ Бога! а для тебя, сынашу мой, все сдѣлаю, по крайней мѣрѣ сердце мое не понесетъ упрека“. И старый козакъ велитъ сѣдлать коней, и собираетъ онъ пышное посольство, и дары богатые, а черезъ сѣдаго Власа шлетъ пану Жмайлу вѣсть, что самъ онъ съ сыномъ будетъ къ вельможному сосѣду въ гости.

Просторная свѣтлица у пана Жмайла; только мрачно и холодно въ ней. Въ „штучныя“ окна проникаетъ блѣдный сѣроватый свѣтъ. Посреди выбѣленнаго потолка широкимъ выступомъ лежитъ дубовый, почернѣвшій отъ времени сволокъ“, съ вырѣзаннымъ глубокимъ

крестомъ. Полы всѣ выстланы цареградскими коврами, подъ окнами „ослоны“ и „ослончыкы“, краснымъ едамашкомъ и „коцями“ крытые; стѣны бѣлыя съ дубовыми полками, а на нихъ разставлены „кубки червленные“, „мисы сутозлотыя“, „полумиски“ серебряные и „келехи“ нюренбергской работы. Въ лѣвомъ углу большая, изразцовая печь, хитро и затѣйливо изукрашенная; а въ правомъ—все образа кіевской, искусной работы, увѣшанные шитыми рушниками, „уквиччанные“ васильками да душистой гвоздикой. Внизу подъ ними большой дубовый столъ, поверхъ дорогаго ковра тонкимъ обрусомъ крытый; а на немъ хлѣбъ, какъ солнце, и соль—символы гостепріимства. Пышно, роскошно въ свѣтлицѣ, только неуютно и холодно въ ней. Съ утра пріѣхалъ къ пану Жмайлу и отецъ Андрей, встревоженный недобрыми вѣстями; прослезился, увидѣвши свою дочь, и отслужилъ благодарственный молебенъ о чудесномъ спасеніи отъ напасти. Дорина благословляла небо за эту самую напасть и горячо молилась о ниспосланіи въ отцовское сердце мира и забвенія злобы. Къ концу молебна пріѣхалъ сѣдоусый Власъ и объявилъ о близкомъ пріѣздѣ нежданныхъ гостей. Вѣсть эта всѣхъ поразила, какъ громомъ. Дорина вспыхнула вся, и потомъ вдругъ мертвенно поблѣднѣла, увидѣвъ строгій, устремленный на нее батьковскій взглядъ; а панъ Жмайло сердито дернулъ себя за усъ и приказалъ женщинамъ уйти на свою половину.

Пріѣхалъ и панъ Громыка пышнымъ „поѣздомъ“. Панъ Жмайло съ батюшкою встрѣчаютъ ихъ въ своей свѣтлицѣ. Панъ Громыка, парадно одѣтый, еще статный и бравый козакъ, вошелъ въ свѣтлицу со своимъ красавцемъ сыномъ и почтенными козаками; всѣ пану Жмайлу поклонились низко и панъ Громыка началъ торжественную рѣчь. Онъ призвалъ въ ней на помощь всю свою ученость, потревожилъ даже прахъ Горація и Ювенала, и подкрѣпилъ свои доводы текстами изъ св. письма. Рѣчь его, несмотря на свою витіеватость, дышала искренностью и чувствомъ; говорилось въ ней, что дѣти за грѣхи отцовъ не отвѣтственны, что злоба унесла не мало жертвъ и пресытилась; что наконецъ, закончилъ панъ Громыка: „десница Божья, надъ нашими родами простертая, съ того злополучнаго дня, егда свершися клятва на брата, и, по мѣрѣ торжества злобы, вѣтви нашего древа всѣ сохнутъ и чахнутъ, и теперь только единственные

отпрыски остались,—у тебя, вельможный пане, дочь, у меня—сынъ. Не промыслъ ли Божій, руководившій спасеніемъ твоей дочери, указуетъ и къ примиренію путь? Онъ вложилъ въ сердце дѣтей нашихъ любовь и забвеніе прошлыхъ обидъ. Поклонимся же и мы челомъ волѣ Господней, забудемъ давнее „лихо“, протянемъ дружески другъ другу руки, и въ любовномъ союзѣ нашихъ дѣтей возростимъ новую силу на славу нашей Украинѣ!“ Громыка остановилъ на Жмайлѣ полный теплоты взоръ; но тотъ, вперивъ очи въ землю, угрюмо молчалъ и теребилъ свой серебристый усъ. Наконецъ раздался его голосъ, хриплый, надменный: „Весьма я доволенъ, что представитель рода Громыкъ пришелъ къ Жмайлу съ покорнымъ поклономъ, весьма благодаренъ я и за оказанную, пане, твоимъ сыномъ услугу—но платы, какую панъ за нее правитъ, дать не могу: велика она и чувствуется въ ней Громычина алчность!... Бери у меня, пане, золото, серебро, драгоцѣнное оружье, коней быстрыхъ; но дочери врагу я не отдамъ“... Громыка хотѣлъ было послать въ отвѣтъ горькое слово; но о. Андрей перебилъ его; онъ поднялъ евангеліе въ дорогой оправѣ и дрогнувшимъ голосомъ началъ: „Братіе, во имя Господа Бога и Животворящей Троицы, молю васъ, да изгоните изъ сердецъ вашихъ князя мести и злобы и отверзите ихъ для духа мира и згоды. Распятый за ны заповѣдалъ намъ не токмо прощать враговъ, но и молиться за нихъ. Братіе! Кіе убо врази есте? Вы сыны одной матери, одной „нени“. Прадѣды ваши свершили грѣхъ, за что же правнукамъ сугубо его творити? Братіе! Возлюбите другъ друга, до единомыслiемъ исповѣмы, и лобзаніемъ сотрите злобительства жало. Да воскликну и я, подъявши руки „горѣ“: „сниди Господи, и виждь и посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя!“ окончилъ о. Андрей, и изъ старческихъ глазъ его катились слезы. Козаки вытирали тоже непослушныя очи, а глубоко тронутый панъ Громыка сдѣлалъ первый шагъ къ пану Жмайлу. Но послѣдній, какъ камень холодный, стоялъ и въ темныхъ очахъ его не свѣтилось ничего, кромѣ злобы.

„Свято твое слово, панъ-отче; но вмѣстити его можетъ не грѣховная наша плоть, а токмо Божеская... да и та не простила Іуды! А не Іудами ли были дѣды и прадѣды пана Громыки? Не они ли ковали злобу и проливали братнюю кровь? Не вопіетъ ли эта кровь

къ мести? Нѣтъ! Нѣтъ! Мои предки перевернулись бы въ гробахъ, если бы я нарушилъ ихнюю клятву! Не будетъ моя дочь за исконнымъ врагомъ, и не протяну я ему руки въ вѣки: не подобаетъ бо туру съ звѣрюкою „хыжою“ вмѣстѣ быти!“

„Не мы Іуды, а твой прадѣдъ Іуда былъ и совершилъ Каинскій грѣхъ!“ крикнулъ Громыка,—брязнули сабли и неизвѣстно чѣмъ бы кончилось примиреніе, если бы не кинулся къ батьку Романъ, а къ пану Жмайлу батюшка. Печально вышли изъ свѣтлицы непрошенные гости; Роману удалось только увидѣть въ сѣняхъ Олесю и шепнулъ ей что то на ухо.

Эхъ, пане Жмайло, пане Жмайло! Не разумно ты еси думалъ: можешь ты приказывать войску козацкому, побѣждать войско басурманское, да не прикажешь ты сердцу своей дочери разлюбить, кого хочешь. Никто вотъ не съумѣлъ унять рыдающей Дорины, а Олеся съумѣла: сказала одно слово и Дорина, обнявши горячо свою подругу, бросилась къ образамъ молиться...

Ночь, теплая, украинская, звѣздная ночь. Межъ высокихъ тополей выглядываетъ двурогій мѣсяцъ. Въ глубинѣ сада, возлѣ двухъ сросшихся тополей, стоитъ, облокотившись о высокій бѣлый муръ, Дорина; на другой сторонѣ на конѣ сидитъ Романъ. Дорина, обнявши его и положивши голову ему на плечо, тихо, радостно плачетъ. „Ахъ Романъ, Романъ! Дорогой мой, хорошій мой! Я не думала тебя и видѣть уже!“

„Горлычко моя! Недобрый у тебя батько!“

„Недобрый, сердитый! Какъ отецъ твой просилъ, какъ батюшка говорилъ... ледъ бы растаялъ .. а онъ...“

„Не любитъ онъ тебя, только гордыню свою тѣшить хочетъ“...

„Богъ съ нимъ... мать добрая. А ты, мой дорогой?“ Дорина зардѣлась и закрыла лицо бѣлымъ рукавомъ и недоговорила вопроса.

„Я? спросилъ Романъ и прижалъ ее крѣпко, крѣпко къ своей груди. Я? Да нѣтъ ничего въ свѣтѣ такого, что могло бы мнѣ замѣнить тебя! Весь свѣтъ я отдамъ за тебя, не пожалѣю ни славы, ни жизни, ни даже воли козачьей... А ты меня любишь, Дорино?“

„Люблю ли я тебя? Она положила на плечи ему руки и откинула назадъ свою голову: свѣтлыя пряди волосъ сбѣжали по бокамъ и открыли блѣдное личико. Видишь, Романъ,—здѣсь бьется сердце

мое; въ немъ все—Романъ, и никакія угрозы, никакія муки не заставятъ меня выбросить его изъ сердца!"

„Счастье мое! Жизнь моя"! Романъ обхватилъ обѣими руками голову Дорины и крѣпко, крѣпко прильнулъ устами къ устамъ...

Выглянулъ изъ-за тополей мѣсяцъ и бросилъ на нихъ блѣдный, ревнующій лучъ.

„Но какъ же быть, что дѣлать? встрепенулся козакъ:—батько твой не согласится на нашъ бракъ—а безъ тебя не жить мнѣ на свѣтѣ"...

„Не жить"... повторила еще болѣе поблѣднѣвшая Дорина;— „тоска, охъ какая тоска! Лучше скорѣе отъ нея спрятаться подъ „куширъ"... въ омутъ"...

„Такъ уйдемъ! Я все добро продамъ и этотъ край брошу; уйдемъ на Волынь, тамъ завоюемъ себѣ счастье, гетьманами заживемъ"...

„Я за тобою на край свѣта! Только проклянутъ... тяжело съ отцовскимъ проклятіемъ ходить на землѣ... Я въ ногахъ у батька ползать буду... я слезами смою „доливку"... можетъ умилосердится...

„Бѣдная, бѣдная сиротка! Надѣешься! Ну и подождать можно, только не случилось бы чего худшаго?"

„Матерь Божья не допуститъ! она послала заступника мнѣ, и Сама заступницей станетъ!"...

И не разъ, и не два видится Дорина съ Романомъ.

ГЛАВА V.

Видитъ панъ Жмайло, что таетъ отъ тоски по Роману дочка, и рѣшилъ онъ во что бы то ни стало выдать ее замужъ: и ѣдутъ къ нему женихи, одинъ за другимъ, одинъ другаго пышнѣе, знатнѣе—и изъ Украины, и изъ Волыни и изъ далекой Польши. Рѣшилъ ты, панъ Жмайло, выдать дочку, только трудно это, не такого характера Дорина, не даромъ отцовская дочка!

Не остались батюшка и Олеся послѣ столкновенія съ Громыкою въ этомъ угрюмомъ домѣ, уѣхали они въ свой маленькій, но веселенькій будынокъ. И мракъ, и тоска полновластно воцарились въ старинномъ домѣ. Злобствуетъ Жмайло, плачетъ пани Жмайлыха, только Дорина молчитъ—ни слова, а лицо все блѣднѣетъ, да блѣднѣетъ. И кипитъ злоба въ панѣ Жмайлѣ.

„Слушай, жинко, грозно обратился Жмайло къ женѣ:—долго ты дурѣть будешь?“

Пани Жмайлыха отерла глаза тонкою хусткою: „Та я такъ... ничего... дытыну жалко“... и опять голосъ ея задрожалъ. —„Что жалко! надоѣли ужъ мнѣ ваши бабскія бредни,—завтра же отдамъ замужъ за „машталера“, за чабана, за свинопаса!“ и панъ Жмайло грозно стукнулъ ногой. Въ дверяхъ показалась Дорина; она была бѣлѣе стѣны и тихо дрожала, только глаза ея блестятъ изъ подъ крѣпко сдвинутыхъ бровей. „Отецъ“, тихо, но твердо начала она;—„коли нѣтъ твоей воли меня за Романа отдать, то не разрывай ты моего сердца, отпусти меня въ монастырь; буду я всю жизнь за васъ Бога и св. Панну молить“—„Что?“ заревѣлъ Жмайло;—„ты еще меня учить будешь!? Кошеня! Самъ знаю. что дѣлать! Завтра же пойдешь замужъ, скручу, свяжу, а повѣнчаю—слышишь мое слово—завтра!“—„Отецъ, смилуйся, отецъ, не могу я... не пойду я“... Дорина упала на колѣни.—„Да что ты?! Отецъ я тебѣ, или нѣтъ? Не моя ли надъ тобой воля?“—„Такъ, отецъ, ты породилъ меня, ты и въ жизни моей воленъ. Такъ выйми жъ эту саблю турецкую и убей меня, отецъ, а сердца моего не сломать тебѣ никогда.. никогда“... Глаза пана Жмайла налились кровью, Дорина пригнулась къ землѣ, пани Жмайлыха упала на колѣни.—„Такъ вотъ ты какая! А!“ онъ схватился за рукоять сабли—клинокъ блеснулъ въ воздухѣ и...—„Дитя, дитя... меня убей!“ бросилась пани подъ ноги къ Жмайлу. Онъ стиснулъ зубы, швырнулъ саблю, и, круто повернувшись на каблукахъ, тяжелыми шагами вышелъ изъ свѣтлицы.

И все замерло въ домѣ.... Дорину безъ чувствъ подняли; пани Жмайлыха рыдаетъ передъ образомъ; дивчата „вытираютъ очи“,—жалко бѣдную панночку—да и страшно, что придумаетъ Жмайло!? Старуха нянька крестится и бормочетъ какія то странныя слова; и всѣ трепещутъ, всѣ съ ужасомъ ожидаютъ рѣшенія пана Жмайла. Только Дорина, точно оледенѣла вся—чего ей бояться и что можетъ теперь ужаснуть ее? Бѣжать, бѣжать одно спасенье! Уже и темная ночь спустилась надъ перепуганнымъ домомъ, а въ свѣтлицѣ пана Жмайла все раздаются тяжелые грозные шаги. Пригнулась пани Жмайлыха къ замочной скважинѣ, дохнуть боится: что дѣлаетъ разгнѣванный супругъ? Но замокъ крѣпко запертъ, въ скважинѣ ключъ,

и тяжко вздохнула пани и безнадежно побрела по пустымъ покоямъ въ свѣтлицу, гдѣ лежитъ ея „безталанная“ дочь. А въ свѣтлицѣ Жмайла темно, только двѣ тоненькія полоски свѣта и отражаются въ голубой стали старинной „зброи“. Панъ Жмайло тяжело шагаетъ, брови его нахмурены; время отъ времени сквозь сцѣпленные зубы вырываются отрывочныя восклицанія: „Не пойдетъ.... не пойдетъ.. не такая! Замуровать до смерти..—угаснетъ родъ!“.. И снова тяжелое молчаніе и глухой шумъ шаговъ. „Сбыть... его сбыть ... молода... забудетъ“.... и то же молчаніе, тотъ же шумъ шаговъ. Но вдругъ глаза его блеснули злымъ огонькомъ; онъ остановился, какъ вкопанный, ударилъ себя рукою по лбу и... злобно, радостно захохоталъ... Мѣсяцъ забѣжалъ за облако, и со старинной башни, точно въ отвѣтъ его смѣху, „пугачъ“ прокричалъ три раза: „поховавъ, поховавъ, поховавъ!“

Наступило утро. Жмайло вышелъ изъ своей свѣтлицы и подошелъ къ женѣ. Пани Жмайлыха замерла въ ожиданіи; она боялась поднять глаза на мужа, она боялась прочесть въ его глазахъ суровое рѣшеніе. Но Жмайло ловко поцѣловалъ женѣ руку. Пани подняла на него глаза.—„Что это, что ты!“—„Какъ что? День добрый, пани“!—„Да что это съ тобой?“.—„Ничего, позови дочь сюда!“—„Ой, что это ты задумалъ? Смилуйся, пане!“ она протянула къ нему руки.—„Ничего не задумалъ: хочу дочь увидѣть и баста!“ Панъ Жмайло расправилъ усы и опустился на „дзыглыкъ“.—„Ну жъ!“ Пани бросилась: черезъ минуту ввели Дорину. Она остановилась въ дверяхъ и прислонилась головой къ стѣнкѣ. Что сдѣлалось съ нею за ночь? Лицо прозрачное, вокругъ глазъ черные круги. „Гм!“ произнесъ Жмайло, глянувши на дочку.—„Ну, дочко, подойди ка ко мнѣ!“ Дорина не повѣрила бы и своимъ ушамъ. Въ голосѣ старика зазвучала небывалая ласка.

„Ну, глянь на меня!“ онъ даже ласково потрепалъ ее по щекѣ: „чего жъ боишься?“

„Слушай, дочко, не ворогъ я тебѣ; коли ты ужъ такъ „затялась“ на своемъ, то я, пожалуй, согласенъ“.... Всѣ ахнули! Дорина бросилась на колѣни передъ отцомъ, схватила его руки и изъ глазъ ея хлынули слезы; пани Жмайлыха счастливо улыбалась, хотя глаза ея застилалъ легкій туманъ, но это были теплыя, счастливыя слезы

и каждая изъ нихъ могла бы потопить тысячу тяжелыхъ вздоховъ...

„Такъ, продолжалъ Жмайло,—я никому не перечу искать твоей руки, будь то мнѣ другъ или недругъ, а только достанешься ты храбрѣйшему изъ лыцарей. Пусть твой Романъ тебя заслужитъ. Что жъ, довольна, дочка?"—„Тато, тато"... Дорина подняла на отца глаза—онъ ласково улыбнулся... но въ глубинѣ его глазъ почуялось Доринѣ что то недоброе...

И вотъ шлетъ п. Жмайло ко всѣмъ пословъ: „подношу, де, я войну великую и кто желаетъ получить руку моей дочери, пусть принимаетъ участіе въ походѣ". Шлетъ онъ гонца и къ пану Роману. „Прости меня де, пане, что круто я съ тобой обошелся; что дѣлать,—нравъ ужъ мой такой, а пора ужъ примириться! Хочешь ты, пане, за себя дочку мою взять,—что жъ, я не перечу, а только далъ свое слово лыцарское, что достанется онъ храбрѣйшему изъ козаковъ; милости же просимъ къ нашей рати".

Обрадовался да и диву дался панъ Романъ этой ласкѣ. Хорошо, хорошо! Поѣдемъ въ походъ! Завоюемъ свое счастье! Добудемъ себѣ Дорину! А сомнѣваться ему въ этомъ нечего,—пусть еще кто съ нимъ помѣряется? Разлука вотъ... да вѣдь скоро вернутся, а тогда ужъ навсегда... навсегда... И нетерпѣливо торопитъ панъ Романъ отцовскіе сборы.

Мучитъ Дорину вѣщее сердце, снятся ей недобрые сны.... Но вотъ ужъ послѣдній вечеръ,—завтра выступаютъ въ походъ... Давитъ „туга" Дорину, тоска сосетъ сердце, чуется неотразимое горе, а надежда все таки шепчетъ: вотъ вернется изъ похода, конечно, онъ храбрѣе, славнѣе всѣхъ, станутъ о его подвигахъ думы складывать, пѣсни пѣть, самъ батько признаетъ его достойнымъ руки своей дочери и... а... тогда... тогда... но тутъ взглянетъ на Дорину батько и зазмѣится на губахъ у него торжествующая улыбка... и расправившая крылья надежда падаетъ камнемъ, а сердце тоскливо забьется, точно подстрѣленная птица.

Но будь, что будетъ, сегодня она еще счастлива, сегодня она еще увидитъ Романа.

Оперлась Дорина о бѣлую стѣну—смотритъ трепетно вдаль; высоко стоитъ замокъ, внизу чуть замѣтна рѣка; какъ страшно надъ

нею колышется сѣдой туманъ; а вонъ гдѣ далеко вьется дорога съ горы на гору—вотъ оттуда долженъ онъ пріѣхать.... Что то зашуршало въ травѣ, Дорина быстро оглянулась.—Ничего, это ящерица блеснула на лунѣ своей яркой спинкой и снова спряталась подъ камень. А что дома? Нѣтъ, замокъ спитъ; потухли всѣ огни, только луна ударяетъ въ окна и перламутромъ переливается стекло. Какой онъ мрачный, точно угрюмый старикъ! Смотритъ Дорина на замокъ, сколько пришлось ей выстрадать въ немъ. Какъ мало времени прошло, а сколько горя! Но слава Богу, прошло это все, какъ тяжелый сонъ. А Романа все нѣтъ, какъ нѣтъ! И тоскливо всматриваются глаза въ туманную даль.... Что жъ не ѣдетъ онъ? Не случилось ли чего? Господи, сохрани и помилуй, не можетъ онъ не пріѣхать, не можетъ онъ уѣхать, не простившись со мною! Раздался короткій топотъ. „Романъ“! Дорина упала къ нему на шею:—„Коханый мой, возьми меня лучше съ собою; я не выживу здѣсь безъ тебя. Я буду томиться, тосковать, не знаючи, что съ тобою! Романе, она прижалась къ нему щека къ щекѣ,—коханый мой, какъ я люблю тебя!“

Онъ сталъ цѣловать ея волосы, глаза, губы... „Вотъ, какъ вернусь съ побѣдой, тогда ни одной минуты ждать не стану; возьму да и увезу тебя сразу въ свой замокъ... и тогда ужъ у меня никто не отыметъ моей Дорины“.—„Такъ ли, козаче мой, охъ, не вѣрится мнѣ, не бывать намъ вмѣстѣ!“

— „Нѣтъ, Дорино, я чую, всѣмъ сердцемъ моимъ чую, что насъ никто не разъединитъ съ тобою. И клянусь тебѣ, Дорино, передъ чистымъ небомъ и въ свидѣтели беру наше козачье солнце,—онъ поднялъ къ мѣсяцу руку,—что ни за что, никогда не кину тебя, что рано ли, поздно ли, и что бъ ни случилось со мною, а я за тобою пріѣду“! Что то зловѣщее послышалось Доринѣ въ этой клятвѣ—ей стало жутко: она глянула и ей показалось, что мѣсяцъ торжественно кивнулъ ей своимъ острымъ рогомъ. А время бѣжитъ,—минута за минутой.—„Часъ ѣхать! Благослови жъ меня на счастливую дорогу!“ Дорина встрепенулась: „Уже?“ она положила къ нему руки на плечи:—„Господи, Царица Небесная, она съ восторгомъ подняла глаза къ небу, точно ждала сей часъ увидѣть какое нибудь знаменіе:—Ты „захистишь“ мнѣ моего Романа отъ всякаго горя!“ Онъ при-

жалъ ее къ груди крѣпко, такъ крѣпко, какъ только умирающій прижимается къ жизни. „Романе! Коханый мой!“ Еще одна минута,— конь рванулъ, Дорина припала къ стѣнѣ: она еще не плачетъ, она еще вся слѣдитъ за нимъ, еще все ея сердце полно имъ; но вотъ въ послѣдній разъ мелькнула за горой красная шапка: какъ глухо, какъ пусто кругомъ!...

ГЛАВА VI.

Прошелъ мѣсяцъ, другой и третій. Уже и листья, свернувшись, опали съ деревъ и подошли настоящіе морозы: надвинулись сѣрыя тучи, посыпало снѣгомъ, бѣлой шапкой накрылись лѣса, серебристой скатертью широко постлалася степь. Вотъ ужъ скоро „надбѣгутъ и „Риздьвяны святкы“... а о панѣ Жмайлѣ и о его храброй рати ни слуху, ни духу: поѣхали—точно въ воду канули.

Сидитъ Дорина въ своей свѣтлицѣ на „дзыглыку“ около оконца,—очей не открываетъ: и степь, и лѣса, и небо—все бѣлымъ саваномъ крыто—и тоска, тоска!.. Что теперь съ Романомъ, гдѣ онъ? Можетъ быть какъ разъ въ эту минуту какой нибудь татаринъ... Господи, сохрани и помилуй! И крупная слеза за слезой падаютъ на тонкое шитье. А можетъ быть этой „хусткою“ перевяжу Романа?! И сердце такъ радостно забьется, и какая то чудная теплота пробѣжитъ по всему тѣлу, и съ надеждой и вѣрой подымаются глаза къ образу, освѣщенному неугасаемой лампадой.

Потянулись длинные, зимніе вечера. Лежитъ Дорина на кровати, опершись головою на руки; а столѣтняя ветхая нянька однообразнымъ старческимъ голосомъ, покачивая сѣдой головой, разсказываетъ ей старыя сказки. И встаютъ передъ Дориной изъ темнаго угла страшные и чудные образы: вотъ поползли зловѣщіе драконы съ сверкающими глазами, вотъ промчалась на помелѣ страшная вѣдьма съ распущенной косой, а вонъ на тонкой вѣткѣ, надъ таинственнымъ озеромъ, закачалась блѣдная русалочка съ зелеными глазами, въ бѣлой, длинной одеждѣ—вся въ водорослях; вонъ въ розовомъ лучѣ пролетѣла женщина, нѣтъ, легкій ангелъ со звѣздою на лбу, а за нимъ и „козакъ-нетяга“—спаситель, защитникъ. И толпятся эти образы одинъ за другимъ и тихо киваютъ Доринѣ то

сѣдыми, то граціозными головками, а старуха, однообразно шамкая губами, тихимъ безстрастнымъ голосомъ проводитъ сказку за сказкой. Жутко Доринѣ, не случилось бы и съ Романомъ чего такого—развѣ мало и теперь этихъ колдуновъ и колдуній, развѣ мало и теперь по глубокимъ озерамъ, по темнымъ лѣсамъ мавокъ да русалокъ? „Господи, зглянься надъ намы!“ съ тоскою шепчетъ она, прижимая руки къ груди.—„Бабусю, а они и теперь встрѣчаются?“—„Кто ихъ знаетъ, дытыно, люди не разъ видѣли!“—„Можетъ быть и съ нашими что нибудь такое приключилось?“—„И и! козаку нечего бояться: у него шабля свяченая; противъ нее нечистая сила ничего не сможетъ. Вотъ вернется Романъ, „ушкваримъ“ весилля, еще и тебѣ сына—молодца выняньчу!“

О, Господи, когда бъ оно случилось такъ! Да нѣтъ, это немыслимое счастье! Какъ она бросится къ нему, какъ разскажетъ, сколько безъ него выстрадала, какъ пригорнется! И изъ темноты смотрятъ на нее „коханыя очи“ тѣмъ самымъ взглядомъ, который такъ согрѣвалъ ей сердце. А о панѣ Жмайлѣ и о панѣ Романѣ ни слуху, ни вѣсти...

Молится она, кажется, всю душу выливаетъ въ молитвѣ. Въ церковь поѣдетъ и тамъ какъ то не такъ. Отецъ Андрей ужъ не тотъ: закручинился старикъ; чорнобрывенькая Олеся давно уже вышла замужъ за Ивана Богуша и уѣхала на веселую Украину.

Наступилъ февраль—лютый и мокрый; вечеръ; дождь и снѣгъ льетъ и стучитъ въ стекла окошекъ. Въ просторной свѣтлицѣ, въ чистой печи ярко пылаютъ и потрескиваютъ дрова; на печи „каганецъ“; на лавахъ рядомъ сидятъ „дивчата“, прядутъ „прядыво“; посреди хаты дѣдъ снуетъ основу; пани наблюдаетъ, чтобъ „дивчата“ не теряли даромъ времени; тутъ же и Дорина. Тоскливо въ хатѣ, только однообразно жужжатъ веретена, да несется „дивоча“, грустная, тихая пѣсня. Двери скрыпнули, показалась баба.

„Пани, бандуриста пришелъ“.—„Веди его, веди, да неси сюда закуски, наливки разной“. Всѣ всполошились: вотъ теперь то они узнаютъ, что дѣлается на свѣтѣ бѣломъ. Сердце Дорины замерло за свою судьбу; какъ страшно! лучше бъ ужъ и не знать!—Въ хату вошелъ высокій, степенный старикъ. Сѣдые его усы спадали на грудь, „оселедець“ закрутился вокругъ уха, на лбу прошли двѣ глубокія

морщины; слѣпое его лицо дышало выраженіемъ, а незрячіе глаза, казалось, говорили. Старикъ шелъ твердо, прямо; за нимъ мальчикъ несъ бандуру. Дивчата поклонились; пани встала къ нему на встрѣчу: „Будьте здоровы, дѣду!“ — „Будь здорова и ты!“ — „Садитесь, диду, утомились?“ — „Сядемъ, пора отдохнуть“. — „Да ближе къ печи, сбросьте „керею“ и не побрезгайте, повечеряйте съ нами, чѣмъ Богъ послалъ“. — „Ничего, не помѣшаетъ!“ Дѣдъ медленно опустился, снялъ керею, и оглянулся, точно могъ что нибудь видѣть.

— „Ну, а дочка гдѣ жъ?“ Дорина подошла.

— „Эге, какъ выросла: давно я у васъ былъ“... онъ положилъ ей руку на голову: „Э! замужъ пора... ростетъ то все... пора, пора намъ на покой!“

„Эхъ, дѣду, куда вамъ на покой? какой вы еще старикъ?“

„Что ты, пани!“ дѣдъ ласково улыбнулся, „ я и самъ, почитай, ужъ забылъ, да и не сочту, сколько мнѣ годовъ то... много... много... Ну давай, что тамъ у тебя припасено?!“ Наконецъ пани замѣтила, что бандуристъ подкрѣпился. — „Что жъ, дидусю, въ бѣломъ свѣтѣ дѣется? Не слыхали ли чего о походѣ пана Жмайла?“ — „Слышалъ, слышалъ, можно и запѣть!“ Дѣдъ расправилъ свои усы: — „а ну, хлопче, давай ка мнѣ сюда бандуру!“ Онъ осторожно вынулъ ее изъ мѣшка, сдулъ пыль. Раздались первые аккорды — все притихло. Ударили пальцы по струнамъ и полилась торжественная дума. О походѣ пана Жмайла говорилось въ ней, о подвигахъ его храбрыхъ товарищей, о его храбрости, да объ удали пана Романа. Гей, и много храбрыхъ рыцарей, да кто сравнится съ молодымъ Громыкою?!

Съ замираніемъ сердца ловитъ Дорина каждое слово. Блестящая была битва: далеко загнали козаки войско татарское, многихъ бранокъ назадъ повернули, да только горько она окончилась: видѣли всѣ, какъ у стараго Громыки на спинѣ зіяла страшная рана. Соромъ упалъ на козацкія головы: кто могъ нанести такой предательскій ударъ? Схоронили козаки стараго Громыку; только вѣрно Богъ наказалъ ихъ за предательство, потому что съ тѣхъ поръ ни одинъ еще козакъ домой не вернулся.

Тоди Украина зажурылася; де жъ вы зъ паномъ Громыкою опростчылыся?
Тоди орлы браты заклекотияы: де жъ вы нашого Громыку подилы?
Тоди сыви хмары заплакалы: де жъ це вы Громыку поховалы?
Не на мылій Украини, на далекій на чужыни?

Торжественнымъ аккордомъ закончилась дума. Замеръ голосъ бандуриста; въ хатѣ раздался тихій плачъ—въ немъ было все: и жалость, и радость, и разрѣшеніе мучительно-напряженнаго состоянія.

Всю ночь не спала Дорина. Ночь безсонная отъ восторга! Онъ живъ, онъ вернется, покрытый славою! Сбылись ея мечты! Неужели, неужели наступило ея счастье? И не спится Доринѣ, и не можетъ она уснуть, а мысли одна другой теплѣе, одна другой заманчивѣе толпятся въ ея головѣ. Вскочить бы, разсказать бы кому, подѣлиться бы съ кѣмъ своимъ счастьемъ! И съ восторгомъ шепчутъ уста: коханый мой, желанный мой—ты живъ, ты будешь счастливъ!

На утро всѣхъ подняла тревога: пріѣхалъ панъ Жмайло. Выскочила Дорина; собралась вся челядь на „ganку“. Тяжело слѣзъ панъ съ коня, махнулъ челяди рукою, еле поздоровался съ женой, сухо глянулъ на Дорину, молча прошелъ въ свою комнату—и ни слова... Ахнули всѣ и диву далися:—что сталося съ нимъ? Старикомъ дряхлымъ сталъ Жмайло: глаза глубоко ввалились, носъ заострился крючкомъ, побѣлѣли чуприна, усы; согнулся могучій станъ; угрюмый, какъ грозовая туча. Не боленъ ли? Не случилось ли чего? Бросилась къ нему пани разспрашивать: что и какъ; да не тутъ то было: молчитъ Жмайло. „Не захворалъ ли ты? не послать ли за знахаремъ, не позвать ли батюшку?“

„Хоронить меня собираешься?“ Жмайло медленно поднялъ на жену свои потускнѣвшіе глаза:—„мѣшаю вамъ“, онъ захохоталъ, „не трудитесь—еще не скоро умру!“

„Да что ты, Богъ съ тобой, полѣчили бы тебя, можетъ бы что помогло, а то вотъ мучитъ тебя что то, на себя не похожъ сталъ“...

„Не похожъ сталъ, говоришь?“...

„Да лица на тебѣ нѣтъ, пошлю я“...

„Оставь! самъ себя лѣчить умѣю и ничто меня не мучитъ! Что за глупыя мысли забрались въ твою голову!? Слышишь: ничто!!“ Онъ стукнулъ кулакомъ по столу: „Йди!!“

Что жъ это о Романѣ не говоритъ отецъ ничего? Какое то подозрѣніе закрадывается въ душу Дорины. Спросить бы,—не хватаетъ духу; можетъ отдохнетъ, поправится старикъ—тогда. Разспрашивала козаковъ: говорятъ живъ, здоровъ, съ громкою славою, съ богатыми дарами изъ похода выѣхалъ; до Днѣстра видѣли...

Отчего жъ противъ воли такъ тоскливо щемитъ и сжимается сердце? А съ пріѣздомъ пана Жмайла и тѣ небольшія блесточки веселья, и тѣ угасли, и точно что то тяжелое, гнетущее опустилось на домъ. Прошла недѣля—старику не лучше, а все крѣпится, хочетъ обмануть себя и другихъ; еще недѣля—чувствуетъ Жмайло приближеніе смерти и сзываетъ онъ въ свою комнату всѣхъ домачадцевъ выслушать его послѣднюю волю. Вошла Дорина да такъ и остолбенѣла на порогѣ: и прежде она боялась этой мрачной комнаты, а сегодня здѣсь было ужасно—здѣсь пахло смертью...

Направо отъ двери, на низкомъ оттоманѣ, покрытомъ зеленою ковдрою, на высоко наложенныхъ красныхъ подушкахъ лежалъ отецъ. Нѣтъ, это не онъ! Дорина не узнала его: передъ ней лежалъ столѣтній старикъ. Какъ страшно отдѣлялось отъ подушки его зеленовато-желтое изсохшее лицо. Сѣдая чуприна разметалась, запекшіяся губы змѣятся жестокой улыбкой; изъ-подъ нависшихъ бровей глаза горятъ мрачнымъ огнемъ. Глянулъ на Дорину Жмайло—и похолодѣла она.

Всѣ стоятъ, опустивши головы; подлѣ старика пани тихо плачетъ; о чемъ она плачетъ? Что принесъ ей этотъ человѣкъ, кромѣ зла? Жмайло приподнялся на локтѣ и началъ хриплымъ голосомъ:

„Собралъ я васъ тутъ всѣхъ, чтобы вы всѣ слышали мою послѣднюю волю: моя послѣдняя воля, чтобъ дочка моя Дорина вышла замужъ; она одна осталась въ нашемъ родѣ,—ей и продолжать его должно. Клянись же мнѣ, жена, клянись, что родъ мой не угаснетъ!“ Пани хотѣла что то отвѣтить, но не слушались запекшіяся губы.

„А ты, обратился онъ къ Доринѣ:—ты клянись мнѣ, что послушаешь матери; я и съ того свѣта видѣть всѣхъ васъ буду. Клянись мнѣ!“ Дорина вздрогнула.

„На колѣни и клянись!“

„Батьку, тату... а!“...

„Клянешься ты?“

„ А Романъ?“

Старикъ поднялся, сверкнулъ глазами и страшно захохоталъ: „Теперь“ крикнулъ онъ громовымъ голосомъ и повернулъ къ Доринѣ

свои желтые бѣлки, „теперь и за Романа“... Кровь хлынула горломъ и задушила остальныя слова. Раздался страшный хрипъ, поднятая рука закостенѣла въ воздухѣ. Дорина закрыла глаза, пани бросилась къ оттоманкѣ—на подушкахъ лежалъ ужасный трупъ.

ГЛАВА VII.

Похоронили Жмайла. Прошла зима. Проворные великаны-облака, выкрали и спасли отъ жестокой зимы красавицу Ладу-весну. Пролетѣла Лада надъ землею; улыбнулась теплой улыбкой и сбѣжалъ послѣдній снѣжокъ и растаяла послѣдняя льдинка. Надъ зеленымъ озеромъ поднялъ голову дѣдушка-водяной и сонными глазами оглянулся кругомъ; изъ голубой рѣчки вынырнула радостная русалочка; забѣгали, захохотали, закивали въ ожившемъ лѣсу проворныя „мавки“.. Прилетѣли и жаворонки, да не принесли они вѣсти о панѣ Романѣ.

Вотъ май развернулся со всею своею роскошью; потянулись теплыя лунныя ночи съ безконечными трелями соловья. Доринѣ не спится... душно въ низенькихъ комнатахъ... а въ саду такъ тепло... такъ хорошо! Воздухъ—тонкій, раздражающій ароматъ; гдѣ то невдалекѣ заливается соловей; съ болота несется мѣрный крикъ лягушекъ; дорожки всѣ въ цвѣту; въ темнотѣ на листьяхъ блестятъ майскіе жуки... а изъ подъ широкихъ темныхъ листьевъ, изъ подъ прохладной тѣни, тоненькіе ландыши точно протягиваютъ свои головки къ блѣдному свѣту мѣсяца... Все живетъ, все дышетъ, все приготовляется къ новой жизни; а она? Въ ней все перетлѣло, все погребено... и въ глубоко запавшихъ глазахъ не видно ни огня, ни луча, ни искорки... Хотя бы знать, наконецъ, что съ Романомъ—гдѣ онъ? Живъ ли... она боялась докончить свою мысль.

„Господи, если умеръ онъ, пріими меня къ себѣ, не разлучай меня съ нимъ: мнѣ безъ него не жить здѣсь... не жить!“... Длинная вѣтка жасмина зацѣпилась ей за голову и осыпала ей все лицо душистымъ цвѣтомъ. „Романъ, вѣдь если ты... ты жъ видишь, какъ я страдаю, отчего же ты меня?“... Она подняла глаза къ небу, точно ждала сейчасъ увидѣть отвѣтъ на свои мысли... Но небо оставалось такое же глубокое, темное и безмолвное. И постоявши нѣсколько секундъ, снова пошла дальше Дорина. Вотъ и знакомое мѣсто. Сколько

здѣсь прошло счастливыхъ вечеровъ! Все осталось по прежнему: такъ же тихо шепчутъ листья тополей, и такъ же выглядываетъ изъ-за нихъ двурогій мѣсяцъ. „Да гдѣ же ты, Романъ, гдѣ же ты?“ И изъ ввалившихся глазъ медленно выкатилась послѣдняя слеза:—„А вѣдь ты клялся, здѣсь же, на этомъ мѣстѣ, не бросить меня никогда? Клялся! Не пріѣхалъ, не взялъ съ собою! И ты, мѣсяцъ, ты жъ свидѣтелемъ былъ, отчего жъ молчишь, что жъ теперь скажешь?!“ Раздался глухой топотъ.. Дорина вздрогнула... что это? Не сонъ ли это? Къ стѣнѣ подскакалъ Романъ. Голова его опущена на грудь, сквозь рѣсницы грустно смотрятъ полузакрытые глаза, лицо блѣдное... шапка сдвинута на бокъ, чубъ спустился на холодный лобъ, губы сжаты, рука опустила поводья...

„Романе!“ Дорина бросилась къ нему; онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, только какъ холодны его объятья!—„Пріѣхалъ за тобою!“—„Знала, знала, мое счастье, что ты не бросишь меня!“—„Садись, поѣдемъ!“—„Какъ, куда!?“—„Ко мнѣ, въ мой домъ“.—„Коханый мой, зачѣмъ? Лучше пойдемъ къ матери, она согласится, она согласна!“—„Нѣтъ, нельзя. Садись скорѣй, поѣдемъ!“ Дорина обхватила его шею, Романъ посадилъ ее поперекъ сѣдла, одною рукою держитъ за станъ. Конь тихо двинулся. Ѣдутъ черезъ широкій дворъ,—все спитъ кругомъ. Подъѣзжаютъ къ высокимъ воротамъ:—ворота беззвучно упали.

„Коханый мой, куда жъ мы ѣдемъ?“

„Въ мой домъ!“.

„А гдѣ жъ онъ?“

„Тамъ, недалеко“

Ночь таинственная, безмолвная ночь. Мѣсяцъ заливаетъ землю холоднымъ свѣтомъ. Блестятъ кремнистыя горы,—лентой вьется впереди дорога. Конь беззвучно ступаетъ; мелькаютъ лѣса и овраги. Мѣсяцъ свѣтитъ прямо въ лицо Роману. Отчего онъ блѣдный такой? Глаза смотрятъ на нее, тѣ самыя сѣрыя очи, только отчего они полузакрыты и такія грустныя? „Романе, голубе мой, что съ тобою?“

„Ничего“

„Любишь ли ты меня?“

„Я ль люблю?“ Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ; она прижалась къ нему на грудь, сердце переполнено неожиданнымъ счастьемъ..

Тихая, мертвая ночь; луна ярко свѣтитъ; конь беззвучно ступаетъ, а передъ глазами быстро проходятъ горы и степи, лѣса. Вотъ они въѣхали въ дремучій лѣсъ—широкая, прямая просѣка, по сторонамъ высокой стѣной ровныя, черныя деревья; мѣсяца не видно за ними... тихо въ лѣсу... Взглянетъ Дорина въ лицо Роману—жутко ей отъ этой тишины.

„Гдѣ жъ твой домъ?“

„Вотъ тамъ, ужъ недалеко“

Ни шелеста, ни пѣсни, ни звука... Проѣхали гору, впереди длинной лентой вьется дорога. Кругомъ степь, безлюдная степь... Вотъ вдали сверкнулъ Днѣстръ. Горы все круче и круче. И снова спрашиваетъ Дорина Романа: „коханый мой, скоро ль твой домъ?“ Далеко блеснулъ крестъ. Романъ поднялъ руку: „Вотъ—сейчасъ пріѣдемъ!“ Сердце заныло у Дорины. А конь взбирается на страшныя крутизны и точно тѣнь скользитъ надъ глубокими провальями, надъ бездонными пропастями. Но вотъ—конь сталъ. Передъ Дориной маленькая капличка съ крестомъ, и подлѣ нея раскрытая, громадная могила. Глянула Дорина—и все поняла. Въ ужасѣ прыгнула она съ коня и бросилась на паперть. „Такъ вотъ оно что! О, Боже, Боже! спаси меня.“ Она рыдаетъ и ломаетъ руки. Смотритъ на нее Романъ грустнымъ взглядомъ: „Такъ вотъ какъ ты любила меня?!“ Голосъ его полонъ тоски и упрека:—„Неужели ты боишься твоего Романа, неужели ты боишься умереть?“ Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки —„Ты не бойся, мы не умремъ никогда, никогда: наша любовь не можетъ умереть, она будетъ согрѣвать намъ грудь, заставитъ биться наше сердце. . Ты жъ видишь,—моя любовь не дала умереть мнѣ; она заставила меня встать изъ могилы и привела къ тебѣ“. Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки. И снова Романъ умоляетъ ее: „Прійди ко мнѣ!“ —сколько горечи и неземной мольбы дрожитъ въ его голосѣ.— „Дай мнѣ покой, дай мнѣ счастье!“

Конь, опустивши голову, тихо сошелъ въ могилу.

„Видишь, Дорино, конь-друзяка и тотъ не бросилъ меня, неужели же ты, моя единая, неужели ты кинешь меня?“ Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки.

„Дорино, мы только днемъ будемъ лежать, покуда „гомонять“ люди, а какъ только зайдетъ солнце и серебряный ободокъ

здѣсь прошло счастливыхъ вечеровъ! Все осталось по прежнему: такъ же тихо шепчутъ листья тополей, и такъ же выглядываетъ изъ-за нихъ двурогій мѣсяцъ. „Да гдѣ же ты, Романъ, гдѣ же ты?“ И изъ ввалившихся глазъ медленно выкатилась послѣдняя слеза:—„А вѣдь ты клялся, здѣсь же, на этомъ мѣстѣ, не бросить меня никогда? Клялся! Не пріѣхалъ, не взялъ съ собою! И ты, мѣсяцъ, ты жъ свидѣтелемъ былъ, отчего жъ молчишь, что жъ теперь скажешь?!“ Раздался глухой топотъ.. Дорина вздрогнула... что это? Не сонъ ли это? Къ стѣнѣ подскакалъ Романъ. Голова его опущена на грудь, сквозь рѣсницы грустно смотрятъ полузакрытые глаза, лицо блѣдное... шапка сдвинута на бокъ, чубъ спустился на холодный лобъ, губы сжаты, рука опустила поводья...

„Романе!“ Дорина бросилась къ нему; онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, только какъ холодны его объятья!—„Пріѣхалъ за тобою!“—„Знала, знала, мое счастье, что ты не бросишь меня!“—„Садись, поѣдемъ!“—„Какъ, куда!?“—„Ко мнѣ, въ мой домъ“.—„Коханый мой, зачѣмъ? Лучше пойдемъ къ матери, она согласится, она согласна!“—„Нѣтъ, нельзя. Садись скорѣй, поѣдемъ!“ Дорина обхватила его шею, Романъ посадилъ ее поперекъ сѣдла, одною рукою держитъ за станъ. Конь тихо двинулся. Ѣдутъ черезъ широкій дворъ,—все спитъ кругомъ. Подъѣзжаютъ къ высокимъ воротамъ:—ворота беззвучно упали.

„Коханый мой, куда жъ мы ѣдемъ?“

„Въ мой домъ!“.

„А гдѣ жъ онъ?“

„Тамъ, недалеко“

Ночь таинственная, безмолвная ночь. Мѣсяцъ заливаетъ землю холоднымъ свѣтомъ. Блестятъ кремнистыя горы,—лентой вьется впереди дорога. Конь беззвучно ступаетъ; мелькаютъ лѣса и овраги. Мѣсяцъ свѣтитъ прямо въ лицо Роману. Отчего онъ блѣдный такой? Глаза смотрятъ на нее, тѣ самыя сѣрыя очи, только отчего они полузакрыты и такія грустныя? „Романе, голубе мой, что съ тобою?“

„Ничего“

„Любишь ли ты меня?“

„Я ль люблю?“ Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ; она прижалась къ нему на грудь, сердце переполнено неожиданнымъ счастьемъ ..

Тихая, мертвая ночь; луна ярко свѣтитъ; конь беззвучно ступаетъ, а передъ глазами быстро проходятъ горы и степи, лѣса. Вотъ они въѣхали въ дремучій лѣсъ—широкая, прямая просѣка, по сторонамъ высокой стѣной ровныя, черныя деревья; мѣсяца не видно за ними... тихо въ лѣсу... Взглянетъ Дорина въ лицо Роману—жутко ей отъ этой тишины.

„Гдѣ жъ твой домъ?“

„Вотъ тамъ, ужъ недалеко“

Ни шелеста, ни пѣсни, ни звука... Проѣхали гору, впереди длинной лентой вьется дорога. Кругомъ степь, безлюдная степь... Вотъ вдали сверкнулъ Днѣстръ. Горы все круче и круче. И снова спрашиваетъ Дорина Романа: „коханый мой, скоро ль твой домъ?“ Далеко блеснулъ крестъ. Романъ поднялъ руку: „Вотъ—сейчасъ пріѣдемъ!“ Сердце заныло у Дорины. А конь взбирается на страшныя крутизны и точно тѣнь скользитъ надъ глубокими провальями, надъ бездонными пропастями. Но вотъ—конь сталъ. Передъ Дориной маленькая капличка съ крестомъ, и подлѣ нея раскрытая, громадная могила. Глянула Дорина—и все поняла. Въ ужасѣ прыгнула она съ коня и бросилась на паперть. „Такъ вотъ оно что! О, Боже, Боже! спаси меня.“ Она рыдаетъ и ломаетъ руки. Смотритъ на нее Романъ грустнымъ взглядомъ: „Такъ вотъ какъ ты любила меня?!“ Голосъ его полонъ тоски и упрека:—„Неужели ты боишься твоего Романа, неужели ты боишься умереть?“ Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки —„Ты не бойся, мы не умремъ никогда, никогда: наша любовь не можетъ умереть, она будетъ согрѣвать намъ грудь, заставитъ биться наше сердце. . Ты жъ видишь,—моя любовь не дала умереть мнѣ; она заставила меня встать изъ могилы и привела къ тебѣ“. Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки. И снова Романъ умоляетъ ее: „Прійди ко мнѣ!“ —сколько горечи и неземной мольбы дрожитъ въ его голосѣ.—„Дай мнѣ покой, дай мнѣ счастье!“

Конь, опустивши голову, тихо сошелъ въ могилу.

„Видишь, Дорино, конь-друзяка и тотъ не бросилъ меня, неужели же ты, моя единая, неужели ты кинешь меня?“ Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки.

„Дорино, мы только днемъ будемъ лежать, покуда „гомонять“ люди, а какъ только зайдетъ солнце и серебряный ободокъ

мѣсяца вырѣжется на небѣ,—раскроется наша могила и мы снова будемъ выходить на землю".

А мѣсяцъ ужъ блѣднѣетъ; подулъ утренній вѣтерокъ; потянуло сыростью; пронеслась стая куличковъ. На востокѣ свѣтлѣетъ розовая полоска.

И съ отчаяньемъ снова умоляетъ онъ Дорину: „Скорѣе, скорѣе, коханая моя, ужъ солнце недалеко!"

Она видитъ его лучистые глаза, видитъ, сколько любви, сколько тоски въ нихъ!—„Дорино!", одною ногою онъ ступилъ уже въ могилу.—„Коханая моя!" Онъ весь блѣднѣетъ, точно таетъ въ воздухѣ...

„Единая моя!" Дорогое лицо съ мольбой смотритъ на нее, руки въ послѣдній разъ къ ней протянулись.

„Беры мене, Романе!" Она бросилась къ нему, онъ схватилъ ее на руки, обнялъ, въ глазахъ мелькнулъ прежній огонь: „Моя Дорина, моя!"

Могила тихо закрылась и покрыла обоихъ. Гдѣ то далеко ударилъ колоколъ и торжествующее выплыло солнце.. И съ той поры каждую ночь, чуть солнце спрячется за горою и надъ землею встанетъ легкій туманъ, а въ чистой волнѣ ручейка закачается вечерняя звѣзда—открывается широкая могила и выходятъ изъ нея Романъ и Дорина; сядутъ они, обнимутся, никому незримые, и ведутъ между собой до зари тихія, нѣжныя рѣчи. И тихо кругомъ, только вѣтеръ подлетитъ, подслушаетъ ихъ бесѣду и передастъ верхушкамъ деревъ, что дѣлается вверху на одинокой могилѣ.

Да, то не ручьи падаютъ со скалы въ обрывъ, то катятся слезы Романа и Дорины; то не калина шумитъ,—то ихъ голоса ведутъ тихую рѣчь. Да, то не скала раздѣляетъ ручьи,—то Дорининъ убійца-отецъ, обратившись въ камень, и послѣ смерти хочетъ разъединить ихъ; но слезы Дорины все бѣгутъ и подмываютъ мрачный камень—и настанетъ пора, когда рухнетъ черная скала, а ручьи соединятся на всю жизнь, навсегда...

Людмила Старицкая.

СТАРАЯ БРАЦЛАВЩИНА И ЕЯ ЛЮДИ.

II.

Ольбрыхтъ Кохановскій, судья земскій брацлавскій[1])

(1620 г.—1642 г.).

Со времени люблинской уніи 1569 г., а еще больше съ 1581 г. послѣдовало уравненіе брацлавскаго воеводства съ коренными польскими воеводствами въ устройствѣ земскихъ учрежденій и должностей. Съ этого времени появляются брацлавскіе воеводы и каштеляны, а за ними подкоморіи, хорунжіи, судьи, стольники, подсудки, писари и т. д. Въ началѣ всѣ эти должности какъ сенаторскія, такъ и чисто земскія занимались исключительно людьми мѣстными, русскими. Такъ, санъ брацлавскаго воеводы до 1609 года принадлежалъ послѣдовательно князьямъ Роману и Юрію Сангушкамъ, Янушу Збаражскому и Іосифу Тышкевичу. Каштелянами брацлавскими вплоть до 1618 г. были тоже люди русскіе: князь Юрій Капуста, Михаилъ Вишневецкій, Василій Загоровскій, Александръ Семашко, Григорій Сангушко и Николай Семашко. Затѣмъ эти должности переходятъ: воеводство къ Яну Потоцкому, а каштелянство къ Яну Харленскому—оба поляки; послѣ этого въ должности воеводы и каштеляна мы русскихъ не видимъ. То же самое замѣчается и въ чисто земскихъ должностяхъ.

---

[1]) Настоящій очеркъ составленъ, главнымъ образомъ, по имѣющимся у меня документамъ и декретамъ XVIII ст., относящимся къ процессу винницкаго войскаго Мартина Раковскаго съ наслѣдниками каштеляна каминскаго Станислава Коссаковскаго, тягавшимися за кобыленскія земли. Къ сожалѣнію, самые интересные документы, упоминаемые здѣсь мною, какъ то: Тарифа подымнаго брацлавскаго во-два 1629 г., Инструкція винницкимъ посламъ на сеймъ 1641 г. и три завѣщанія Кохановскаго—извѣстны мнѣ только изъ отрывочныхъ цитатъ.

Первымъ брацлавскимъ земскимъ судіей былъ Иванъ Кошка, владѣвшій значительными имѣніями въ брацлавскомъ повѣтѣ. Послѣдній разъ встрѣчаемъ его имя въ этой должности 6 августа 1585 г. при отводѣ границъ кобыленскаго имѣнія. Въ началѣ XVII ст. въ этой должности мы видимъ богатаго и вліятельнаго земянина винницкаго повѣта Ивана Черленковскаго [1]). Другія земскія должности: хорунжаго, стольника, мечника, подсудка, писаря и т. д., переходили между членами тоже мѣстныхъ православныхъ родовъ: Дешковскихъ, Шашковъ, Кропивницкихъ, Черленковскихъ, Микулинскихъ и др. Съ теченіемъ времени русскій элементъ постепенно вытѣсняется пришлымъ польскимъ, такъ что ко времени возстанія Богдана Хмельницкаго на земскихъ должностяхъ нѣтъ почти вовсе русскихъ людей.—Должность брацлавскаго земскаго судьи въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. впервые переходитъ къ поляку, а именно къ Ольбрыхту Кохановскому.

Въ Брацлавщинѣ это былъ homo novus. Выходецъ изъ коренной Польши, извѣстнаго въ сендомирскомъ воеводствѣ рода, съ довольно сильными связями съ первыми вельможами въ государствѣ, но безъ всякихъ почти собственныхъ средствъ, одаренный щедро личными качествами, Ольбрыхтъ Кохановскій является на этой русской окраинѣ весьма интереснымъ типомъ. Это одинъ изъ лучшихъ представителей безчисленнаго множества каррьеристовъ и искателей счастія въ далекой злачной украйнѣ, которые впослѣдствіи пріобрѣли громкую славу непризнанныхъ цивилизаторовъ дикой страны, а еще больше колонизаторовъ и устроителей пустыхъ пространствъ. Старая басня о мирныхъ пріобрѣтеніяхъ польскаго плуга на восточныхъ пустыряхъ государства по отношенію къ Брацлавщинѣ сводится въ сущности къ тому, что эти колонизаторы пустырей попадали чаще всего не на пустыя пространства, а поселялись среди мѣстнаго осѣвшаго населенія, которое и прибирали къ своимъ болѣе опытнымъ рукамъ.

Въ первой половинѣ XVII ст. въ сѣверной Брацлавщинѣ, т. е. въ винницкомъ повѣтѣ, вовсе не было уже пустыхъ пространствъ и никому не принадлежащихъ необмежеванныхъ земель, а между тѣмъ въ это то время и замѣчается усиленный приливъ поляковъ въ эту мѣстность. Значительная убыль мѣстнаго населенія въ низшихъ, крестьянскихъ слояхъ, послѣдовавшая послѣ татарскихъ набѣговъ и козацкихъ движеній, быстро пополнялась изъ русскихъ провинцій, менѣе разоренныхъ, безъ всякаго участія польскаго крестьянства. Пришлый

[1]) Źródła dziejowe, V, 71.

польскій элементъ состоялъ почти исключительно изъ шляхетскаго сословія. Кромѣ нѣсколькихъ родовъ сановитыхъ магнатовъ, получившихъ въ Брацлавщинѣ значительныя пожалованія изъ королевскихъ имѣній и пріобрѣвшихъ много земель покупкою, главный контингентъ пришельцевъ состоялъ изъ мелкой служилой шляхты, получавшей иногда державы, а въ большинствѣ случаевъ сопровождавшей своихъ богатыхъ патроновъ въ качествѣ военныхъ или дворныхъ слугъ.

Ольбрыхтъ Кохановскій несомнѣнно выдѣлялся изъ этой массы; онъ обладалъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлать въ Брацлавщинѣ совершенно самостоятельно быструю каррьеру. Блестящее для своего времени образованіе, недюжинныя умственныя дарованія, предпріимчивость, замѣчательная энергія и тактъ, широкія родственныя связи въ руководящихъ сферахъ—всѣ эти качества вмѣстѣ съ удачной женитьбой помогли Кохановскому въ самое короткое время сдѣлаться богатымъ человѣкомъ и занять одно изъ видныхъ мѣстъ среди брацлавскаго земянства.

Когда и по какому случаю явился онъ въ Брацлавщину, съ точностію установить трудно. Ему было уже лѣтъ подъ пятьдесятъ, когда онъ, между 1615 и 1618 гг., женился на богатой вдовѣ Александрѣ Боглевской, урожденной Красносельской. Она, вмѣстѣ съ единственнымъ своимъ братомъ Богданомъ Красносельскимъ, получила богатое наслѣдство послѣ родителей въ хмельницкомъ и брацлавскомъ повѣтахъ, но по раздѣлу братъ выплатилъ ея удѣлъ деньгами. Только часть с. Криковецъ въ брацлавскомъ повѣтѣ осталась за нею. Уже послѣ выхода вторично замужъ за Кохановскаго, Александра пріобрѣла отъ Станислава Кронковскаго его право на половину кобыленскихъ имѣній, доставшихся по выдѣлу отъ Ѳедора Гневошовича Стрижевскаго его дочерямъ Аполлоніи Кронковской и Татьянѣ Шерадовской. Эта покупка случилась около 1618 г.

Покупка богатаго имѣнія подъ самой Винницей, родство съ извѣстнымъ въ Брацлавщинѣ родомъ Красносельскихъ, личныя качества и связи поставили Кохановскаго сразу на видномъ мѣстѣ. Къ тому же земяне отнеслись къ нему сочувственно еще по одной важной причинѣ. Въ то время винницкимъ старостой былъ Адамъ Калиновскій, богатый и сильный магнатъ, досадившій безпардонными наѣздами, грабежами и насиліями всѣмъ земянамъ, имѣвшимъ несчастіе быть его сосѣдями какъ въ старостинскихъ, такъ и въ его частныхъ имѣніяхъ. Найти защиту противъ пана старосты являлось

на дѣлѣ почти невозможнымъ, и всѣ его продѣлки въ концѣ концовъ оставались безнаказанными. Нѣкоторые владѣльцы вынуждены были продать ему свои права за пустую цѣну, лишь бы избавиться отъ постоянныхъ непріятностей и нашествій. Въ одномъ Кохановскомъ встрѣтилъ онъ непобѣдимаго противника. Купивъ права Кронковскихъ въ кобыленскомъ имѣніи, Кохановскій засталъ готовые процессы съ Калиновскимъ, и не уступая ему ни на шагъ, повелъ ожесточенную съ нимъ войну какъ въ судахъ, такъ и на межахъ своихъ имѣній. Ко всеобщему удивленію, Кохановскій съ перваго же начала сталъ выигрывать всѣ процессы, одинъ за другимъ, весьма быстро, и отстаивать даже силою свои интересы, чѣмъ возбудилъ къ себѣ сочувствіе и уваженіе.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы, а именно въ 1624 г., мы встрѣчаемъ его сразу на должности брацлавскаго земскаго судьи. Намъ не удалось найти слѣдовъ и указаній на то, чтобы онъ до этого занималъ какой либо служебный постъ въ брацлавскомъ земствѣ. Должность земскаго судьи какъ по положенію ея въ лѣстницѣ польскихъ должностей, такъ и по дѣйствительному ея значенію и власти, принадлежала къ числу почетныхъ и завидныхъ въ воеводствѣ. Земскіе судьи, наравнѣ съ подкоморіями, маршалками, подсудками и писарями земства, назначались королемъ, по одному на каждое воеводство, пожизненно или до поступленія на высшую должность изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ шляхтой по избранію на сеймикѣ воеводскомъ. Въ составъ земскаго суда входили: судья съ властью предсѣдательской, подсудокъ и писарь; этому суду подсудны были всѣ гражданскія дѣла шляхты даннаго воеводства. Вмѣсто жалованья, члены суда получали въ свою пользу судебныя пошлины отъ тяжущихся и за явку актовъ въ земскія книги, а равно за выдачу выписей. Со времени учрежденія трибуналовъ въ 1581 г., апелляціонной инстанціей для брацлавскаго земскаго суда былъ люблинскій трибуналъ. Въ рукахъ земскаго судьи сосредоточивались гражданскіе интересы шляхты всего воеводства и если онъ былъ мало мальски энергиченъ и дѣятеленъ, то весьма легко пріобрѣталъ серьезное вліяніе и значеніе. Неудивительно поэтому, что и Кохановскій очень скоро является представителемъ брацлавской шляхты на коронныхъ сеймахъ въ роли земскаго посла. На сеймахъ мы видимъ его послѣдовательно въ 1627, 1631, 1632 (элекція Владислава IV) и 1633 годахъ, гдѣ онъ видимо всегда былъ отмѣченъ, такъ какъ почти каждый разъ на него возлагались спеціальныя порученія отъ сейма

по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Въ 1627 г. онъ былъ назначенъ сборщикомъ земскихъ повинностей по своему воеводству; при этомъ оставленъ при немъ и сборъ чоповаго налога и кромѣ того его же избираютъ депутатомъ отъ сейма въ коммиссію для установленія цѣнъ (pretia rerum). На сеймѣ коронномъ 1631 г. онъ избранъ сеймовымъ депутатомъ на два года въ радомскій трибуналъ, вѣдавшій дѣла о государственныхъ сборахъ и податяхъ, о ихъ расходованіи и общій контроль. Въ 1633 г. сеймъ избралъ коммиссію для изысканія средствъ на поставку провіанта для войскъ, расположенныхъ въ Украинѣ, назначивъ съѣздъ этой коммиссіи во Львовѣ на 13 генваря 1634 г. Въ составъ этой коммиссіи попалъ и Кохановскій вмѣстѣ со своими подчиненными: подсудкомъ Михаиломъ Кропивницкимъ и земскимъ писаремъ Сильвестромъ Черлинковскимъ [1]).

Работалъ онъ на пользу общества и государства, какъ и другіе, не безкорыстно. Западная граница кобыленскихъ грунтовъ проходила почти подъ самымъ селомъ Калетинцами надъ рѣчкой Нетяги. Это были старые хутора подъ названіемъ Нетяги, тянувшіеся по теченію рѣчки того же имени, примыкавшіе къ огромному въ то время пруду и лѣсу, слывшими подъ названіемъ Калетыны хутора, Калетынъ ставъ. Западнѣе Нетягъ, у верховьевъ рѣчки Хомутной было старое село Телепинчынъ Рогъ. Поселенія эти считались королевскими и тянули къ винницкому замку. Въ концѣ XVI ст. винницкій староста Юрій Струсъ передалъ эти поселенія въ раззоренномъ видѣ за военные заслуги въ посессію шляхтичу Мартину Хруслинскому; пожалованіе это утверждено королевской грамотой отъ 23 августа 1599 г. Люстрація 1615 г. показываетъ за Хруслинскимъ село слободу «Калужинцы» (описка: должно быть Калитинцы). Въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. посессія эта оказалась почему то вакантной и Кохановскій на первомъ же сеймѣ, въ которомъ участвовалъ, успѣлъ ее выхлопотать у короля для себя. Въ это время народонаселеніе увеличивалось и на Калитинскихъ, къ сѣверу отъ села на рѣчкѣ Хомутной, основался новый поселокъ. Люстрація 1629 г. называетъ эти поселенія: село Калютинцы alias Хруслинцы и село Слобода Новая alias Амброзовице; это нынѣшнія Большія и Малыя Крушлинцы. Село Телепинчынъ Рогъ удержало до сихъ поръ старое названіе въ измѣненномъ видѣ—Телепеньки [2]). Несмотря на сложную и разнородную дѣятельность Кохановскаго въ

[1]) Vol. Leg. III, f. f. 539, 546, 575, 673, 772, 788 и 789.

[2]) *Zródła Dziejowe V*, стр. 72 и 187; *Арх. ю.-з. Рос.* VII, I, ст. 259.

качествѣ земскаго судьи и посла на сеймы, онъ проявилъ замѣчательную энергію въ устройствѣ и приведеніи въ порядокъ своихъ имѣній. Кобыленскія имѣнія занимали почти все пространство земель по системѣ рѣчки Кобыльной, лѣваго притока Буговой Десны или, какъ ее въ старину называли, Десныци. Рѣчка Кобыльная течетъ съ юга на сѣверъ; она составляется изъ двухъ ручьевъ: Малой Кобыльной, вытекающей изъ источниковъ выше д. Счастливой, брацлавскаго уѣзда, и Большой Кобыльной, начинающейся немного сѣвернѣе с. Ободнаго. Съ правой стороны она не имѣетъ почти совсѣмъ притоковъ, а съ лѣвой принимаетъ рѣчку Нетяги, берущую начало выше селъ Гуменной и Михалевки, и рѣчку Хомутную, начинающуюся у с. Телепенекъ, винницкаго уѣзда. Вся мѣстность эта понижается съ юга на сѣверъ, при чемъ, начиная отъ рѣчки Хомутной по направленію къ Деснѣ, представляетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ болотистыя низменности. Почва здѣсь первокласснаго достоинства: богатый черноземъ на глинистой подпочвѣ. Еще въ XVI ст. все это пространство было покрыто богатымъ чернымъ лѣсомъ, остатки котораго сохранились до сихъ поръ въ сѣверной части. Лѣса по системѣ рѣчки Кобыльной составляли восточную окраину огромной лѣсной полосы, простиравшейся по направленію къ западу по всему верхнему Побужью, вплоть до проскуровскаго уѣзда. Эта лѣсная полоса, захватывавшая сѣверную половину винницкаго уѣзда, носитъ до сихъ поръ въ народѣ названіе: «лисы», въ отличіе отъ безлѣсныхъ пространствъ, идущихъ къ ю.-в. отъ р. Кобыльной, называемыхъ «степы».

Въ XVI ст. кобыленскіе лѣса были усѣяны лѣсными пасѣками и хуторами. Изъ болѣе обширныхъ поселеній было большое село Кобылое (Кобыла, Кобыльня), с. Половецьке и Козины хутора. Кобыльная расположено было не на томъ мѣстѣ, гдѣ имѣется теперь село того же названія, а нѣсколько верстъ ниже, при впаденіи р. Кобыльной въ Десну. Село Половецьке лежало на лѣвомъ берегу р. Кобыльной на мѣстѣ теперешняго села Коссаковки, у большой старой дороги, ведущей изъ Винницы въ Липовецъ. Акты второй половины XVI ст. называютъ эту дорогу «*старый гостынець*, идучій отъ Винницу въ далекую Украину». Козины хутора ютились при впаденіи рѣчки Нетягъ въ Кобыльную, гдѣ теперь с. Козинцы. Существующія нынѣ въ этой же мѣстности села Приборовка, Кобыльная (новая), Кохановка, Пеньковка, а далѣе Лозоватая, Оленовка, Большія и Малыя Крушлинцы въ то время еще не существовали. Большинство ихъ однако возникло на мѣстѣ старыхъ урочищъ, пасѣчискъ и хуторовъ.

Такъ, Большія и Малыя Крушлинцы, какъ мы это видѣли выше, возникли на урочищѣ с. Нетягъ и Калитиныхъ хуторовъ, Приборовка — на мѣстѣ хуторовъ с. Половецкаго; гдѣ теперь село Лозоватая, тамъ въ первой половинѣ XVII ст. упоминается хуторъ *Лозы*, а с. Оленовка въ это время носитъ названіе «старое пасѣчиско Свынарка».

Только въ старой Кобыльной и Половецкомъ видимо предпринимались кое какія мѣры для обороны: имѣлись валы и частоколъ. Всѣ же другія мелкія поселенія оставались безъ всякой защиты. Частые и разорительные набѣги татаръ въ XVI ст. опустошили этотъ край въ конецъ; на мѣстѣ прежнихъ селъ и хуторовъ остались однѣ пепелища и урочища. Въ концѣ этого столѣтія, когда народъ сталъ снова селиться, а старосты и земяне начали приводить въ порядокъ разоренныя имѣнія, владѣлецъ кобыленскихъ грунтовъ, панъ Гневошъ Дмитріевичъ Стрижевскій на мѣстѣ Половецкаго, Козинныхъ хуторовъ и Кобыльной засталъ однѣ пустыя урочища. Собравъ возвращавшихся крестьянъ, онъ основалъ новое село въ центрѣ своихъ кобыленскихъ грунтовъ на правомъ берегу р. Кобыльной, по обѣ стороны винницкаго «гостынця», противъ урочища Половецкаго. Село это названо тоже Кобыльной (Кобыля), въ немъ устроено маленькое укрѣпленіе изъ вала и частокола. На мѣстѣ села старой Кобыльной при впаденіи р. Кобыльной въ Десну новаго поселенія не возникло; о ней осталось одно воспоминаніе и два заросшіе лѣсомъ параллельные вала, идущіе отъ одной рѣчки къ другой. Съ теченіемъ времени народъ сталъ селиться и на лѣвомъ берегу Кобыльной, противъ новаго села возлѣ урочища и валовъ Половецкаго, гдѣ скоро возникъ цѣлый рядъ хуторовъ, потянувшійся внизъ по теченію рѣчки. Въ первые годы XVII ст. новый владѣлецъ панъ Ѳедоръ Гневошовичъ Стрижевскій на мѣстѣ старыхъ Козинныхъ хуторовъ основалъ село Козинцы и объявилъ слободу. Народъ сталъ быстро заселять старыя пепелища. Это не было исключительнымъ явленіемъ для кобыленскаго имѣнія. Въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. вообще замѣчается усиленный приливъ населенія въ винницкомъ повѣтѣ, такъ что за это время не только возстановляются всѣ почти старыя поселенія, но и возникаетъ много новыхъ.

Этотъ приливъ населенія требовалъ удобныхъ мѣстъ для поселковъ и выгодныхъ угодій, что и породило ревнивую заботливость объ охраненіи границъ имѣній отъ захватовъ сосѣдей. Возстановленіе старыхъ межевыхъ знаковъ не всегда представлялось легкимъ, а потому весь періодъ съ 1570 г. и по 1647 г. особенно изобилуетъ про-

цессами о межевыхъ спорахъ. Дѣятельность Гневоша отца и Ѳедора сына Стрижевскихъ по заселенію и устройству кобыленскихъ грунтовъ привела къ тому, что на всемъ протяженіи обширныхъ границъ возникли съ сосѣдями споры, драки, наѣзды и процессы. Вмѣстѣ съ покупкою женою Кохановскаго правъ супруговъ Кронковскихъ въ кобыленскихъ имѣніяхъ, на голову ея мужа свалились всѣ эти процессы и пограничная борьба.

Однимъ изъ первыхъ столкновеній былъ споръ съ братьями Кропивницкими, владѣльцами коморовскаго имѣнія. Какъ сказано было выше, въ началѣ XVII ст. на мѣстѣ Козиныхъ хуторовъ съ лѣвой стороны р. Нетяги стали вновь селиться люди съ разрѣшенія кобыленскаго двора. Вскорѣ явился поселокъ и по другую сторону рѣчки въ углу между Нетягами и Кобыльной. Затѣмъ Ѳедоръ Гневошовичъ Стрижевскій отвелъ мѣсто для новыхъ усадьбъ и, объявивъ слободу, отдалъ село въ аренду урожоному Войцеху Пшыборовскому, которому и предоставилъ вести дальнѣйшее устройство села и эксплоатацію сосѣднихъ угодій. Къ югу отъ этой мѣстности начинались грунты богатыхъ владѣльцевъ Коморова пановъ Кропивницкихъ. Ихъ было три брата: Александръ—писарь земскій брацлавскій, Михаилъ—мечникъ и младшій Иванъ. Считая границей коморовскихъ грунтовъ рѣчки Нетяги и Кобыльную, они предъявили въ 1612 г. къ Ѳедору Стрижевскому искъ въ брацлавскомъ земскомъ судѣ, при чемъ жаловались на пана Стрижевскаго, «ижъ онъ перешедшы знаки и границю давные и сторожытные, грунтъ поводовъ (истцовъ) Коморовски зъ грунтомъ пана Стрижевского Кобыленскимъ дилячые, то есть речки албо руды одну Нетяги а другую Кобылою грунтъ поводовъ власны дедычны до Коморова належачый осегновшы слободку Козыньци на немъ ново осадилъ»; при этомъ они заявили, что желаютъ «тые знаки и границы поновеные и почыненые мѣтъ», и просили принудить пана Стрижевскаго «до поновеня границъ старыхъ и знаковъ давныхъ, которыхъ здавна антецессорове ихъ въ ужываню былы, а черезъ позваного и отца его въ малости литъ ихъ вытыснени сутъ, где сутъ поисовани до поновеня, а где ихъ не машъ до учыненя новыхъ». Въ 1614 г. въ святомихайловскіе рочки послѣдовалъ декретъ брацлавскаго земскаго суда, коимъ постановлено удовлетворить требованію обновленія границъ. Стрижевскій однако подалъ апелляціонную жалобу въ люблинскій трибуналъ. Въ это время кобыленскія имѣнія были выдѣлены дочерямъ Стрижевскаго Аполлоніи Кронковской и Татьянѣ Пшерадовской, изъ которыхъ первая подарила свои права мужу Стани-

славу Кронковскому. Трибуналъ, разрѣшая искъ 16 августа 1616 г. между Кропивницкими и новыми владѣльцами Кобыльной, утвердивъ рѣшеніе земскаго суда, передалъ дѣло для отвода старыхъ границъ суду брацлавскаго подкоморія. Въ этомъ положеніи засталъ дѣло Ольбрыхтъ Кохановскій послѣ покупки женою правъ Кронковскаго.

Одновременно съ этимъ, Василій Ободенскій, владѣлецъ с. Ободнаго, тоже съ юга граничившаго съ кобыленскими имѣніями, захватилъ грунты, лежавшіе по теченію обѣихъ рѣчекъ Большой и Малой Кобыльны. Въ 1615 году дѣло дошло до того, что панъ Ободенскій съ помощью вооруженной команды прогналъ изъ кобыленскихъ угодій въ этой мѣстности слугъ Пшерадовской и Кронковской и захватилъ сѣно и хлѣбъ. Кронковскій отъ своего имени и по довѣренности пани Татьяны Пшерадовской завелъ съ нимъ процессъ за самоуправства, захватъ земель и убытки; процессъ затянулся на долгое время вслѣдствіе порученія трибунала произвести дознаніе на мѣстѣ о границахъ и о количествѣ убытковъ.

Кромѣ этихъ двухъ процессовъ, немедленно послѣ покупки Александрой Кохановской правъ въ Кобыльной возникъ споръ съ новымъ винницкимъ старостой Адамомъ Калиновскимъ, забравшимъ въ одно лѣто съ прилегающихъ къ винницкому старостству кобыленскихъ луговъ и лѣсовъ 5,000 возовъ сѣна. Совладѣлица Кохановской Татьяна Пшерадовская сама дѣлъ своихъ не вела; мужъ ея, человѣкъ тихій и скромный, занятъ былъ хозяйствомъ въ Сиваковцахъ и Кобыльной, а потому всѣ эти дѣла пришлось вести Кохановскому, что составляло не мало хлопотъ. Тяжбы съ Кропивницкими и Ободенскимъ велись то въ Люблинѣ, то на мѣстѣ, а съ Калиновскимъ кромѣ того еще въ Кіевѣ и Варшавѣ.

Легче всего пришлось Кохановскому съ Кропивницкими и Ободенскимъ. Судъ подкоморскій отвелъ границы въ 1624 году отъ с. Ободнаго и оставилъ по дѣлу съ Кропивницкими границы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились въ то время, до разрѣшенія спора съ Калиновскимъ, захватившимъ самое с. Козинцы. По отношенію къ Ободному отводъ границъ утвержденъ трибунальскимъ декретомъ 1-го мая 1626 г., и съ этого времени наступилъ миръ съ Ободенскимъ.

Наѣздъ Калиновскаго былъ только началомъ цѣлаго ряда процессовъ. Въ 1623 г. 26 марта состоялся первый декретъ въ пользу Кохановской и Пшерадовской по дѣлу о грабежѣ Калиновскимъ 5,000 фуръ сѣна. На слѣдующій годъ Самуилъ Ѳедоровичъ Стрижевскій, родной братъ Татьяны Пшерадовской, вошелъ въ сдѣлку съ Калинов-

скимъ о продажѣ ему Стрижовки со всѣми селами и землями, тянувшими къ этому мѣстечку, но предварительно при помощи людей пана старосты занялъ силою всѣ грунты, лежавшіе по лѣвую сторону р. Кобыльной, а съ ними с. Козинцы и урочище Половецкое. Предлогомъ къ тому послужило то обстоятельство, что въ отдѣльной записи только что отошедшаго въ могилу отца Ѳедора Стрижевскаго, данной въ пользу дочерей Аполлоніи Кронковской и Татьяны Пшерадовской, упомянуто только одно «село Кобыленское со всѣми грунтами», о Козинцахъ же и Половецкомъ, лежавшихъ въ чертѣ этихъ грунтовъ, спеціально не упоминалось.—Вслѣдъ за этимъ захватомъ состоялся въ Люблинѣ продажный актъ о переуступкѣ Адаму Калиновскому Стрижовскаго имѣнія, при чемъ въ составѣ его уже указано захваченное с. Козинцы и урочище Половецкое. Присутствовавшій въ то время въ Люблинѣ Кохановскій внесъ 11 сентября 1624 г. въ трибунальскія книги манифестъ противъ старосты Калиновскаго и Самуила Стрижевскаго о незаконности этой продажи и немедленно подалъ позовъ объ уничтоженіи сдѣлки. Стороны однако, не ожидая исхода процесса, успѣли закончить сдѣлку и 20 декабря того же года Самуилъ Стрижевскій созналъ въ пользу Калиновскаго донацію. Принявъ во владѣніе стрижовское имѣніе, а съ нимъ и захваченные Козинцы и Половецкое, Калиновскій лично не могъ слѣдить за сохраненіемъ за собой спорныхъ грунтовъ, такъ какъ весной онъ уже участвовалъ въ кампаніи противъ козаковъ на Поднѣпровіи. Въ виду этого, онъ вошелъ въ сдѣлку съ Войцехомъ Пшиборовскимъ, арендаторомъ только что заселенныхъ Козинецъ, и отдалъ ему въ аренду всѣ захваченные грунты кобыленскаго имѣнія по лѣвую сторону рѣчки Кобыльной вмѣстѣ съ Половецкими хуторами, предоставивъ ему оберегать эти имѣнія силою мѣстной старостинской команды. Уходя весною съ войскомъ противъ козаковъ, Калиновскій, какъ бы на прощаніе съ Кохановскимъ и для его устрашенія, послалъ вооруженную команду за рѣчку въ новую Кобыльную и заграбилъ хлѣбъ Пшерадовскихъ и Кохановской, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, будто бы онъ былъ снятъ съ его половецкихъ грунтовъ.— Но Калиновскій ошибся. Сдержанный, но энергическій Кохановскій не рѣшился отвѣтить наѣздомъ, быть можетъ понимая неравенство силъ, а ограничился предъявленіемъ новаго иска и принятіемъ болѣе серьезныхъ мѣръ для обороны. Немного выше с. Кобыльной и Половецкаго на большомъ прудѣ находился островъ пространствомъ въ нѣсколько десятинъ, покрытый камышемъ, прилегавшій ближе къ

лѣвому берегу рѣчки. Съ громадными усиліями онъ въ два лѣта (1625 и 1626 г.), пока Калиновскій былъ въ отлучкахъ, выстроилъ на этомъ островѣ солидный замокъ по всѣмъ правиламъ современнаго ему фортификаціоннаго искусства. Замокъ имѣлъ видъ большаго четырехугольника, окруженнаго громаднымъ валомъ съ полисадомъ, съ четырьмя по угламъ башнями. Снаружи была глубокая, наполненная водой канава. Въѣздъ въ замокъ былъ только со стороны лѣваго берега рѣчки; шелъ онъ сначала по насыпи, а затѣмъ передъ воротами замка по подъемному мосту. Одновременно онъ выхлопоталъ у короля на свое имя привилегію на учрежденіе подъ сѣнью этого форта мѣстечка подъ названіемъ Кохангрaдъ. Этотъ укрѣпленный городокъ защищалъ единственную переправу черезъ топкую Кобыльную по большой плотинѣ винницкаго тракта, а тѣмъ самымъ служилъ защитой праваго побережья, оставшагося до сихъ поръ въ рукахъ Пшерадовскихъ и Кохановскихъ. Подъ охраною замка, на лѣвомъ берегу пруда весьма быстро возникло цѣлое поселеніе, предмѣстья котораго потянулись до самаго винницкаго тракта и плотины, противъ старыхъ половецкихъ окоповъ. Въ то же время Кохановскій занялъ и грунты, прилегавшіе къ мѣстечку по обѣ стороны р. Хомутной, не трогая впрочемъ грунтовъ, занятыхъ людьми половецкими и козинецкими, до разрѣшенія процесса съ Калиновскимъ.

Между тѣмъ Пшиборовскій, которому была поручена Калиновскимъ охрана и заселеніе этихъ грунтовъ, считалъ своею прямою обязанностію не допускать Кохановскаго къ занятію земель, лежавшихъ между Козинцами и Половецкимъ. Вслѣдствіе этого возникли новые наѣзды и драки, и Кохановскій предъявилъ къ Войцеху Пшиборовскому самостоятельный искъ «о нечынене службы дедичамъ кобыленскимъ и почыненые гвалты и шкоды подданымъ на грунти кобыленскомъ». Но дальнѣйшіе наѣзды на кобыленскіе грунты были безуспѣшны. Замковая команда раза два ихъ отбила и не уступила и пяди больше земли.

Заселеніе Кохангрaда поведено было до того энергично, что тарифа подымнаго воеводства брацлавскаго отъ 16 ноября 1629 года застаетъ это мѣстечко уже заселеннымъ и вполнѣ устроеннымъ.

Кохановскій стремился къ раздѣлу кобыленскихъ имѣній; общее владѣніе съ Татьяной Пшерадовской не представляло для него никакого интереса и поэтому совладѣльцы рѣшились «одкончытыся». Кохановскій взялъ себѣ южную половину грунтовъ по винницкій трактъ, а Пшерадовской досталась сѣверная часть. Раздѣлъ этотъ

вначалѣ заключенъ былъ домашнимъ порядкомъ, такъ какъ его нельзя было оформить въ виду процесса съ Калиновскимъ, захватившимъ столько грунтовъ. По этому раздѣлу во владѣніи Кохановской оказался основанный мужемъ Кохангрaдъ и та часть села Кобыльной, которая осѣла къ югу отъ винницкаго тракта, проходившаго черезъ это село.

Первый процессъ съ Калиновскимъ о грабежѣ имъ 5,000 возовъ сѣна шелъ очень успѣшно. Декреты по всѣмъ инстанціямъ одинъ за другимъ получались очень быстро, и наконецъ осенью 1627 года полученъ былъ листъ на вводъ Кохановской и Пшерадовской во владѣніе стрижовскимъ имѣніемъ до уплаты имъ Адамомъ Калиновскимъ убытковъ. Кохановскій занесъ этотъ актъ въ брацлавскія земскія книги 20 генваря 1628 года, но въ отвѣтъ на это, лѣтомъ того же года Калиновскій совершаетъ новый наѣздъ и грабежъ сѣна, о чемъ занесъ Кохановскій манифестъ въ трибунальскія книги 21 августа 1628 г. Только въ 1630 г. трибуналъ окончательно рѣшилъ всѣ эти дѣла въ пользу Кохановскаго, а именно: декретомъ 28 мая присуждено съ Калиновскаго взысканіе за наѣздъ на Кобыльную, «гвалты и шкоды» 30,000 зол. польск. убытковъ; вторымъ декретомъ отъ 29 мая урожоный Войцехъ Пшиборовскій отсужденъ отъ всякихъ правъ на Козинцы и приговоренъ къ взысканію за самоуправства, а третьимъ, наконецъ, отъ 10 іюня того же года люблинскій трибуналъ отсудилъ отъ Калиновскаго на вѣчныя времена въ пользу Кохановской и Пшерадовской село Козинцы и урочище Половецкое со всѣми людьми и тянувшими къ нимъ грунтами и кромѣ того присудилъ съ отвѣтчика въ пользу истицъ 5,000 копъ грошей лит. за провладѣніе и убытки.—Полная неудача Калиновскаго въ исходѣ этихъ главныхъ его съ Кохановскимъ процессовъ, крупныя суммы взысканій и общее сочувствіе къ Кохановскому, не позволившему себѣ малѣйшаго реванша въ дѣлѣ самоуправствъ и наѣздовъ, заставили гордаго, но скупаго магната пойти на мировую, вслѣдствіе которой Ольбрыхтъ Кохановскій и Матвѣй Пшерадовскій своимъ и своихъ женъ именемъ сознали въ сентябрѣ (въ среду послѣ праздника Рождества Богородицы) 1631 г. передъ летичевскими гродскими книгами квитъ, данный Адаму Калиновскому въ полученіи полнаго удовлетворенія по всѣмъ дѣламъ, какія только велись отъ имени владѣльцевъ Кобыльной и ихъ подданныхъ.

Выйдя побѣдителемъ изъ этой борьбы съ Калиновскимъ, Кохановскій немедленно привелъ въ исполненіе задуманный раньше

раздѣлъ съ Пшерадовскими. Былъ избранъ третейскій судъ, который, проведя границу, велѣлъ сдѣлать «геометрическое размѣреніе». Граница по прежнему проведена по винницкому тракту, такъ что изъ имѣній, отобранныхъ отъ Калиновскаго, Кохановской достались Козинцы, а Пшерадовской Половецкое. При этомъ оказалось, что ниже Половецкаго возникло совершенно новое село на мѣстѣ половецкихъ хуторовъ, основанное Войцехомъ Пшиборовскимъ во время его управленія захваченными землями. Село это, названное по имени основателя Приборовкой, существуетъ понынѣ.

Кохановскіе были бездѣтны и не желали, чтобы имѣнія послѣ ихъ смерти перешли въ родъ Красносельскихъ, а именно къ брату Александры Кохановской Богдану Красносельскому. Поэтому послѣ утвержденія раздѣла, Александра Кохановская совершила въ пользу мужа дарственную запись, по которой передала ему въ собственность всѣ эти имѣнія, какъ то: Кохангрàдъ, Козинцы и часть Кобыльной.

Съ окончаніемъ процессовъ съ Калиновскимъ, немедленно возникъ новый процессъ съ сослуживцемъ Кохановскаго, земскимъ подсудкомъ Михаиломъ Кропивницкимъ изъ за тѣхъ же злополучныхъ Козинецъ. Процессъ этотъ, собственно говоря, не былъ новый; онъ былъ пріостановленъ въ подкоморскомъ судѣ еще въ 1624 г. вслѣдствіе того, что нельзя было произвести изысканія границъ между козинецкими и коморовскими грунтами, такъ какъ само село Козинцы было захвачено Калиновскимъ и заведенъ былъ споръ о его принадлежности Кохановскому. Во время владѣнія Калиновскаго, спорныя угодія между рѣчками Нетягами и Кобыльной оставались въ пользованіи Кропивницкихъ. Когда же 10 іюня 1630 года Калиновскій проигралъ дѣло, то Кропивницкій, не желая допустить отвода спорной когда то земли изъ своего владѣнія Кохановскому, подалъ того же числа манифестъ въ книги люблинскаго трибунала, заявляя, что границы отъ Коморова должны быть сохранены въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ оставлены подкоморскимъ судомъ въ 1624 г. Этимъ актомъ начался процессъ, длившійся цѣлыхъ девять лѣтъ. Изъ суда споръ вскорѣ перешелъ на межи. Кохановскій понималъ граничный декретъ 1624 года въ томъ смыслѣ, что ему не возвращаются угодія, захваченныя Кропивницкими, до разрѣшенія спора съ Калиновскимъ, и потому теперь, выигравъ дѣло съ Калиновскимъ и вступивъ во владѣніе Козинцами со всѣми принадлежавшими этому селу угодіями, считалъ себя вправѣ воспользоваться и тѣми козинецкими угодіями, которыя временно оставались въ пользованіи Кропивницкихъ. Не

долго думая, Кохановскій, согнавъ людей изъ Крушлинецъ (Хруслинецъ), Кобыльной и Коханграда, послалъ ихъ подъ прикрытіемъ своей замковой команды и заразъ убралъ все скошенное коморовской экономіей на спорномъ грунтѣ сѣно. Къ этому времени большая коморовская вотчина перешла въ исключительное владѣніе Михаила Кропивницкаго, подсудка земскаго брацлавскаго, сослуживца и даже до нѣкоторой степени подчиненнаго Кохановскаго. — Личность Михаила Кропивницкаго вообще довольно симпатична и интересна. Потомокъ стараго брацлавскаго рода, «ritus graeci», хорошо принятый при дворѣ, впослѣдствіи личный секретарь короля Владислава IV, онъ не могъ чувствовать особой склонности къ Кохановскому, относившемуся свысока къ русскому простоватому земянству. Надо замѣтить при этомъ, что въ жизни Кропивницкаго есть нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, что онъ былъ далеко выше своей среды и считалъ долгомъ проявлять свой русскій патріотизмъ. Во всякомъ случаѣ, онъ пользовался большимъ почетомъ и значеніемъ не только въ Брацлавщинѣ, но и въ болѣе широкихъ кругахъ. Ссориться окончательно съ паномъ Кропивницкимъ Кохановскому не было интереса и потому, послѣ предъявленія къ нему иска за заборъ сѣна и наѣздъ, онъ поспѣшилъ оправдаться невѣдѣніемъ, свелъ все на недоразумѣніе и согласился на отсрочку разбирательства дѣла для мирнаго улаженія спора. Вскорѣ однако наступили событія, отвлекшія на время вниманіе обоихъ противниковъ отъ этого спора. Съ выборомъ новаго короля въ 1632 г., оба они были поглощены закипѣвшей новой государственной дѣятельностью. Особенно занятъ былъ Кропивницкій, почти не выѣзжавшій изъ Варшавы и Львова. Объ окончаніи спора не было сначала и рѣчи. Между тѣмъ обѣ экономіи коханградская и коморовская, взапуски одна передъ другой, стали занимать спорныя угодія; наконецъ, въ 1636 г., дѣло дошло до свалки, и Кохановскій предъявилъ искъ къ Кропивницкому за наѣздъ. Въ трибуналѣ стали судью мирить съ подсудкомъ. Три раза (24 августа 1637 и 4 мая и 10 августа 1638 г.) трибуналъ откладывалъ разборъ дѣла въ надеждѣ на миролюбное окончаніе. Только 5 іюля 1639 г. окончилось это дѣло третейскимъ судомъ, который на мѣстѣ отвелъ границу и насыпалъ копцы.

Кромѣ этихъ граничныхъ тяжбъ, извѣстенъ еще въ томъ же родѣ одинъ процессъ, тянувшійся около двадцати лѣтъ между владѣльцами кобыленскихъ имѣній и вотчинникомъ *Липовца alias Гай-*

сина [1]) княземъ Доминикомъ Заславскимъ, старостой саноцкимъ. Процессъ возникъ по жалобѣ Кохановской и Пшерадовской около 1626 года за захватъ кобыленскихъ земель, и послѣ долгой тяжбы послѣдовалъ окончательный декретъ трибунала, постановившаго поручить подкоморію произвести разслѣдованіе старыхъ границъ и отвести таковыя. Декретъ подкоморскаго брацлавскаго уряда по сему дѣлу послѣдовалъ на мѣстѣ спора 16 ноября 1628 года. Но князь Заславскій 25 ноября того же года занесъ въ винницкія гродскія книги манифестъ, жалуясь на неправильныя дѣйствія подкоморскаго суда при разграниченіи, и тѣмъ затянулъ утвержденіе трибуналомъ отвода, которое однако послѣдовало, но уже послѣ смерти Кохановскаго, а именно 4 іюля 1645 г.

Къ той серіи процессовъ слѣдуетъ еще отнести тяжбы о бѣглыхъ крестьянахъ. Такія тяжбы въ первой половинѣ XVII вѣка по винницкому повѣту упоминаются довольно часто. Намъ извѣстны три такихъ процесса у Кохановскаго. Онъ искалъ своихъ крестьянъ, бѣжавшихъ изъ кобыленскихъ имѣній въ м. Городокъ Гіеронима Шанявскаго и въ стрижовское имѣніе Калиновскаго. Въ свою очередь владѣлецъ мѣстечка Бабина князь Корецкій позвалъ въ судъ Кохановскаго, требуя выдачи крестьянъ, бѣжавшихъ изъ Бабина въ имѣніе Кобыльню и слободу Кохановскую. Всѣ эти иски разрѣшены люблинскимъ трибуналомъ 28 и 29 мая 1630 г.

Кромѣ имѣній, указанныхъ выше, Кохановскій пріобрѣлъ еще Сиваковцы отъ Матвѣя Пшерадовскаго, но деньги за имѣніе внесъ въ винницкій гродскій судъ уже послѣ смерти Пшерадовскаго, 4-го апрѣля 1634 г. Владѣлъ онъ имъ, кажется, спокойно, если не считать недоразумѣній съ квартировавшей здѣсь въ 1635 г. хоругвью, пограбившею село, такъ что Кохановскій вынужденъ былъ предъявлять къ ротмистру Зацвилиховскому и его хоругви искъ за причиненные убытки подданнымъ «и всей громади села Сивоковецъ». Искъ этотъ выигранъ Кохановскимъ въ 1636 году. Въ числѣ его имѣній въ тридцатыхъ годахъ XVII ст. упоминается еще и с. Холявинцы.

Не менѣе энергиченъ былъ Кохановскій во внутреннемъ устройствѣ своихъ имѣній. Онъ, какъ видно изъ актовъ, сплошными массами вырубалъ лѣса на постройки въ Кохановѣ и Козинцахъ, уве-

---

[1]) Липовецъ одновременно называется и Гайсиномъ въ трехъ разныхъ актахъ первой половины XVII ст., между тѣмъ какъ въ это же время существовалъ другой Гайсинъ, принадлежавшій Свирскимъ и Одривольскимъ.

личивъ этимъ значительно пахатныя пространства. Кромѣ постройки солиднаго кохангрaдскаго замка, онъ произвелъ и другія капитальныя сооруженія, какъ то: шесть новыхъ мельницъ и громадную кохангрaдскую плотину черезъ рѣчку Кобыльную на винницкомъ трактѣ. Этой послѣдней заинтересовалось даже все земянство, къ которому обратился Кохановскій, вслѣдствіе чего винницкій посольскій сеймикъ брацлавскаго воеводства 21 августа 1641 года въ инструкцію, данную посламъ, помѣстилъ требованіе, чтобы послы ходатайствовали на сеймѣ коронномъ «о назначеніи ревизоровъ для изслѣдованія плотины въ Кохангрaдѣ, построенной съ огромными издержками вельможнымъ Ольбрыхтомъ Кохановскимъ для публичнаго переѣзда, съ цѣлью устновленія мыта, такъ какъ плотина находится на публичномъ трактѣ».

У Кохановскаго имѣлась и надворная милиція и козаки. Начальство надъ замкомъ и военной командой вначалѣ было ввѣрено любимцу Кохановскаго Николаю Казимиру Коссаковскому, женившемуся впослѣдствіи на вдовѣ Татьянѣ Пшерадовской, владѣлицѣ второй половины кобыленскихъ имѣній.

Въ Кохангрaдѣ построена была Кохановскимъ церковь, католическая каплица и госпиталь.

Отъ раздѣла отцовскихъ имѣній женѣ Кохановскаго, кромѣ денежнаго выдѣла, досталась часть имѣнія Криковецъ въ брацлавскомъ повѣтѣ; другая же часть была во владѣніи ея брата Богдана Красносельскаго, съ которымъ Кохановскій не ладилъ. Подъ конецъ жизни Кохановскаго, когда Красносельскій увидѣлъ, что сестра перевела свои имѣнія на имя мужа, онъ вступилъ въ открытый споръ съ Кохановскими изъ за угодій. Зимою съ 1641 по 1642 г. Кохановскій выслалъ изъ своихъ имѣній Кохангрaда, Козинецъ, Сиваковецъ и Холявинецъ нѣсколько сотъ подводъ подъ прикрытіемъ военной команды въ криковецкіе лѣса за деревомъ; при этомъ рубка произведена была именно въ спорныхъ участкахъ, несмотря на протестъ со стороны экономіи Красносельскаго. 19 февраля 1642 г. Красносельскій занесъ по этому поводу манифестъ въ винницкія гродскія книги и началъ процессъ, исходъ котораго намъ неизвѣстенъ.

Кохановскій умеръ бездѣтнымъ въ глубокой старости, свыше семидесяти лѣтъ, 9 мая 1642 года. Послѣ него осталось три духовныхъ завѣщанія: одно составлено 27 іюля 1640 г., второе 22 генваря 1642 г. и третье въ день смерти 9 мая 1642 г. Всѣ свои имѣнія, доставшіяся отъ жены, и с. Сиваковцы онъ завѣщалъ ей же въ по-

жизненное владѣніе съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ с. Сиваковецъ выдавалась потребная сумма на содержаніе кохангрaдскаго госпиталя. Затѣмъ всѣ свои имѣнія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ легатовъ, завѣщалъ въ собственность своей сестрѣ Констанціи и ея мужу Стефану Хоментовскому, белзскому подчашію.

Черезъ три недѣли послѣ смерти Ольбрыхта Кохановскаго, 31 мая 1642 г. состоялся вводъ въ пожизненное владѣніе имѣніями вдовы его Александры. Но она немногимъ пережила мужа. Три года спустя послѣ его смерти, въ процессѣ съ княземъ Заславскимъ, владѣльцемъ Липовца alias Гайсина, уже выступаютъ въ качествѣ истцовъ супруги Хоментовскіе. Но имъ не пришлось долго пользоваться богатымъ наслѣдствомъ послѣ брацлавскаго земскаго судьи. Вскорѣ пронеслась надъ Кохангрaдомъ страшная буря хмельниччины, не оставившая здѣсь камня на камнѣ. Кохангрaдъ стоялъ на одной изъ важныхъ стратегическихъ дорогъ и однимъ изъ первыхъ въ винницкомъ повѣтѣ былъ разрушенъ окончательно. Подробностей катастрофы, поскольку она касается поселеній на рѣчкѣ Кобыльной, не знаемъ. Мы знаемъ только, что винницко-липовецкій трактъ, пролегавшій на Кохангрaдъ, служилъ много разъ военной дорогой для походовъ козацкаго и польскаго войска. Сюда проходилъ Глухъ на выручку осажденному въ Винницѣ Богуну; сюда шла часть полковъ Хмельницкаго подъ Пилявцы; той же дорогой два раза пронеслись страшныя хоругви Чарнецкаго.

Только въ послѣдніе годы XVII ст. явились сюда владѣльцы и, какъ видно изъ инвентарей начала XVIII вѣка, застали здѣсь только пепелища, пустыри и совершенное безлюдье, въ полномъ смыслѣ этого слова. Большой кохангрaдскій замокъ, созданный единственно въ интересахъ войны съ сосѣдними землевладѣльцами, потребовавшій на постройку и вооруженіе массу труда и средствъ, просуществовалъ совершенно безплодно всего двадцать два года. Затѣмъ никто и не думалъ о его возобновленіи. На мѣстѣ прежняго Кохангрaда нынѣ скромное село Кохановка, да на берегу пруда возвышаются внушительныхъ размѣровъ валы, свидѣтельствуя—не знаю—о барской ли прихоти, или же о разпузданности.

Такъ не плодотворно погибло все, что было создано энергіей и трудолюбіемъ Ольбрыхта Кохановскаго. Личность эта, несомнѣнно, выдѣляется изъ своей среды. Дѣятельность его въ винницкомъ повѣтѣ, главнымъ образомъ, посвящена была хозяйственнымъ и мѣстнымъ земянскимъ интересамъ и рѣдко выходила за предѣлы око-

лотка. Потому его нельзя мѣрить мѣркой польскихъ магнатовъ и сановниковъ, ворочавшихъ судьбами польско-русскихъ провинцій. Онъ принадлежалъ къ многочисленной сѣрой польской массѣ, наводнившей русскія окраины по преимуществу послѣ уніи. Въ этой средѣ онъ выдѣлялся умомъ, трудолюбіемъ, заботливостію и весьма рѣдкой въ то время чертой—кое какимъ уваженіемъ къ законности. Къ сожалѣнію, въ первой половинѣ XVII ст. такіе люди были здѣсь рѣдкимъ явленіемъ.

Ц. Нейманъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Поиски за кондиціями. Профессоръ Гриневичъ.

Для того, чтобы получить кондицію, хоть бы то за столъ и квартиру, нужно было имѣть протекцію и знакомства, а у меня ни того, ни другаго не было. Кто то посовѣтовалъ обратиться къ смотрителю печерскаго дворянскаго училища Фридману. Иду къ нему. Училище помѣщалось тогда на печерской базарной площади, въ деревяномъ одноэтажномъ домѣ, съ мезониномъ и палисадникомъ. Самъ смотритель жилъ на мезонинѣ. Вхожу въ переднюю—никого нѣтъ. Я дальше—меня окликнули: кто тамъ? Не отзываясь на окликъ, иду дальше. Вхожу въ слѣдующую комнату—на диванѣ лежитъ въ халатѣ отвратительнѣйшая фигура въ очкахъ, съ искривленною на сторону физіономіей. Взглянувши на меня сердито—пресердито, фигура схватилась съ дивана и исчезла вонъ изъ комнаты, крича на бѣгу во все горло: Иванъ! Иванъ! потомъ дальше на лѣстницу, въ кухню, все продолжая звать Ивана. Я стою среди комнаты и не знаю, что мнѣ дѣлать? Возвращается мой смотритель, въ сопровожденіи Ивана, ложится на диванъ, принявъ совершенно то же положеніе, въ какомъ я засталъ его, и, обратясь къ лакею, сказалъ: „дай мнѣ сигару!“ А сигары лежали тутъ же на столикѣ, подлѣ дивана. Исполнивши свою обязанность, Иванъ не счелъ нужнымъ оставаться въ передней и опять отправился на кухню. Закуривъ сигару, смотритель спросилъ наконецъ, что мнѣ нужно? Я сказалъ, что очень нуж-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 9, сентябрь.

даюсь въ кондиціи. Фридманъ заговорилъ со мною по нѣмецки (должно быть выкрестъ, подумалъ я невольно), потомъ по французски, потомъ сталъ экзаменовать меня по латыни. Я съ смиреннымъ видомъ осмѣлился ему замѣтить, что я студентъ и что меня уже подвергали экзамену. „Это, говоритъ, ничего не значитъ: мнѣ нужно, чтобы репетиторъ говорилъ на иностранныхъ языкахъ. Прощайте!“

— Ахъ ты, жидовская образина! выругался я, сходя съ лѣстницы.

Объ этомъ невѣжливомъ и безобразномъ господинѣ по Кіеву ходилъ такой анекдотъ: вышелъ онъ однажды на балконъ въ халатѣ и въ красной фескѣ съ „китыцей“. Сидитъ и куритъ трубку. Возвращаются съ базара крестьяне. Одинъ изъ нихъ обратился къ другому, указывая кнутовищемъ на Фридмана, съ такою рѣчью:

— Онъ бачъ, яка малпа (обезьяна) сыдыть, та ще й люльку пыхкае, бисова вира.

Фридманъ вскакиваетъ, начинаетъ кричать и топать ногами, а крестьянинъ ему: грр, грр! бачъ, яка злюча, бисова малпа!...

Я нисколько не сомнѣваюсь въ истинѣ этого анекдота и не удивляюсь простакамъ, принявшимъ сего ученаго мужа, говорящаго на трехъ языкахъ, со включеніемъ еврейскаго жаргона, за обезьяну— сходство его съ шимпанзе поразительное!

Замѣчательно, что этотъ уродъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ начальства и имѣлъ въ Липкахъ обширный кругъ аристократическаго знакомства.

Проходивши весь день и потерпѣвъ вездѣ неудачи, я возвратился на квартиру, сѣлъ на своемъ пустомъ сундукѣ и принялся съ горя за колбасу, привезенную изъ деревни, давши себѣ слово не вкушать отъ стола негодной чиновницы, которая, желая меня скорѣе выжить, даже кровать велѣла вынести, такъ что я долженъ былъ растянуться на полу, отдавъ свое тѣло на съѣденіе плотоядным насѣкомымъ. Но не столько мѣшали мнѣ заснуть эти негодныя твари, сколько самъ хозяинъ, провоевавшій всю ночь съ женой и угомонившійся на разсвѣтѣ.

— Я за тебя кровь проливалъ! кричалъ онъ осиплымъ отъ пьянства голосомъ: я тебѣ пенсію выслужилъ, ты меня обязана почитать и уважать! Я моему государю дорого стою—я кавалеръ!..

На другой день я снова отправился на охоту за кондиціями. Зашедши въ сборную залу, я получилъ отъ неделя письмо изъ Москвы.

Вася Глотовъ просилъ меня побывать у его роднаго дяди, профессора римской словесности Ильи Ѳедоровича Гриневича.

„Познакомься съ нимъ, прибавляетъ онъ, авось онъ тебѣ пригодится“.

Изъ университета я прямо направилъ стопы къ профессору на Кресты. Гриневичъ принялъ меня радушно, какъ земляка, оставивъ у себя обѣдать. Семья у него была огромная: жена и штукъ 8 дѣтей, малъ мала меньше, да пансіонеровъ четверо—два мальчика и двѣ дѣвочки. Сѣли за столъ. Послѣ суну стоявшій за моимъ стуломъ запачканный и босой мальчикъ Микитка, по знаку барина, крикнулъ надъ самымъ моимъ ухомъ: кукуреку! что меня не столько испугало, сколько удивило, что профессоръ заставляетъ своего крѣпостнаго пѣть пѣтухомъ. „Должно быть, большой шутникъ этотъ баринъ“, подумалъ я.

Впродолженіе обѣда хозяинъ нѣсколько разъ вставалъ изъ-за стола и уходилъ въ свой кабинетъ, откуда всякій разъ возвращался облизываясь и покрякивая. Къ концу обѣда онъ совершенно опьянѣлъ и заговорилъ по латыни. Затѣмъ, не попрощавшись со мной, ушелъ и уже не возвращался. Жена просила меня придти вечеромъ—поговорить на счетъ кондиціи, которую Илья Ѳедоровичъ желаетъ предложить мнѣ. Вечеромъ, за чаемъ, мы условились: квартира со столомъ за 7 душъ учениковъ; кромѣ того, заниматься со старшимъ сыномъ Ильюшей по методу Жакото утромъ отъ 5 до 8 часовъ, а съ остальными тремя мальчиками и тремя дѣвочками послѣ обѣда, сколько влѣзетъ. Выгоды, положимъ, не блистательныя, но торговаться было неумѣстно: бери, что даютъ, коли не хочешь остаться на улицѣ съ пустымъ стомахомъ! Правда, профессоръ намекнулъ мнѣ про богатаго дядюшку своихъ пенсіонеровъ, Павла Петровича Должикова, въ домѣ котораго онъ жилъ, но это былъ лишь журавль въ небѣ.

На другой день утромъ я перевезъ на Кресты свой сундукъ. Меня помѣстили вмѣстѣ съ четырьмя мальчиками въ двухъ небольшихъ комнатахъ, поставивши для меня коротенькую, почти дѣтскую кровать, столикъ, стулъ, да еще одну кровать въ той же комнатѣ для Ильюши.

Илья Ѳедоровичъ Гриневичъ—личность, въ нѣкоторомъ родѣ, историческая. Въ 1816 году, имѣя уже ученую степень магистра,

онъ вмѣстѣ съ Ковалевскимъ былъ удостоенъ харьковскимъ университетомъ степени доктора философіи; но вслѣдъ за тѣмъ профессоръ Дегуровъ [1]) донесъ министру, что диссертаціи новоиспеченныхъ докторовъ буквально списаны съ печатнаго сочиненія профессора Шада и буквально сходны съ записками студентовъ; вслѣдствіи чего 13 декабря того же года ректоръ получилъ изъ министерства бумагу, въ силу коей отъ Гриневича и Ковалевскаго отобраны докторскіе дипломы, такъ какъ диссертаціи оказались дѣйствительно подложными. Послѣ такого скандала Гриневичу оставаться въ Харьковѣ было неудобно. Ему дали каѳедру въ Ришельевскомъ лицеѣ, а затѣмъ сдѣлали директоромъ кишиневской гимназіи, откуда онъ, не выслуживъ пенсіи, былъ уволенъ въ отставку, съ начетомъ значительной суммы за растрату казеннаго имущества.

По увольненіи изъ университета профессора Якубовича, 27 іюля 1839 года, Гриневичъ подалъ въ совѣтъ прошеніе о предоставленіи ему вакантной каѳедры римской словесности съ приложеніемъ къ нему брошюрки: „Письма о философскихъ предметахъ“ и перевода цицероновой рѣчи „Pro T. A. Milone“. На основаніи отзыва пр. Нейкирха, совѣтъ отказалъ Гриневичу; но онъ вошелъ съ прошеніемъ вторично „о допущеніи его хоть временно къ преподаванію латинскаго языка и словесности и на сей разъ „боголюбивѣйшій совѣтъ“ (такъ выразился Гриневичъ въ прошеніи), допустивъ его къ пробной лекціи „о жизни и сочиненіяхъ Тацита“ и признавъ оную удовлетворительною, предоставилъ ему каѳедру экстраординарнаго профессора, но съ адъюнктскимъ содержаніемъ въ 2300 рубл. асс., съ удержаніемъ 1/3 въ уплату числившейся за нимъ недоимки по кишиневской гимназіи.

Нашедши себѣ пристанище и нѣсколько успокоившись послѣ душевной передряги, я принялся за работу. Меня нисколько не пугали предстоявшіе труды и возня съ бездарными дѣтьми—дѣло для меня привычное: четвертый годъ я промышлялъ репетиціями; но меня

---

[1]) Во время французской революціи у Робеспьера былъ нѣкоторое время секретаремъ *Дюгуръ*, который, сберегая свою голову, бѣжалъ изъ Парижа и явился въ Россію благонамѣреннымъ эмигрантомъ. Въ Петербургѣ, въ качествѣ дѣтскаго гувернера онъ втерся въ дома вельможъ и скоро очутился профессоромъ харьковскаго университета подъ именемъ *Дегурова*; за доносъ, сдѣланный на сослуживцевъ, попалъ въ ректоры петербургскаго университета, но оттуда былъ выкуренъ попечителемъ

приводилъ въ смущеніе Жакото. Прошло три дня, а профессоръ не открывалъ мнѣ тайны этого чудотворнаго метода, научающаго говорить и даже писать по латыни незнающаго азбуки. Наконецъ тайна разоблачилась.

Развернувъ Цицерона, профессоръ указалъ на первую кателинарію:

— Съ этого, говоритъ, вы и начнете съ Ильюшей. Прежде всего пусть онъ выучитъ вотъ эту страничку наизусть.

— Позвольте, Илья Ѳедоровичъ, какъ ему выучить, коли онъ еще и латинской азбуки не знаетъ? возразилъ я.

— Въ этомъ то и штука, продолжаетъ ученый мужъ, иронически улыбаясь моему невѣжеству, на этомъ отрывкѣ мой сынъ долженъ научиться не только читать, но и пройти всю грамматику. Только, пожалуйста, не мудрствуя лукаво, дѣлайте такъ, какъ я вамъ предлагаю: пусть прежде выучитъ эту страничку наизусть.

— Не знаю, какъ это сдѣлать, а впрочемъ попробуемъ. Скачы, враже, якъ панъ каже! говорятъ у насъ за Днѣпромъ.

— Да, любезнѣйшій, займитесь съ моимъ сыномъ по методѣ Жакото—это и вамъ пригодится, когда вы будете учителемъ.

Преподавши такой мудреный способъ ученія, Илья Ѳедоровичъ ушелъ и я не видѣлъ его цѣлую недѣлю ни дома, ни на лекціяхъ: значитъ, получилъ жалованье и запилъ.

Принялся я за Ильюшу крѣпко. Будилъ его въ 5 часовъ и мучилъ латынью до 8. Вопреки данной мнѣ инструкціи, я сперва научилъ его читать, а потомъ уже, въ угожденіе папашѣ, заставилъ выучить полстраницы на память, такъ что онъ, какъ попугай, преизрядно барабанилъ; Quousque tandem, Catilina... даже съ повышеніями и съ пониженіями голоса на указанныхъ ему словахъ.

Когда профессоръ, по выздоровленіи, пришелъ въ нашу комнату, то былъ пріятно удивленъ быстрыми успѣхами своего сына. Затѣмъ, принялись за грамматику тѣмъ же рутиннымъ способомъ, т. е. съ помощію учебника, о чемъ профессоръ не долженъ былъ знать, возложивъ все упованіе на фокусника Жакото.

Уваровымъ и поселился въ Одессѣ, выстроилъ домъ и продалъ городу свою библіотеку, состоящую изъ 6846 томовъ, похищенныхъ „благопріобрѣтеннымъ способомъ“ изъ библіотекъ университетовъ харьковскаго и петербургскаго и частныхъ боярскихъ библіотекъ, какъ показывали этикеты. (См. „Рус. Старина“ 1888 г. № 9, стр. 589).

Занявшись битыхъ три часа съ Ильюшей, я отправлялся на лекціи, а послѣ обѣда усаживалъ за столъ всѣхъ своихъ питомцевъ и если не случалось послѣобѣденной лекціи, возился съ ними до самаго ужина. Профессоръ взвалилъ на меня всѣ предметы, не исключая и Закона Божія, оставивъ за собой только новѣйшіе языки, но съ дѣтьми никогда не занимался, возложивъ эту обязанность на профессоршу.

Видя мое усердіе, или точнѣе ослиное терпѣніе, въ нескончаемой вознѣ съ избалованными дѣтьми и не будучи въ состояніи вознаградить меня, сообразно моему труду, профессоръ свелъ меня однажды съ дядюшкой своихъ пансіонеровъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ отъ себя назначилъ мнѣ какой нибудь гонораръ. Это былъ никто другой, какъ извѣстный кіевскимъ старожиламъ аферистъ Павелъ Петровичъ Должиковъ, съ именемъ котораго связано воспоминаніе о его пресловутой библіотекѣ, съ вывѣской: „Аптека для души“.

— Извольте, живо согласился Павелъ Петровичъ, я съ моимъ удовольствіемъ могу вамъ отъ себя дать сто рублей асс. въ годъ.

— Да мнѣ, говорю, теперь нужны деньги, я, какъ видите, до сихъ поръ не имѣю форменнаго сюртука и не заплатилъ за матрикулъ. (А о томъ, что я уже двѣ недѣли хожу въ университетъ на собственной подошвѣ, я, конечно, молчалъ).

— Теперь, говоритъ, при мнѣ нѣтъ денегъ, а вотъ я ужо приду, тогда и... до свиданія!

Да какъ ушелъ, то я его больше и въ глаза не видалъ.

Находясь въ такой крайности, я, скрѣпя сердце, обратился за помощью къ своему зятю В. Ф. Слищенку, прося его выслать мнѣ 20 рублей, или хоть сколько можно, но не дождавшись отъ него отвѣта, воспользовавшись сумятицей, поднятой въ университетѣ пріѣздомъ министра Уварова, я махнулъ за Днѣпръ, въ надеждѣ поживиться на счетъ кармана лѣсничаго, „чтобы заткнуть ротъ“ инспектору, недававшему мнѣ проходу и грозившему исключеніемъ.

Допхавшись на дубѣ до Староселья, я вышелъ на берегъ, надѣясь скорѣй добраться до Сваромья сухопутью, но на мою бѣду обывательскихъ лошадей въ селѣ не случилось и я долженъ былъ цѣлыхъ 10 верстъ плестись на волахъ. Это было въ половинѣ октября, холодъ былъ страшный, а ѣхать мнѣ пришлось лугомъ по-

надъ Днѣпромъ. Чтобы защитить меня отъ стужи, сердобольный возница, привернувши до стога, взвалилъ на меня съ полкопицы сѣна и мнѣ стало такъ тепло, что я проспалъ большую часть дороги. Наконецъ, сквозь сладкую дремоту, мнѣ послышался знакомый лай Милорда: волы подъѣзжали къ крыльцу лѣсничаго.

— А що? сѣнца мени привизъ? вопрошаетъ лѣсничій возницу, вышедши на крыльцо съ перомъ за ухомъ.

— Ни, ваше благородыя—я вамъ панка привизъ!

Не успѣлъ лѣсничій спросить: а дежъ твій панокъ? какъ я, сбросивши съ себя сѣно, предсталъ предъ нимъ во всей красѣ своей. Толстякъ лѣсничій расхохотался такой „студентской штукѣ“, а у кузины на глазахъ навернулись слезы: какъ видно, она въ моемъ путешествіи на волахъ въ холодъ и стужу, въ одной шинелишкѣ, подбитой вѣтеркомъ, усмотрѣла не одну „студентскую штуку“. Вошли въ комнату. Прежде чѣмъ я заикнулся о цѣли своего пріѣзда, скаредъ лѣсничій, а за нимъ и его дражайшая половина, еще большій скаредъ, догадавшись въ чемъ дѣло, затянули унисономъ дуэтъ на тему: „какъ трудно жить на свѣтѣ“, съ нескончаемыми варіаціями, въ которыхъ слышались жалобы на большіе расходы, малое жалованье и т. п.

Жестоко и противно евангельскому слову отказывать въ помощи просящему; но отказывать нуждающемуся прежде, чѣмъ онъ успѣетъ открыть ротъ о своей нуждѣ — безчеловѣчно. А вѣдь люди они были очень и очень не бѣдные. У нихъ порядочное свое состояніе да казенный лѣсъ при большой сплавной рѣкѣ, уносящей внизъ по теченію строевыя и нестроевыя деревья, о которыхъ не вѣдали ни ревизоры, ни управляющій палатой государственныхъ имуществъ, но о которыхъ извѣстно было мнѣ доподлинно. Притомъ, я былъ вправѣ не просить, а требовать за свои прежніе труды хоть какое нибудь вознагражденіе, но считая себя уже достаточно облагодѣтельствованнымъ пошитьемъ шинели и присылкой якобы за мной лошадей, я, скрѣпя сердце, вернулся въ Кіевъ, съ тѣмъ съ чѣмъ оттуда выѣхалъ, а всего то и нужно было 7 р. 50 к.— заплатить за матрикулъ.

Вытерпѣвъ грозу отъ инспектора за самовольную отлучку изъ города, о чемъ не преминулъ отрапортовать ему подлый педель, я, въ ожиданіи денегъ отъ зятя, принялся снова за свои занятія.

Наканунѣ моего возвращенія, 23 октября, инспекторъ донесъ попечителю, что студенты Малеванскій, Полтовичъ, Яровой, Р—ій и Бурцовъ пришли въ институтъ пьяные; попечитель доложилъ министру, а тотъ приказалъ немедленно исключить ихъ изъ университета. Съ первыхъ же словъ инспектора я замѣтилъ, что онъ хочетъ подвести меня подъ одну категорію съ этими забіяками, но выслушавъ мое оправданіе, онъ смягчился и рѣшилъ исключеніе замѣнить карцеромъ. Между тѣмъ министръ уѣхалъ, деньги за матрикулъ уплачены и я остался на свободѣ.

Профессоръ мой каждое первое число предавался запою. Семейство нуждалось страшно. Если бы не помогали ему добрые люди, то, при адъюнктскомъ содержаніи, съ удержаніемъ изъ него третьей части, едва ли бы дожилъ до половины мѣсяца и намъ всѣмъ приходилось бы плохо. Сколько мнѣ извѣстно, ему оказывали матеріальную поддержку преосвященный Иннокентій, профессоръ астрономіи Ѳедоровъ и знакомый всему городу „эмеритъ“ Абламовичъ. О послѣднемъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ.

Бывшій профессоръ физики въ кременецкомъ лицеѣ, долгое время путешествовавшій на счетъ виленскаго университета по Европѣ, а по закрытіи лицея переведенный въ университетъ св. Владиміра, Абламовичъ, по выходѣ въ отставку въ 1839 году, навсегда поселился въ Кіевѣ. Кто не зналъ въ началѣ 40-хъ годовъ этого антика? Проводя весь день на улицѣ, „эмеритъ“ только спалъ въ своей квартирѣ. Излюбленнымъ мѣстомъ его пребыванія былъ мостъ (гдѣ нынѣ никольскія крѣпостныя ворота): тутъ онъ обыкновенно стоялъ, облокотившись о перила, окруженный толпой студентовъ, рѣдкій изъ которыхъ, проходя по мосту, не былъ остановленъ словоохотливымъ старикомъ. Собравъ такимъ образомъ довольно людную аудиторію, профессоръ начиналъ свои нескончаемые разсказы и анекдоты, длившіеся до тѣхъ поръ, пока призывный звонокъ на лекціи не прерывалъ ихъ до слѣдующаго дня. А ему, какъ очевидцу французской революціи 1830 года и за тѣмъ польской, было о чемъ поразсказать и молодежь слушала его съ большимъ интересомъ. Да

и наружность эмерита была внушительная: онъ сохранилъ и свой профессорскій костюмъ (suknia akademicka), и остатокъ длинныхъ волосъ, когда то обильно разсыпавшихся по плечамъ, и даже свою традиціонную трость.

Оставшись на мосту одинъ, физикъ подзывалъ извощика и за четвертакъ велѣлъ ему ѣхать на Подолъ. Но едва тотъ тронется съ мѣста — „стой! стой!“ кричитъ профессоръ: знакомый попался на встрѣчу. Сидитъ себѣ на дрожкахъ и балагуритъ добрыхъ полчаса; потомъ, проѣхавши немного, опять останавливаетъ возницу и такимъ образомъ ѣдетъ на Подолъ добрыхъ два часа, да оттуда почти столько же, а тамъ и обѣдать пора. Если же случалось ему залучить кого нибудь въ квартиру, то гость въ другой разъ не скоро къ нему заглянетъ.

Разъ Илья Ѳедоровичъ попросилъ меня отнесть къ Абламовичу письмо. Жилъ тогда „эмеритъ“ на Московской улицѣ, занимая мезонинъ деревяннаго дома съ балкономъ на улицу. Это было вечеромъ. Засталъ я старика за чаемъ. Прочитавъ наскоро посланіе (рѣчь шла о деньгахъ), онъ спросилъ мою фамилію. Я назвалъ себя.

— А знаете ли вы, молодой человѣкъ, откуда „походитъ“ ваша фамилія?

— Есть, отвѣчаю, народная дума „Про Саву Чалого“, но едва ли можно доказать...

— Нѣтъ, вы меня старика послушайте: я вамъ историческимъ путемъ „выложу и доведу“ происхожденіе вашей фамиліи.

И началъ онъ свое историческое изслѣдованіе, чѣмъ бы вы думали? Походомъ Святослава на Византію! Слушалъ я его болтовню битыхъ два часа и неизвѣстно, долго ли еще пришлось бы слушать, если бы меня не выручилъ пришедшій къ нему гость. Я откланялся и ушелъ, пообѣщавъ зайти въ другой разъ дослушать генеалогію моихъ предковъ.

Чѣмъ дольше я жилъ у Гриневича, тѣмъ невыносимѣе становилось житье мое. Помимо вѣчной возни съ дѣтьми, онъ заставлялъ меня переписывать свои „философическія письма“, которыя, по его словамъ, долженствовали просвѣтить меня великими истинами. Объемистая тетрадь моего писанья, яко бы просмотрѣнная и одобренная

Иннокентіемъ, должна была появиться въ свѣтъ второю брошюрой. (первая напечатана была прежде въ Одессѣ). Содержаніе этихъ писемъ, если только они не переводъ съ французскаго, по всей вѣроятности, принадлежитъ профессору Шаду. Коли въ 1815 г. Илья Ѳедоровичъ не стѣснился склеить свою докторскую диссертацію изъ лекцій своего профессора еще при его жизни, то спустя 25 лѣтъ, по смерти Шада, онъ смѣло могъ выдать его философію за свою.

Профессоръ Шадъ человѣкъ замѣчательный. Въ 1814 году Шиллеръ и Гете рекомендовали его министру народнаго просвѣщенія, какъ знаменитость, и онъ получилъ каѳедру философіи и естественнаго права въ харьковскомъ университетѣ. Въ сочиненіяхъ его: „De viris illustribus Romae“ и „Institutiones juris naturae“ министерство усмотрѣло вредное направленіе, вслѣдствіе чего въ 1816 году Шадъ былъ высланъ за границу: его не спасли ни Шиллеръ, ни Гете. Мысли, показавшіяся опасными нашимъ охранителямъ тогдашняго времени, заключались между прочимъ въ слѣдующемъ: „Рабство, говоритъ Шадъ, въ собственномъ смыслѣ, по которому человѣкъ разсматривается, какъ вещь, противорѣчитъ естественному праву, хотя, съ другой стороны, были и теперь есть господа, считающіе своимъ правомъ отнимать у рабовъ своихъ не только имущество, но и жизнь и не признающіе за рабами личнаго человѣческаго права; однако такое убѣжденіе противно общественной жизни, какъ не основанное на общемъ благѣ“. (см. „Р. Мысль“ 1884, 2).

Казалось бы, что ученикъ такого гуманнаго профессора долженъ бы былъ весь проникнуться его высокими идеями, но къ сожалѣнію, сочиненія этого ученаго не имѣли на него ни малѣйшаго вліянія.—У нашего голяка-профессора римской словесности, по примѣру древнихъ римлянъ, были свои рабы, въ классическомъ значеніи этого слова. Несчастная семья его крѣпостныхъ людей состояла изъ дворника, его жены кухарки, горничной и 12-ти лѣтняго пѣтуха Микитки. Бѣдственнѣе положенія этихъ илотовъ едва ли можно вообразить. Вѣчно голодные, оборванные, съ синяками отъ побоевъ, которыми ихъ щедрою рукой почти ежедневно надѣлялъ ученый палачъ профессоръ—право они, не походили даже на людей. Особенно претерпѣвала кухарка Мавра. Какъ только придетъ съ

базара и станетъ отдавать отчетъ въ покупкахъ—и начнется истязаніе за какіе нибудь гроши. Эта бѣдная, забитая, замученная женщина, сдавая отчетъ, постоянно себя обсчитывала, путаясь и сбиваясь отъ страха. Пользуясь ея замѣшательствомъ, ее тутъ же уличали въ воровствѣ и нещадно били по щекамъ. Однажды, въ моемъ присутствіи, произошла такая расправа:

— А позвать ко мнѣ Мавру! прорекъ профессоръ.

Въ залу вошла, трясясь какъ въ лихорадкѣ, исхудалая, беременная женщина и остановилась у порога. Начался инквизиторскій допросъ, „съ пристрастіемъ“.

— Ты зачѣмъ своему щенку господское молоко даешь?

— Богъ мене накажи, я только двѣ ложечки дала слабой дытыни, щобъ перестала плакать—взмолилась Мавра, обливаясь слезами.

— А а, двѣ ложечки! двѣ ложечки? Становись на колѣни! Микитка! бей матку по щекамъ, да хорошенько! такъ ее, такъ! еще! еще! приговаривалъ профессоръ, поощряя идіота.

Но и этого показалось мало: самъ баринъ собственноручно далъ ей въ придачу нѣсколько паль лежавшей на учебномъ столѣ линейкой. Я не могъ вынести такого безчеловѣчія и оставивъ учениковъ, опрометью пустился бѣжать изъ дому; но куда?...

Кругомъ нашей квартиры гнѣздились дома терпимости; это были знаменитые во время о́но „Кресты“, гдѣ по цѣлымъ ночамъ совершались безобразнѣйшія оргіи. Дикія завыванія надорванныхъ, пьяныхъ голосовъ; громъ и трескъ проломленныхъ дверей, разбитыхъ оконъ; львиное рыканіе разгулявшагося купца; вопли и визгъ избиваемыхъ женщинъ—нерѣдко среди ночи пугали дѣтей и сокращали время, остававшееся у меня для сна, послѣ изнурительныхъ занятій. Самъ хозяинъ мой, предаваясь запою, въ присутствіи жены и дѣтей приставалъ съ любезностями къ кормилицѣ, красивой, дородной женщинѣ, произнося такія слова, какія только можно было услышать въ сосѣднихъ домахъ. Дѣти такъ привыкли къ подобнымъ безобразіямъ, что и себѣ иногда позволяли непечатную брань и рукопашную расправу съ прислугой. За это я сталъ съ нихъ взыскивать, къ великому неудовольствію родителей, не находившихъ въ такомъ поведеніи мальчиковъ ничего безнравственнаго.

Скоро у моихъ питомцевъ обнаружились нѣкоторые пороки, которымъ научилъ ихъ Микитка. Вслѣдствіе этого способности моего воспитанника день ото дня замѣтно тупѣли: память слабѣла, соображенія не стало вовсе—и съ виду сталъ онъ все болѣе походить на идіота Микитку. Очевидно, наши успѣхи въ латинскомъ языкѣ не только не подвигались впередъ, но пошли назадъ: онъ сталъ забывать и то, чему я успѣлъ научить его съ такими пожертвованіями, въ ущербъ своимъ собственнымъ занятіямъ. Терпѣніе мое наконецъ лопнуло.

Однажды, пробившись съ нимъ по пусту два часа и не видя ни малѣйшаго прогресса въ его успѣхахъ, я вспылилъ. Вырвавъ изъ рукъ его книгу, бросилъ ее въ уголъ, прибавивъ въ сердцахъ: „тебя и самъ дьяволъ ничему не научитъ, если ты не перестанешь дѣлать гадости! Выйдетъ изъ тебя такой же дурень, какъ Микитка“.

Одѣвшись наскоро, я ушелъ изъ дому, не зная самъ, что дѣлать съ собой и куда бѣжать отъ этого вертепа? Но развязка, сверхъ моего чаянія, воспослѣдовала очень скоро. Послѣ обѣда, едва я успѣлъ войти въ свою комнату, ко мнѣ влетѣлъ профессоръ.

— А ты, говоритъ, какъ смѣлъ бранить моего сына? Ты—мужикъ, а онъ сынъ статскаго совѣтника!

Не помня себя, я схватился за чубукъ и сдѣлалъ, въ свою очередь, наступленіе на профессора, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ поучить этого пьянаго философа болѣе вѣжливому обращенію съ учителемъ его дѣтей; но къ счастію нашему, на нашъ крикъ прибѣжала профессорша и увлекла свое пьяное сокровище въ спальню, заперевъ за нимъ двери.

Выскочивъ на улицу безъ шапки, я подозвалъ извощика, уложилъ свою мизерію и „отряхше прахъ отъ ногъ своихъ“, покинулъ навсегда жалкое семейство профессора, оставивъ ему на бѣдность и тѣ три карбованца, которые онъ у меня взялъ до полученія жалованья.

Квартира со столомъ на 2 р. 83 к. въ мѣсяцъ.

Nos sumus bursacia: штанцисque рубацисque caremus, et вошь perpetuo тило cusare soleBat.

(Изъ семинарской латыни).

Выбравшись изъ невылазной грязи Крестовскаго проулка на главную тогда Московскую улицу, извощикъ остановилъ лошадь и предложилъ для него весьма обыкновенный, а для меня неразрѣшимый вопросъ: „куда прикажете—на право, или на лѣво?“

— Постой, мой другъ, дай подумать, отвѣчалъ я.

Минутъ пять простоялъ извощикъ, не двигаясь съ мѣста, а я все еще не рѣшилъ, куда мнѣ ѣхать. Наконецъ, поуспокоившись немного отъ сильнаго волненія, я вспомнилъ квартиру двухъ студентовъ-юристовъ, моихъ однокурсниковъ, изъ переяславской семинаріи. Жили они на Никольской улицѣ въ домѣ вдовицы Тевѣшовой, во дворѣ, рядомъ съ кухней, въ двухъ крохотныхъ комнатахъ, на своемъ продовольствіи.

— Валяй на Никольскую!

Оставивъ извощика у воротъ съ своимъ скарбомъ, я вошелъ къ студентамъ: „такъ и такъ, говорю, скверно, пустите, ради Христа, на квартиру, что будетъ слѣдовать—заплачу, когда будутъ деньги, а теперь—нема!“

Старѣйшій изъ студентовъ, съ которымъ я былъ знакомъ нѣсколько короче, назывался Архипомъ Елисеевичемъ Бѣлоконовымъ, а младшій—Иларіономъ Иларіоновичемъ Менделевымъ.

— Какъ вы полагаете, Иларіонъ Иларіоновичъ, обратился старѣйшій къ своему коллегѣ: я думаю, можно ихъ принять?

— А можно, отозвался изъ другой комнаты товарищъ, игравшій въ это время на гитарѣ: только разскажите имъ, Архипъ Елисеевичъ, о нашемъ обѣдѣ, можетъ имъ не понравится?

На это я сказалъ, что мнѣ приходилось жить и вовсе безъ обѣда, а потому я буду доволенъ всякимъ кушаньемъ.

Аккуратнѣйшій во всемъ, какъ нѣмецъ, Архипъ Елисеевичъ принялся на лоскуткѣ бумаги дѣлать разсчетъ, сколько выйдетъ провизіи на троихъ въ мѣсяцъ и что придется на мою долю.

— Я это дѣлаю для того, прибавилъ онъ, чтобы послѣ не вышло между нами какого нибудь недоразумѣнія.

По сдѣланному исчисленію расходовъ, оказалось, что я долженъ вносить въ общую кассу за столъ и квартиру 2 р. 83 коп. въ мѣсяцъ. Обрадовавшись такой находкѣ, я расцѣловалъ Архипа и тотчасъ же перетащилъ свой сундукъ въ первую комнату и принялся устраивать себѣ логово, выпросивши у хозяйскаго кучера два куля соломы.

Разговорившись съ моими новыми сожителями, я узналъ нѣкоторыя подробности изъ ихъ біографій. А. Е. Бѣлоконовъ, сынъ сельскаго дьячка, готовилъ себя во іерея. По окончаніи переяславской семинаріи, онъ женился на приходѣ и, проведши съ женой всего три недѣли, уѣхалъ въ Кіевъ рукополагаться. Пока успѣлъ онъ ублаготворить консисторію да архіерейскихъ келейниковъ, прошло еще двѣ недѣли. Наканунѣ дня, назначеннаго для посвященія, Архипъ Елисеевичъ получилъ отъ отца письмо, извѣщавшее его, что молодая жена „скоропостижно умре“. Къ счастію, письмо пришло во́ время, а то пришлось бы молодому вдовцу идти въ монастырь. Потерпѣвши крушеніе, А. Е. опредѣлился учителемъ въ бурсу, а потомъ, съ помощію О. М. Новицкаго, бывшаго профессора переяславской семинаріи, былъ принятъ въ университетъ.

Иларіонъ Иларіоновичъ, уроженецъ Переяслава, хотя и происходилъ изъ дворянъ, но семинарское воспитаніе наложило и на него неизгладимую печать „духовнаго“ типа. Сестра его была замужемъ за священникомъ одной изъ переяславскихъ церквей, да и братцу ея слѣдовало бы идти во священники по его аскетическимъ наклонностямъ.

И стали мы жить да поживать втроемъ, на артельныхъ началахъ, какъ живали въ старину кіевскіе бурсаки, у которыхъ сложилось такъ много характерныхъ изреченій, съ примѣсью варварской латыни, въ родѣ приведенной выше.

Архипъ нашъ былъ образцовымъ экономомъ. Самъ ежедневно ходилъ на базаръ, приносилъ провизію, заказывалъ кухаркѣ обѣдъ (за что она получала 75 к. ас. въ мѣсяцъ), а вечеромъ въ собственной грубкѣ готовилъ ужинъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ, а иногда изъ одного блюда, а на ужинъ варился кулишъ или кутья.

Чай пили по воскресеньямъ и по большимъ праздникамъ, табакъ каждый обязанъ былъ имѣть свой.—Разъ у меня случилось безтабачье, и я нѣсколько дней не курилъ. Архипъ, какъ на зло, купилъ себѣ четверку Мусатова, стоившую гривенникъ. Одолжаться я не привыкъ, а гривенника не было. Но какъ по пословицѣ: голь на выдумки хитра, то и я пустился на хитрости. Въ печкѣ у насъ трещалъ огонь и готовился кулишъ со снятками.

— А съ чѣмъ у насъ, А. Е— чъ, будетъ сегодня кулишъ? спрашиваю я.

— Со снятками, освѣчаетъ онъ добродушно.

— Что жъ положили уже въ горшокъ снятковъ?

— Нѣтъ, еще рано—пусть закипитъ.

— Да вы вѣрно забыли—тамъ уже есть снятки.

— Нѣтъ, отвѣчалъ съ увѣренностію коллега, ихъ тамъ нѣту, я еще не бросилъ.

— Да увѣряю васъ, вы позабыли—давайте на пари.

— Извольте, я согласенъ—о чемъ же?

— Ну хоть о полпачкѣ Мусатова!

Менделевъ рознялъ наши руки. Помѣшали ложкой въ горшкѣ—тамъ дѣйствительно оказались снятки, брошенные мною тайкомъ отъ Архипа.

— А—плутъ, Михайло Корніевичъ! съ добродушнымъ смѣхомъ воскликнулъ коллега, разрѣзая ножикомъ на двѣ равныя части пачку табаку, и мы, сидя у печки, закурили каждый свой собственный табакъ, не прибѣгая къ одолженіямъ.

Въ концѣ ноября въ сборной залѣ пронесся слухъ, что въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ открылась вакансія. Одинъ изъ студентовъ натворилъ много безобразій, принявъ дѣятельное участіе въ „Крестовыхъ походахъ“, такъ что терпѣть его въ закрытомъ заведеніи не было возможности. На открывшуюся вакансію объявленъ конкурсъ. Соискатели обязаны были выдержать полугодичный экзаменъ; получившій лучшіе баллы занимаетъ вакантное мѣсто. Охотниковъ до казеннаго хлѣба нашлось не мало, но половина ихъ отстала послѣ перваго же экзамена. Остались два словесника, юристъ и математикъ. Сознавая всю важность предстоявшаго мнѣ испытанія, я употребилъ нечеловѣческія усилія, чтобы побороть своихъ соперниковъ. Пройдено втеченіе полугодія было очень

много, а у меня, человѣка кабальнаго, сверхъ того, оказалось много пробѣловъ. Я принялся за дѣло энергически и одержалъ верхъ надъ соискателями, получивъ полные баллы по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ, впрочемъ, греческаго языка, которому я началъ учиться съ азбуки. Но дѣло этимъ не окончилось; нужно было ждать засѣданія совѣта, отъ котораго зависѣло опредѣленіе въ институтъ. До праздника Рождества оно не состоялось. Товарищи мои уѣзжали на кутью домой—въ полтавскую губернію; мнѣ же приходилось оставаться одному въ нетопленной квартирѣ, безъ обѣда.

Но вотъ 22 декабря, „порой межъ волка и собаки“ нежданно негаданно, въ комнату вползла волчья шуба, вся побѣлѣвшая отъ мороза. Это былъ лѣсничій, пріѣхавшій якобы съ цѣлію взять меня къ себѣ на праздники. Но дѣло не въ томъ, по своей ли надобности пріѣхалъ въ Кіевъ лѣсничій, или ради меня, а пріѣзду его я очень обрадовался.

Когда я обратился къ своему „благодѣтелю“ съ просьбой уплатить за меня малую толику моимъ сожителямъ, спасшимъ меня отъ голодной смерти, толстяка немножко покоробило и онъ, по привычкѣ, собирался уже съ духомъ отказать мнѣ, но не давши ему выговорить ни слова, я поспѣшилъ присовокупить къ своей просьбѣ, что только слѣдовало заплатить 2 р. 83 коп.—и физіономія моего лѣсничаго просіяла.

Для сокращенія расходовъ уѣзжалъ я въ Сваромье на цѣлый мѣсяцъ, поручивъ одному земляку—студенту слѣдить за ходомъ моего дѣла и ежели мое присутствіе въ Кіевѣ окажется необходимымъ, то чтобы онъ извѣстилъ меня.

Предъ отъѣздомъ я узналъ, что Илья Ѳедоровичъ уволенъ отъ должности. Почтенному Нейкирху таки удалось спихнуть съ каѳедры Гриневича и посадить Деллена. Да и какъ „не порадѣть родному человѣчку?“ Но кромѣ того увольненію „моего“ профессора не мало содѣйствовалъ ректоръ Неволинъ, доложившій министру, что этотъ горе-профессоръ служитъ только посмѣшищемъ для студентовъ. Павелъ Петровичъ поспѣшилъ отобрать отъ него дѣтей и выгналъ изъ своего дома, съ помощію полиціи.

Бѣднякъ профессоръ жилъ съ семействомъ разными пожертвованіями, на Графскомъ переулкѣ, въ тѣсной и сырой квартирѣ, по-

томъ переселился на жительство въ Одессу. Тамъ въ 1849 году я нашелъ его на Молдаванкѣ въ крайне бѣдственномъ положеніи.

Печальная судьба постигла его несчастныхъ сыновей: Ильюша умеръ въ домѣ умалишенныхъ; Сережа въ домѣ родителей отъ той же страшной болѣзни. Отомстилъ Микитка за свои обиды, жестоко, отомстилъ [1]).

Зимній мѣсяцъ въ Сваромьѣ.

Дѣлу время и потѣхѣ часъ.

Лѣсничій во время Рождественскихъ праздниковъ затѣялъ во ввѣренныхъ его опеканію лѣсахъ большую охоту на козъ. Ѣдучи изъ Кіева, мы завернули по пути въ Межигорье. Хотя между чиновниками фаянсовой фабрики не было ни одного настоящаго охотника, но они всѣ изъявили готовность участвовать, если не въ убіеніи дикихъ козъ и тетеревей, то въ истребленіи ихъ мяса, до котораго они были большіе охотники. Переночевавши у любезнаго кума Ивана Маркевича, мы на другой день, въ сопровожденіи всего фабричнаго beau monde'a, размѣстившись на трехъ саняхъ, лихо покатили въ Сваромье. Хотя до праздника оставалось еще два дня, но это нисколько не воспрепятствовало гостямъ провесть эти дни по праздничному. Всѣ они были страстные любители юрдона (извощичья игра въ три листика, довольно азартная): какъ засядутъ съ утра, то просидятъ до обѣда, а отъ обѣда до ужина, а отъ ужина до первыхъ пѣтуховъ. Обходя свой приходъ съ молитвой, къ намъ завернулъ и батюшка о. Василій и притащилъ съ собою порядочный гаманецъ съ вырученными за молитву мѣдяками. Долго смотрѣлъ онъ на играющихъ, не принимая въ игрѣ участія, все порываясь идти домой, но сердце не камень—примостился и онъ. Какъ застукали его межигорцы, какъ сталъ мой батюшка таскать

---

[1]) По наблюденіямъ англійскихъ врачей, на 300 дѣтей съ припадками умопомѣшательства 145 происходили отъ родителей, преданныхъ пьянству; значитъ, не одинъ Микитка былъ причиной погибели дѣтей пьяницы—профессора.

изъ мѣшка пятаки, то только благодаря внезапно налетѣвшей попадьѣ, онъ не проигралъ всего, что принесъ съ собою. Влетѣла матушка въ комнату, какъ фурія, схватила почти пустой мѣшокъ, ругнула всю честную компанію и ушла. Сконфуженный попъ поплелся вслѣдъ за ней, понуривъ голову.

На первый день праздника прибыли еще кой какіе гости и въ числѣ ихъ начальникъ лаврскихъ озеръ изъ Тарасовичъ. Славился онъ на всю округу необычайной крѣпостью головы, въ отношеніи спиртныхъ напитковъ. Споить его, что называется, до положенія ризъ не было никакой возможности, сколько ни старались о томъ гостепріимные лѣсничіе. Я вызвался опро вергнуть такое нелѣпое мнѣніе о святомъ отцѣ и выкинулъ еще одну „студентскую штуку“.

Не принимая участія въ юрдонѣ, я пригласилъ о. Иліодора въ особую комнату, чтобы и не смотрѣть на богомерзкую игру сію, и заняться душеспасительною бесѣдой, вдали отъ мірскихъ соблазновъ. Монахъ поддался на такія умныя словеса, ввѣривъ свою особу моимъ попеченіямъ. Я потребовалъ маленькій дорожный самоваръ и собственноручно принялся наставлять его; но вмѣсто воды, налилъ половину спирту. Самоварчикъ мой скоро закипѣлъ, и я приготовилъ монашескій пуншикъ.

— Охъ, какой же крѣпкій! воскликнулъ, прихлебнувши, инокъ: позвольте водицы подбавлю.

Подливъ воды и прибавивъ сахару, онъ опять хлебнулъ—не помогаетъ. Отпивши изъ стакана малую толику, снова подбавилъ водицы—все таки крѣпокъ. Совершивъ нѣсколько разъ такую операцію, онъ уже и жаловаться пересталъ на крѣпость пунша, утративъ способность вкуса, а черезъ нѣсколько минутъ потерялъ и сознаніе.

— Готовъ съ! отрапортовалъ я гостямъ, вошедши въ гостинную: не угодно ли будетъ экспертамъ освидѣтельствовать?

Экспертиза показала, что крѣпкоголовый „начальникъ“, въ противность убѣжденію всей честной компаніи, былъ какъ стелька.

— Боже мой! Боже мой! бормоталъ онъ безсвязно: вы всѣ—въ мірѣ, а я монахъ. Что жъ скажутъ *тамъ*? Постыдно будетъ мнѣ окаянному стоять тамъ позади всѣхъ. Ты, скажутъ, монахъ, а что ты въ мірѣ творилъ, непотребный?

Замѣтивъ меня между гостями, онъ закричалъ:

— Отойди отъ мене, сатано! Не искушай меня! Охъ, Боже мой! Боже мой! Уси бачать, якъ чернець гришыть, а нихто не бачыть, якъ винъ кается!... и т. д.

Въ числѣ гостей было два „академика“ изъ Кіева, съ нарочито торжественными физіономіями, самодовольные и надутые своею ученостію, какъ истые бурсаки, говорившіе объ однихъ только важныхъ матеріяхъ возвышеннымъ слогомъ. Одинъ изъ нихъ, кажется, Воскресенскій, въ вицъ-мундирѣ съ бѣлыми пуговицами, отрекомендовался мнѣ „будущимъ баккалавромъ“, хотя ему до окончанія академическаго курса оставалось еще полгода, а я, съ своей стороны, отрекомендовался „будущимъ“ министромъ народнаго просвѣщенія. Другой—тоже какой то праздникъ—Введенскій или Вознесенскій—готовилъ себя въ миссіонеры, безпрерывно полемизируя съ старымъ землемѣромъ Богданомъ Ивановичемъ Ланге о лютеранскихъ догматахъ, должно быть намѣреваясь обратить его, въ видѣ опыта, въ православіе. Тутъ былъ и актеръ—забулдыга Мастицкій, прошедшій огонь и воду и мѣдныя трубы. Все время онъ подразнивалъ монаха.

Между тѣмъ межигорцы вотъ уже четвертый день все потѣютъ за юрдономъ. Ѣдятъ по четыре раза въ день, пьютъ безъ счету вино и наливки, приправляя всѣ сіи упражненія банальными остротами и анекдотами, отъ которыхъ женщины краснѣли и уходили въ другую комнату. На третій день праздника все это сонмище повалило въ Межигорье. Мнѣ пришлось ѣхать въ однихъ саняхъ съ кузиной и кутать ее отъ мороза въ волчью шубу лѣсничаго. Въ Межигорьѣ мы славили Христа цѣлыхъ три дня: у каждаго чина нужно было побывать непремѣнно. Насъ закормили на смерть, такъ что уѣхали мы въ Сваромье, страдая животами. Домъ каждаго межигорца былъ полная чаша; обѣды гомерическіе; наливки—вкусомъ и ароматомъ амврозію превосходящія. Развеселое житье!

Вернувшись домой, лѣсничій засталъ письмо изъ Новгородка. Прочелъ его съ какимъ то особеннымъ настроеніемъ, и не сказавши никому ни слова, положилъ его въ карманъ, потомъ, вышедши въ другую комнату, сталъ таинственно шептаться съ своею супругой.

На другой день по утру, еще до моего прихода къ чаю, былъ семейный конгрессъ, съ участіемъ дочери, но безъ права голоса. По справкамъ оказалось, что ее сватали заочно и она, измѣнница! добровольно и непринужденно изъявила согласіе выйти замужъ за пожилаго и невѣжественнаго господина, предложившаго ей руку и свои „безгрѣшные“ доходы, но не сердце, отданное уже 25 лѣтъ тому назадъ службѣ по министерству государственныхъ имуществъ. Все это отъ меня почему то скрыли, даже она, она сама мнѣ ни слова, и какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала по прежнему со мной цѣловаться. Любовь, значитъ, сама по себѣ, а замужество само по себѣ! Ладно! Что жъ? съ Богомъ, Параню, коли люде трапляються! Не ждать же тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, 18-лѣтней невѣстѣ, четыре года, пока я сдѣлаюсь полноправнымъ мужчиной. Прощай же, моя милая! Будь здорова, якъ корова! А я пойду своей дорогой!

Около половины января мать объявила, не объясняя причины, о своемъ желаніи побывать въ Кіевѣ. Но я догадался зачѣмъ— тряпки для приданаго покупать. Меня пригласили самъ третей, въ качествѣ провожатаго съ тѣмъ, чтобы послѣ опять увезти въ Сваромье, если опредѣленіе совѣта о принятіи меня въ институтъ къ тому времени еще не состоится. Но я далъ себѣ слово не возвращаться. Буду лучше, порѣшилъ я, питаться кутьею да кулишемъ со снятками, чѣмъ быть нахлѣбникомъ у людей, не уважающихъ священнаго чувства любви и совершающихъ постыдный торгъ единственной дочерью, ради сокращенія расходовъ.

Товарищей своихъ я засталъ уже на квартирѣ. Они привезли изъ дому довольное количество провизіи и предложили мнѣ жить безплатно, пока хватитъ некупленнаго продовольствія, котораго, при умѣренномъ употребленіи и образцовой экономіи Архипа Елисеевича, достало намъ до марта мѣсяца.

Въ мартѣ было засѣданіе совѣта. Но такъ какъ сытый голоднаго не разумѣетъ, то ученые мужи порѣшили заставить меня выдержать еще годичный экзаменъ, а до того оставить вакансію незамѣщенной. Такое мудрое рѣшеніе истекало отъ преобладанія въ со-

вѣтѣ юристовъ, съ ректоромъ Неволинымъ во главѣ: они, какъ надо полагать, желали приберечь мѣстечко для родного человѣка-бурсака, а меня отстранить. Неожиданность такого сюрприза до того меня поразила, что я чуть не рехнулся. Вся моя будущность, вся энергія, съ какою я до сихъ поръ переносилъ всяческія невзгоды, меня покинула.

Къ счастью, не всѣ профессора такъ безучастно отнеслись къ погибающему. Между ними нашелся добрый человѣкъ, обратившій вниманіе на ненормальность моего душевнаго состоянія: это былъ вѣчно достойный памяти Василій Ѳедоровичъ Домбровскій. Заставши меня однажды въ бесѣдкѣ Царскаго сада одного, гдѣ я сидѣлъ уже болѣе часа, безсознательно глядя въ даль, онъ принудилъ меня разсказать ему, что у меня было на душѣ, и съ живѣйшимъ участіемъ отнесся къ моему горю. Онъ меня успокоилъ, пообѣщавъ снова поднять вопросъ въ совѣтѣ о моемъ кровномъ дѣлѣ. Домбровскій сдержалъ свое благородное слово: вмѣстѣ съ инспекторомъ Сычуговымъ онъ вошелъ въ совѣтъ съ особымъ мнѣніемъ, доведя до свѣдѣнія членовъ о моемъ безвыходномъ положеніи. Говорилъ онъ въ совѣтѣ такъ тепло и задушевно, что растрогалъ даже такого безсердечнаго человѣка, какимъ былъ ректоръ Неволинъ.

Пока длилось засѣданіе, я сидѣлъ, какъ осужденный на смерть, на крыльцѣ, въ ожиданіи своей участи. Прежде всѣхъ выскочилъ изъ залы ректоръ и ускакалъ на своихъ рысакахъ; потомъ вышелъ Василій Ѳедоровичъ съ инспекторомъ, какъ будто кого то ища глазами. Увидѣвъ меня, они съ сіяющими отъ удовольствія лицами направились въ мою сторону и поздравили съ принятіемъ на казенное содержаніе. Домбровскій даже поцѣловался со мной, а полковникъ не преминулъ похвалиться, что онъ, хотя и могъ бы мнѣ напакостить, припомнивши мой побѣгъ за Днѣпръ, но не только этого не сдѣлалъ, но напротивъ, горой стоялъ за меня.

Поблагодаривъ въ немногихъ словахъ своихъ доброжелателей, я побѣжалъ на квартиру подѣлиться своею радостію съ моими добрыми товарищами, которые до того обрадовались моему великому счастію, что даже самоваръ наставили, хотя день былъ тогда не праздничный.

Послѣ долгой задушевной бесѣды съ этими простодушными юношами, я принялся за письмо къ матери:

„Прилипни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну тебе, моя родная, въ началѣ веселія моего! Забвенна буди десница моя, если я когда нибудь перестану помнить о тебѣ и дѣлиться съ тобой всѣмъ, что будетъ у меня на душѣ и въ карманѣ“ и пр.

Въ такомъ торжественномъ тонѣ было написано письмо мое, послѣ долгаго, томительнаго молчанія...

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Младшій братъ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ГАЛИЦКОЙ ЖИЗНИ ГЕНРИХА ЮССЕ [1]).

(Переводъ съ польскаго).

Несмотря на будній день и рабочую пору, Иванъ Стоколоса, одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ и усердныхъ хозяевъ, собирался въ ближайшее мѣстечко. Бритвой, сдѣланной изъ старой косы, онъ тщательно выбрилъ лицо, послѣ этой операціи принявшее видъ стернища, старательно напомадилъ смальцемъ свои волосы, надѣлъ новую свитку и смазанные наканунѣ сапоги; послѣ чего сѣлъ у стола и началъ стучать ложкой, что служило для хозяйки знакомъ давать „сниданьня“.

— Чего тебѣ въ мисто?—спросила жена, ставя передъ нимъ порядочную миску молочной каши—вѣдь ярмарки нѣтъ и дѣла у тебя тамъ нѣтъ...

— Выборы—лаконически отвѣтилъ Стоколоса, поворачивая во рту горячую кашу.

— И...и, выборы—замѣтила съ пренебреженіемъ хозяйка—будешь черпать воду рѣшетомъ.

Дѣйствительно, въ тотъ день должны были произойти въ мѣстечкѣ выборы отъ такъ называемыхъ сельскихъ округовъ (мелкихъ землевладѣльцевъ). По весьма хитро придуманной системѣ, мелкіе землевладѣльцы, т. е. селяне, vulgo крестьяне, составляютъ одну большую семью „провыборцевъ“, которые выбираютъ изъ своей среды выборцевъ, и затѣмъ уже послѣдніе избираютъ посла. Иванъ

[1]) „Głos“ 1889 г., №№ 25 и 26.

Стоколоса, наслѣдовавъ недавно послѣ своего отца болѣе десяти морговъ земли, выступалъ теперь въ первый разъ, какъ избиратель, а потому вовсе не удивительно, что у него были нѣкоторыя сомнѣнія относительно того, съумѣетъ ли онъ выполнить эти новыя, неизвѣданныя имъ еще обязанности. Правда, что центральный избирательный комитетъ, съ помощью такихъ же уѣздныхъ комитетовъ, позаботился о достойномъ кандидатѣ, въ лицѣ графа Эдгара Шалавилы изъ Пустомѣховъ, но Иванъ Стоколоса, отличаясь, повидимому, весьма тупой головой, постоянно повторялъ:

— Щось мени не здайеться...

Позавтракавъ, онъ вытеръ размашистымъ движеніемъ руки ротъ, нѣсколько разъ съ наслажденіемъ щелкнулъ языкомъ, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія по хозяйству и наконецъ собрался въ дорогу. Не желая отрывать отъ работы лошадей, онъ пошелъ пѣшкомъ, къ тому же до мѣстечка было всего лишь полмили. День предвидѣлся хорошій, тѣмъ болѣе, что Стоколоса шелъ мимо своихъ посѣвовъ и любовался своей пшеницей, житомъ и картофелью.

Проходя мимо дома священника, онъ замѣтилъ самого батюшку, стоявшаго у воротъ.

— Хвала Богу!—произнесъ крестьянинъ.

— На вѣки слава—отвѣтилъ священникъ. Стоколоса остановился въ ожиданіи дальнѣйшей бесѣды.

— А куда жъ вы мандруете?... въ мѣстечко?—спросилъ священникъ.

— Еге—отвѣтилъ Стоколоса.

— На выборы?

— Да...

— И за кого жъ подадите голосъ?... га? спросилъ священникъ.

— А не знаю еще—отвѣтилъ Стоколоса— человѣкъ я еще новый и не безъ того, чтобы въ мѣстечкѣ люди не посовѣтовались и не указали бы, кого выбирать... тогда посмотримъ...

— Первое дѣло — торжественно началъ священникъ — чтобы выбрали человѣка, который уважалъ бы святую вѣру и церковь нашу... Вотъ что!...

Стоколоса глубоко вздохнулъ, самъ не зная почему.

— Такъ, такъ—продолжалъ священникъ—въ мѣстечкѣ вамъ будутъ чортъ знаетъ что говорить, ибо на свѣтѣ есть много лжепророковъ... Не вѣрьте имъ и не поддавайтесь ихъ словамъ, а дѣлайте такъ, какъ вамъ совѣсть приказываетъ.

Почтенный священникъ, увлекшись, долго разсуждалъ на тему о ложныхъ пророкахъ, забывъ о слушателѣ и о выборахъ. Стоколоса терпѣливо слушалъ, качалъ утвердительно головой, затѣмъ низко поклонился и пошелъ дальше. Передъ корчмой онъ увидѣлъ довольно странное зрѣлище, которое издали походило на драку. Шинкарь комично прыгалъ около войта Костюха и что то горячо доказывалъ толпѣ, размахивая руками.

— Вы подадите голосъ за него—кричалъ во всю глотку шинкарь, замѣтивъ приближавшагося Стоколосу—знаете ли, за кого? За пана Фейнкопфа, адвоката, у котораго есть зять въ Вѣнѣ, понимаете ли, въ самой Вѣнѣ.

— Не морочь головы, жидюга!—возмутился Костюхъ.

— Что то не морочь головы—говорилъ еврейчикъ, приходя еще въ большій азартъ, — а знаете ли, что панъ Фейнкопфъ сказалъ?... Панъ Фейнкопфъ сказалъ, что онъ ваше дѣло будетъ даромъ вести, такъ какъ вы справедливый хозяинъ.

Стрѣла не попала въ цѣль.

— Не морочь головы—отчетливо повторилъ Костюхъ, потянулъ Стоколосу за рукавъ, и оба пошли въ городъ. По дорогѣ Костюхъ, который „провелъ“ уже не одни выборы, разъяснялъ своему товарищу разныя тайны общественныхъ дѣлъ. Старый войтъ очевидно принадлежалъ къ числу пессимистовъ.

— Это все пустячные разговоры—закончилъ онъ свою рѣчь—пообѣщаютъ тебѣ цѣлыя горы сладостей и въ концѣ концовъ дадутъ такого горькаго, что...

Такъ бесѣдуя, пришли они въ городъ. На базарѣ они уже застали цѣлую толпу избирателей, подѣлившихся на малыя группы и ведшихъ оживленныя бесѣды. Костюхъ присоединился къ своимъ „кумамъ“, а Стоколоса къ своимъ. Едва успѣлъ онъ съ ними поздороваться, какъ его схватилъ за руку какой то незнакомый ему человѣкъ, что то съ виду въ родѣ кабацкаго адвоката.

— А какъ поживаете, пане войте?—спросилъ онъ—давно я васъ не видѣлъ!

— Я не войтъ—отвѣтилъ Стоколоса, весьма удивленный—можетъ, вамъ нуженъ Костюхъ, такъ какъ онъ въ нашемъ селѣ войтъ.

— Знаю и Костюха, всѣхъ знаю. Но и вы такъ похожи на войта, что какъ будто родились имъ; ну, и что жъ? Прійдетъ и вашъ чередъ быть войтомъ, ей Богу прійдетъ, и знаете ли, что какъ подадите вашъ голосъ за пана Фейнкопфа, то онъ поможетъ вамъ добиться до войта.

Стоколоса промолчалъ и только отмѣтилъ себѣ въ памяти, что теперь его люди, противъ обыкновенія, какъ то особенно уважаютъ.

— А что, еслибы на минуту заскочить на стаканъ пива? спросилъ его тотъ же человѣкъ, прищуривъ одинъ глазъ.

И не успѣлъ Стоколоса раскрыть ротъ, какъ незнакомецъ внезапно исчезъ въ толпѣ, какъ бы по мановенію волшебной палочки. Удивленный крестьянинъ оглядывался вокругъ, напрасно стараясь объяснить себѣ причину этого таинственнаго исчезновенія. Не замѣтилъ онъ ничего особеннаго, потому что вѣдь приближавшійся въ тотъ именно моментъ къ нему жандармъ принадлежалъ къ ряду обыденныхъ явленій.

Стоколоса вторично отмѣтилъ что то себѣ въ памяти, послѣ чего повернулся къ своимъ кумовьямъ, которые тщательно взвѣшивали: выбрать ли посломъ графа Шалавилу изъ Пустомѣховъ, или же пана Менкальскаго изъ Вертоглавъ.

— Бѣлый ли котъ, или бурый, а все котъ—замѣтилъ одинъ изъ кумовей, который до сихъ поръ ничего не говорилъ, а только съ философскимъ спокойствіемъ ѣлъ принесенныя изъ дому сушки (сушеные фрукты).

— Не совсѣмъ—замѣтилъ кто то другой—покойный панъ изъ Холопскои Воли умѣлъ въ Вѣнѣ говорить съ швабами.

— И что изъ этого?... какъ стали крутить, то и выкрутили такъ, что покойный долженъ былъ отречься отъ своего мѣста ивъ сеймѣ. Еще бы! правительство имѣетъ большую силу...

Въ такомъ родѣ шла бесѣда, а солнце, описавъ на небѣ большую дугу, указывало, что ужъ близокъ полдень! Сто-

колоса начиналъ чувствовать голодъ и жажду и когда сообщилъ объ этомъ своимъ кумовьямъ, то узналъ, что и они чувствовали то же. Единогласно рѣшили зайти въ одинъ изъ кабаковъ, въ которыхъ не было недостатка, не знали только въ который именно. Одни стояли за Либескинда, другіе же за Зюсмана; но въ это время неожиданно появился среди нихъ Костюхъ.

— А нуте, панове—сказалъ войтъ, вытирая клѣтчатымъ платкомъ потъ съ лица:—что касается до выборовъ, то я уже разобралъ это дѣло. За Менкальскаго подаютъ свои голоса Вертоглавы и еще немного изъ другихъ селъ, за графа Шалавилу—Пустомѣхи, Голая Волька, Великіе и Малые Недоиды. Теперь комитетъ велѣлъ голосовать за графа, и урядъ, кажется, за него. Въ старостве говорили намъ, чтобы мы помнили, что графъ въ Вѣнѣ очень въ силѣ.

— Э, гдѣ тамъ—попробовалъ было кто то возразить.

— Однако—продолжалъ Костюхъ—ничего мы одни не подѣлаемъ, если столько народу держится вмѣстѣ. У Зюсмана платить Менкальскій, у Либескинда—графъ, то идемъ къ Либескинду.

— Костюхъ должно быть *накерованый* (выпивши)—сказалъ Стоколоса, но остался безъ отвѣта.

У Либескинда кишѣлъ народъ, какъ пчелы въ ульѣ. Всѣхъ весьма любезно угощалъ управляющій графа, а ему помогали ловкіе экономы. Новыхъ избирателей приняли съ радостнымъ привѣтомъ. Шинкарь весьма поспѣшно пригласилъ ихъ сѣсть, поставилъ передъ ними бутылку водки, большіе стаканы пива, кольца колбасъ и сигары. Стоколоса отрѣзалъ про запасъ домой кусокъ колбасы для жены и дѣтей и затѣмъ уже занялся собственнымъ желудкомъ. Пилъ онъ и ѣлъ какъ будто по найму. Утоливъ голодъ и жажду, онъ все таки продолжалъ угощаться, пилъ хотя и большими глотками, но ужъ нѣсколько медленнѣе и одновременно внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ шинкѣ.

— Ого! экономъ изъ Пустомѣхивъ цѣлуетъ въ губы Костюха—сказалъ онъ про себя въ полголоса, ставя стаканъ съ такимъ размахомъ, какъ будто онъ Богъ вѣсть сколько вѣсилъ.

По мѣрѣ выпитыхъ стакановъ Стоколоса дѣлалъ все меньше замѣчаній, но за то все больше давалъ волю сердцу. Охотно примирился онъ со своимъ сосѣдомъ Кубой Зайцемъ, котораго подозрѣвалъ въ различныхъ козняхъ и даже обвинялъ себя въ нехристіанскомъ злопамятствѣ. Наконецъ панъ управляющій объявилъ многоуважаемымъ гостямъ, что уже пора идти въ магистратъ на выборы, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ всѣхъ присутствующихъ, чтобы они вечеромъ опять зашли сюда для подкрѣпленія тѣла и духа.

Двинулся народъ отъ Либескинда, вышелъ и отъ Зюсмана, вышелъ и изъ другихъ шинковъ. Эти потоки слились въ магистратѣ въ одну рѣку и поплыли въ залу засѣданій городской думы.. Здѣсь собрались уже члены комитета, кандидаты, а также выдающіяся лица какъ изъ города, такъ и изъ околицы.

Когда дверь захлопнулась за послѣднимъ крестьяниномъ, предсѣдатель прежде всего выполнилъ вступительныя формальности, затѣмъ произнесъ небольшую рѣчь на тему о важности минуты и, наконецъ, пригласилъ кандидатовъ, чтобы они поочереди излагали символы своего политическаго „credo“.

Всѣ ораторы увѣряли, что они втеченіе всей своей жизни интересуются исключительно народомъ и его нуждами, обѣщали устранить всѣ дурныя стороны общественнаго строя и съ этой цѣлью предлагали свои услуги, взамѣнъ же не требовали даже и задатка, ограничиваясь убогимъ мандатомъ, который, какъ всѣмъ извѣстно, но приноситъ никакой пользы...

Графъ Шалавила изъ скромности держалъ рѣчь послѣднимъ, какъ бы придерживаясь того, что тотъ обыкновенно правъ, кто произноситъ послѣднее слово.

Панъ графъ съумѣлъ грубый, жестокій народъ приправить такимъ вкуснымъ соусомъ, что правительственный коммиссаръ торжественно поздравилъ счастливаго кандидата.

— Подобно тому, какъ въ природѣ выступаетъ безконечное разнообразіе, чтобы создать гармонію—заключилъ графъ свою рѣчь,—такъ и въ обществѣ существуютъ различныя сословія, которыя должны стремиться къ согласію. И подобно тому, какъ въ семьѣ старшій братъ заботится о младшемъ и, по волѣ

Божьей, исполняетъ въ важныхъ случаяхъ обязанности отца, такъ и въ обществѣ мы, помѣщики,—старшіе братья крестьянъ, которые, какъ младшіе братья, нуждаются въ нашей опекѣ.... А что я хочу быть вамъ старшимъ братомъ, такъ пусть Богъ мнѣ поможетъ!.....

Затѣмъ приступили къ голосованію. Сыпались билетики красные, желтые, зеленые, и лица кандидатовъ принимали соотвѣтствующую окраску. Относительно результата не было сомнѣнія. Поздно вечеромъ секретарь объявилъ, что ясновельможный графъ Шалавила получилъ посольскій мандатъ. У Либескинда младшій братъ пилъ до пресыщенія на счетъ старшаго брата...

II.

Послѣдніе отголоски выборовъ прогремѣли весьма скоро. Младшій братъ въ потѣ лица трудился на пашнѣ, старшій, съ неменьшими усиліями, въ Вѣнѣ для блага общественнаго. Весною наводненіе уничтожило у младшаго брата все имущество, однако милостивая судьба для уменьшенія ужасныхъ послѣдствій несчастія одновременно устроила такъ, что старшій братъ получилъ званіе каммергера.

Наконецъ наступили и лучшія времена. Въ одинъ прекрасный день появились какіе то неизвѣстные люди, которые носили за собою малые, круглые столики на трехъ ножкахъ, длинные шесты, красные флаги, цѣпи и веревки. Люди эти разсѣялись, какъ муравьи, по полю, вбивали въ землю шесты и флаги, вытягивали веревки и цѣпи, устанавливали круглые столики, что то рисовали или писали и махали руками, какъ бы нѣмыя существа, которыя обмѣниваются мыслями при помощи мимики.

— Должно быть будутъ верки строить—рѣшилъ Недбайло, который, будучи солдатомъ, видѣлъ и участвовалъ въ Краковѣ въ фортификаціонныхъ работахъ.

— Гдѣ тебѣ—отвѣтилъ Костюхъ—дорогу строятъ, вотъ и все.

Костюхъ былъ правъ: строили желѣзную дорогу. Въ нѣсколько недѣль инженеры вытянули длинную, прямую линію,

гдѣ то терявшуюся на право и на лѣво въ туманной дали на противоположныхъ странахъ голубаго горизонта.

— Можетъ быть и людямъ что нибудь придется заработать... замѣтилъ Стоколоса полувопросительно.

— А какъ же иначе—отвѣтилъ Костюхъ.—Всякой работы будетъ довольно и для человѣка, и для скотины. Валы насыпать, раскапывать горбы, землю возить, каменья, грузъ. Если имѣть тачку или заступъ, то можно заработать грошъ. А не станетъ нашихъ людей, то придетъ народъ и изъ другихъ селъ, тогда и наше молоко, и масло, и хлѣбъ найдетъ голодный ротъ.

Костюхъ опять былъ правъ, хотя только теоретически. Вѣдь въ газетахъ весьма много писали объ этой линіи, называя ее цѣлительнымъ бальзамомъ для общественныхъ ранъ... Прежде всего земледѣльцы будутъ имѣть дешевое и скорое сообщеніе, вслѣдствіе чего цѣнность земли, а также земледѣльческихъ продуктовъ значительно повысится. Развитіе промышленности также пойдетъ скорымъ шагомъ. Вотъ недавно корреспондентъ изъ провинціи сообщалъ, что владѣлецъ Недоборовъ замѣтилъ на ключевой водѣ присутствіе нефти, а владѣлецъ Глупотова открылъ на своихъ поляхъ желѣзную руду... Богатства, сокровенныя въ нѣдрахъ земли, будутъ со временемъ добыты нашими промышленниками. Впрочемъ, даже и теперь, во время постройки, страна будетъ имѣть всевозможныя выгоды. Потому что вѣдь прошу не забывать, что во главѣ предпріятія стоитъ посолъ графъ Шалавила, что концессію на постройку дороги получило мѣстное общество, что, наконецъ, продажей акцій занялась мѣстная финансовая компанія. Отсюда очевидное слѣдствіе, что во всѣхъ отрасляхъ работы будутъ имѣть приложеніе исключительно мѣстныя силы, начиная отъ главнаго инженера и кончая послѣднимъ чернорабочимъ. Выпустили изъ виду только такую ничего не значащую мелочь, что помянутыя акціи отправились въ Вѣну, въ Берлинъ, въ Франкфуртъ.

Итакъ строили дорогу. Работами завѣдывали инженеры изъ Вѣны, при постройкѣ мостовъ работали штирійцы, камни обдѣлывали итальянцы; кромѣ того тьма тьмущая рыжихъ ландсмановъ кишѣла по всей линіи въ различныхъ видахъ.

Все это не имѣло непосредственнаго отношенія къ крестьянамъ. Одинъ возилъ землю, другой камни, третій копалъ канавы или насыпалъ валы, дѣвушки и подростки носили кирпичъ или известку.

Прошелъ мѣсяцъ, другой и третій. Около праздника Петра и Павла пріѣхали во дворецъ графа какіе то чиновники, которыхъ хозяинъ весьма привѣтливо встрѣтилъ на срединѣ двора. Шли всевозможные толки объ этихъ новыхъ гостяхъ, но никто не зналъ ничего положительнаго, даже войтъ Костюхъ, который, казалось бы, долженъ былъ знать оффиціальныя извѣстія. Только вечеромъ въ корчмѣ дворовый, пропустивши три полкрючка водки, объявилъ любопытнымъ хозяевамъ, что это пріѣхала коммиссія для расцѣнки земель, которыя заняла желѣзная дорога. Коммиссія, благодаря старо-польскому гостепріимству, проводила время у помѣщика весьма пріятно, а въ свободныя отъ этого занятія минуты тѣмъ энергичнѣе занималась оцѣнкой земли. Со стороны помѣщика всѣ были весьма довольны ея дѣятельностію за то между крестьянами неожиданно проявился ропотъ.

— А уже панъ всегда тянетъ за пана—говорилъ Костюхъ.

— Панскія поля оцѣнили по триста бумажекъ за моргъ и даже на Провальяхъ платили ему по семьдесятъ бумажекъ.

Откуда Костюхъ, кромѣ войтовства, зналъ тайны оцѣночной коммиссіи—неизвѣстно, достовѣрно только то, что писарь, пріѣхавшій съ коммиссіей, выпивалъ въ корчмѣ вмѣстѣ съ писаремъ гмины, что впрочемъ не есть чрезвычайное обстоятельство въ виду того, что они были коллегами на поприщѣ общественнаго служенія.

— Наши земли, что были подъ пшеницею, оцѣнили въ сотню бумажекъ за моргъ—продолжалъ Костюхъ—какъ будто бы за то, что онѣ цѣликомъ поступили подъ желѣзную дорогу, а казенныя земли перерѣзаны.

— Какъ разъ—воскликнулъ Стоколоса—а вѣдь и мою же землю такъ безсовѣстно перерѣзали и оставили на томъ боку такіе маленькіе клинки, что ни пахать его, ни боронить, а снопы развѣ послѣ на плечахъ будешь переносить, потому что черезъ линію нѣтъ никакого переѣзда.

— Сдѣлали плотину у рѣчки—добавилъ Куба Заяцъ—и теперь какъ зубами вода рветъ мое поле.

— Будемъ жаловаться—вотъ что! — рѣшилъ старый Кулыба. Посмотримъ, что скажетъ на нашу жалобу начальство.

Дѣйствительно, и оцѣночная коммиссія, и желѣзнодорожные предприниматели совершили не мало злоупотребленій въ отношеніи къ крестьянамъ. По совѣту Кулыбы крестьяне послали жалобу въ намѣстничество, терпѣливо ожидая, что скажетъ правительство. Намѣстничество оставило безъ послѣдствій жалобу, а крестьяне подали апелляцію въ административный трибуналъ въ Вѣнѣ, опять ожидая, что скажутъ власти.

— Пойдемъ даже и къ императору—повторялъ Кулыба, считавшійся человѣкомъ кроткаго нрава.

Между тѣмъ начинали возбуждаться и тѣ толпы безземельныхъ крестьянъ, которыя работали на линіи, выполняя самыя тяжелыя работы за самую скудную плату. И они говорили объ обидахъ, несмотря на то, что требованія ихъ были болѣе, чѣмъ скромны. Нѣмцы и итальянцы имѣли бараки, а они проводили ночи подъ открытымъ небомъ, которое не всегда было къ нимъ милостиво. Но нашъ крестьянинъ ложился на травѣ, укрывался рядномъ и спалъ прекрасно, особенно, когда онъ выпивалъ немного увеличенную порцію водки. Правда, что кое гдѣ проявлялся пятнистый тифъ, однако онъ самъ по себѣ утихалъ, поглотивъ едва 50—60 жертвъ. И работали бы эти толпы спокойно, если бы рыжіе ландсманы не думали, что они имѣютъ дѣло съ беззащитными животными. И вотъ, прикащики самымъ остроумнымъ способомъ выискивали разныя провинности по службѣ, различныя упущенія по работѣ и немилосердно вычитывали въ наказаніе соотвѣтствующія суммы. Люди роптали, угрожали и даже пробовали устраивать забастовки, однако въ концѣ концовъ опять возвращались къ работѣ. Не менѣе терпѣливо переносили они и то, если тотъ либо другой прикащикъ ошибался въ ихъ ущербъ на одну фуру привезенныхъ камней или на одинъ кубическій метръ выкопанной земли.

— Нѣмцы испоконъ вѣка хитрый народъ, — говаривалъ въ такихъ случаяхъ Стоколоса, презрительно сплевывая.

Но хитрый народъ выдумывалъ постоянно новые сюрпризы.

И вотъ въ субботу, при уплатѣ недѣльнаго заработка, крестьяне, къ великому своему удивленію, получили какіе то таинственные квитки, печатанные на незнакомомъ для нихъ языкѣ.

— За эти квитки—разъяснилъ нѣмецъ на ломаномъ чешскомъ языкѣ—вы достанете въ трактирѣ всего—водки, пива, хлѣба, сигаръ. Они имѣютъ такое же значеніе, какъ и деньги.

Крестьяне шептались, пожимали плечами, совѣтовались въ полголоса и... молчали. Они предчувствовали козни, но не знали, какъ ихъ предупредить.

— А все жъ таки деньги всегда имѣютъ большее значеніе, произнесъ наконецъ Стоколоса.

— А конечно такъ—онъ правду говоритъ! кричали крестьяне.

— Только самъ императоръ имѣетъ право дѣлать деньги, крикнулъ Недбайло.

Тотчасъ начался шумъ, изъ котораго долетали грозныя проклятія и вопли. Начали толкать другъ друга и подбивать къ болѣе активному протесту. Вокругъ столика, у котораго сидѣлъ нѣмецъ, начиналась все большая и большая давка. Одно необдуманное слово могло послужить причиной взрыва. Тѣмъ болѣе, что противъ столика стоялъ Недбайло съ такимъ вызывающимъ выраженіемъ лица, что не могло быть сомнѣнія относительно его настроенія въ тотъ моментъ. Но нѣмецъ хладнокровно всталъ, сдѣлалъ рукой знакъ и снова наступила тишина.

— Размѣняйте мнѣ тысячу гульденовъ—спокойно сказалъ онъ, вынимая изъ бумажника какую то кредитную бумажку;—размѣняйте только, и я вамъ сейчасъ же заплачу за работу.

Крестьяне снова совѣтовались и снова молчали, ожидая пока кто нибудь изъ болѣе мудрыхъ дастъ сигналъ. Нѣмецъ между тѣмъ собралъ со стола оставшіеся квитки, спряталъ ихъ въ карманъ, взобрался на стоявшій невдалекѣ возокъ и безпрепятственно уѣхалъ.

— Что то нѣмцы уже начали крутить нашими заработками, замѣтилъ Недбайло, угрожая кулакомъ вслѣдъ уѣзжающему предпринимателю.

— И никто ихъ не пересилитъ, добавилъ съ горечью Кулыба—никто, даже и начальство.

— Идемъ домой,—совѣтовалъ Горчица, страдавшій куриной слѣпотой и потому желавшій дойти домой засвѣтло.

Ничего болѣе цѣлесообразнаго и не могли они сдѣлать. Одни пошли большою дорогою, другіе, подъ предводительствомъ Недбайла, завернули въ трактиръ, изъ котораго долетали звуки музыки. Трактиръ этотъ прежде содержалъ еврей, но такъ какъ желѣзнодорожная санитарная коммиссія констатировала, что напитки были фальсифицированы, а съѣстные припасы испорчены, то въ интересахъ рабочихъ прогнали еврея, а трактиръ былъ сданъ нѣмцу. Хотя работники утверждали, что водка теперь стала еще хуже, а въ хлѣбѣ много отрубей, но это было слѣдствіемъ жидовскихъ интригъ.

Когда они вошли въ трактиръ, музыка, составленная изъ странствующихъ чеховъ, начала играть веселыя коломійки. Расположеніе духа крестьянъ сразу измѣнилось. Они усѣлись у узкаго, но длиннаго стола, на которомъ вскорѣ появился квартовый графинъ водки. Рабочіе выпивали другъ за друга и бесѣдовали о нѣмецкихъ практикахъ.

Соблазняемыя музыкой, дивчата заглядывали въ окно, не рѣшаясь войти внутрь. Долго ждали онѣ, пока ихъ пригласятъ, но такъ какъ парубки, занятые разговоромъ и выпиваніемъ водки, вовсе не трогались съ мѣста, то остроумная Ивга громко запѣла:

Маты жъ моя маты,
Хыба жъ я ледащо,
Що ты не пускаешъ
Мене танцюваты?

Парубки повскакивали съ мѣстъ и возвратились съ дивчатами.

Теперь только наступило настоящее веселье. Чехи такъ за взято играли, что у кларнетиста чуть глаза на лобъ не повылѣзали, парубки гуляли съ дивчатами до изнеможенія, пожилые пили и бесѣдовали. Отъ времени до времени парубокъ подходилъ къ столу, выпивалъ рюмку водки, затѣмъ снова наливалъ и подносилъ ее дивчинѣ, которая медленно ее выпивала, отворачиваясь на бокъ.

Наконецъ, около полуночи нѣмецъ далъ сигналъ музыкантамъ, чтобы они перестали играть.

— Feierabend, feierabend!—вопилъ онъ голосомъ, какъ бы изъ трубы—платите, кто думаетъ платить! Расходившіеся парубки велѣли сыграть еще одну, послѣднюю, послѣ чего подошли къ стойкѣ съ цѣлью заплатить. Недбайло положилъ два квитка, представлявшихъ стоимость двухъ гульденовъ, и послѣ разсчета получилъ тоже два какихъ то квитка, только меньшей величины.

— Что это? спросилъ Войтекъ.

— А это что? спросилъ въ свою очередь нѣмецъ, указывая на полученные отъ Недбайла квитки.

— Но разъ вы даете сдачу квитками, а не деньгами, отвѣтилъ Недбайло—то зачѣмъ ставите за все дороже?

— Заплати наличными, буду считать дешевле—сказалъ нѣмецъ, злобно улыбаясь.

Крестьяне не понимали этой финансовой дилеммы, не знали также ничего и о томъ, что предприниматель, желая употребить свой капиталъ на другое дѣло, обязалъ содержателя трактира принимать эти квитки наравнѣ съ деньгами, отъ чего они оба выигрывали въ томъ смыслѣ, что предприниматель имѣлъ втеченіе болѣе продолжительнаго времени свободный капиталъ, а трактирщикъ пользовался своего рода монополіей въ отношеніи рабочихъ. Но нѣмецъ, чтобы получить двойные барыши, одновременно повысилъ цѣну на всѣ предметы потребленія, будучи увѣренъ, что это ему сойдетъ безнаказанно.

— Вотъ мошенникъ—народъ эти нѣмцы! воскликнулъ Недбайло.

— Dummer Vieh—отвѣтилъ презрительно трактирщикъ.

Недбайло, когда былъ солдатомъ, часто слышалъ эти выраженія и понималъ ихъ значеніе. Такъ что къ двойной обидѣ этого только и не доставало... Огромная ладонь его съ быстротой молніи упала на лицо нѣмца, который въ тотъ же моментъ повалился на землю.

— Охъ матинко! Недбайло прибилъ нѣмца! воскликнула испуганная Ивга.

Нѣмцы накинулись на Недбайла, крестьяне на нѣмцевъ. Дивчата взывали о помощи, хотя имъ вовсе и не угрожала

опасность, чехи улепетывали съ басами на плечахъ, пожилые крестьяне пробовали разнять борющихся. Около стойки навалились въ кучу человѣческія тѣла—но наконецъ изъ этой свалки выдвинулся Недбайло, вытащилъ за шиворотъ какого то нѣмца, тряхнулъ имъ въ воздухѣ и выбросилъ за двери. Тогда мгновенно прекратилась борьба: нѣмцевъ, очень расходившихся, повыбрасывали за двери.

— А нуте, братцы, повеселимся теперь на нѣмецкій счетъ— крикнулъ Недбайло, вытирая кровь съ лица.

— Недбайло, бойся Бога, брось,—совѣтовалъ старый отецъ Ивги.—Тутъ уже и такъ пахнетъ уголовщиной.

— А мнѣ то что? Вѣдь я солдатъ и побилъ каналью нѣмца.

Ивга тоже обратилась къ Недбайлу и стала его упрашивать идти съ ней домой. Недбайло, который былъ неравнодушенъ къ Ивгѣ, обнялъ за талью дивчину и такъ во главѣ парубковъ возвратился въ село.

На другой день, хотя это было въ воскресенье, жандармъ арестовалъ Недбайла и отвелъ его въ мѣстечко. Затѣмъ стали съѣзжаться разныя коммиссіи, а въ результатѣ получилось то, что арестовали вдобавокъ еще нѣсколько работниковъ.

Въ понедѣльникъ тотъ же нѣмецъ стоялъ снова у стойки, а въ субботу тотъ же предприниматель снова платилъ тѣми же квитками, обѣщавъ впрочемъ, что втеченіе мѣсяца выкупитъ ихъ обратно.

— Нѣмцы крѣпкій народъ—повторялъ теперь подавленный Стоколоса.

— Да, сильный и хитрый народъ. Побѣдили и пользовались побѣдой. Тотчасъ въ понедѣльникъ не хотѣли принимать на работу крестьянъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ избіеніи нѣмцевъ, а подозрѣвали почти каждаго.

Резоны, жалобы, просьбы вовсе не помогали. Только по прошествіи нѣсколькихъ дней наступило мирное соглашеніе, въ силу котораго крестьяне уплачивали изъ своего дневнаго заработка часть въ пользу прикащиковъ.

Платили прикащикамъ, платили и еще кое-кому. Они нуждались въ наличныхъ деньгахъ, ибо одинъ хотѣлъ купить общіе сапоги

для цѣлой семьи, другой мечталъ о тулупѣ, третій—о телкѣ, изъ которой со временемъ будетъ корова. Но ни сапожникъ, ни владѣлецъ тулупа и телки не вѣрили въ упомятутые квитки и требовали денегъ. Крестьяне не знали, что дѣлать, но въ это время на ихъ счастіе появился рябой Ицко, прозванный Носачемъ. Этотъ Ицко Носачъ покупалъ квитки, вычитая въ свою пользу 20 со 100. Въ цѣломъ мірѣ за дисконтированіе всякихъ облигацій берется извѣстный процентъ, однако глупый галицкій крестьянинъ утверждалъ, что его всѣ обманываютъ.

И опять было спокойно—только въ одну ненастную ночь сгорѣли нѣмецкіе бараки...

III.

Панъ графъ Шалавила окончилъ приготовленный по-англійски завтракъ и приступилъ къ чтенію газеты, державшейся „ихъ“ стороны. Ко всякой печатной бумагѣ онъ чувствовалъ врожденное отвращеніе, но теперь обязанности человѣка съ общественнымъ положеніемъ принуждали его часто прибѣгать къ скучной мѣстной прессѣ. Онъ пропустилъ передовую статью и политическое обозрѣніе, бѣгло прочелъ хронику и уже намѣревался отложить въ сторону газету, какъ вдругъ между частными извѣстіями замѣтилъ слѣдующее заявленіе: „Гр. Шалавила, камергеръ и посолъ рейхсрата, прибылъ въ Пустомѣхи, гдѣ проведетъ парламентскія каникулы“.

Онъ иронически улыбнулся. Почему прежде о немъ не писали?—прежде, когда онъ такъ часто ѣздилъ въ Вѣну, чтобы выпросить въ какомъ-либо банкѣ экстренный заемъ. Въ то время только въ оффиціальной газетѣ отъ времени до времени появлялись правительственныя объявленія, что Пустомѣхи будутъ продаваться съ публичныхъ торговъ. А теперь тѣ же кредиторы, которые еще такъ недавно ему въ собственномъ его домѣ говорили грубости, теперь тѣ же кредиторы предлагаютъ ему новый кредитъ. Но онъ уже не нуждается въ кредитѣ: вотъ онъ выслалъ жену въ Карлсбадъ и самъ бы уѣхалъ на воды, еслибы важныя финансовыя операціи не удерживали его дома.

Впрочемъ теперь онъ можетъ ожидать—черезъ годъ, черезъ два поѣдетъ на воды, какъ членъ „палаты господъ“ и тайный совѣтникъ съ титуломъ превосходительства.

Онъ погрузился въ сладостныя мечты. Ему теперь 40 лѣтъ, а за кулисами вѣнскаго балета diva ему сказала, что польскіе графы никогда не старѣютъ. Во всякой шуткѣ бываетъ половина правды, а иногда и больше, особенно если ее можно поддержать деньгами.

Въ комнату вошелъ лакей и сталъ неподвижно у дверей.

— Что тамъ?—спросилъ графъ.

— Крестьяне, ясневельможный пане...

— Мои почтенные избиратели—подумалъ графъ—не имѣешь и минуты покоя.

Онъ вскочилъ съ кресла и началъ быстро ходить взадъ и впередъ, размышляя о томъ, нельзя ли какъ нибудь избавиться отъ назойливыхъ гостей.

— Отведи ихъ въ канцелярію—сказалъ наконецъ онъ сердито—только смотри, чтобъ они хорошо обтерли ноги. Понимаешь!

— Понимаю, ясневельможный пане.

Лакей исчезъ, а графъ продолжалъ ходить, закуривъ свѣжую сигару, чтобы скорѣе успокоиться отъ гнѣва. А сердился онъ не безъ основанія. Потому что, сами посудите, эти крестьяне уже въ третій разъ приходятъ во дворецъ и вовсе не удовлетворяются, когда лакей имъ говоритъ, что пана нѣтъ дома.

— Ну, такъ мы придемъ завтра—отвѣчали они съ упорной терпѣливостью.

Крестьяне дѣйствительно обладаютъ удивительной терпѣливостью. Стоятъ въ сѣняхъ и покорно ожидаютъ пана графа.

Въ канцелярію зайти не хотятъ, несмотря на покровительственныя приглашенія лакея, и только украдкой посматриваютъ въ открытую дверь на забросанное бумагами бюро, на рѣзную мебель, на вертгеймовскую кассу, которая еще недавно была тѣломъ безъ души.

Наконецъ появился панъ графъ.

— Какъ поживаете, люди добрые?—обратился онъ къ крестьянамъ съ весьма любезною улыбкою—какъ поживаете?

Онъ ввелъ ихъ въ канцелярію, почти силою усадилъ въ кресла и предложилъ каждому по сигарѣ, чтобы уничтожить въ зародышѣ возможную оппозицію.

— Что же мнѣ скажете?—спросилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

— А на счетъ этой линіи просимъ ясневельможнаго пана—отвѣтилъ Костюхъ.

— Желѣзной дороги собственно мы еще на имѣемъ, но скоро будемъ имѣть,—замѣтилъ графъ, притворяясь, что не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь, хотя прекрасно зналъ все дѣло.

— Линія оченъ выгодна для нѣмцевъ, отвѣтилъ Стоколоса—но нашъ народъ черезъ нее постигло цѣлое бѣдствіе.

Графъ прикусилъ губы.

— Говорите, чего хотите, сказалъ онъ, одновременно сдерживая смѣхъ и зѣвоту.

Крестьяне посмотрѣли на Костюха, уполномочивая его такимъ образомъ дѣйствовать отъ ихъ имени. Костюхъ, который пользовался преимуществомъ войта и независимостью зажиточнаго селянина, представилъ въ мрачныхъ краскахъ нѣмецкій порядокъ дѣйствій и въ концѣ концовъ обратилися къ графу съ просьбой, чтобы онъ, какъ посолъ, выступилъ въ защиту ихъ, обиженныхъ его избирателей. Однако сейчасъ же, какъ бы для смягченія жестокости своей рѣчи, поцѣловалъ графа въ колѣно и въ руку, что, по его примѣру, сдѣлали и остальные крестьяне.

— Какъ младшіе братья, мы отдаемся въ опеку старшаго брата—добавилъ съ удареніемъ Стоколоса, который какъ разъ впору вспомнилъ эту красивую фразу.

Панъ графъ опять прикусилъ губы.

— Защита не будетъ легка—сказалъ онъ, подумавъ:—такъ какъ нѣмцы въ свою очередь жалуются также на разныя злоупотребленія съ вашей стороны. Устраиваете ненужныя драки, вы, кажется, тоже сожгли нѣмецкіе бараки...

— Извините ясневельможный пане—прервалъ Костюхъ, уже нѣсколько возмущенный —всякая тварь, а тѣмъ болѣе человѣкъ, выкручивается, какъ знаетъ, если попадетъ въ бѣду. Правда, что Недбайло немного помялъ нѣмца, но не особенно ему повредилъ, такъ какъ нѣмецъ на другой же день торговалъ водкою въ трактирѣ,

съ немного опухшею губою. А нѣмцы вмѣсто того, чтобы опомниться и притихнуть, еще болѣе задирали насъ всякими несправедливостями, пока огонь не сожралъ бараковъ. И чтожъ? Въ концѣ концовъ ничего не потеряли нѣмцы, а народъ сколько вынесъ бѣдъ.

— Сдѣлаю все, что будетъ можно—увѣрялъ ихъ графъ.—Идите домой и ведите себя смирно.

Крестьяне низко поклонились, поцѣловали по очереди графскую руку и пошли домой. По дорогѣ они разсуждали, что, если правительство ничего не подѣлало съ нѣмцами, то графъ навѣрно сдѣлаетъ, потому что онъ имѣетъ въ Вѣнѣ большое вліяніе.

Иначе думалъ панъ графъ. Итакъ онъ долженъ выступить противъ желѣзнодорожнаго правленія?... Но вѣдь это же правленіе сдѣлало его предсѣдателемъ только потому, что нуждалось въ томъ, чтобы имѣть во главѣ кого нибудь съ аристократической фамиліей и съ парламентскимъ вліяніемъ. Еслибы не эта золотая синекура, графъ Шалавила не сидѣлъ бы теперь въ Пустомѣхахъ и не былъ бы каммергеромъ и in spe тайнымъ совѣтникомъ. А эти наивные крестьяне желаютъ, чтобы онъ собственноручно уничтожилъ прекраснѣйшее зданіе счастія... Правда, въ свое время онъ обѣщалъ торжественно, что будетъ для нихъ добрымъ братомъ, но вѣдь это только фраза, ораторскій пріемъ, ни къ чему его не обязывающій.

Впрочемъ крестьяне всегда имѣютъ странныя требованія—въ этомъ графъ лично убѣдился, когда съ ними велъ дѣло о спорныхъ лѣсныхъ угодьяхъ.

И старшій братъ продолжалъ строить зданіе счастья на счетъ младшаго брата.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Старинное малорусское стихотвореніе

Рѣчь идетъ въ этомъ стихотвореніи о погребеніи Виктора Садковскаго, архіепископа черниговскаго.

Садковскій происходилъ изъ дворянъ малороссійскихъ, учился въ кіевской академіи, въ санѣ игумена нѣкоторое время занималъ должность капеллана или настоятеля при посольской церкви въ Варшавѣ, затѣмъ былъ назначенъ архимандритомъ слуцкимъ. Когда въ царств. Екатерины II возникла мысль о назначеніи особаго архіерея для православныхъ, находившихся въ предѣлахъ Польши, то, по соглашенію съ польскимъ правительствомъ, указомъ 27 марта 1787 г. Екатерина велѣла Синоду посвятить Виктора въ санъ епископа переяславскаго и бориспольскаго, коадъютора кіевской митрополіи, съ назначеніемъ пребыванія ему въ Слуцкѣ. Отсюда Викторъ предпринималъ ежегодные объѣзды своей громадной епархіи и подолгу проживалъ на Украинѣ, въ Богуславскомъ монастырѣ.

Въ 1789 г. поляки почему то ожидали на Волыни и Украинѣ повторенія «коліивщины» и въ каждомъ православномъ священникѣ готовы были видѣть агитатора, возбуждающаго народъ по внушенію русскаго правительства. Викторъ былъ схваченъ, закованъ въ кандалы и отвезенъ въ несвижскую крѣпость, а отсюда, для суда, переведенъ въ Варшаву. Многіе изъ правосл. священниковъ были казнены, остальные—терроризованы. Это послужило поводомъ для Екатерины къ объявленію (въ 1792 г.). Польшѣ войны, окончившейся *первымъ* раздѣломъ Польши. Садковскій томился въ заключеніи до 19 іюля 1792 г., когда русскія войска подступили къ Варшавѣ.

Послѣ того Викторъ Садковскій былъ назначенъ епископомъ минскимъ, а въ 1796 г. переведенъ, въ санѣ архіепископа, въ Чер-

ниговъ. Умеръ здѣсь 11 ноября 1803 года и похороненъ въ каѳедральномъ Ильинскомъ монастырѣ.

Судя по настоящему стихотворенію, помѣщенному въ сборникѣ, составленномъ въ началѣ настоящаго вѣка, Садковскій оставилъ по себѣ прекрасную память среди своихъ пасомыхъ въ черниговской епархіи; но не такъ цѣнили его дѣятельность нѣкоторые лица изъ духовенства или, можетъ быть, изъ консисторцевъ, ближе стоявшіе къ архіерею въ сферѣ служебной. Литературнымъ памятникомъ такой отрицательной оцѣнки служитъ напечатанный въ март. кн. «Кіевской Старины» 1882 г. памфлетъ подъ заглавіемъ: «Эпитафія»... (и проч.) и дополненіе къ нему: «Посланіе Виктора съ того свѣта». Подробности см. въ означ. книжкѣ «Кіевской Старины», стр. 551—557.

Оба эти обличительныя стихотворенія имѣются и въ настоящемъ рукописномъ сборникѣ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что сборникъ списанъ не тотчасъ послѣ смерти Садковскаго, и лицомъ, мало его знавшимъ, иначе списыватель не рѣшился бы вносить въ свой сборникъ подъ рядъ пьесы, въ которыхъ дѣятельность Садковскаго представлена съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Къ этому соображенію приводитъ то обстоятельство, что первая пьеса въ сборникѣ есть рѣчь, сказанная Ѳеофаномъ, епископомъ полтавскимъ и переяславскимъ, по прибытіи на паству въ 1807 г., слѣдовательно сборникъ не могъ быть составленъ раньше этого года. Переписчикъ вносилъ въ свою тетрадь то, что попадалось ему подъ руку, заботясь больше о полнотѣ ея, чѣмъ о подборѣ разныхъ статей по ихъ содержанію и тону. Можно предполагать, что онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи исправныхъ подлинниковъ разныхъ статей, а можетъ быть, и самъ былъ недостаточно внимателенъ къ подлинникамъ. Этимъ объясняются очевидныя искаженія въ текстѣ стихотворенія о Садковскомъ, которое, вообще говоря, написано живымъ народнымъ языкомъ. Печатаемъ стихотвореніе съ сохраненіемъ особенностей стариннаго малорусскаго правописанія: характерныя особенности его—смѣшеніе *и* съ *ы*, употребленіе буквы *ъ* для выраженія мягкаго *і* и т. п. Въ скобкахъ отмѣчаемъ предполагаемыя нами въ первоначальномъ текстѣ слова, пропущенныя составителемъ сборника.

Ред.

I.

Малороссійскіе стихи, въ которыхъ описывается погребеніе преосвященнѣйшаго Виктора, архіепископа малороссійского, черниговского и ордена святого Александра Невского кавалера, простими сельскими разговорами соображенныя. 1803 г. ноября 11 дня.

1. *Зѣнько.* Магайбѣ, братця моспанове!
Чи вже некрутовъ отвезлы?
Щось наши плачуть всѣ панове:
Яку вы имъ вѣсть привезли?
Э, іонъ уже отець Уласъ
И дякъ его панъ Опанасъ
Николы съ церкви не идутъ,
Да все билебни отправляютъ,
Да панахиды вѣдпиваютъ,
Акапесты усе поютъ.

—

2. *Лесько.* Архіерей якійсь, мижъ ѣми
Старѣйшій, кажутъ, панотець,
Умеръ небѣжчикъ, такъ жалѣютъ,
Що кида бѣдненькихъ овецъ:
Безъ пастуха и безъ владыки
Остались мали и велики;
Всѣ бѣдны сыроты кричатъ,
По панотцѣ всѣ лелесаютъ,
По улицамъ усѣмъ гасаютъ,
Не знаютъ, що начать.

—

3. Школярники дакъ такъ ридаютъ
Слезами гѣркими усѣ,
Зъ нудьги що ажъ якъ не вмѣраютъ
По жалобному ихъ отцѣ.
Винъ, кажутъ, бувъ що найстарѣйшій,
Надъ всѣми ими розумнѣйшій,
Любивъ покійникъ розумцѣвъ.
Було іому якъ заспѣваютъ
Да по-письменьскій зачитаютъ,
Дакъ тутъ уже винъ и засѣвъ.

—

4. Було, якъ визьме обнимати,
Якъ рѣдныхъ дѣточокъ своихъ,
Або якъ стане цѣловати!
Усѣмъ, було, даруе ихъ:
Жупаны добри всѣ носили,
Не молотили, ни косили,
Сапянцѣ всѣ, було, дерутъ —
Не знали, що то за шкапина;
Иде, шляхтицька мовъ дитина,
Наряженный, якъ бы рекрутъ.

—

5. На всѣхъ були шапки красиви,
А оксамитныи вершки,
Околицѣ ягнячи сивѣ,
На шияхъ добри косинки;
Зъ напальками въ нихъ рукавички;
Ѣдятъ, було, все палянички,
Янъ панскіе сынки.
Идутъ статецько, мовъ панята,
Прехліоцки добрые рибята,
Съ кишень, бря, стирчатъ хусточки.

—

6. Теперъ же всѣ засиротѣвши,
Такъ плачутъ по іому:
«Ахъ, батюшка нашъ любезнѣйшій!
«Нащо покинувъ и кому
«Насъ сиротами безталанныхъ,
«Якъ бы зимою обидранныхъ
«Край поля, край дороги вдругъ!
. . . . . [1])

—

7. «Що мы боялись и смѣялись,
«Якъ коло батенька свого,

[1]) Здѣсь не достаетъ трехъ строкъ.—*Ред.*

«Робили добре, шановались
«Всѣ, дивлячися на іого.
«А винъ бы бувъ, нашъ милостывый,
И ласкавъ, добрый и правдивый,
То бъ не захлялись мы зовсѣмъ,
И ще бъ на Бога положились
И за тебе бъ іому молились,
И щобъ здоровье давъ намъ всѣмъ»

—

8. А городяне всѣ, мѣщани,
Шевци, кравци и ковали,
Ткачи, и бондари, купчани,
Золотари, и токари,
И кушнѣрѣ, и кожумяки,
Мѣщанки и перепѣчайки
И люди всѣ ремесники
Ишли и плакали прецупко,
Зъ очей котились слезы прудко,
Іого изъ дому якъ везли.

—

9. Ишли жъ усѣ, бря, и съ цехами,
Рядами, мовъ бы москали,
Сукнами мары покривали,
Булы у иншихъ и корогви
Таки шовковыи, прекрасни,
Були зелени, инши красни,
Да на маліованыхъ дручкахъ,
Що я на свѣтъ якъ народився,
Не бачивъ, бря, якъ и христився,
Не тильки щобъ державъ въ рукахъ.

—

10. *Зѣнько*. Да якъ же ты туда дочапавъ,
Щобъ подивитися на се?
Леско. О, вже бо ты расквакавсь!
Се ще сказавъ тобѣ не все.
Ище видъ-далеку дивився,
А ще къ трунѣ не доступився,
Да ты уже издивовавсь;
А якъ бы ты туда попався,
Да межъ панивъ якъ бы упхався.
. . . . . [1]).

—

11. А далѣ, брате, якъ учапавсь
Въ середину я мѣжъ панивъ,
До домовины якъ прибрався,
Дакъ тутъ и я, бря, запанѣвъ,
Отъ тутъ набачивсь и наслухавсь
И ладану дакъ такъ нанюхавсь,
Що паче въ раѣ побувавъ!
Попы прехороше читаютъ,
А попинята такъ спѣваютъ,
Що трохи, братѣку, не впавъ!

—

12. Ченцѣ, попы и попинята,
Повбираны у рызи всѣ,
Якъ янголики всѣ ребята,
Спѣвали, якъ іого везли.
«Святый безсмертный» запѣвали,
И «вѣчну память» зачинали,
И іовангелію святу
То сей, то той усе хватали
Да знай іи усе читали,
Що може прочитали всю.

—

13. Святого жъ батенька санками,
Що съ-подъ берлина узяли,
Прегарнимъ личникомъ заслали
Труну іого, видътѣль везли
Моторни кони воронiи;
Поповичи кругомъ сидѣли,
Повбираны, якъ бы попы;
А иншiи шли изъ звѣздами,
А де-которѣ изъ свѣчками,
А деяки несли хресты.—

—

[1]) Недостаетъ одной строки.—*Ред.*

14. Якъ стали подходить икъ Тройцѣ,
Такъ тутъ у звоны загули,
На встрѣчъ ишли старые хлопцѣ,
Якъ изъ походу москали;
Ишли попы и попинята,
Ишли жинки, шли и дѣвчата,
И мужики, и козаки,
И куцулярники, и штацьки,
И наймetюги, инши панськи,
И москали й москалчуки.

—

15. Всѣ зъ города повибѣгали,—
Не знаю, чи була душа;
Одинъ другого попережали,
Якъ бы гуляючи лоша:
Те пада, те переступае,
Одно другого перебѣгае,
Якъ на Орданѣ за водой;
Не знаютъ инши, що робити,
Попереду щобъ доступити,
Кричатъ: «тѣкай!» кричатъ: «постой!»

—

16. Якъ поривнялись, заридали,
Якъ по рѣдненькому отцѣ;
Труну тогдѣ взяли па мари,
Несли іого все панотцѣ:
Елецкій панъ хурхумандрика,
Попивъ (зъ нимъ) зброя превелика
Попередъ маривъ тутъ ишли.
Отъ тутъ гуртомъ якъ заспѣвали,
Дакъ люди всѣ тогдѣ повяли,
Якъ бы у висень ко'ашки.

—

17. Якъ заголоситъ вся громада,
Стари, велики и мали,
Мовъ вѣрные іого, бря, чада!
Захлипали всѣ, загули:
Тее тоненько, те товстенько,
. . . . . [1])
Якъ бы весною комари;
Усю дорогу не вгавали,
Всѣ голосили, всѣ ридали,
Покиль до церкви дотягли.

—

18. Якъ стали жъ, бря, у церковъ браться,
Дакъ, думаю, годынъ изъ пятъ.
Минѣ жъ було нельзя втаскаться,
Дакъ мусивъ трохи подождать.
Ждавъ-ждавъ, ждавъ-ждавъ, ажъ стало нудно,
Дакъ я поперсь, дарма що трудно,
Да всилу—всилу увибравсь,
Хоть боки, бря, и заболѣли,
Руки и ноги поколѣли
И лиха видъ панивъ набравсь:

—

19. Те штовхае, другее лае,
А инше каже: «да не прись!
Куда тебе несе лихее?
Да не долѣзешъ, не вертись!
Куда ты пресся, лантушище?
Отце недобрый мужичище!
Этъ бачишъ тѣсно, панъ кудіокъ (?)».
Я заразъ, бра, исхаменувся
. . . . . [1]).
Да и полѣзъ соби въ кутокъ.

—

20. Ставъ, бря, въ кутку, да и подперся
О каменную тутъ стѣну,
Да винявъ хусточку, утерся,
Бо трохи не заливсь въ поту.
Отъ тутъ то разглядѣвсь, расщупавсь,
Да окукобився, одумавсь:

[1]) Не достаетъ строки.—*Ред.*

Чи все пакъ цѣло на минѣ?
Дакъ де!—видлогу одирвали
И кобинякъ трохи не розорвали,
Сорочку хоть выкруть, мовъ въ водѣ!

—

21. Дай церковъ, бря, тамъ привелика!
Якъ граньска клуня, або й билшъ;
Вся каменна, залѣзомъ крита,
Никуды, бря, не влѣзе й мышъ:
Всѣ двери наголо залѣзни,
Мулярщиною влиты стѣны,
Усюди образцѣ стоятъ:
Велики, инши й невелики,
А предъ кажнимъ все ставники
Зелени, гарные горятъ.

—

22. А тее, бря, паникадило,
Що середъ церкви (тамъ) висить,
Усюю церковъ освѣтило,
Якъ бы, бря, сонечко блищить;
И образцѣ й образинята,
Повбираны, якъ бы панята,
Стоятъ на іому якъ въ раи.
На ихъ юпочки съ щира срибла,
И шапочки и чоботки, бра,
Не такъ, якъ въ нашому краи.

—

23. Тамъ намаліовано и пекло,
Таке страшнее, ажъ бѣда.
Оттамъ, бря, душно, оттамъ тепло!
Смола тече такъ, якъ вода,
Тече зъ гадюки, та й палае,
А чортъ туда людей таскае,
Лиха година, за грѣхи.
Бувало, проступишъ й нехотя,
Якъ прійде нашъ панъ Моркотя:
«Таскай, скаже, у млинъ мѣхи!

—

24. Або у винницю по дрова!»
Якъ-бы куда не заховавсь,
И въ праздникъ не посидишъ дома,
Хоть бы ты вже и муліовавсь;
Да и въ недѣленьку святую,
И въ пятѣнку тягни все тую,
Хоть бы и радъ, щобъ не робить.
Якъ за старихъ панивъ бувало,
Старе й мале въ шинку гуляло,
А до роботы не прибить!

—

25. Уже тогдѣ хоть не вертися,
Якъ скаже війтъ: «иди на тикъ!»
Иди скорій, не оглядайся,
Роби, працюй, щобъ питъ потѣкъ.
Да ще и чести намъ немае:
Якъ прійде панъ, такъ бье и лае,
Хоть бы робивъ и вверединсь.
Дакъ же вже, бря, въ раи намъ бути,
Коли бъ грѣхи изъ шіи збути
То може бъ отдаль и дививсь.

—

26. *Зѣнько.* Да годи, ты забалагурився!
Кажы ты те, про що начавъ,
А то уже на рай обурывсь.
Тебе хто наче обучавъ:
Дывись, яки винъ казьни каже!
Якъ хто сонливый, то и спать ляже,
Не переслухать усіого!
Неначе зъ листу винъ читае,
Іому бъ якъ инше казку бае,—
Якого розуму въ іого!

—

27. *Лесько.* Ой ты, бачу, самый прочвара!
А що жъ ты думаешъ собѣ?
Ты думавъ, такъ душа й пропала!
А умирати, бря, тобѣ
Не такъ, якъ думаешъ, небоже:
Да думай те, що Боже, Боже!

Да и готовся умирать.
Бо мы на свѣтъ на сей родились,
Хвалили бъ Бога и молились,
А не у свята роботать.

—

28. Дарма жъ теперъ, що бьютъ, да лаютъ:
Терпѣть намъ треба до кѣнця,
А мы робимо, що загадаютъ,
Да не загубимо вѣнця.
У царствѣ Божому, святому,
Не вступимо тогдѣ никому,
Хоть чорту, бря, хоть бы панамъ;
Тогдѣ и скажемъ: «мы робили,
Товкли, мололи, молотили,—
Теперъ же вы робите намъ!»

—

29. То Богу знать, що съ нами буде,
А докажу я, що було.
Всѣ терлыся у церквѣ люде,
Видъ крыку въ церкви лишъ гуло.
А далѣ вже якъ повно стало,
И мѣста не було нимало,
Тогдѣ унышкли, брате, всѣ;
Помалу тилько исхлыпали,
Да тяженько всѣ здыхали,
Спѣвали тѣлько панотцѣ.

—

30. А далѣ самъ благословяка
Якъ закрычавъ «благословы»,
Дакъ тутъ дяки всѣ й дячинята
И запищали й загули,
А потимъ у книжку читали,
По перемѣнкамъ заспѣвали
Госпѣдь самъ Бигъ зна, що таке.
Навпоемъ тѣлько якъ спѣвали,
Тогдѣ то вже усѣ ридали,
Усяке, тамъ було яке.

—

31. Попы тутъ заразъ исходиться
Всѣ почали до одного,
И люди стали всѣ дивиться
На святого батенька свого.
Хто надивився, (той) видходивъ,
Не бачивъ хто, (той) такъ проходивъ.
А я въ куточку все стоявъ,
Усе ждавъ, покиль повиходятъ,
Дакъ—де... все свѣжи подходятъ,—
Такъ я не стерпѣвъ, почвалавъ.

—

32. Якъ ставъ (я) пхаться къ домовинѣ,
Дакъ тутъ стоявъ одинъ москаль
Якъ дасть вѣнъ, бря, минѣ по спинѣ:
«Куда ты пресся? ты бъ пождавъ!»
Якъ вытрищывсь московскимъ зизомъ
Да дастъ минѣ своимъ залѣзомъ,
Дакъ я тутъ трохи не кричавъ.
Дакъ я й іому лихе зробивъ:
Якъ персь, такъ видорвавъ судирь
Московскій, зъ боку що стырчавъ.

—

33. Дакъ я тутъ, облизня поймавши,
Ирви (?) видъ іого утѣкать;
То сякъ, то такъ людей роспхавши,
Да ну къ трунѣ чимчиковать.
Да ставъ уже, бря, приближатись:
«Колибъ, кажу, менѣ добратись,
Щобъ тутъ же я не загинувъ!»
Ажъ деся взявся куцулярникъ,
И въ видъ, и въ точъ якъ нашъ школярникъ,—
Мене, спасибе, пѣдопхнувъ.

—

34. А вже я, бря, тогдѣ продрався
Помѣжъ усѣхъ людей и самъ,
Дакъ щось таке побачивъ, баться,
Якъ бы у лавцѣ добрый крамъ.

Труна була тогдѣ роскрыта,
И чорнимъ оксамитомъ оббита,
Стояла, брате, на мѣстку;
А въ головахъ свѣчки стояли,
Ченцѣ евангелію читали,
Совгирь гортали по листку.

—

35. Лежала шапка изъ квѣтками,
Якъ есть у перстняхъ на рукахъ;
Подсвѣчники съ пятьми свѣчами
Горѣли, бря, въ іого ногахъ;
Маленьки образцѣ стырчали
Посреблювани, ажъ блищали,
Якъ мовъ тобѣ щире стекло.
Труну усю позолотили,
. . . . . [1])
Позолотки багато тутъ пѣшло.

—

36. Кирелѣ жъ [2]) зъ верху положили
На шапотцѣ, що винъ носивъ
Покійникъ було на шіи,
Якъ службу божую служивъ.
Якъ мисяць, бря, вони блищали
Усю и церковъ осіяли,
Китайка мече мовъ въ очахъ;
Не на тарѣльцѣ деревяный,
На цѣлый, братѣку, сребряный
Поставленни були въ той часъ.

—

37. Свѣчки жъ стояли подлѣ боку,
Таки велики, изъ мене,
Съ зеленого, мось—пане, воску,
А держалко все жерстяне.
Зъ другого боку патериця,
На ій головка мовъ бы птиця,
Або гадючка золота,
Середина була повита—
Висѣла гарна хустка шита,
Шовкова, бѣла, не пуста:

—

38. Ей Богу, брате, що не купишъ
Тепера ни за золотый
И съ таляромъ ище видступишъ
И рубъ мосьпане, буде твій,—
Бо срибряна та золотая,
И держално, и на концѣ,
Квитки на палицѣ й на хустцѣ,
По двѣ, по три, чотири вкупцѣ,
Якъ на весѣлному винцѣ.

—

39. Зирнувши жъ я у домовину,
Не вдержавсь, бря, не заридать:
Издумавъ, бря, у сю годину,
Що се нищетнимъ батько й мать.
Було, напоить, й нагодуе,
Було, зодягне и зобуе,
Изъ старця зробыть богачемъ;
Съ панами винъ було по-паньски,
А съ нашимъ братомъ по-простацьки,—
Не йшли видъ іого исъ плачемъ.

—

40. Дивывсь тогдѣ я на владыку
Пилненько дуже на видокъ:
Искошенный цвѣтокъ якъ въ-лѣтку,
Лежавъ жовтенькій, мовъ вощокъ;
Очицѣ вже позападали,
Яки на бѣдных поглядали;
Склепивъ уста на вѣчный вѣкъ:
Святому слову не навчае,
Було, языкъ и не вгавае;
Чого не вѣдавъ чоловѣкъ!

—

41. Разумныхъ казнѣвъ вже не кажетъ,

[1]) Не достаетъ одной строки. *Ред.*

[2] „*Кирели*“—т. е. кавалерію, орденскіе знаки.

Що напередъ до насъ казавъ,
Нихто вже смутныхъ не розважитъ,
Якъ винъ, покійникъ, розважавъ.
И уши вже іого не чуютъ,
Правдиви люди якъ смуткуютъ,
Кричитъ (?), що правда изъ брехнѣ;
Нихто уже не оборонитъ,
Усюда кривда правду гонитъ:
Сидитъ бѣдненька ажъ на днѣ.

—

42. А якъ бы ты (оце) проснувся,
До бъ ты й видъгиль іи зволикъ;
Якъ бы мижъ нами тутъ очхнувся,
Анциборъ бы съ брехнею втѣкъ.
А то теперь и запанѣли:
И зависть, и брехня засѣли,
Злоба зубами скрежетитъ,
Кого напала, то й кусае,
А зависть заразъ обдирае;
Нема никого защитить.

—

43. Вони, суциги, излигавшись,
Людей шельмуютъ безъ кативъ;
А правда зъ милостью, забравшись,
Сидятъ, мовъ мыши видъ котивъ
Залѣзли въ нирку, не вертятся,
Бо сихъ суцигъ сильне боятся;
Лукавство зъ лестію живутъ,
И сякъ и такъ вони виляютъ,
Коло панивъ найбильшъ гасаютъ,
И всюду изъ горщкивъ ирвутъ.

—

44. Прошла година и другая,
А я усе въ труну дивывсь,
Ставъ думать да гадать я,
Покиль слезами ввесь облився.
А далѣ винявъ хустку, втерся,
На батькову труну оперся,
Дивывсь на руки и на хрестъ:
Уже и тіи, бря, оклякли,
Суховьки стали дай поблякли,
А на хрестѣ самая жерсть.

—

45. Самая жесть, а може й срѣбло—
Того вже, бря, я не вгадавъ,
Бо вже въ очахъ було несвѣтло,
Все плакавъ, брате, не вгававъ.
На голову надѣли шапку,
Цвяховану усю, негладку,
На широзлотцѣ вся;
На шіи стіожку положили,
Широку, красну почепили
На кинчику золотця

—

46. Лускотикъ круглій причепили
Меражаній, якъ бы зоря;
Казали, що іому вручили
Видъ пана самого царя
За вѣрную іого роботу,
Що винъ робывъ, бря, ажъ до поту,
Робивъ до смерти, не вгававъ:
Було на кого що не ганитъ,
За всѣхъ було (винъ) Бога молитъ,
Покиль своихъ ручокъ не склавъ.

—

47. А ризы на іому парчовѣ,
Въ караквицяхъ шнурки шовковѣ,
У сухозлотицѣ, якъ разъ
Ручки умотаны пять разъ.
А въ головахъ стоитъ Пречиста,
Сей образокъ изъ злота чиста,
Мовъ дзеркало, хоть подивись;
А на іому карелѣ гарни,
Мовъ въ службу Божую убрани,
Да тильки що, бря, не дивись.

—

48. Гарненько жъ тута надивившись,
У ручку я поциловавъ,

Видъ домовины отступившись,
До дому въ городъ почвалавъ.
Надъ нимъ читали евангелійску,
А винъ покійникъ изъ недѣльку
Лежавъ у Тройцѣ на стольцѣ,
Покиль такій, якъ винъ, пріихавъ
Кіянскій батько, у доспѣхахъ,
Въ такѣмъ, якъ ходятъ всѣ ченцѣ.

—

49. Винъ, бря, не пышный, такъ якъ иншій,
Зовутъ іого—мость Ѳеофанъ,
Да ростомъ, бря, нашъ буде вышшій;
Дай се прегарный такъ же панъ:
За те гараздъ, що не пишиться,
До іого можно доступиться
Хоть пану, бря, хоть мужику,
Пріятный, всякому усердный,
Невинный, добрый, чистосердный
На сердцѣ, бря, й на языку.

—

50. Въ пелиповку на першимъ тижнѣ,
Въ четверъ, якъ стало на зорѣ,
Ишовъ я саме просто звѣзнѣ,
Ажъ каже се москаль минѣ:
«Иди у Тройцу поскорѣя,—
Ховатимутъ архіерея»..
Я, догадавшись, почвалавъ,
Пришовъ у Тройцу ще заране,
У церквѣ все повидчиняне,
Дакъ де хотѣвъ, такъ тамъ и ставъ.

—

51. Ажъ тутъ и люде позбирались,
До службы стали, бря, звонить,
Попы (вси) заразъ повбирались,
Пѣшли пріижжого смотрѣть,
Штатецко всѣ постановились,
Студенты шли, да все христились,
Прислужники шатались всѣ;
Свѣчки усюду попалили,
Маненькихъ въ ризахъ становили
И убирались панотцѣ.

—

52. Постали жъ воны край домовины,
Напередъ, бря, стояли якъ,
Свѣчки въ рукахъ всѣ запалили,
Въ роботи бувъ мижъ ними всякъ:
Хто звѣзды взявъ, хто патерицю,
Хто шапку взявъ, хто на звонницю
Побѣгли иншіи звонить;
Тогдѣ ни одне не гуляло,
А всякее порядковало,
Да правда, що було робить.

—

53. А далѣ щось и на тарилцѣ
Таке, ниначе поясы,
А золота тутъ не по кришцѣ,
Да все на бляхахъ, пѣднесли,
Держали подлѣ домовины;
А тутъ у звоны зазвонили,
Пѣшли на встрѣчу панотцю,
Усѣ у ризы повбѣранны,
Съ кадѣльницами та съ христами,
И церковъ накадили всю.

—

54. Ажъ погодя ведутъ пѣд ручки
Святого батька панотця,
Дяки жъ усѣ зобрались въ кучки
Дай закричала здрая вся—
Тее товстенько, те тоненько,
Дакъ такъ пригоже и гарненько,
Що я и з роду не чувавъ;
Хотя спѣва у Божомъ домѣ
Панъ Омилянъ, да ще Микола
Такъ гарно, славно не спѣвавъ.

—

55. Якъ заспѣвали: «радуйся, батьку»
Такъ тутъ и рызи поднесли,

А инши бря несли и шапку,
А де-котори поясы;
Якъ же его совсѣмъ прибрали,
И обчипляли й росчесали,
Да й свички заразъ подали,
А винъ, у руки свички взявши.
На всѣхъ стоявъ такъ помахавши,
Да й службу Божу начали.

—

56. Святую службоньку служили,
Якъ бы на самыхъ небесахъ,
Коло іого кругомъ ходили,
Спѣвали гарно въ криласахъ;
А далѣ вышли съ переходомъ,
Одинъ за другимъ, скоро ходомъ,
Попѣвъ десяткивъ може съ пять;
Служили службу, не хватались,
. . . . . [1])
Тяглася жъ служба до пѣвдня.

—

57. Святую жъ службу вѣдслуживши,
Да й принялись за панотця,
Кругомъ труну, бря, обступивши
Ажъ видъ владыки до кинця.
Стояли два хурхумандрики,
Шапки таки, якъ у владыки,
И протопопы и ченцѣ,
Да всѣ були якъ разъ въ нарядѣ,
До царскихъ вратъ ажъ у два ряды
Стояли сіи панотцѣ.

—

58. А далѣ похоронъ начавши,
Спѣвали, брате, всѣ дяки;
И исти можебъ день не ѣвъ,
А те, що треба, видспивавши,
Читали инши щось попы:
И Евангелію святую,
И книжичку якусь малую.
А далѣ війшли два дяки,
И дячинята вышли зъ ними,
Спѣвали тихо «со святыми»
Гули й пищали до руки.

—

59. Да такъ прегарно, мовъ бы въ небѣ,
И исти може бъ день не ѣвъ,
Бо краще, бря, вѣдъ пана Фебѣ,
Дарма що винъ грѣзненько пѣвъ.
И Павликъ такъ не заспѣвае,
Дарма що товсто зачинае,—
Куди іому до сихъ спѣвакъ!
Одъ си то такъ, що вже спѣвали,
Ажъ люде въ церквѣ вси рыдали [2]),
Стоявъ хто, бря, дакъ плакавъ всякъ.

—

60. Одинъ якійсь тамъ протопопа
Дакъ такъ пригоже (щось) читавъ,
И шапка на іому высока,
Оксамитна, вышнева вся;
Роздѣльно, гарно и выразно
Изъ книжечки читавъ винъ важно,
Слова въ уста ниначе клавъ.
Кіянскій же благословляка,
И дяконы, и попинята
И самъ владыка, бря, стоявъ.

—

61. А тутъ другій якійсь межъ ними,
Выдно розумный панотець,
Хорошій, брате, уродливый,
Студенскій, кажутъ, винъ отець,—

---

[1]) Недостаетъ строки.—*Ред.*

[2]) Въ рукописи эти два стиха видимо испорчены:

Одъ то такъ, такъ вѣддирали,
Що люде вси заридали...

Якъ ставъ казать надъ батькомъ
казань,
Дакъ плакавъ, бря, хто бувъ, то
каженъ,
Прегарно, мовъ тобѣ съ письма,
Розумно, гладко и поважно;
Прехороше, унятно, славно
Казали щось и хлопцѣ два.

—

62. А потѣмъ батька цѣловали
Владыка самъ и всѣ попы,
Надъ нимъ таке щось прочитали,—
Не чувъ того видъ тѣсноты;
Лице воздухомъ закривали
И очи чимся заливали,
Труну, бря, стали зачинять;
Тогдѣ вже «вѣчну» заспѣвали,
И плакали, якъ не кричали,—
Того не можно и сказать.

—

63. А далѣ, брате, всѣ забравши,
Взяли владыку, понесли,
Кіянского жъ пѣдъ руки взявши,
Іого икъ ямѣ повели.
Пѣдъ церквою іого сховали,
Цеглюками замуровали,
Сховали друга и отця;
Сховали серденько правдиве
. . . . . [1])
Пылало къ Богу до кинця,

Зѣнько и Лесько мужики:

64. Нехай іого душѣ тамъ легко,
Перомъ надъ нимъ земля лежитъ!
Теперъ видъ насъ, бря, винъ далеко,
Душа до Господа бѣжитъ.
Пошли, нашъ милый Боже, зъ неба,
Чого душѣ іого тамъ треба,
Іому дай житіе въ раи;
Не виднимы видъ іого панства
И не лиши небесна царства—
Сіого мы просимъ на землѣ.

Два дѣла о волшебствѣ [2]).

Въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, въ числѣ, множества рукописей, хранится и рукописное собраніе историка Малороссіи Н. А. Маркевича (проданное имъ П. Я. Лукашевичу, а отъ послѣдняго поступившее въ Рум. музей). Это собраніе—настоящій кладъ для новѣйшей исторіи Малороссіи (съ XVII в.); состоитъ оно изъ нѣсколькихъ тысячъ (болѣе 6) отдѣльныхъ документовъ, характера и объема самаго разнообразнаго: здѣсь находимъ универсалы, ордеры, приказы, судебныя дѣла, всевозможныя письма лицъ историческихъ и вовсе неизвѣстныхъ, частныя бумаги, всевозможныя публичныя и частныя сдѣлки, люстраціи земельныхъ имуществъ, донесенія управляющихъ и пр. и пр. Объемъ документовъ, разумѣется, самый разнообразный—отъ немногихъ строчекъ до громадныхъ фоліантовъ (какъ напр. дѣло

[1]) Не достаетъ строки.—*Ред.*

[2]) Изъ архива Маркевича въ румянц. музеѣ. №№ 3054 и 5903.

знаменитаго атамана разбойничей шайки Гаркуши, составляющее три огромныхъ тома in f°). Не все здѣсь одинаковой цѣны, есть, конечно, малозначущія бумаги, но есть и очень много цѣннаго и малоизвѣстного. Изслѣдователь исторіи Малороссіи найдетъ здѣсь обильный матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій; особенно много данныхъ встрѣтитъ онъ для исторіи внутренняго быта Малороссіи XVII—XVIII в. Къ сожалѣнію, матеріаломъ этимъ пока мало кто пользуется, за отсутствіемъ въ Москвѣ спеціалистовъ по южнорусской исторіи. Между тѣмъ ознакомленіе съ этимъ архивомъ не представляетъ особенныхъ трудностей, благодаря трудамъ собирателя, подробно описавшаго свою коллекцію. Описаніе это составляетъ большой томъ in f°, въ которомъ, кромѣ перечисленія отдѣльныхъ документовъ собранія, приводятся и болѣе или менѣе значительныя выдержки изъ наиболѣе любопытныхъ документовъ (Маркевичъ впрочемъ останавливается чаще на документахъ курьезныхъ, юмористическаго содержанія). Мы постараемся время отъ времени давать читателямъ «Кіевской Старины» выдержки (цѣликомъ или въ извлеченіи) изъ наиболѣе любопытныхъ документовъ этого богатаго собранія. Въ одномъ изъ прошлыхъ №№ «Кіев. Старины» мы помѣстили заимствованную изъ этого архива весьма курьезную жалобу новомлинскаго сотника на новомлинскаго намѣстника (іюль 1889); въ настоящемъ № помѣщается два любопытныхъ дѣла о волшебствѣ; въ первомъ обвиняется женщина въ желаніи путемъ волшебства (сыпаніемъ чернаго песка) перетянуть на свою сторону судъ. Гораздо интереснѣе второе дѣло—объ упырѣ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ несомнѣнно психически больнымъ субъектомъ (психопатомъ или визіонеромъ по современной терминологіи), нарекающимъ на себя, что онъ то и есть настоящій упырь (вампиръ) отъ самаго своего рожденія и обладаетъ завиднымъ даромъ узнавать вѣдьмъ.

Подобное признаніе могло бы привесть къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ для обвиняемаго: въ зап. Европѣ носителя такого рѣдкаго и опаснаго знанія несомнѣнно приговорили бы къ сожженію; къ счастію, наши малорусскіе суды прежняго времени относились къ подобнымъ дѣламъ несравненно разумнѣе и гуманнѣе, чѣмъ фанатическій католическій западъ. У насъ волшебниковъ подвергали лишь тѣлесному наказанію, да требовали возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ истцамъ путемъ волшебства [1]). Въ данномъ случаѣ судъ посту-

[1]) Многія изъ подобныхъ рѣшеній приведены В. Б. Антоновичемъ въ статьѣ о колдовствѣ въ юго-западной Руси.

нилъ еще разумнѣе, признавъ Семена Калениченка просто психически больнымъ субъектомъ, какъ это видно изъ рѣшенія этого дѣла, приведеннаго г. П. Ефименкомъ въ статьѣ объ упыряхъ («Кіевская Старина» 1883, іюнь). Войсковая генеральная канцелярія, препровождая это дѣло въ малороссійскую колегію, пишетъ: «а по усмотрѣнію упыра оного разсудила войсковая генеральная канцелярія его быть *несостоятельнаго ума*, и потому оніе его слова отъ него показали знатно по нѣкоторомъ въ умѣ помѣшательству. О чомъ коллегія малороссійская да благоволитъ вѣдать» (ib. p. 379). Калениченко принадлежалъ притомъ къ числу упырей-благотворителей, обращая свое волшебное знаніе на помощь и добрые совѣты людямъ, предсказывая будущее и обнаруживая вѣдьмъ.

Замѣтимъ еще, что дѣло о Калениченкѣ хранилось въ архивѣ малороссійск. коллегіи (находящемся нынѣ при харьк. унив.). Изъ этого то дѣла г. Ефименко и привелъ нѣкоторыя выдержки въ указанной нами статьѣ. «Къ сожалѣнію, прибавляетъ авторъ, въ дѣлѣ не оказалось признанія Калениченка; оно, по всей вѣроятности, похищено кѣмъ либо изъ любителей старины, рывшихся въ этомъ архивѣ». Признаніе это, помѣщаемое ниже, оказалось въ архивѣ Маркевича, попавъ туда невѣдомыми путями вмѣстѣ съ массою другихъ любопытныхъ бумагъ.

И. А. Линниченко.

Дѣло Вуцки Михайлихи Батраченчихи и Марьи Данилихи иваногородскихъ о волшебствѣ. 1732 году ноевріа 1 дня.

Року 1732 ноевріа 1 дня. Вуцка Михайла Батраченка жона ставши предъ судомъ полковимъ нѣжинскимъ держала в правой руцѣ чорний пѣсокъ з матузкомъ суровимъ, на которомъ завязано узликовъ 5, який пѣсокъ и суровий оний матузокъ тутъ же предъ судомъ з рукъ витрушенъ и для вѣдома записано при битности ихъ млтей пановъ судовихъ членовъ судій Семена Чуйкевича, хоружого Івана Левѣцкого, полковихъ нѣжинскихъ, сотника полкового Евстафія Тарасовича, и значкового товарища Мосѣя Савича. Записалъ судовий полку нѣжинский писарь Яковъ Влаковскій...

Року 1732 ноевріа 1 дня. По записки въ полковой нѣжинской канцелярія, что Вуцка Михайла Батраченка жена, ставши предъ судомъ полковимъ нѣжинскимъ, держала въ правой руцѣ чорній пѣсокъ з матузкомъ суровимъ, на которомъ завязано узликовъ пять, якій пѣсокъ и суровій оній матузокъ тутъ же передъ судомъ з рукъ витрушенъ; и чего ради, она, Вуцка, тотъ пѣсокъ и матузокъ зъ пятма узликами въ руцѣ держала и где оній взяла была о томъ

въ полковой нѣжинской канцеляріи допрашивана и въ допросѣ показала, что сего 732 году назадъ тому з тиждень, а якого числа не знаетъ, правовалась она, Вуцка, на судѣ сотенномъ Івангородскомъ зъ Остапомъ Росушкою, жителемъ мартиновскимъ, за учиненній нимъ Росушкою ей Вуцкѣ гвалтъ; и она Вуцка на томъ судѣ Івангородскомъ, не получа зъ него Росушки справедливости, намѣривала ити въ Нѣжынъ въ полковую канцелярію для зъисканя з означенного Росушки суда; куда когда ишла, то жіючая в Івангородской ратушѣ женка Марья Данилиха дала ей Вуццѣ означенніе у платку пѣсокъ чорній и матузокъ з узликами, и при отданю говорила, чтобъ она Вуцка, якъ пріидетъ на судъ, тотъ чорній пѣсокъ, зъ платка вивязавши, зъ тими завязанними на матузку узликами держала въ рущѣ, чтобъ за нею Вуцкою судъ потягъ и она де Марья позиваючись когда съ тое чинила; а где позиваючись тое чинила, она Вуцка не знаетъ и потому она Вуцка, взявши тотъ платокъ зъ пѣскомъ и матузокъ зъ узликами, пошла до Нѣжина, и на дорогѣ объявляла о томъ мужу своему Михайлу Батраченку, толко онъ ей мужъ противъ того ей Вутцѣ нѣчего не говорилъ; и тутъ в Нѣжинѣ будучи она Вуцка передъ судомъ поки ей суперникъ Остапъ Росушка в Нѣжинѣ не билъ, оного пѣску з платка не вивязовала, а держала тотъ пѣсокъ в платку, и матузокъ з узликами при себѣ; а сего ноября 1, когда ей Вуцки суперникъ Росушка въ Нѣжинъ прибулъ, то она Вуцка, идучи до канцелярііи, близъ оной на дворѣ вишписанній пѣсокъ з платка вивязала и изъ онимъ будучи въ судѣ полковомъ нѣжинскомъ, по наученю мененной Марьи Данилихи, такъ тотъ пѣсокъ, яко и матузокъ з узликами держала в рущѣ, якіе пѣсокъ и матузокъ у ней Вуцки въ ономъ судѣ витрушени, болше же кромѣ вишеписанного она Вуцка отъ означенной Марьи Данилихи жадныхъ примовокъ не чула и нѣгде на судахъ такъ не чинила и не знаетъ.

Къ сему допросу по прошеніи Вуцки Михайла Батраченка жены вмѣсто ей Павелъ Дапясоцкій подписался.

Року 1732 ноября 7 дня. Поневажъ Марья Данилиха таитъся сказуючи, что она Вутцѣ Михайлисѣ никакого писку и матузка не давала и о томъ ей не научала, и она сама, чтобъ когдась будучи на правѣ тожъ чинила, якоби не вѣдаетъ; того ради Вуцка Михайлиха в правду-ль на Марью говоритъ тое, о томъ была з пристрастіемъ допрашивана и в допросѣ показала, такъ слово въ слово якъ и въ допросѣ своемъ доброволномъ, и цѣле тое твердила, что ей Вутцѣ тіе пѣсокъ и матузокъ з завязаннимп узликами Марья Данилиха дала.

Року 1732-го ноября 6 дня. Противъ допросу Вуцки Михайла Батраченка жены, в которомъ она Вуцка показала, же Марья Данилиха, идучой ей Вутцѣ въ судъ полковый нѣжинской для зисканя справедливости з Остапа Росушки, жителя мартиновского, за учиненный нимъ ей Вутцѣ гвалтъ, дала пѣсокъ чорній

въ платку, и матузокъ суровый, на которомъ завязано пять узликовъ, оная Марья Данилиха была въ полковой канцеляріи о томъ допрашивана и въ допросѣ показала, что она о той чорной землѣ и суровомъ матузку, на которомъ завязано пять узликовъ, не знаетъ и ней Вутцѣ Михайлисѣ, оныхъ, чтобъ потому за нею Вуцкою судъ потягъ, не давала; и такихъ словъ, что и оная Марья позываючись когдась тое чинила, не говорила. Къ сему допросу вмѣсто Марьи Данилихи по ей прошенію Іосифъ Хорчавскій, житель нѣжинскій, руку приложилъ.

Поневажъ Вуцка Батраченкова жена такъ въ доброволномъ, яко и пристрастномъ допросахъ сказуетъ, что ей Вутцѣ Марья Данилиха пѣсокъ чорній и матузокъ дала, что и въ повторномъ пристрастномъ допросѣ сказала; того ради оная Марья Данилиха не таиться-ль тому была подъ пристрастіемъ допрошевана и показала. Такъ слово в слово якъ и в доброволномъ своемъ допросѣ: же она Марья жадного пѣску и матузка з узликами Вуткѣ Батрачисѣ не давала и не знаетъ. 1732 году ноября 10 дня.

Благороднѣйшый мосцѣ пане судія полковый нѣжинскій, мой велце мосцѣвій пане и милостивій добродѣю.

Сего листа оддавца, сторожъ полевій сотнѣ моей Данило Чарнявскый, едетъ въ судъ полковій нѣжинскый просити в ономъ к женѣ своей, которая опорочена отъ жени Михайла Батрака, жителя мартиновского, нѣкоторимъ чародѣйствомъ, милосты: за которимъ и я до вмм. пана и добродѣя пишучи, наипокорнѣйше его прошу, явити къ онимъ свою отеческую милость; ибо помянутого Чернявского жена, есть рода честного, и предъ симъ въ жадной и найменшой не была суспиціи. О якое на онихъ показанное патронское милосердіе и паки вмм. пана и добродѣя просячи, его жъ ласкавой вовѣряю мя приязни. Вмм. Пана и добродѣя нижайшій слуга сотникъ івангород. Андрей Безпалий.

Ноября 6 дня
1732 году.

Року 1732, ноября 16 дня. Я нижеподписанній въ полковой нѣжинской канцеляріи ручусь за Маріею Данила Чернявского, жителя івангородского, жоною въ томъ, что она нѣкуда з Івангорода не увойдетъ и если в оной полковой канцеляріи востребуютъ ей, то она на требованіе станетъ, а буде на требованіе не мѣла бы въ пол. канцеляріи явитись, то я поручникъ долженъ буду ей самъ представить подъ опасеніемъ буде не представлю, того на себѣ понести, чого она будетъ достойна. Къ сей поручной вмѣсто значкового козака Василія Дмитровича по его прошенію житель нѣжинскій Афиногенъ Тигровскій подписался. На оборотѣ адресъ: Благороднѣйшому его милосты пану Сумеону Чуйкевичу, судіи полковому нѣжинскому, моему велцемосцѣвому пану и милостивому добродѣеви. Покорно.

№ 3054. Под. іюля 15 дня 1727 году.

Въ Малороссійскую Енералную войсковую канцелярію доношеніе.

Сего 727 году минувшаго іюня мѣсяца сотнѣ носовской зъ города Носовки присланній человѣкъ именно Семенъ Каленниченко; которій между протчіими своими словами, говорилъ, что въ Глуховѣ и въ Лохвицѣ пріидучой Спасовки сего 727 году мѣетъ бить моровое повѣтріе.

Того ради его Семена Каленниченка за помянутое слово з допросомъ въ ізбѣ судовой войсковой козелецкой учиненнимъ въ Малоросійскую Енералную войсковую канцелярію присемъ посилаю.

О семъ да благоволитъ Малоросійская Енералная войсковая канцелярія вѣдать, іюня 14-го, 727 году. К сему доношению кіевский полковникъ Антоній Танский руку приложилъ.

1727 году юля 19 дня по указу Его Императорского величества въ войсковой Енералной канцеляріи приговорили присланнаго при сему доношенію Семена Каленниченка зъ полку кіевского въ Малороссійскую Коллегію при промеморіи зъ войсковой Енералной канцеляріи оного одослать и подлинній его вопросъ, а копію з оного допроса въ Енералной канцеляріи оставить.

Іванъ Мануйловичъ. Ѳедоръ Потребичь Гречании.

1727 году юня 21 дня въ дому судовомъ войсковомъ козелецкомъ Семенъ Каленниченко менуемій упиръ допрашиванъ; а въ допросѣ сказалъ, что де онъ родился отъ отца своего Каленика и матери Татіани в лубенскомъ полку въ мѣстечку Глинску; а когда онъ зродилъся, тоде того жъ часу в свѣтѣ познолъ всѣ вещи, и бабу свою пріемницу Горпину Демчиху заразъ познолъ, что она де вѣдма, и оная де баба сказала матери его, что на ономъ есть сухоти и зашила оного у товарячій киндюхъ, уже де было отъ рода оному полгода, и зашивши, оная баба положила на сѣнномъ порозѣ, сказуючи де матери его, что оная дитина не певная вродилася, и жебы онъ что дитиною мѣти знолъ забувъ, и для того положили были мати з оною бабою намѣреніе, жебы онъ маленкимъ згинулъ, аже того жъ часу собака прибѣгши тотъ киндюхъ съ онимъ ухопилъ и прорвалъ, а оного не образилъ, и сожалѣвшися де оного мати изнову взяла до себе, и почала кормить, а кендюхъ собака зъѣлъ, и когда де у матки своей воспитовалъся, то дитиною все знолъ, где которая есть вѣдьма, толко де онъ сѣмъ лѣтъ не ходилъ, нѣ говорилъ, все сидѣлъ, потомъ что онъ упиромъ родилса, знолы уже его отецъ и мати, а хоча онъ упиромъ родился, то до двонадцати лѣтъ до оного вѣдми не прикасалися, а по семи лѣтахъ началъ онъ ходить, и когда де отецъ его бивало хочетъ купить якую товарину, то онъ сказуетъ якую купить, а якую не купить, и хоча бы хто мѣлъ попсовать якимъ чарованіемъ товарину, то онъ де бывало тіе чари отгонитъ, и отъ

того зѣля знаетъ, а по двандцати лѣтехъ возраста оного, начали де до оного въ Глинску вѣдми прихоживать, а именно Пруска Бабичиха, и другая, прозиваемая Лисенская, а якъ оную зовутъ по имени того не упомнитъ, и всѣхъ ихъ вѣдіомъ было де у Глинску пятнадцать, и на первѣй Бабичиха пришедши де до оного в ночи и викликала оного с хати, и онъ съ нею пошолъ до ея в дворъ, и засталъ ихъ всѣхъ пятнадцать, и оніе де вѣдми заразъ стали оного бить головнямы тимы что с печи викидаютъ, за тое, чтобы онъ не казалъ нѣкому, что они суть вѣдми, и тое ночи варили зѣля, а якъ зовутъ тое зѣля того не знаетъ, толко де познать можетъ где ростетъ, и тимъ зѣлямъ помазалися по подпахвамы и оного помазалы, и помазавши ся всѣ тое ночи лѣтали до Лубенъ, а тое де зѣля варятъ сутки, и зѣля само в горшку говоритъ, и каждую вѣдму по имени, зоветъ, в Лубняхъ совѣтовали где що злое починить, и тое же ночи до пѣвнювъ всѣ з Лубны до Глинску стали, и кождая в домъ свой поросходилися. А тое де вѣдомское чарованіе трижди въ годъ бываетъ, о святой недѣлѣ разъ, по Рождествѣ святого Предотеча другій, а третій у пилиповку на святого Григорія, и во ономъ де Глинску презъ килка лѣтъ оного вѣдми труднячи докучали боемъ оному, и за тое онъ старшинѣ глинской показалъ тихъ вѣдіомъ, и старшина велѣла ихъ зъисковать, и зискавши ихъ пятнадцать велѣлы и оного шестогонадцеть со ониими держать шесть недѣль за приказомъ въ колодкахъ, которіе вѣдми признали тогда себе быть такими, и в томъ старшина въ нихъ оплатку побравши съ онимъ попущали з запризаку. Потомъ де оніе вѣдми, а именно зъ нихъ одна Мищиха Андрушкова сотникова маты сказала де оному жебы з Глинска в иншіе де пошолъ полею (sic), ибо хотѣли де оного за показане ихъ замучить, и онъ де з Глинска молодикомъ поишовши пришолъ до Носувки, и въ Носувкѣ у ткача Ісаія сталъ за хлопца, и вывчившися ремесва у маистрахъ робилъ за челядника лѣтъ съ 15, и хочаи де чресъ тіе лѣта вѣдми носовскіе знали, что де онъ упырь есть, толко жъ де не прикасалися до оного для того что онъ не ихъ сотнѣ, а носовскіе вѣдми именно сказуетъ, что де Андреиха Шевчиха бывшая войтиха, другая намѣсничка томашевская Ворушилиха Шавуленкова, а протчіихъ де убогихъ вѣдіомъ въ Носовцѣ много есть; и пошовши онъ молодикомъ зъ Носовки до Лихачева въ Лихачевѣ оженилъся, и жилъ зъ женою лѣтъ 10, а было де в оного дѣти 2 и померли; а хоче де въ Лихачевѣ вѣдми билы, толко жъ и тамъ ихъ не показовалъ для того, что они де оного ни въ чемъ не займалы; толко де въ томъ Лихачевѣ уже тому лѣтъ 6 померши атаманиха Михачевская Катра Степаниха ходила мертвая по ночамъ недѣль зо три, и приходомъ своимъ домашнимъ докучила, и зять оной мертвой атаманихи Стецко Коханенко, дочувшися, что де знахорка есть въ кіевскомъ полку, и живетъ въ Иржавцѣ именно Олена Кривецкая, ездилъ де до оной просити, жебы тое тещи трупъ по ночи ходитъ запинила, и когда де помененній Коханенко былъ

у Кривецкой у Иржавци то де она Кривецкая сказала, такъ Коханенку, идьте до дому въ Лихачевъ, и есть де тамъ у васъ братъ мой Семенко Горбатенкій ткачикъ, и благайте оного, то де онъ трупъ тещи твоей запинитъ ходить по ночи, и чрезъ оного Коханенка прислала де оному хустку и шостакъ грошей, и онъ отъ Коханенка взявши тую хустку и шостакъ грошей и, послухавши отъ Кривецкой повелѣваемого, ходилъ три ночи на могилу где лежитъ атаманиха, и на тое могилѣ о полночи презъ пѣвнями лежачи до гори очима съ тимъ де мертвимъ трупомъ змагался, жебы болшь не ходилъ по ночамъ, когда же де съ тое могили чи свинею или якою колвекъ бестею виденіе внидетъ, то де онъ ниць на могилѣ ляжетъ, а якъ у землю тое виденіе пойдетъ, то де онъ до гори лежитъ и говорилъ съ такимъ до того трупу приговоромъ, якъ оному де назадъ пятами не ходити, такъ де тому трупу по семъ свѣтѣ уже не ходить и отъ того часу тотъ трупъ атаманихи уже не сталъ по ночи ходить.

Потомъ отъ тихъ поръ лихочувскіе обыватели узнали оного, что онъ упирь есть, и бывало лихачевскимъ людямъ допомагаетъ товару, а оной де Кривецкой и до сего часу онъ ни знаетъ, ни вѣдаетъ. Потомъ зъ Лихачева когда жонка оного померла, пришелъ де онъ до Носовки, и живетъ в семъ 1727 году отъ великого посту, и в Носовцѣ сталъ былъ у Хведора Деркачика ткача ткачство робить и по воскресеніи Господнемъ посварился зъ помененною Андрѣихою бывшою войтихою, назвалъ де оную вѣдмою, а войтиха де, пошедши до Томашевской, сказала де оной, что де онъ зоветъ мене и тебе вѣдмами, и за тое оного в Носовце ковали и были доволно, потому и въ Козелецъ оного припроважено, и когда де будетъ указъ, то де онъ покажетъ і в Козелцу вѣдіомъ. Да тотъ же упирь сказалъ, что де въ пріидучую Спасовку сего 1727 году мѣстъ быть въ Глуховѣ и въ Лохвицѣ моровое повѣтря.

А въ Казелцу сказуетъ, что де Ступалиха вѣдма, Крупяничка, що шинкуетъ горѣлкою Алесиха Крупяничка невинна, и в такомъ подзорѣ не есть причиною.

Въ подлинномъ подписано. Къ сей сказцѣ по прошенію Семена Калениченка Стефанъ Пѣратинской руку приложилъ.

Съ подлиннымъ допросомъ читалъ канцеляристъ Григорий Юркевичъ.

Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи.

Универсалы, во всѣ полки писанные, о заводахъ овечихъ, якіе могли бы способны быти вовною до робленя суконъ.

По титлѣ.

Ознаймуемъ симъ унѣверсаломъ нашимъ пану полковникові N., панамъ: старшинѣ полковой, сотникамъ, атаманѣ, войтамъ, зъ протчими градскими и

сѣлскими урядниками, и всѣмъ кому бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало: ижъ еще покойный ясневелможный его милость панъ гетманъ Скоропадскій, по именному императорского всепресвѣтлѣшого величества указу, одъ высокихъ лицъ имѣлъ собѣ на словахъ и на писмѣ предложеніе о содержаніи и размноженіи въ Малой Россіи овецъ тыхъ, которыхъ бы вовна могла быти способна на дѣланіе въ манѣфактурныхъ заводахъ добрыхъ суконъ, якъ въ томъ уже и въ полки малороссійскіе прежде сего было публѣковано; а нынѣ и мы, по смерти его велможности, на имя его покойного получили писаніе одъ превосходителного его милости господина Василія Яковлевича Новосѣлцова, государственной манѣфактурной коллегіи президента, зъ тымъ объявленіемъ и предложеніемъ, что его императорское величество неусыпного своего изволитъ прилагати старанія, дабы въ Россійскомъ его величества государствѣ везде, и въ Малой Россіи, овци зъ потребною до суконныхъ заводовъ шерстю были розведены; а якъ власне надлежитъ оныхъ держати, кормити и дозирати—о томъ по требованію покойного ясневелможного, паче же по указу всепресвѣтлѣшого императорского величества, его жь превосходителство господинъ Новосѣлцевъ особливую инструкцію зъ обстоятелнымъ изъясненіемъ прислалъ до насъ. Прето мы, монаршой его величества волѣ и указу повинуючися, и тотъ интересъ въ ползу государственную по должности нашой желаючи произвести до событія, чрезъ сей нашъ унѣверсалъ прекладаемъ указомъ его императорского величества: абы такъ самъ панъ полковникъ N., яко и другіе урядовые и безурядовые, знатнѣйшіе и мѣлшіе войскового и посполитого стану тамошнего полку обывателѣ, пристойные поля и протчіе выгодные осѣдлости въ себе мѣючіе, по своей его императорскому величеству вѣрности до устроенія помянутыхъ овечихъ заводовъ безъ жадного сумлѣнія и вонтпливости охочо принялись; якіе овцы хто колко подлугъ пропорціи своего достатку у себе имѣти можетъ, старалися содержати и выховувати таковымъ порядкомъ, якъ власне инструкція, при семъ унѣверсалѣ нашомъ описанная, наставляетъ, которую зъ симъ же унѣверсаломъ мѣетъ панъ полковникъ N. везде въ полку своемъ опубликовати и всякому могущому приказати гараздъ внушити для совершенного зрозумленія, же тое овецъ размноженіе не къ яковому всякого тыхъ заводовъ господара дѣятимется убытку и трудности, но еще въ продажѣ зъ оныхъ вовны неменшій будетъ зыскъ и пріобрѣтеніе; котрый интересъ, яко до государственной ползы стягаючійся, долженъ панъ полковникъ въ полку своемъ старатися всѣми неотложными мѣрами въ семъ же року приводити въ дѣствіе, и сколко таковыхъ людей зъ урядниковъ и зъ другихъ тамошнихъ полчанъ зберется на лицо, которые змогутъ вышеозначеные овцы держати,—намъ учинити извѣстно; мы зась подлугъ первого пункту въ инструкціи изображенного извѣстившися, якіе гдѣ въ великороссійскихъ и слободскихъ городахъ овечіе заводы къ малороссійскимъ полкамъ

сутъ близки, о томъ деклярyемъ впредъ прислати объявленіе, жебы всякому было вѣдомо—зъ якихъ мѣстцъ людей, на выхованю тыхъ овецъ добре знаючихся, и барановъ къ тымъ же овцамъ способныхъ требовати будетъ надобно. Данъ зъ Глухова, августа 31, року 1722.—А въ подлинномъ подпись такій: вышменованный полковникъ и наказный гетманъ, рукою власною; войсковый енералный писаръ Семенъ Савичъ; Василій Жураковскій, асаулъ енералный. (Мѣстце печати войсковой).

А вотъ и самая инструкція для заведенія въ Малороссіи улучшенныхъ овечьихъ породъ и ухода за ними.

Предложеніе отъ государственной манифактурной коллегіи о содержаніи овецъ въ Малой Россіи.

Понеже указомъ его императорского величества повелѣно, для суконныхъ и протчіихъ манифактуръ, овецъ умножати, и до нихъ шліонскихъ барановъ припускати, и содержати такимъ порядкомъ, якъ въ нѣмецкихъ сторонахъ вувци содержатся, дабы чрезъ тое добрая шерсть вкоренитися могла, а производити ихъ нижеописанными пунктами:

1.

Вувци яковыи есть въ Малой Россіи у обывателей, изъ тыхъ выбрати вовною бѣлыхъ, и до тыхъ овецъ въ свое время припускати барановъ зъ овчарныхъ заводовъ, которые дадутся изъ манифактуръ коллегіи; также даны будутъ люде, кому указувати, якъ содержати овецъ, изъ учениковъ малороссійскихъ; а которые прежде были домашніе бараны, оныхъ отлучити, и до тыхъ бѣлыхъ овецъ не допускать; и о дачѣ къ тому барановъ и учениковъ къ маіору Кологривову, который овчарными заводами вѣдаетъ, указъ посланъ; а за тыи бараны платить по полталяра, а если хто платити не похощетъ, то брать у тыхъ тамошними баранами тее жъ число въ замѣну, килко хто возметъ.

2.

Между тымъ доставать барановъ изъ Шліонска, щобъ часъ отъ часу добрая шерсть вкоренялася, и хто имѣетъ чорныхъ и сѣрыхъ овецъ, щобъ оные были за часомъ переведены, а которые будутъ приплодные вувци бѣлые, оныхъ пускать на плодъ, а прежнихъ овецъ сѣрыхъ и чорныхъ заживати всякому господару въ расходъ по своему разсмотрѣнію, и оные приплудные вувци, равнымъ образомъ якъ и другіе малороссійскіе, всякъ во своей власти имѣти можетъ.

3.

Всѣмъ обывателямъ, хто имѣетъ сколко овецъ, по числу оныхъ построить кошары теплыи, где есть лѣсъ рубленій, а где лѣсу скудно плетеныи, и вымазать глиною для тепла, или иншимъ, чимъ кому способнѣйше, тилко были бъ зимою теплы; а якъ наступитъ зима, то держать ихъ въ тыхъ кошарахъ, и

зимою на дворъ выпускать по двуйчи и по трійчи на день, когда сѣно закладувають, а лѣтомъ выгонять въ поле якъ слонце всходитъ, а приганять на заходѣ слонца, а въ негоду не выгонять и держать въ кошарахъ.

4.

Овецъ стригти въ годъ по два разы: мая въ первыхъ числахъ, да въ сентебріи мѣсяцѣ, и тую вовну розбирать—весняную особно, а осѣнную особно, а поярочную особно, и употребляти въ продажу и на домашніи росходы по своему разсмотрѣнію, тилко заграницю не отпускати и не продавати.

5.

Пасти вувцѣ тые на тыхъ же мѣстахъ, на якихъ прежде паслись, тилко на болото пасти не пускати, а зимою въ болшіе дни давать сѣна, якое где есть, по чтыри разы, а въ малыи днѣ по три разы у сутки, и наповати чрезъ двое сутки когда ведрено, а въ непогоду и чрезъ тыждень.

6.

Соль давать зимою, ежели имѣетъ кто доволство; въ тыждень по разу, а лѣтомъ на всякій тыждень по одному разу, и що частѣй дается соль, то шерсть будетъ лучшая и овцамъ здорово, а когда буваетъ мокрота зимою метеличная а лѣтомъ дожчевая, тогда соли не давать, и имѣти въ томъ прилежаніе, то изъ того надѣя певная всѣмъ обывателямъ быти можетъ въ такой мѣри, що прежнюю простую рунную шерсть продавали пудъ по копѣ, и по таляру, то тая шерсть, которая зъ овчарныхъ заводовъ, продается на суконное дѣло по одинадцять золотыхъ, и по болшей, и между рунною малороссійскою шерстю есть немалая розница въ цѣнѣ.

7.

А когда вувци захоруютъ, и въ такомъ случаѣ давати имъ суль зъ перепусканою смолою, тутъ же мѣшати оцетъ и горѣлку, на прикладъ: на тисячу овецъ по четыри кварты, также и ячменной муки, которой треба будетъ въ годъ на тисячу овецъ по двѣ четверти; а когда буваетъ короста или раны, мазати чистымъ дюгтемъ, хочай въ нихъ и черви бываютъ.

8.

Барановъ некладеныхъ отлучати отъ овецъ февраля съ послѣднихъ чиселъ, а спускать зъ овцами октоврія зъ 20 числа, и овецъ доити не возбраняется.

Іюля 13 дня, 1722. Семенъ Селезневъ.

Книга генеральной войсковой канцеляріи, содержащая копіи исходящихъ бумахъ, (1722—1727 года). Книга эта хранится въ собраніи документовъ, принадлежащемъ кіевской археографической коммиссіи. Страница 49—50.

Сообщилъ **О. Л.**

Пропавшія рукописи Н. И. Костомарова.

Въ 1860 г., когда Н. И. Костомаровъ, по возвращеніи изъ Саратова, занималъ уже каѳедру въ петербургскомъ университетѣ, онъ обратился къ кіевскому генералъ-губернатору князю Васильчикову съ просьбою о разысканіи и возвращеніи ему нѣкоторыхъ бумагъ, отобранныхъ отъ него въ Кіевѣ въ 1847 г. Изъ приложеннаго къ его письму *реестра* видно, что рукописи, о разысканіи которыхъ онъ ходатайствовалъ, были слѣдующія:

1) *Автографъ лѣтописи І. Ерлича* и сдѣланная съ него на бѣлой бумагѣ копія; и автографъ, и копія in 4.

2) Рукопись самого Костомарова: *Памятники острогожскаго слободскаго полка*, съ копіями грамотъ, числомъ болѣе 20-ти, на бѣлой бумагѣ, тетрадь въ листъ.

3) *Подлинныя грамоты XVII ст.*, относящіяся къ исторіи острогожскаго слободскаго полка, въ свиткахъ. Костомаровъ не могъ припомнить точнаго количества этихъ грамотъ, но утверждалъ, что ихъ было болѣе 20-ти.

4) Рукопись собственнаго сочененія Костомарова: *О принятіи руссами христіанства до Владиміра*, тетрадь на бѣлой бумагѣ въ листъ.

5) Сочиненная Костомаровымъ на малорусскомъ языкѣ историческая драма: «*Косинскій*»; тетрадь in 4, на почтовой бѣлой бумагѣ.

и 6) Читанныя Костомаровымъ въ кіевскомъ университетѣ *лекціи изъ русской исторіи*, въ тетрадяхъ на цвѣтной почтовой бумагѣ in 4. Числа тетрадей Костомаровъ не помнилъ.

По этому поводу князь Васильчиковъ писалъ къ бывшему тогда предсѣдателемъ кіевской археографической коммиссіи М. В. Юзефовичу (отъ 25 іюня 1860 г.) слѣдующее: «Профессоръ императорскаго с.-петербургскаго университета Костомаровъ обратился ко мнѣ съ просьбою о розысканіи и возвращеніи нѣкоторыхъ бумагъ его, отобранныхъ отъ него въ Кіевѣ въ 1847 г. Изъ дѣлъ управленія моего видно, что нѣкоторыя бумаги Костомарова, хранившіяся опечатанными въ квартирѣ Монькиной, согласно желанію его, отданы были женѣ коллежскаго ассесора Мазуровой, которою отправлены къ нему, Костомарову, въ Саратовъ. Затѣмъ, по ходатайству Костомарова, хранившіяся въ канцеляріи генералъ-губернатора въ особомъ тюкѣ бумаги его препровождены саратовскому губернатору для врученія по принадлежности. Болѣе въ управленіи моемъ никакихъ бумагъ Ко-

стомарова нѣтъ. Изъ настоящей же просьбы профессора Костомарова видно, что въ возвращенныхъ ему бумагахъ оказалась записочка неизвѣстно чьей руки, въ которой сказано: «передать бумаги Костомарова профессору Иванишеву». На этомъ основаніи имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, увѣдомить меня: нѣтъ ли этихъ бумагъ въ коммиссіи для разбора древнихъ актовъ или у дѣйств. ст. совѣтника Иванишева?»

На этомъ письмѣ князя Васильчикова рукою М. В. Юзефовича помѣчено: «Немедленно справиться, нѣтъ ли изъ этихъ бумагъ чего-нибудь при дѣлахъ коммиссіи, и ежели есть, то отъ кого онѣ получены».

Розыски въ коммиссіи не привели, однако, ни къ чему, и спустя нѣсколько дней М. В. Юзефовичъ увѣдомилъ генералъ-губернатора, что «по справкѣ въ дѣлахъ коммиссіи ни одной изъ поименованныхъ въ спискѣ рукописей проф. Костомарова не оказалось, и что по причинѣ отсутствія дѣйств. ст. совѣтника Иванишева въ Варшаву дальнѣйшей справки до его возвращенія сдѣлать не возможно».

Въ концѣ концовъ названныя рукописи оказались пропавшими—навсегда ли? Хотѣлось бы вѣрить, что онѣ еще отыщутся когда либо. Вѣдь нельзя же предположить, чтобы кто нибудь истребилъ ихъ намѣренно. А пока—почитателямъ покойнаго историка остается пополнить длинный списокъ его твореній четырьмя новыми, до сихъ поръ никому невѣдомыми названіями.

L.

Рисунки Шевченка.

Къ перечню книгъ, иллюстрированныхъ Шевченкомъ (см. «К. Ст.» 1888 №№ 1—3), слѣдуетъ прибавить роскошное по своему времени изданіе Жернакова «Русскіе полководцы или жизнь и подвиги россійскихъ полководцевъ отъ временъ императора Петра Великаго до царствованія императора Николая I» Спб. 1845 г. Текстъ этого изданія, какъ и въ «Исторіи Суворова», составленъ Н. Полевымъ. Двѣнадцать портретовъ полководцевъ (Петръ I, Б. П. Шереметевъ, Меньшиковъ, Минихъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Кутузовъ, Барклай де Толли, Витгенштейнъ, Дибичъ и Паскевичъ), какъ упомянуто въ предисловіи къ книгѣ, «рисованы извѣстнымъ художникомъ Т. Г. Шевченко, гравированы на стали знаменитымъ граверомъ Робинсономъ и отпечатаны въ Лондонѣ». Эти двѣнадцать рисунковъ—

самые тщательные изъ всѣхъ встрѣчающихся въ иллюстрированныхъ Шевченкомъ книгахъ, но въ нихъ менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, замѣтна личность рисовальщика. Капризный и не всегда правильный карандашъ украинскаго поэта подвергся здѣсь очевидно выправкѣ аккуратнаго и набившаго руку рѣзчика, сгладившаго, индивидуальныя особенности рисунка. Двѣ книги Полеваго съ рисунками Шевченка свидѣтельствуютъ о существованіи между обоими писателями,—одинаково вышедшими изъ народа,—извѣстной близости и знакомства. Приглашеніе Шевченка для иллюстрированья изданья роскошнаго и посвященнаго императору Николаю, а также упоминаніе о немъ какъ о художникѣ «извѣстномъ» показываетъ, что около 1845 года его репутація, какъ артиста, уже стояла на нѣкоторой высотѣ. Это было по окончаніи имъ академіи художествъ и полученіи академической степени. Въ томъ же 1845 году вышла первая серія офортовъ поэта «Живописная Украина». Въ капитальномъ трудѣ г. Ровинскаго «Русскіе гравированные портреты», въ числѣ изданій—серій, упомянуты и «Русскіе полководцы», но безъ означенья о принадлежности рисунковъ Шевченку, которая, между тѣмъ, несомнѣнна.

Пользуемся случаемъ, чтобъ привести изъ того же превосходнаго сочиненія маленькое дополненіе къ списку офортовъ Шевченка, напечатанному у насъ. («К. Ст.» 1888, № 6) Офорты эти многими теперь тщательно разыскиваются и собираются, а установить ихъ полный перечень необходимо. Въ замѣткѣ г. Ровинскаго объ этихъ офортахъ пропущены нѣкоторые нами перечисленные, но упомянуты нижеслѣдующіе, о которыхъ намъ было неизвѣстно. «Въ моемъ собраніи, пишетъ Ровинскій, находятся гравюры Шевченка: Къ «Цыганамъ» Пушкина, Король Лиръ, Головка, Одалиска (не брюлловская Вирсавія), крестьянинъ-старикъ, маленькій малороссійскій пейзажъ и четыре копіи *съ гравюръ* Рембрандта».

Изъ прошлаго г. Кіева.

I. *Дѣло по челобитью кіевскаго Межигорскаго монастыря игумена Ѳеодосія съ братіею о выдачѣ милостыни.*

Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексіевичу, Петру Алексіевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ бьютъ челомъ богомольцы ваши, кіевскаго Межигорскаго монастыря игуменъ Ѳеодосій съ братіею. По указу

блаженныя памяти отца вашего государева, и брата вашего и васъ, великихъ государей, велѣно намъ богомольцамъ на препитаніе братіи изъ вашей государевы казны давать милостыни въ пятой годъ; и нынѣ, государи, пятый годъ пришелъ, а вашего государева жалованья намъ не дано. Милосердые государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексіевичъ, Петръ Алексіевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожалуйте насъ, богомольцовъ своихъ, велите, государи, по вашимъ, великихъ государей, указомъ на нынѣшній годъ изъ вашей государевы казны выдать намъ, богомольцамъ, милостыню, что вамъ Господь по сердцу извѣститъ. Великіе государи смилуйтеся

На оборотѣ: «202 г. декабря въ 20 д. Выписать».

И въ приказѣ Малыя Россіи выписано:

Въ жалованной великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, грамотѣ, какова дана кіевскаго Межигорскаго монастыря игумену Ѳеодосію съ братіею въ прошломъ во 192 году написано: велѣно того монастыря игумену Ѳеодосію и впредь кто по немъ иные игумены будутъ пріѣзжать къ великимъ государемъ къ Москвѣ бити челомъ о милостынѣ или для того же присылать старцовъ трехъ или четырехъ человѣкъ въ пятый годъ.

И въ прошломъ въ 198 г. по вышеписанной ихъ, великихъ государей, жалованной грамотѣ былъ въ пріѣздѣ того Межигорскаго монастыря намѣстникъ Иродіонъ, да келарь Илья, іеродіаконъ Филаретъ бити челомъ великимъ государемъ о милостынѣ, а указной годъ имъ тогда въ 197 году.

И въ томъ же во 198 году послано съ нимъ намѣстникомъ ихъ, великихъ государей, жалованья въ тотъ монастырь игумену съ братіею на милостыню сорокъ соболей въ 50 рублей.

А въ нынѣшнемъ, въ 202 году, пріѣзду ихъ бити челомъ великимъ государемъ о милостынѣ указной годъ.

И великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, кіевскаго Межигорскаго монастыря игуменъ Ѳеодосій съ братіею бьетъ челомъ, что по ихъ, великихъ государей, указу велѣно имъ на препитаніе братіи изъ ихъ, великихъ государей, казны давать милостыню въ пятый годъ, и нынѣ указной годъ пришелъ, а великихъ государей жалованья имъ не дано.

И великіе государи пожаловали бъ его, игумена съ братіею, велѣли имъ на нынѣшній годъ изъ своей, великихъ государей, казны выдать милостыню.

Помѣта: «202 г. генваря въ 3 д. великіе государи пожаловали кіевскаго Межигорскаго монастыря игумена Ѳеодосія Васковскаго съ братіею, велѣли имъ дать своего великихъ государей жалованья по своей государской жалованной грамотѣ въ указной годъ милостыни собольми на пятьдесятъ рублей и послать къ нимъ тое милостыню съ намѣстникомъ того монастыря Иродіономъ».

На оборотѣ: «великихъ государей жалованья намѣстникъ Ѳедосъ, монахъ Иродіонъ въ Межигорской монастырь братіи на милостыню шесть паръ соболей въ пятьдесятъ рублевъ взялъ и росписался».

II. *Дѣло по челобитью кіевскаго Свято-Никольскаго пустыннаго монастыря игумена и Братскаго училищнаго монастыря ректора Іоасафа Кроковскаго о выдачѣ жалованья въ Никольскій и Братскій монастыри.*

I. Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, бьетъ челомъ богомолецъ вашъ изъ Кіева Свято-Никольскаго пустыннаго монастыря игуменъ и Братскаго училищнаго монастыря ректоръ Іоасафъ Кроковскій. По вашему, великихъ государей, указу даны намъ, богомольцомъ, ваши, великихъ государей, жалованныя грамоты, велѣно намъ пріѣзжать къ Москвѣ для вашего, великихъ государей, жалованья изъ Братскаго монастыря въ третій годъ, а изъ Никольскаго монастыря въ пятый годъ. Милосердые великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожалуйте меня богомольца своего, велите, государи, по тѣмъ своимъ, великихъ государей, жалованнымъ грамотамъ свое, великихъ государей, жалованье выдать. Великіе государи смилуйтеся!

На оборотѣ помѣчено: «Выписать».

И въ приказѣ Малыя Росіи выписано:

Въ жалованной великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, грамотѣ, какова дана Николаевскаго пустыннаго монастыря игумену съ братіею въ прошломъ во 197 г. сентября въ 19 д. написано: велѣно ему, игумену, и впредь кто по

немъ въ томъ монастырѣ иные игумены будутъ, присылать къ великимъ государемъ бити челомъ для милостыни въ пятый годъ.

И въ прошломъ въ 199 г. къ великимъ государемъ былъ въ пріѣздѣ съ преосвященнымъ Варлаамомъ, митрополитомъ кіевскимъ, того Никольскаго пустыннаго монастыря игуменъ Іоасафъ Кроковскій и билъ челомъ великимъ государемъ по той жалованной ихъ, великихъ государей, о милостынѣ, и съ нимъ послано въ тотъ монастырь великихъ государей жалованья на милостыню собольми на тридцать рублей. А указной годъ тому пріѣзду для милостыни былъ въ 201 году. А нынѣ, по вышеписанной ихъ великихъ государей жалованной грамотѣ, пріѣзду изъ того монастыря къ Москвѣ для милостыни указной годъ будетъ въ прошломъ въ 206 году. Да въ жалованной же ихъ, великихъ государей, грамотѣ, какова дана въ Богоявленской Братской монастырь въ прошломъ въ 192 г. августа въ 16 д. написано: велѣно того монастыря игумену, и впредь кто по немъ иные будутъ, присылать къ великимъ государемъ къ Москвѣ бити челомъ о милостынѣ въ третій годъ.

И въ прошломъ въ 199 г. къ великимъ государемъ былъ въ пріѣздѣ Богоявленскаго Братскаго монастыря намѣстникъ и ректоръ Гавріилъ и билъ челомъ о милостынѣ, и съ нимъ тогда послано въ тотъ монастырь великихъ государей жалованья на милостыню соболей на 30 рублей. А нынѣ, по вышепомянутой жалованной ихъ великихъ государей грамотѣ, Богоявленскаго Братскаго монастыря пріѣзду къ Москвѣ для милостыни указной годъ.

И великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, бьетъ челомъ Николаевскаго пустыннаго и Братскаго монастырей кіевскихъ игуменъ и ректоръ Іоасафъ Кроковскій, что, по указу великихъ государей, даны имъ ихъ, великихъ государей, жалованныя грамоты, а по тѣмъ жалованнымъ грамотамъ велѣно имъ пріѣзжать къ Москвѣ для ихъ, великихъ государей, жалованья изъ Братскаго монастыря въ третій годъ, а изъ Никольскаго монастыря въ пятый годъ. И великіе государи пожаловали бъ его игумена и ректора, велѣли по тѣмъ своимъ, великихъ государей, жалованнымъ грамотамъ то свое, великихъ государей, жалованье выдать.

Помѣта: «202 г. декабря въ 19 д. Великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожаловали изъ Кіева Богоявленскаго Братскаго монастыря игумена и ректора Іоасафа Кроков-

скаго, велѣли съ нимъ послать своего великихъ государей жалованья въ тотъ Братской монастырь на милостыню собольми на тридцать рублей, и о томъ въ Сибирскій приказъ послать память, потому что по ихъ, великихъ государей, жалованной грамотѣ нынѣ пріѣзду его изъ того Братскаго монастыря указной годъ. А въ Никольской пустынный монастырь ихъ великихъ государей жалованья на милостыню нынѣ не посылать, для того что пріѣзду изъ того монастыря указной годъ будетъ въ пришломъ въ 206 году».

На оборотѣ: «Великіе государи жалованїа въ Братской монастырь на милостиню три пари соболей по десѧти рублѧ пара того монастыря Парѳеній намѣстникъ взялъ и расписалсѧ».

II. 202 г. генваря въ 3 д. По указу великихъ государей... дати золотаго дѣла мастеру, иноземцу Якову Буду, за три золотыхъ червонныхъ, что онъ золотилъ ковчегъ серебряной на государственную большую печать къ ихъ великихъ государей жалованной грамотѣ, которую велѣно дать кіевскаго Братскаго монастыря игумену и ректору Іоасафу Краковскому съ братіею на школы, по рублю, по четыре алтына, по двѣ деньги за золотой; да къ тому жъ ковчегу ему жъ, Якову, за прибавочное серебро, за пятнадцать золотниковъ, рубль, пять алтынъ, изъ приказа Малыя Росіи отъ росходу изъ обмѣнныхъ денегъ на чехи, записавъ въ росходъ, дать деньги съ росписью.

III. 202 г. генваря въ 8 д. По указу великихъ государей... дати государственнаго посольскаго приказа золотописцу Матвѣю Андрееву за золото, которымъ онъ писалъ на *пергаминномъ* листу застовицу и фигуры на жалованную ихъ великихъ государей грамоту, которую дать велѣно кіевскаго Братскаго монастыря игумену Іоасафу Краковскому съ братіею на школы, три рубля изъ приказа Малыя Росіи отъ росходу. Діакъ Иванъ Волковъ.

IV. 202 г. генваря въ 19 д. По указу великихъ государей... взято въ приказъ Малыя Росіи къ ихъ великихъ государей жалованной грамотѣ, которую велѣно дать изъ Кіева Братскаго монастыря игумену и ректору Іоасафу Краковскому на школы, въ рядѣхъ у торговыхъ людей на крышку: таѳты струйчатой аршинъ съ четью, да на привязку къ той грамотѣ ковчега шнуру, золото съ серебромъ, пять аршинъ, да четыре варворки, да двѣ кисти, да двѣ жолонки, а по договору дать сурожскаго ряда торговому человѣку Сенькѣ Иванову за таѳту 30 алт., кружевного ряду торговому человѣку Аѳонькѣ Наумову за шнуръ по 8 алт. по 2 д. за аршинъ, за вор-

ворки и за жолонки по 10 д., за двѣ кисти 13 алт. 2 д. изъ приказа Малыя Росіи отъ росходу изъ тѣхъ денегъ, которыя взяты за остаточный шелкъ сырецъ. Діакъ Иванъ Волковъ.

(Изъ документовъ московскаго архива М. Ю. Сибирскаго приказа столбъ № 6,970).

А. Востоковъ.

Одинъ изъ Мазепинцевъ.

(Прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко).

Прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко и миргородскій Апостолъ по свидѣтельству Орлика, «паче иныхъ, большое до Мазепы дерзновеніе имѣли», т. е. пользовались наибольшимъ на Мазепу вліяніемъ. Апостолъ и Горленко были сваты: старшій сынъ Горленка, Андрей, былъ женатъ на дочери будущаго гетмана. Когда Апостолъ и Горленко, измѣнивъ, пошли за Мазепою къ шведамъ, не отсталъ отъ нихъ и Андрей Горленко. Но Апостолъ скоро разсчиталъ всѣ невыгодныя послѣдствія своего единенія съ Мазепой и—вернулся къ царю. Онъ же конечно, убѣдилъ вернуться къ царю и зятя Горленка, который объ этомъ возвращеніи разсказываетъ: «Я, нижайшій, хочай въ неволѣ и по крайней нуждѣ принужденъ былъ обрѣтатись при отцѣ и матцѣ своей и свойственникахъ; однакъ устороживши измѣнника Мазепы хитрость и змѣну, оставя отца и матерь и свойственниковъ, самъ только зъ тоей непріятельской стороны, увойшолъ, еще на масляницѣ въ 1709 году. И за возвращеніемъ, когда я прибылъ къ тестю своему, полковнику миргородскому, въ м. Голтву, то онъ, тесть, заразъ меня оттоля послалъ до его императорского величества. И я... пріѣхалъ въ Воронежъ и тамъ былъ представленъ предъ лице его величества и пріятъ милостиво, безъ всякого пороку, и получилъ жалованье сто рублей. И при томъ дано мнѣ отъ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) письмо, по именному указу его имп. величества, до гетмана Скоропадскаго; а Меншиковъ написалъ послѣднему: «которыя ни есть на Украинѣ отца его Андрея и его самаго маетности, всѣ отдать ему».—Извѣстіе объ этой милости къ Андрею Горленку произвело межъ прилуцкою старшиною большое смятеніе. Новый прилуцкій полковникъ Носъ, конечно, разсчитывалъ воспользоваться частью Горленковскихъ маетностей, которыхъ въ полку было очень много; то же думала, конечно, и полковая старшина. Желая помѣшать испол-

ненію меншиковскаго распоряженія, Носъ написалъ Скоропадскому письмо, въ которомъ, не жалѣя красокъ, нарисовалъ картину—какъ Горленки нажили въ прилуцкомъ полку свои маетности.—Письмо это представляетъ одно изъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ о Мазепиномъ управленіи Малороссіей и о томъ произволѣ, который царилъ вообще въ администраціи гетманской Малороссіи. Приводимъ это письмо здѣсь полностью [1]).

Ясневелможній мосцѣ пане гетмане, мой велце милостивый пане и особливый добродѣю. Листъ поважній велможности вашой, пана моего милостиваго, рукъ моихъ дойшолъ, въ которомъ виражаетъ велможность ваша, премилостивый мой добродѣй, о прибытѣ сина бывшого полковника нашего прилуцкаго Горленка и о полученіи причинного листа отъ свѣтлѣйшого князя Александра Даниловича Меншикова, до велможности вашой данимъ, интерцедуючого стороны привернеця добръ, такъ его власнихъ наданихъ, яко и отецкихъ таковыхъ же. Прето я на поважній листъ вашъ реиментарскій, пана судью моего и пана асаула полкового посилаю, которіе велможности вашой о всѣхъ кгрунтахъ и маетностяхъ, якимъ способомъ понажилъ на полковництви своемъ отецъ пана Андрѣевъ, роскажутъ досконале, а до того и реестръ о томъ споряженній, совершенно посилаючійся до рукъ велможности вашой черезъ онихъ окажетъ. Прошу теды въ томъ велможности вашой, пана моего, не себе таковой ласки: ежели панъ Андрѣй, сынъ бывшого полковника нашего прилуцкаго, зъ прошлою властию своею до своего на первобытіе повернется дому, то не толко я зъ полковничого уряду, але и всѣ мещане наши, значніе и найподлѣйшіе люде, зъ жилищъ своихъ уступится мусятъ. Доситъ того, же его отецъ здобячи свои доми и распространяючися ними, гдѣ было якое згодное ку пожитку людскому въ полку нашемъ мѣстце, все онъ своими пооднималъ хуторами, подъ такою кондиціею: будто едному заплатитъ, а сотце и другое людей муситъ и отъ своихъ добръ уступати; настроилъ хуторовъ на волнихъ здавна степахъ, нетолко себѣ, але и своимъ дѣтямъ, на которихъ бѣдніе люде многіе въ заживаню поль, въ кошеню сѣновъ, для отбуваня тяжкихъ своихъ повинностей, чинили пожитки, а онъ все тое поотездилъ на себе и на свои дѣти: сѣна по килкодесять скирдъ кошовалися здавне на особливыхъ въ степу сѣножатехъ за бывшихъ антецессоровъ пановъ пол-

[1]) Отрывки изъ него были приведены въ Русск. Арх. 1875 г., кн. II, въ статьѣ о Горленкахъ.

ковниковъ прилуцкихъ, на полковничую потребу; а отецъ его, когда сталъ полковникомъ прилуцкимъ, то не толко тіе особливіе сѣножати, якіе на бывшихъ пановъ полковниковъ прилуцкихъ кошовалися, плугами поизоровалъ и пообкоповалъ скопцами, себѣ и дѣтямъ своимъ на потомніе часи, лечъ и мѣзернихъ людей власніе сѣножати и поля пахатніе, нивы и облоги, все загонами своими пооднималъ и до хуторовъ своихъ поприворочовалъ, же до сего часу безъ найманя трави въ старостовъ его, трудно было бѣдному человѣкови и на возъ сѣна вкосити. И такое щуплому полку моему хуторами своими и дѣтей своихъ учинилъ стѣснене, же где осмотрѣти, то все (хоть здавна належало на бывшихъ полковниковъ антецессоровъ моихъ) теперь его власное—будто купилъ; и купчіе отбираетъ, хотя хто и не радъ продавати, а онъ яко многомощній будучи властелинъ, все, що хотѣлъ тое и привлащавалъ, мѣючи своего протектора и отца бывшого гетмана Мазепу, которій не толко въ томъ, въ чомъ просилъ, чи слушне, чи не слушне проситъ, не видя обѣди людской, видавалъ на кгрунта и маетности его свои унѣверсали), *лечъ и на цѣлий полкъ, на всѣхъ людей посполитихъ и козаковъ, если бы просилъ его такого унѣверсалу же бы непремѣнно всѣ были ему отдани въ подданство на вѣчность, то бы и на тое такъ подуфалому своему сыновѣ*, не моглъ бы одмовити. А и такъ онъ любо не мѣлъ такового данного отъ Мазепи на цѣлий полкъ унѣверсалу, жебы панщиною людми зо всего полку зжинати збоже и сѣно косити, еднакъ поддаНимъ своимъ чинячи фолгу, якихъ мѣлъ болшъ тисячи, все збоже по хуторахъ насѣяное по достатку, бѣднихъ людей зъ усего полку згоняти—зжинати и спрятовати, онимъ росказовалъ, за которою то его работизною не еденъ бѣдній человѣкъ своего не моглъ спрятати збожя, и такъ роблячи на его все лѣто, мусѣлъ себѣ въ людей зимою заробляти хлѣба. Що всякъ зъ насъ признати муситъ, хто тилко лядзскихъ пановъ памятаетъ, же далеко барзѣй горшая мука въ работизнѣ была одъ полковника бывшого всему нашему полку, нежели за пановъ лядзскихъ: и такъ немордовали пани лядскіе своихъ поддаНихъ и не забивали до смерти кіями, якъ отецъ его мужиковъ и козаковъ; а не толко отецъ его, лечъ и онъ самъ, панъ Андрѣй—не еднихъ людей боемъ своимъ припроводилъ до калѣцства и смерти, въ чомъ любо не спецѣфѣкую въ листѣ моемъ, еднакъ посланніи мои, если того потреба вказовати будетъ, достовѣрне предъ велможностю вашею неустыдятся его такового забойства на очне исказати—кого забывъ и на якомъ мѣсцу. Якой же будемъ мы себѣ сподѣватися на-

дѣи зъ такового намъ сожителя, которій подуфалъ енерала Крейца, жебы людей всѣхъ въ мѣстѣ (Прилукѣ) вирубати, повѣдаючи ему, же кромѣ ихъ дому, не машъ въ мѣстѣ (городѣ) шведамъ пріятеля, въ чомъ самую признавалъ истинну. Лѣсы, которіе по панахъ лядскихъ позоставалися и належали бывшимъ панамъ полковникомъ, еднимъ по другихъ, и тое онъ едно полѣтичною штукою, другое властію, давши що колвекъ грошей на церковъ, албо на громаду, хотяй стократъ болшей стояли того, тие кгрунта и на потомніе часи себѣ и дѣтямъ своимъ позаписовалъ, млыни где зналъ пожитечніе, то также себѣ розмайтими понабывалъ способами: подъ мѣстомъ—одвохъ колахъ млынъ, якій зъ ласки велможности вашой, на мою полковничую идетъ особу, таковимъ ему достался способомъ: не велѣлъ потоль греблѣ гатити, поколь ему мелники едного кола не подаровали, а другое будто купилъ за гроши; на Степуриной греблѣ новой, переволочанской млынъ въ двохъ колахъ, якимъ завѣдуетъ до ласки велможности вашой, писаръ мой на сейчасъ полковий, и той таковимъ досталъ себѣ способомъ: потоль не велѣлъ греблѣ той подимати и гатити, повѣдаючи, же лѣси попудтоплювали людскіе, поколь такъ же не учинили мелники тоей Степуринской греблѣ, якъ и прилуцкіе, бо могущему хотя бы и слушне хто чого боронилъ, возбранити неможно. А о иншихъ млинахъ, кгрунтахъ и маетностяхъ, до которыхъ чинитъ интересъ синъ бывшого полковника прилуцкого, особливий реестръ якъ вижей спецѣфѣковалося, покажетъ. Интересъ чинитъ панъ Андрей, синъ бывшого полковника прилуцкого, до маетностей и кгрунтовъ, а того не вѣдаетъ, что отецъ его взялъ войсковихъ грошей зъ мѣста нашего Прилуки, зъ арендъ, черезъ пятнадцять лѣтъ, на потребы нуждніе войсковіе припадаючихъ, тридцять тисячей и три тисячи, двѣстѣ и пять десятъ золотихъ доброй монети, о чомъ уже и подавали велможности вашой полчане мои супплѣку и о тое всѣ плачливе просятъ, ищучи милосердія вашего рейментарского и впредъ если Богъ пошлетъ тихомирній часъ, васъ просити будутъ велможности вашой, въ такихъ скорбнихъ часехъ неменшую въ добрахъ своихъ руину понесши, не отъ кого иншого толко болшей отъ своего бывшого властелина, его родича, жебы не толко его родича села самимъ имъ завладѣніе, але и иншихъ особъ зъ полковъ чужихъ черезъ его жъ въ поддянство наданіе, по прежнему для улженія и помочи зубожалому и зруйнованому полку моему, до своихъ сотенъ, особливою вашею панскою милостію были поприверстаны, а до того и мнѣ сего неспокойного времямешкаючи вотще на полковничомъ урадѣ и подручнимъ моимъ, но-

вопоставленимъ безъ якой колвекъ нагороды не будетъ охота до услугъ и працъ войсковыхъ ложеня, ежели панъ Андрѣй всѣ свои и отцевскіе посядетъ маетности, бо новимъ моимъ подручнимъ, новіе надаючи маетности не будетъ кому и належитихъ до мѣстечокъ полку моего отдавати повинностей. О томъ всемъ велможности вашой, пану моему ознаймивши, егожъ непремѣнной отческой себе навсегда полецаю ласце. Велможности вашой пана моего и особливого добродѣя во всемъ поволній и радъ служить, его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковникъ прилуцкій Іванъ Носъ. Зъ Прилуки. Апрѣля 11 д., 1709 року.

Плачъ дворянина.

(*Сатира конца XVIII в.*).

Любезнѣйшій изъ всѣхъ губернскій предводитель,
Лѣсовъ, земель, левадъ нелестный былъ любитель.
Недаромъ это все отъ насъ онъ принималъ;
Зато во благородство насъ безспорно постригалъ,
Благоразумно намъ совѣтовалъ всегда,
Какъ въ дозательствахъ писать все безъ стыда:
Иному говорилъ: скажи, что дѣдъ полковникъ;
Другому, что отецъ изъ Польши твой покойникъ;
А благородные двенадцать человѣтъ
Подпишутъ, что было прежде ихъ хоть завѣкъ!
Одни за интересъ, другіе съ простоты...
Что нужды дотого—лишь дворяниномъ ты.
Мы слушая сево разумного совѣта,
Всѣ кланялись ему безъ всякаго отвѣта;
Давали все ему что̀ было у кого,
Понеже вольность намъ дороже отъ всего!
Котору получа, быть чаяли въ блаженствѣ,
И ползуяся всѣмъ считатся въ равенствѣ;
Въ солдаты чтобъ нейтить и не платить оклады,
Избѣгнуть тягости и вырватся какъ съ ада!
Въ чемъ всѣхъ насъ ободрялъ роменскій нашъ меценъ,
Что нынѣ ужъ и самъ посля главы, ничемъ.
Послѣ сего насталъ изъ Веприна начальникъ,
Который также былъ для насъ всегда наставникъ.

Сему хотя были изъ сената повелѣнья,
Чтобъ перебрать дѣла и съ ними всѣ сплетенья...
Но милостивый сей и щедрый нашъ отецъ
Въ дворянствѣ утвердилъ всѣхъ насъ, его овецъ,
Что не жалѣли шерсть и кожу подарить,
Лишь бы попрежнему въ козачествѣ небыть!
Но все пропало то безвратно:
Намъ видно не вкушать что̀ въ свѣтѣ есть пріятно!
Въ четвертомъ поприщѣ иной сталъ предводитель,
Что лжѣ великой врагъ, а истины хранитель.
Извѣстнымъ онъ путемъ старался уничтожить
То зло, которое всѣ тщалися умножить.
Онъ сходной получа указъ съ его желаньемъ,
Всемѣрно поспѣшалъ своимъ благимъ стараньемъ
Очистить плевелы отъ чистыя пшеницы:
Писать во благородство лишь кто былъ слуга царицы.
Онъ разсмотрѣвъ дѣла, со тщаніемъ, безпристрастно,
Нашолъ, что ложно есть—многимъ отдалъ обратно,
Велѣлъ поправится и лучше доказать,
Или какимъ кто былъ, тѣмъ вѣчно пребывать!
Но сколько нижелалъ онъ правду наблюдать,
Принужденъ иногда лукавству уступать:
Въ дворяне приняты два рода изъ крестянъ,
Что ходатаемъ былъ за нихъ великій панъ!
Въ чемъ хоть и погрѣшилъ безъ умысла неложно,
Многимъ одно подвестъ—всегда возможно.
Что дѣлъ всѣхъ онъ немогъ окончить безъ остатка,
Тому причиною блюстители порядка,
Которые ему старалися мѣшать.
Усердіе свое казнѣ чтобъ показать,
При всемъ томъ окончивъ служеніе похвально,
Хоть за поступками смотрѣли и пристально,
Во внутренны дѣла дворянскіе вступилъ,
Для общей выгоды хорошій домъ купилъ,
Денежную казну завелъ изъ складокъ,
И основалъ всему надлежащій порядокъ.
О займахъ правила той суммы положилъ,
И вскорѣ тотъ заемъ дѣйствительно открылъ;
Однакоже не могъ всей угодить громадѣ!

Да гдѣ жъ тотъ человѣкъ, въ раѣ нѣтъ, ни во адѣ,
Чтобъ обществу могъ угодить всему,
Когда упреки есть и Богу самому.
Но что намъ до того, скажу я про себя;
Чрезъ милость Шемета помѣстили меня
Въ число тѣхъ, что въ казну не платятъ ничего;
Зато я не жалѣлъ рублей ста для него.
Но нынѣ ужъ для насъ настало злое время,
Что члены на себя взяли чужое бремя,
И секретарь дѣла обязанъ лишь представить,
А предводитель самъ въ чемъ надобно поправить.
Иваномъ ужъ Петра неможно написать.
А крѣпостей чужихъ не думай представлять!
О всемъ справляются и все трактуютъ дѣло
Ложь найдутъ иль обманъ, какъ ни наступай смѣло...
Чего же какъ и я представилъ вить немало—
Крѣпость, свидѣтельство и чтожъ тутъ недостало...
Изъ первой явственно, что былъ дѣдъ старшина,
Въ котораго была вельможная жена;
Съ второй, что отецъ межъ шляхтъ служилъ,
Подвойнаго себѣ чинъ въ войскѣ получилъ,
Но все не теперь мнѣ отдавать обратно
А что я потерялъ, пропало невозвратно...
Надѣюсь на творца! сей станетъ за меня!
Пусть будетъ тѣмъ и симъ! онъ—праведный судья!

Примѣчаніе. Приведенный здѣсь «плачъ дворянина» писанъ на листѣ сѣрой бумаги, почеркомъ вѣроятно конца XVIII в., такъ какъ передъ заголовкомъ имѣется помѣта: «іюня 3, 1799». Стихотвореніе это вызвано поголовнымъ стремленіемъ въ концѣ XVIII в., малороссійской старшины, отъ полковника до вознаго,—попасть въ дворянство, «въ солдаты чтобъ не итти и не платить оклады». Литература этого рода была довольно распространена въ Малороссіи [1]). «Плачъ дворянина» написанъ повидимому въ полтавской губерніи и быть можетъ въ роменскомъ уѣздѣ... Желательно получить поясненія къ сему стихотворенію. *Ред.*

---

[1]) См. „Родословную Данилея Кукси“ въ Кіевск. Стар. 1882 г., т. I, стр. 223.

Для справокъ.

—— **По поводу слова „перемотъ“.** Живя лѣтомъ на Короповомъ хуторѣ, который стоитъ у самаго берега р. Донца, мнѣ пришлось нѣсколько разъ слышать слово „перемотъ“ въ смыслѣ техническаго термина, именно этимъ словомъ крестьяне называютъ рыболовный снарядъ слѣдующаго рода: длинная, въ нѣсколько саженей, бичевка съ нѣсколькими перпендикулярными къ ней, аршина въ $1^1/_2$—2, веревочками, ан конпѣ которыхъ привязаны стальные крючья. Перемотъ ставятъ при входѣ въ заливъ или поперегъ Донца, гдѣ онъ узокъ, послѣднее, впрочемъ, рѣдко; концы бичевки привязываютъ къ двумъ палкамъ (по одному къ каждой), которыя укрѣпляютъ на твердой почвѣ или же въ водѣ, если у береговъ не глубоко; на крючья, находящіеся въ водѣ, насаживаютъ небольшихъ рыбокъ, такъ называемые „жывци“ т. е. живыя, которыя и служатъ приманкою главнымъ образомъ для сомовъ, въ изобиліи водящихся въ р. Донцѣ.

И. З.

—— **Письмо въ редакцію.**

М. Г. Г-нъ Редакторъ!

Прошу васъ дать мѣсто слѣдующему разъясненію на страницахъ „Кіевской Старины“. Въ августовской книжкѣ вашего почтеннаго журнала я прочелъ краткую замѣтку обо мнѣ г. Ив. Новицкаго (стр. 572). Не стану касаться неточности сообщенныхъ имъ біографическихъ свѣдѣній, хотя въ Кіевѣ ихъ нетрудно было получить. Я считаю нужнымъ лишь заявить, чтобы не вводить въ заблужденіе библіографовъ, что сообщеніе, будто я писалъ также по польски, совершенно невѣрно: *никогда* мною не было написано *ни одной строчки* на этомъ языкѣ. Такимъ образомъ, совершенно просто объясняется то обстоятельство, что „Ruch“ не упомянулъ обо мнѣ: въ его программу не входило помѣщать біографіи русскихъ, писавшихъ по исторіи Польши.

Примите и проч.

Николай Любовичъ.

4 сент. 1889 года.
Варшава.

Библіографія.

Этнографическое Обозрѣніе. Періодическое изданіе этногр. отдѣла импер. общ. любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Кн. I. подъ редакціей Н. Я. Янчука. Москва 1889 г. in 8 182 стр.

Передъ нами первая книжка новаго и единственнаго у насъ періодическаго изданія, посвященнаго исключительно этнографіи. Редакція намѣрена выпускать въ годъ только 4 такихъ книжки въ объемѣ около 10 печатныхъ листовъ цѣною по 1 р. 50 к. за книжку. Посвящая изданіе изученію всѣхъ народностей Россіи, «не устраняя ни одной живущей или жившей въ ней народности», редакція ставитъ своей главной задачей «популяризацію научныхъ выводовъ и разработку вопросовъ мало изслѣдованныхъ или вовсе не затронутыхъ наукою», при чемъ будетъ обращать особое вниманіе на библіографическій отдѣлъ. Въ краткомъ предисловіи редакція оговаривается впрочемъ, что она «не даетъ заранѣе подробной программы изданія». Осторожность эта, полагаю, выйдетъ очень кстати, такъ какъ редакціи придется въ весьма скоромъ будущемъ, забывъ всякую широкую программу, сильно съузить намѣченную выше задачу. Сорокъ печатныхъ листовъ въ теченіе цѣлаго года, посвященныхъ изученію всѣхъ живущихъ и жившихъ въ великой россійской державѣ племенъ и народовъ, да кромѣ того популяризаціи научныхъ выводовъ и разработкѣ новыхъ вопросовъ,—это просто «покушеніе съ негодными средствами». Эта первая напр. книжка, кромѣ библіографіи и замѣтокъ чисто справочныхъ, вмѣщаетъ всего семь статеекъ на 136 стр. по частнымъ вопросамъ этнографіи различныхъ племенъ и даже по этнологіи. Неужели при такихъ средствахъ можно задаваться цѣлью изученія сотенъ племенныхъ разновидностей? Въ силу самой необхо-

димости такое изданіе на дѣлѣ будетъ сборникомъ случайныхъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ читателю со временемъ и разобраться не будетъ возможности. Можетъ ли редакція поручиться, что хотя половина подписчиковъ найдетъ въ этихъ 28 статьяхъ въ теченіе года хотя одну статью по занимающему ихъ вопросу или племени? Я не говорю и не осмѣливаюсь предрѣшать еще другаго вопроса: сможетъ ли редакція устоять на высотѣ своего призванія при такой обширной и разносторонней задачѣ? Вотъ почему я убѣжденъ, что редакціи придется въ весьма скоромъ времени значительно съузить изучаемый раіонъ, если она не пожелаетъ погубить своего изданія въ морѣ хаоса, какой нынѣ представляютъ разрозненные матеріалы русской этнографіи. Но обратимся къ содержанію книжки.

Въ качествѣ предисловія къ изданію помѣщенъ докладъ вице-президента общества любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи, профессора Д. Н. Анучина подъ заглавіемъ «О задачахъ русской этнографіи», читанный въ одномъ изъ засѣданій общества. Авторъ въ началѣ дѣлаетъ очень бѣглый обзоръ попытокъ въ области этнографіи Россіи въ XVIII и въ началѣ XIX ст. Онъ совершенно правильно признаетъ великую заслугу постановки этнографіи на научную почву за академикомъ К. Э. фонъ-Беромъ, первымъ предсѣдателемъ отдѣленія этнографіи Россіи русс. геогр. общества. Г. Анучинъ приводитъ обширныя цитаты изъ статей фонъ-Бера, излагая его мнѣнія о задачахъ русской этнографіи, при чемъ отмѣчаетъ, что Беръ, какъ натуралистъ, интересовался всѣми племенами и народностями Россіи одинаково, что не будучи русскимъ, онъ не могъ сознавать важности изученія кореннаго русскаго племени. Пробѣлъ этотъ восполненъ былъ славистомъ-историкомъ Н. И. Надежинымъ въ 1846 г. въ сообщеніи «Объ этнографическомъ изученіи народности русской». Оба они намѣтили географическому обществу задачи, направленія и даже методы, коими оно должно было пользоваться въ предстоящей дѣятельности собиранія этнографическихъ матеріаловъ. Указывалось при томъ, что работы должны быть предприняты немедленно со всей энергіей, такъ какъ съ развитіемъ цивилизаціи племенныя особенности исчезаютъ. Вслѣдъ за этимъ начались работы этнографическихъ экспедицій, возбужденъ былъ всеобщій интересъ къ этнографіи и появилась масса частныхъ работъ и изданій. До нашихъ дней накопились груды сырого матеріала со всѣхъ концовъ Россіи, разсыпанныя по всевозможнымъ спеціальнымъ и общимъ изданіямъ и въ рукописяхъ. «Разростаніе литературы, однако, еще не гарантируетъ ея

научности и полноты, и въ этомъ отношеніи остается еще многаго желать». Такого мнѣнія былъ и А. Н. Пыпинъ, выступивъ въ 1885 г. со статьей «О задачахъ русской этнографіи». Въ этой статьѣ замѣчательный знатокъ современной литературы, указавъ на неполноту собраннаго матеріала, поставилъ рядъ дезидератовъ. Онъ повторялъ мнѣніе Бера, что матеріалъ быстро гибнетъ и требуетъ немедленнаго и усиленнаго собиранія, указалъ на необходимость организовать этнографическое дѣло на широкихъ основаніяхъ, учредить этнографическія станціи, издать осмысленную руководящую программу, свести добытый матеріалъ, хотя бы путемъ подробнаго библіографическаго описанія, учредить, наконецъ, періодическое изданіе и привлечь больше рабочихъ рукъ. Статья эта не удовлетворила г. Анучина. «Задачи этнографіи, говоритъ онъ, въ ней очерчены недостаточно ясно и авторъ распространяется почти исключительно о собираніи этнографическаго матеріала. Между тѣмъ, говорить все только о собираніи и собираніи, жаловаться на недостаточность матеріала и требовать для пополненія его цѣлаго ряда предпріятій и значительныхъ средствъ, по нашему мнѣнію, еще не можетъ помочь дѣлу. Нужно дѣйствовать скорѣе примѣромъ, доказать, что съ малыми средствами можетъ быть *кое что* сдѣлано». Вмѣсто намѣченныхъ г. Пыпинымъ desiderat'овъ, почему то найденныхъ неясными, авторъ находитъ, что «одною изъ ближайшихъ нуждъ этнографіи Россіи должно считаться сведеніе во едино разбросанныхъ свѣдѣній о различныхъ инородцахъ и частяхъ русскаго населенія». Онъ предлагаетъ заняться составленіемъ монографическихъ описаній отдѣльныхъ племенъ и этнографическихъ областей (?). Берущійся за такую работу, долженъ собрать во едино весь добытый уже матеріалъ, отправиться въ изучаемую мѣстность на нѣсколько мѣсяцевъ, собрать весь недостающій матеріалъ и затѣмъ составить монографическое описаніе. Указавъ вкратцѣ содержаніе такихъ монографій и способъ ихъ составленія, г. Анучинъ ставитъ на видъ вторую задачу русской этнографіи. «Этнографія не можетъ быть наукой чисто описательной и ея конечныя задачи должны заключаться въ объясненіи и истолкованіи фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ». Вслѣдствіе этого авторъ рекомендуетъ предпринять рядъ аналитическихъ работъ надъ отдѣльными сторонами народнаго быта, матеріальнаго или духовнаго. «Даже извѣстная категорія повѣрій, извѣстный родъ издѣлій, какой нибудь обрядъ, сказка, предразсудокъ и т. п.» могутъ быть предметомъ изслѣдованій, въ которыхъ долженъ

быть примѣненъ главнымъ образомъ сравнительный методъ. «Аналитическія работы въ области этнографіи должны составлять свой отдѣльный циклъ и преслѣдовать свои особенныя цѣли». «Онѣ имѣютъ въ этнографіи подобное же значеніе, какъ работы сравнительно анатомическія, эмбріологическія и, пожалуй, біолого-географическія въ зоологіи». На этомъ собственно и кончаются дезидераты автора, поставленные русской этнографіи. Статья оканчивается нѣсколькими указаніями на пользу, какую можетъ принесть этнографія для исторіи, «исторіи культуры, *этнологіи или исторіи первобытной культуры въ особенности*» и внутренней политики.

Высказанныя авторомъ положенія заставляютъ меня сдѣлать по поводу ихъ нѣсколько замѣчаній. Въ этихъ положеніяхъ много весьма цѣннаго и вѣрнаго, но есть не менѣе серьезныя недоразумѣнія. Прежде всего, не знаю, много ли авторъ найдетъ въ Россіи этнографовъ и этнологовъ, которые вмѣстѣ съ нимъ признаютъ, что наша этнографія сдѣлала столько, что нѣтъ нужды заниматься болѣе однимъ собираніемъ матеріала. Нѣтъ сомнѣнія, что до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано только начало. Даже и въ тѣхъ счастливыхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе приложено усердія, ознакомленный съ дѣломъ этнографъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ пробѣлы и углы непочатые. А сколько есть мѣстностей, совсѣмъ доселѣ неизслѣдованыхъ! Это знаетъ каждый практическій этнографъ. Не правъ, слѣдовательно, авторъ, упрекая Пыпина въ его скромномъ требованіи во что бы то ни стало собрать скорѣе исчезающіе съ каждымъ днемъ и часомъ этнологическія особенности народонаселенія Россіи. Задача каждой этнографіи, начальная и конечная цѣль ея, описать точно, ясно и *полно* всѣ этническія особенности данной группы. Другое дѣло, какъ это сдѣлать. Прежде, когда этнографія была диллетантствомъ, всѣ работы производились безъ всякаго метода, собирались матеріалы случайно, отрывочно. Со временемъ однако начали безпорядочное собираніе приводить въ системы. Одни стали собирать матеріалы на большихъ раіонахъ, относящіеся къ опредѣленнымъ вопросамъ, другіе стали всесторонне изучать цѣлое племя, не взирая на мѣстныя отличія и разновидности, третьи, наконецъ, стали изучать народъ отдѣльными этнографическими группами, созданными въ силу историческихъ и географическихъ условій. Г. Анучинъ совершенно правильно требуетъ монографическаго описанія отдѣльныхъ группъ, но онъ забываетъ, что этнографія, собственно говоря, должна была съ этого и начать. Иными словами, этнографъ долженъ избрать опре-

дѣленную полную этнографическую группу, изслѣдовать ее, собрать и изложить полно, ясно и точно всѣ ея особенности и добытые раньше другими и лично матеріалы. Это новѣйшій и весьма плодотворный этнографическій методъ. Нѣтъ сомнѣнія, что серьезный этнографъ, изучающій избранную группу, не упуститъ случая воспользоваться всѣмъ, что уже издано изъ этой мѣстности, но для него это всегда будетъ матеріалъ второй руки, случайный.

Что касается второго дезидерата г. Анучина относительно аналитической обработки добытаго матеріала, «истолкованія фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ», то признавая таковой весьма основательнымъ, такъ какъ у насъ въ этомъ отношеніи сдѣлано меньше возможнаго, приходится однако замѣтить, что онъ посланъ не по адресу. Это дѣло этнологіи, но не этнографіи. Дѣло въ томъ, что авторъ имѣетъ своеобразный взглядъ на эти термины.—Изъ одного мѣста въ его статьѣ видно, что онъ подъ этнологіей понимаетъ почему то «исторію первобытной культуры».—Объяснимся точнѣе. Значеніе обоихъ терминовъ легко опредѣляется ихъ этимологіей. Этнологія происходитъ отъ слова ἔθνος—народъ и λόγος—знаніе. Поэтому терминъ этнологія означаетъ науку о народахъ, о законахъ ихъ жизни, развитія, отношеній и т. д.—Въ содержаніе этой науки входитъ главнымъ образомъ объясненіе происхожденія и значенія тѣхъ или другихъ особенностей даннаго народа, въ зависимости отъ вліянія окружающей природы и взаимодѣйствія другихъ этническихъ группъ. Въ этомъ смыслѣ эту науку понимаютъ и западные ученые, а точные во всемъ нѣмцы весьма удачно перевели этотъ терминъ словомъ Völkerkunde (Peschel, Kirchhof). Для успѣха этнологіи необходимъ огромный запасъ всесторонніихъ свѣдѣній объ изучаемыхъ народахъ, о бытѣ и проявленіяхъ его на разныхъ ступеняхъ развитія и культуры.—Потребовалась отдѣльная отрасль знанія, которая бы занялась собраніемъ и упорядоченіемъ годнаго для этнологіи матеріала, т. е. описаніемъ народовъ, ихъ жизни, быта со всѣми его особенными проявленіями. Latham назвалъ ее descriptive ethnology, т. е. описательная этнологія, но за ней удержался прежній греческій терминъ «этнографія» (γράφειν=описать). означающій собственно описаніе народовъ. При такомъ пониманіи этихъ терминовъ, признанномъ не отнынѣ, ясна до очевидности граница между этнографіей и этнологіей. Первая наука строго описательная, точная, какъ анатомія, собираетъ свѣдѣнія, описываетъ народы, не вдаваясь въ разъясненіе причинности и значенія добытаго матеріала.

Вторая чисто аналитическая, разрабатываетъ добытый первою матеріалъ, оцѣниваетъ, сравниваетъ, объясняетъ и затѣмъ даетъ свои выводы. Исходя изъ этихъ теоретическихъ положеній, все таки надо признать, что г. Пыпинъ былъ правъ, требуя отъ русской этнографіи только собиранія матеріала. Это, повторяю, начальная и конечная цѣль этнографіи. Но онъ требовалъ при этомъ собиранія научнаго, осмысленнаго и освѣщеннаго этнологіей, для которой собственно матеріалъ этотъ и нуженъ. А какъ собрать и изложить матеріалъ, чтобы онъ былъ вполнѣ пригоднымъ, готовымъ—это дѣло метода изслѣдованія.

Несмотря на это, хотя и крупное недоразумѣніе, статья г. Анучина представляетъ несомнѣнный научный интересъ. Самымъ цѣннымъ въ ней является ясная постановка вопроса о монографическомъ методѣ этнографическихъ изслѣдованій.

За этой статьей общаго характера идутъ этнографическія работы. Самая обстоятельная—это статья Н. Н. Харузина «О нойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей», посвященная вопросу о шаманахъ и колдунахъ.—Затѣмъ идутъ «Свадебныя обычаи ахалцыхскихъ армянъ» В. Н. Акимова, «О черничкахъ» г-жи В. Н. Свѣтъ, «Замѣтка о народной медицинѣ» П. М. Богаевскаго, составленная по разсказамъ знахарки; «Бесѣдныя складчины и ссыпчины Обонежья» Г. И. Куликовскаго и наконецъ первая глава статьи В. В. Калаша изъ области общей этнологіи «Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ».—За исключеніемъ этой послѣдней статьи, имѣющей болѣе общій интересъ, остальныя четыре составляютъ коротенькія замѣтки по отдѣльнымъ вопросамъ, и не могутъ даже претендовать на полноту.—Очень симпатично сообщеніе г. Куликовскаго о бесѣдахъ на Обонежьи. Эти сѣверныя бесѣды съ складчинами и ссыпчинами живо напоминаютъ малорусскія вечерницы и досвитки.—Можно провести довольно полную аналогію между ними, до того характеръ общенія молодежи и тамъ, и здѣсь одинъ и тотъ же. Весьма жаль, что авторъ привелъ всего одну только пѣсню (виноградіе) изъ цикла, не относящагося впрочемъ къ бесѣдамъ; она поется на Рождество и принадлежитъ къ колядамъ величальнымъ. Интересно бы было познакомиться ближе и подробнѣе съ жизнью этой молодежи, ихъ отношеніями между собою и къ обществу деревни, наконецъ, съ репертуаромъ пѣсеннымъ на бесѣдахъ.—Болѣе прямое отношеніе къ южнорусской этнографіи имѣетъ замѣтка г-жи В. Н. Свѣтъ «О черничкахъ» въ слоб. Тарасовкѣ харьковской губ. купин-

ского уѣз. Слобода Тарасовка село недавнее,—это бывшее военное поселеніе изъ «малороссіянъ-черкасовъ». Мѣстная учительница г. Свѣтъ обратила вниманіе на совершенно оригинальное явленіе въ жизни этого села. Молодыя дѣвушки, обреченныя на безбрачіе въ силу болѣзненнаго состоянія, обѣта родителей или собственнаго призванія, поступаютъ въ черницы-монашки. Болѣе состоятельныя семейства строятъ черничкѣ келью въ своей усадьбѣ; черницы же бѣдныя поступаютъ въ общины. Всѣ онѣ считаются божьими, пользуются уваженіемъ и полной самостоятельностью. Общинъ въ Тарасовкѣ двѣ. Живутъ онѣ въ особыхъ собственныхъ домикахъ, занимаются хозяйскими работами, вышиваніемъ и церковнымъ пѣніемъ.—Между ними въ общинѣ есть одна старшая, управляющая общими дѣлами.—Случаи выхода замужъ такой черницы бываютъ очень рѣдки, такъ какъ это считается позорнымъ какъ для нея, такъ и для родныхъ жениха и невѣсты.—Въ селѣ черницы пользуются уваженіемъ и во всѣхъ своихъ нуждахъ находятъ поддержку и помощь.—Изъ нихъ священникъ составилъ прелестный церковный хоръ, нѣкоторыя выучились играть на скрипкѣ и сдѣлались регентами въ сосѣднихъ приходахъ. Живутъ онѣ въ довольствѣ, лучше одѣваются, чѣмъ крестьянки, не стѣсняютъ себя постомъ, имѣютъ бодрый и веселый видъ.—Явленіе это въ современной деревнѣ, насколько мнѣ извѣстно, исключительно и довольно своеобразно. Интересна бы была исторія возникновенія его и вліянія на сосѣднія села.

Въ концѣ книги 46 стр. убористой печати посвящено двумъ справочнымъ отдѣламъ: библіографія и извѣстія и замѣтки. Оба они, особенно библіографія, составлена весьма полно и удобно и принесутъ несомнѣнную пользу всѣмъ, интересующимся этнографіей Россіи.

Вотъ и все, что я нашелъ необходимымъ сообщить читателямъ «Кіевской Старины» о первой книгѣ Этнографическаго Обозрѣнія.—Привѣтствуя это доброе начинаніе искреннимъ пожеланіемъ успѣха, ограничимся замѣчаніемъ, что каждый успѣхъ зависитъ отъ направленія дѣла, а это послѣднее должно не упускать изъ виду старую максиму: non multum, sed multa.

Ц. Г. Нейманъ.

Николай Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ. 1889 года.

Г. Бѣляшевскій долженъ былъ употребить очень много весьма кропотливаго труда для собиранія нумизматическихъ данныхъ, разсыпанныхъ въ изданіяхъ нашихъ археологическихъ и историческихъ обществъ, въ ученыхъ и не ученыхъ журналахъ и даже газетахъ. Кромѣ того составитель книжки, заглавіе которой нами выставлено, пользовался еще указаніями отдѣльныхъ лицъ, какъ напр. В. Б. Антоновича. Если бы и могло у читателя возбудиться какое нибудь сомнѣніе въ достовѣрности показаній трехъ другихъ лицъ, то оно уничтожается постановкой ихъ рядомъ съ именемъ, нами указаннымъ. Затѣмъ г. Бѣляшевскій черпалъ данныя и изъ своего нумизматическаго собранія. Весь собранный матеріалъ распредѣленъ по уѣздамъ, при чемъ городъ Кіевъ выдѣленъ, и всѣ нумизматическія находки, сдѣланныя въ его районѣ, сгруппированы въ отдѣльную главу. Въ каждой изъ такихъ главъ указаны нумизматическіе клады въ хронологическомъ порядкѣ ихъ открытія, а въ скобкахъ внизу сообщенія указанъ каждый разъ источникъ, откуда почерпнуто свѣдѣніе о кладѣ. При монетахъ сдѣлано ихъ описаніе. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель мѣстностей, гдѣ сдѣланы были нумизматическія находки. Такимъ образомъ, трудъ г. Бѣляшевскаго весьма удобенъ для пользованія имъ при научныхъ работахъ. Но при томъ общемъ интересѣ, который въ настоящее время все болѣе и болѣе охватываетъ русское интеллигентное общество къ археологіи, «Монетные клады кіевской губерніи» попадутъ въ руки и неспеціалиста, не обладающаго обширными свѣдѣніями въ области археолого-нумизматическихъ открытій, и въ такомъ случаѣ работа г. Бѣляшевскаго можетъ ввести въ нѣкоторое заблужденіе. Дѣло въ томъ, что составитель не совсѣмъ выдержалъ поставленную себѣ программу—дать указатель монетныхъ кладовъ,—а выходитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ рамокъ и приводитъ данныя о находкахъ вещевыхъ. Указывая монетные клады, г. Бѣляшевскій иногда перечисляетъ и найденныя съ ними древнія вещи. Но количество археологическихъ вещевыхъ находокъ въ районѣ кіевской губерніи было сдѣлано гораздо большее, чѣмъ приводитъ ихъ составитель. Между тѣмъ эти указанія могутъ быть приняты инымъ читателемъ за полныя и повести его къ невѣрнымъ заключеніямъ. Мы думаемъ, что или совсѣмъ не слѣдовало приводить этихъ свѣдѣній въ трудѣ, предназначенномъ спеціально

для монетныхъ кладовъ, или измѣнить самое заглавіе и собрать данныя о всѣхъ археологическихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ данной области.

Но для этого потребовался бы двойной трудъ, который затянулъ бы, можетъ быть надолго, выходъ въ свѣтъ книги г. Бѣляшевскаго, весьма полезной и интересной. Не можемъ не высказать еще одного сожалѣнія: по нашему мнѣнію, рядомъ съ указателемъ мѣстностей, гдѣ были сдѣланы нумизматическія находки, не безполезно было дать указатель монетъ. Если мы будемъ исходить изъ положенія, выставленнаго археологомъ оріенталистомъ Григорьевымъ, что монеты попадали въ землю въ тотъ вѣкъ, когда были вычеканены, то въ такомъ случаѣ нахожденіе монетъ одновременнаго чекана и лица въ извѣстныхъ мѣстностяхъ укажетъ намъ: 1) направленіе торговыхъ путей въ данное столѣтіе, 2) какія мѣстности въ данное столѣтіе подвергались вліянію той или иной цивилизаціи и 3) въ какомъ именно столѣтіи въ тѣ или иныя мѣстности *въ первый разъ* проникъ лучъ иноземной культуры. Если существуетъ при книгѣ алфавитный указатель монетъ, то для рѣшенія указанныхъ вопросовъ не представляется ни малѣйшаго труда. Но это маленькое, на нашъ взглядъ, упущеніе и небольшая неточность въ выполненіи программы, которую мы выше указали, нисколько не уменьшаютъ цѣнности труда г. Бѣляшевскаго. «Въ русской нумизматической литературѣ сдѣлано еще очень мало по топографической группировкѣ монетныхъ кладовъ, найденныхъ въ Россіи», говоритъ г. Бѣляшевскій въ предисловіи къ своему труду. Нельзя не сознаться, что это дѣйствительно вѣрно, а между тѣмъ никто не станетъ оспаривать всю важность подобной группировки. Существуетъ масса нумизматическихъ данныхъ, собранныхъ какъ въ изданіяхъ нашихъ археологическихъ обществъ, такъ и въ частныхъ, но всѣ эти данныя, несмотря на всю ихъ научную важность, остаются разбросанными, а вслѣдствіе этого иногда и мало доступными. Въ настоящее время, когда въ русской исторической наукѣ признана необходимой разработка областной исторіи, является вполнѣ неотложной группировка по областямъ нумизматическихъ и археологическихъ данныхъ. Если политическая жизнь русско-славянскихъ областей развивалась и шла не одинаково, то, конечно, это зависѣло въ значительной степени отъ мѣстныхъ условій. Большая или меньшая степень культурнаго развитія той или иной земли должна была оказывать значительное вліяніе и на ея историческую судьбу. О значеніи археологіи въ

рѣшеніи вопроса о большемъ или меньшемъ развитіи данной области въ культурномъ отношеніи нечего и говорить. Нумизматика въ частности даетъ ясныя указанія на культурныя вліянія, на ихъ направленіе и опредѣляетъ хронологически ихъ начало. На основаніи показаній нумизматики мы можемъ прослѣдить постепенность распространенія культурныхъ вліяній на различныя части той или иной земли. Мы видимъ, какъ постепенно цивилизація, путемъ посредственныхъ и непосредственныхъ сношеній съ культурными, иногда очень отдаленными, странами, шагъ за шагомъ прокладывала себѣ путь въ глубь земли того или иного русско-славянскаго племени, и съ глубокимъ интересомъ слѣдитъ историкъ за этимъ постепеннымъ проникновеніемъ свѣта въ глубкій сумракъ доисторической, первобытной жизни племени. Вотъ почему съ глубокимъ интересомъ и благодарностью долженъ быть встрѣченъ трудъ г. Бѣляшевскаго, дающій возможность прійти безъ значительной потери времени къ интереснымъ выводамъ о ходѣ развитія культуры въ кіевской области.

П. Голубовскій.

Сочиненія Г. Ѳ. Квитки. Т. Ш. Повѣсти и разсказы. Харьковъ. 1889 г. Стр. 341.

У писателей, какъ и у книгъ, бываетъ своя судьба, живымъ примѣромъ чего можетъ служить Квитка. Почти невѣроятно, но фактъ на лицо: этотъ авторъ, занимающій столь видное положеніе въ литературѣ и столь популярный, только теперь, безъ малаго черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти, удостоивается полнаго изданія сочиненій. Многія книги этого плодовитаго писателя выходили нѣсколькими изданіями; въ шестидесятыхъ годахъ изданы были Кулишомъ украинскія повѣсти его и драматическія сочиненія. Но систематическаго собранія трудовъ Квитки, которое дало бы весь его писательскій образъ, не было до сихъ поръ. Предпринятое харьковскимъ земствомъ подъ редакціей профес. Потебни собраніе квитковскихъ сочиненій должно загладить этотъ грѣхъ передъ памятью почтеннаго стараго автора. Отдѣльные томы этого собранія выходятъ съ значительными промежутками времени, ни число, ни срокъ выхода послѣдующихъ выпусковъ неизвѣстны, но надо думать, что все изданіе будетъ доведено до конца.

По вышедшимъ тремъ книгамъ совершенно нельзя опредѣлить плана изданія. Первыя двѣ книги заключали украинскія повѣсти и

разсказы Квитки съ текстомъ, возстановленнымъ по авторскимъ изданіямъ. Были тамъ и двѣ новинки: повѣсть «Божьи диты», изданная по рукописи, и перепечатка «Листовъ до любезныхъ землякивъ». Мы ожидали возстановленія и другихъ пропусковъ Кулишовскаго изданія, но ихъ не послѣдовало. «Ганнуся» большая повѣсть, разсказъ изъ «Маяка» —(въ отдѣльной брошюркѣ «Купованный розумъ»)— опять остаются пропущенными. Какимъ образомъ ускользнули отъ вниманія издателей эти вещицы, существующія отдѣльными книгами? Третій томъ, нынѣ вышедшій, заключаетъ въ себѣ уже русскія повѣсти Квитки историко-бытоваго характера. Мы ничего не имѣемъ противъ такого, довольно удобнаго, дѣленія произведеній автора по группамъ. Въ третьемъ томѣ при каждой повѣсти отмѣчено мѣсто и время ея напечатанія, и если то же соблюдено будетъ вездѣ, то, имѣя полное собраніе, не трудно обозрѣть въ хронологическомъ порядкѣ всю писательскую дѣятельность Квитки. Но отсутствіе пропусковъ и полнота собранія настоятельно необходимы. Мы желали бы видѣть наконецъ собраннымъ вмѣстѣ все напечатанное Квиткой, отъ первыхъ фельетоновъ Ѳалалея Повинухина въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» десятыхъ годовъ, до мелкихъ замѣтокъ и статей послѣднихъ лѣтъ его жизни.

Квитка былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей, но и однимъ изъ самыхъ неровныхъ. Онъ не всегда сосредоточивалъ свои образы, разбрасывалъ свои силы и, поднимаясь иногда до высшаго творчества, спускался другой разъ очень низко. Онъ писалъ легко и постоянно и на произведеніяхъ его всегда лежитъ печать той или иной степени подъема его духа. Ему ставили въ укоръ переломъ въ писательской его дѣятельности и переходъ отъ народныхъ украинскихъ сюжетовъ и народнаго языка къ новостямъ для русскихъ журналовъ во вкусѣ неприхотливаго большинства публики послѣднихъ. Не говоря о томъ, что вина писателя въ значительной степени должна пасть на родное ему общество, которое не оцѣнило его достаточно и не поддержало на настоящей дорогѣ, мы должны признать, что во многихъ позднѣйшихъ своихъ русскихъ произведеніяхъ Квитка остается совершенно тѣмъ же живымъ, трогательнымъ или добродушно шутливымъ разсказчикомъ, какимъ мы знаемъ его по украинскимъ повѣстямъ. (Такія произведенія, какъ «Маруся», удаются конечно только разъ въ жизни и среди самихъ малороссійскихъ сочиненій Квитки романъ этотъ занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто). Большіе романы и повѣсти послѣднихъ лѣтъ дѣйствительно свидѣтельствуютъ о пе-

чальной перемѣнѣ пріемовъ и стремленье смѣшить и угодить публикѣ доходитъ въ нихъ до гаерства. Но и въ нихъ есть части, гдѣ появляется прежній художникъ и увлекаетъ жизнью и правдивостью образовъ. Вспомнимъ описаніе пира, даваемаго полковнику въ «Панѣ Халявскомъ». Эти нѣсколько десятковъ страничекъ скрашиваютъ весь пресловутый каррикатурный романъ, давая такую правдивую и мѣткую картинку вырожденія ничтожной и эгоистической козачьей «старшины», которая стоитъ цѣлаго произведенія. Подобныя черты найдутся въ каждомъ изъ сочиненій Квитки и вотъ почему такъ желательно полное ихъ изданіе.

Историческіе наброски и очерки Квитки, изъ которыхъ главнымъ образомъ состоитъ настоящій третій томъ, помимо литературной своей стороны, имѣютъ для насъ почти значеніе мемуара. Стоя на рубежѣ двухъ эпохъ—старой героической и патріархальной и послѣдующей, близкой намъ, Квитка могъ наблюдать явленія и типы старины по живымъ образцамъ и непосредственнымъ впечатлѣніямъ. Его дѣтство протекло въ средѣ, сформировавшейся въ послѣднія времена гетманщины; разрушенье Сѣчи было тогда недавнимъ событіемъ, участники и очевидцы котораго еще живы были въ значительномъ числѣ, нравы сельскаго народа хранили еще всю свою патріархальную простоту, на глазахъ его выросталъ родной Харьковъ. Между тѣмъ могущественное завоеваніе новаго времени—бытовой и реальный романъ, который сослужитъ такую службу историкамъ будущаго, изображая типичнаго, средняго человѣка, т. е. настоящаго героя исторіи, такой романъ былъ уже созданъ во время появленія Квитки на писательскомъ поприщѣ и свои впечатлѣнія и воспоминанія онъ сталъ передавать въ повѣствовательной формѣ.

Очеркъ «Головатый», которымъ открывается третья книга «Повѣстей», весь основанъ на воспоминаньяхъ дѣтства автора и семейныхъ преданіяхъ. Личность стараго запорожца, положившаго начало черноморскому войску, его похожденья въ Петербургѣ, балагурство, юморъ, пресловутая малороссійская «хитрость», которая часто бываетъ простымъ чувствомъ самосохраненія,—все это очерчено по живымъ слѣдамъ. Въ «Паннѣ Сотниковнѣ» Квитка облекъ въ лица эпизодъ изъ фамильной хроники своего рода, занимающій въ этой хроникѣ три строки: «Того жь году тарановскаго сотника Мирона Петровича дочь Прасковья Мироновна, когда хотѣли ее кондукторы згвалтовать, сколола себя ножемъ»... Разсказывая о несчастной долѣ злополучной украинской Виргиніи, Квитка набросалъ прекрасный об-

разъ этой сотниковны, друга бѣдныхъ, чистой души, развернувшейся какъ цвѣтокъ въ старосвѣтской глуши. Къ сожалѣнью, разсказъ написанъ слишкомъ эскизно. При большемъ развитіи и болѣе внимательной обработкѣ «Панна Сотниковна» могла бы стать на ряду съ «Марусей». Теперь это не болѣе какъ граціозный силуэтъ. «Преданія о Гаркушѣ», написанныя въ драматической формѣ, воспроизводятъ эпизоды изъ похожденій знаменитаго разбойника, жившіе въ памяти народа. Вездѣ Гаркуша выступаетъ другомъ слабыхъ и угнетателемъ стяжателей и обидчиковъ и только въ одной сценѣ, устами нѣкоего мудраго юноши, авторъ читаетъ мораль Гаркушѣ, какъ врагу государственнаго порядка. Въ этихъ сценахъ Квитка вывелъ множество лицъ стариннаго общества, то болѣе очерченныхъ, то едва намѣченныхъ, съ легкостью богача, который не считаетъ своихъ запасовъ и бросаетъ золото въ свое удовольствіе. «Татарскіе набѣги» обнаруживаютъ одну изъ слабыхъ сторонъ таланта Квитки—излишнюю болтливость. Нить разсказа здѣсь иногда совершенно теряется, анекдоты нагромождены одинъ на другой. «Герой очаковскихъ временъ»—юмористическая повѣсть въ духѣ «Пана Халявскаго», неправдоподобіе разсказа и его шутовство, которыя по плечу развѣ только очень юнымъ читателямъ, лишаютъ значенія эту вещь, гдѣ встрѣчаются все таки нѣсколько чертъ настоящаго комизма.

Не можемъ не пожелать еще разъ, чтобъ все изданіе произведеній Квитки доведено было до конца. Это будетъ и лучшимъ памятникомъ писателю, и наиболѣе солиднымъ фондомъ для учрежденія школы въ Основѣ, въ пользу которой харьковское земство назначило весь чистый доходъ съ изданія.

В Г.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889. VI+90 стр. ц. 60 коп.

Хотя эта работа чисто филологическая, но, какъ мѣстное явленіе, можетъ быть отмѣчена въ библіографіи «Кіевской Старины».

Съ внѣшней стороны трудъ этотъ отличается замѣтною логическою стройностію и строгимъ порядкомъ въ изложеніи матеріала, вслѣдствіе чего объясненіе для любаго явленія языка сразу отыскивается. Книжка распадается, согласно самой сути дѣла, на 2 отдѣла: а) фонетическія особенности гласныхъ звуковъ, б) фонетическія

особенности согласныхъ звуковъ; каждый отдѣлъ въ свою очередь состоитъ изъ: а) обозрѣнія характеристическихъ особенностей малорусскихъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ, б) изложенія законовъ этихъ звуковъ; эти подъ отдѣлы, конечно, также разбиты на отдѣльныя статейки. Такая простота плана книги, зависящая въ сущности отъ свойства содержанія ея, но не всегда встрѣющаяся въ книгахъ подобнаго рода, и извѣстная ясность изложенія очень облегчаетъ читателю разсмотрѣніе книги и должна быть поставлена въ заслугу составителю.

Перейдемъ теперь къ внутренней сторонѣ книги, ея содержанію. Здѣсь намъ придется въ нѣкоторыхъ случаяхъ разойтись съ авторомъ либо указать пропуски или неправильности въ объясненіяхъ; указанія эти, быть можетъ, окажутся пригодными для втораго изданія книжки, котораго она, несомнѣнно, дождется и при томъ въ скоромъ времени. Замѣчанія эти, въ общемъ, будутъ касаться частностей содержанія книги, общая же характеристика малорусскаго нарѣчія, представленная авторомъ, не вызываетъ возраженій.

На страницахъ *10* и *31*, гдѣ говорится о происхожденіи секундарнаго *і* и перечисляются звуки, изъ которыхъ получилось это звуковое новообразованіе, нигдѣ не указанъ еще одинъ звукъ, превращающійся иногда въ секундарное *і*, а именно *а*, напримѣръ: гадкій—гідкий, край—крій [1]) и др. Конечно, *і* рѣже всего получается изъ *а*, но все же объ этомъ слѣдовало упомянуть, хотя бы въ интересахъ правописанія. Относительно этого послѣдняго мы, впрочемъ, не совсѣмъ согласны съ авторомъ, дающимъ широкій просторъ фонетическому началу, хотя благоразумно не забывающему и словопроизводственнаго начала, выручающаго его во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ. Такъ, мы, въ интересахъ сохраненія исторической преемственности, удержанія связи съ предками и сбереженія въ словѣ его первоначальнаго происхожденія, иногда черезчуръ уже затемненнаго въ произношеніи, предпочли бы вышеупомянутое звуковое новообразованіе—секундарное *і* — обозначать правописаніемъ покойнаго Максимовича, а именно: *і*, происшедшее изъ о, изображать знакомъ: ô (стôлъ, гôнкий), происшедшее изъ е—знакомъ ê (пêч, сêм, вечêръ), изъ у—знакомъ û (дуброва, замûж), изъ а—знакомъ â (гâдкій, крâи), изъ ѣ—знакомъ

[1]) См. это слово хотя бы въ Максимовичевомъ переводѣ „Слова о полку Игоревѣ“ въ началѣ 2-й части: „крâй (крій) тихого Дону“.

ѣ (вѣрити, хлѣбъ). Правда, авторъ вооружается на стран. 12 противъ всякихъ надстрочныхъ знаковъ, не высказываясь однако же по чему; мы, напротивъ, полагаемъ, что эти знаки не только ничему не мѣшаютъ, но еще доставляютъ огромное удобство, въ качествѣ діакритическихъ, и на нихъ, напримѣръ, основана вся система чешской азбуки, какъ извѣстно, одной изъ самыхъ удобныхъ между европейскими. Нынѣче уже у многихъ народовъ (напр. поляковъ) раздаются голоса за усвоеніе чешскихъ надстрочныхъ знаковъ (поляки очень бы выиграли при этомъ: вм. *cz* они имѣли бы č, вм. szcz—šč и пр.); равно и многіе ученые (Шлейхеръ, напр.) высказались за большое удобство чешской азбуки. Если бы нашъ авторъ не боялся надстрочныхъ знаковъ, онъ, въ случаяхъ звуковаго перехода основнаго *у* въ краткое *у* (ў), конечно, предпочелъ бы изображать это послѣднее такъ, какъ его изображали гг. Куцый и Туловъ т. е. черезъ ў, а не черезъ *в* (ўжинокъ, уже ўбивати).

На стр. 12 авторъ говоритъ, что въ великорусскомъ языкѣ всякое неударяемое *о* въ произношеніи обращается въ *а* (залатой и пр.). Здѣсь, кажется, недоразумѣніе: если имѣлся въ виду не современный русскій книжный языкъ, а живое великорусское нарѣчіе, то такое утвержденіе невѣрно, ибо акаютъ только южновеликоруссы, сѣверновеликорусское же нарѣчіе окаетъ, въ противномъ случаѣ слѣдовало употребить болѣе точное опредѣленіе, т. е. сказать: въ книжномъ русскомъ языкѣ. Это, конечно, мелочь, но мы сочли за необходимое указать и ее во избѣжаніе недоразумѣній.

Бо́льшая употребительность облика: повірчувати, сравнительно съ обликомъ поверчувати (16 стр.) намъ кажется сомнительною; мы, по крайней мѣрѣ, даже не слыхали перваго, хотя со вторымъ встрѣчались. Говоря о приставкѣ звука *і* въ началѣ словъ, не отличающемся гласностью (іржа, імгла и пр. 29 стран.), можно было для сравненія, котораго составитель не избѣгаетъ въ другихъ случаяхъ, указать на подобное же явленіе въ великорусскомъ нарѣчіи, гдѣ приставляется, хотя и рѣже, въ такихъ случаяхъ звукъ *а* (аржаной; срав. также въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: аркучи вм. рькучи). На той же страницѣ мы опять таки не соглашаемся съ авторомъ по вопросу о происхожденіи неполногласнаго малорусскаго облика: срібло (существующаго рядомъ съ полногласнымъ: серебро): онъ, кажется намъ, образовался именно подъ вліяніемъ ц. славянскаго облика срѣбро, вмѣстѣ съ словами: храмъ и др,

На стр. 49 говорится: *ск* и *ст* смягчаются въ *шч* (русск. щ). Отчего же не въ *щ*? Развѣ этотъ знакъ окончательно изгнанъ изъ малорусской азбуки и составляетъ принадлежность только русской? Едва ли это было бы удобно для малорусскаго правописанія.

На стран. 39, при обзорѣ тѣхъ случаевъ, когда приставка *с* отчетливо произносится, какъ *с*, и когда вмѣсто нея слышится *з*, замѣчено, что предъ *т* случаевъ перваго рода нѣтъ, хотя этому противорѣчатъ такія слова, какъ с-торчати, с-трава и др.; то же можно сказать и про звукъ *х*, предъ которымъ нерѣлко можно встрѣтить чистое произношеніе приставки, *с*, наприм., схôдъ, схаменутися и др.

При объясненіи корней глаголовъ *жити* и *вынути* (85 и 79 стр.) авторъ, какъ намъ кажется, впалъ въ ошибку. Второе слово онъ приводитъ въ образецъ такой потери чутья, при которой самый корень забывается, и доказываетъ, что оно при своихъ звуковыхъ измѣненіяхъ утеряло совершенно свой корень. По его мнѣнію, въ этомъ словѣ: «*вы*—приставка (=изъ), *ну*—суффиксъ глаголовъ однократнаго вида, *ть*—окончаніе неопредѣленнаго наклоненія, а корень ѣ (срав. изъ-*я*-ть, при-н-*я*-ть) пропалъ совсѣмъ». Намъ сдается однако же, что здѣсь вовсе не происходило такого невѣроятного обстоятельства, какъ потеря корня: этотъ послѣдній преблагополучно здравствуетъ въ словѣ, которое мы разлагаемъ слѣдующимъ образомъ: *вы*—приставка, *ну* (т. е. собственно нѫ) состоитъ изъ $\sqrt{}$нѫ, поднятаго изъ ѧ (=я) (срв. грязь—грузнуть) и *н*, вставленнаго для устраненія зіянія, *ть*—окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Слѣдоват. историческій ходъ развитія этого слова былъ приблизительно такой: вы-ѣ-ти, вы-н-ѣ-ти (вынять), наконецъ, вы-н-ѫ-ти, причемъ малорусское нарѣчіе предпочло обликъ: выняти, а великорусское—вынути. Въ словѣ *жити* мы вовсе не видимъ выпаденія *в* (по мнѣнію автора, *жити* вм. *живти*); здѣсь просто $\sqrt{жи}$+ти, окончаніе неопредѣленнаго наклоненія, что же касается *в*, то это не болѣе, какъ такая же эвфоническая вставка для уничтоженія зіянія: жи-ѫ, жи-в-ѫ живу, какъ *j* въ нѣкоторыхъ славянск. нарѣчіяхъ и малорусскихъ говорахъ, гдѣ образовался обликъ *жи-j-у* также точно и обликъ прошедшаго времени *жила* вовсе не произошелъ изъ *живла*, а образовался обычнымъ образомъ отъ $\sqrt{жи}$ съ помощію суффикса прошедшаго времени *л*. Срв. также глаголъ *гоити*=жити, какъ покоити=почити. Объясненіе происхожденія слова *мрець* (88 стр.) у автора нашего сдѣлано, кажется намъ, вѣрнѣе, чѣмъ у гг. Миклошича и Огоновскаго, безъ всякой нужды сокра-

щающихъ это слово изъ облика: *мертвецъ*: *мрецъ* образовалось, дѣйствительно, прямымъ путемъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ и слова: жнецъ, жрецъ, швецъ, первоначально звучавшія: жьнецъ, жьрецъ, шьвецъ, мьрецъ и пр.

Изложеніе въ книгѣ, какъ мы уже замѣтили, вообще ясное и правильное; можно было бы только менѣе злоупотреблять глаголомъ «просмотрѣть», употребляемымъ весьма часто и при томъ не всегда правильно вм. глагола «разсмотрѣть» (см. напр. стр. 18).

А. Степовичъ.

«*Wisła*» *1887—1888 г.*

Въ польской научной литературѣ въ послѣднее время обнаруживается разностороннее и обстоятельное изученіе народнаго быта. Появилось много цѣнныхъ сочиненій и сборниковъ матеріаловъ по этнографіи и антропологіи. Большинство статей, понятно, трактуетъ о полякахъ; но появляется не мало сочиненій о малороссахъ и бѣлоруссахъ, причемъ мѣстный славянскій матеріалъ освѣщается данными западно-европейскаго фольклора. Что въ особенности бросается въ глаза въ современномъ польскомъ фольклорѣ—это бодрость духа, живое отношеніе къ дѣлу изученія народа, общее свѣжее настроеніе, чего именно недостаетъ въ послѣднее время нашей этнографической наукѣ, находящейся въ застоѣ, ограничивающейся сырымъ матеріаломъ, наваливаемымъ въ кучу по старымъ, давно уже установившимся рубрикамъ, по шаблону предшествовавшихъ сборниковъ, безъ проложенія новыхъ путей и безъ творческой идеи въ группировкѣ и разъясненіи. Живое и бодрое отношеніе къ дѣлу народоизученія у насъ обнаруживается теперь въ приложеніи къ одному далекому уголку Россіи, именно къ Кавказу, въ разныхъ статьяхъ и сборникахъ г. Анучина, г. Вс. Миллера, г. М. Ковалевскаго, изданіяхъ управленія кавказскаго учебнаго округа. Въ послѣдніе годы еще посчастливилось бѣлоруссамъ, о пѣсняхъ и бытѣ которыхъ появились новыя извѣстія въ сборникахъ гг. Шейна, Романова и Радченко; но великорусскіе и малорусскіе крестьяне оставлены въ сторонѣ, безъ изученія.

Какъ широко, бодро и энергично поставлено дѣло изученія народа въ польской научной литературѣ, можно видѣть на двухъ замѣчательныхъ польскихъ изданіяхъ: географическо-этнографическомъ журналѣ «Wisła», выходящемъ съ 1887 года въ Варшавѣ, и

на издаваемомъ краковской академіи наукъ Zbiór'ѣ wiadomości do antropologji krajowej. Въ «Кіев. Старинѣ» 1888 г. былъ уже сдѣланъ отзывъ о послѣднемъ изданіи, въ частности объ XI томѣ; недавно вышелъ XII-й томъ «Zbiór'а», посвященный большей частью описанію быта малороссовъ; объ этомъ томѣ мы скажемъ въ другое время, а теперь сдѣлаемъ замѣтку лишь о «Вислѣ», какъ наиболѣе характерномъ явленіи современнаго польскаго фольклора.

Названіе фольклоръ (folklore) недавно установилось въ западной наукѣ. По русски его можно перевести: народоизученіе, или, точнѣе, наука о народной жизни, заключающая въ себѣ антропологію, этнографію, исторію языка и словесности. На западѣ появились спеціальныя изданія, посвященныя фольклору: въ Англіи «The Folklore Journal», во Франціи «Melusine», «Revue des traditions populaires» и «La Traditons», въ Германіи «Zeitschrift für Völkerpsichologie» и «Zeitschr. f. Ethnologie», въ Испаніи «El folklore andaluz», въ Венгріи, «Ethnologische Mitheilungen». Цѣль всѣхъ этихъ изданій—объясненіе народныхъ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій и сказаній, объясненіе историко-культурное, сравнительно-культурное и сравнительно-этнографическое. Въ рядъ изданій этого рода входитъ также «Wisła».

Въ 1887 г. «Висла» выходила небольшими выпусками, около 4 печатныхъ листовъ въ каждомъ, и вышло всего 9 такихъ выпусковъ. Въ нихъ заключаются статьи: *Завалинскаго* «О способѣ группировки этнографическихъ матеріаловъ»; *Чинскаго* «О численности и разселеніи поляковъ»; *Карловича* «О польскихъ чаровницахъ»; *Матусяка* «О народахъ, жившихъ въ древности при устьѣ Вислы»; *Сарнецкаго* «Объ украинскихъ знахаряхъ» и нѣсколько другихъ небольшихъ статей и замѣтокъ. Статья г. Сарнецкаго «Знахари на Украинѣ» въ 7 и 8 выпускахъ «Вислы» не богата содержаніемъ. Здѣсь приведено нѣсколько повѣрій крестьянъ волынской губерніи о ворожбѣ, преимущественно о «даньѣ», и три заговора отъ болѣзней и уроковъ. Гораздо болѣе цѣнной представляется статья г. Карловича о польскихъ чарахъ и чаровницахъ въ первыхъ шести выпускахъ журнала. Статья распадается на двѣ части: 1) современное польское колдовство и 2) польское колдовство и казни вѣдьмъ въ старину, въ XVI—XVIII вѣкахъ. Въ первой части авторъ отмѣчаетъ извѣстія этнографовъ о народныхъ вѣрованіяхъ въ колдовство въ разныхъ частяхъ Познани, Галиціи, Привислянскаго края, Бѣлорусссіи и Украины. Нѣсколько любопытныхъ сообщеній объ украинскомъ и галицко-рус-

скомъ чародѣйствѣ (исключительно по польскимъ источникамъ) находится во 2 выпускѣ. Во второй, сравнительно съ первой большей части, собраны историческія извѣстія о судебныхъ процессахъ и казняхъ вѣдьмъ въ Польшѣ въ XVI—XVIII ст., которыя производились съ жестокостью, небывалой въ южной Руси. Въ статьѣ г. Карловича встрѣчается много извѣстій объ испытаніи вѣдьмъ водой, часто практиковавшемся въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ.

Съ 1888 года редакторомъ «Вислы» состоитъ г. Карловичъ, и журналъ сильно измѣнился къ лучшему, по внѣшней формѣ и внутреннему содержанію, сталъ выходить книжками, въ годъ по 4 книги, величиной каждая книга около 15-ти листовъ. Библіографическій отдѣлъ, въ 1887 г. слабый, въ 1888 году отличается полнотой и содержательностью. Изданіе, очевидно, находится въ хорошихъ рукахъ и ведется съ знаніемъ дѣла и съ любовью къ дѣлу, т. е. къ фольклору, къ разностороннему изученію народной жизни. Перу г. Карловича принадлежитъ нѣсколько крупныхъ статей, напр., историко-литературный анализъ народныхъ сказаній о кающемся разбойникѣ (Podanie o Madeju);—статья эта въ 1888 г. только начата (въ IV книгѣ «Вислы» 1888 г.). Авторъ разсмотрѣлъ польскія сказанія о Мадеѣ и обѣщаетъ далѣе разсмотрѣть сходныя сказанія другихъ славянскихъ народовъ, надѣемся и малоруссовъ, въ словесности которыхъ сказанія о кающемся разбойникѣ занимаютъ видное мѣсто (помѣщены въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова); затѣмъ, укажемъ на любопытную замѣтку г. Карловича о «Грижинской березѣ» (народное сказаніе) и на его превосходную библіографическую статью о сочиненіяхъ англійскаго ученаго Ланга, съ историческимъ очеркомъ развитія миѳологической науки на западѣ. Вообще, статьи г. Карловича составляютъ главную силу и украшеніе «Вислы». Г. Карловичъ обнаруживаетъ особенное умѣніе выбирать интересныя темы для научныхъ работъ и останавливается на малоизслѣдованныхъ, но весьма любопытныхъ явленіяхъ и формахъ народнаго быта. Укажемъ здѣсь на такіе его труды, предшествовавшіе появленію «Вислы», какъ «Chata polska», «O imionach wlasnych polskich miejsc i ludu». Эти изслѣдованія говорятъ не только о трудолюбіи автора, но, болѣе того, о быстромъ, проницательномъ умѣ и живомъ, любовномъ отношеніи къ польскому и другимъ народамъ, что обнаруживается уже въ слѣдующемъ замѣчаніи: «Zasoby bowiem do ludoznawstwa i krajoznawstwa spoczywają wszędzie, na każdem miejscu, rosną jak kwiaty na wszystkich polach, dostępne dla każdego, a zawsze pożyteczne i nauczające» (Wisła, 1888, I, 217).

Г. Янчукъ, извѣстный въ наукѣ по превосходному описанію малорусской свадьбы въ корницкомъ приходѣ констант. у. сѣдлецкой губ., помѣстилъ въ IV кн. «Вислы» за 1888 г. статью «Szopka w Kornicu». Шопкой или ясельками въ Польшѣ называется украинскій вертепъ, или переносный кукольный театръ. Въ «Кіевск. Старинѣ» много писали о вертепѣ (Н. И. Петровъ, Г. П. Галаганъ, г. Чалый, г. Селивановъ и др.). Оказывается, что вертепъ встрѣчается еще въ разныхъ мѣстахъ Привислянскаго края. Описанію вертепа посвящено, кромѣ изслѣдованія г. Янчука, еще нѣсколько статей въ 1 и 2 кн. «Вислы».

Въ 3 кн. «Вислы» помѣщена любопытная замѣтка г. Цишевскаго о народныхъ польскихъ повѣстяхъ, имѣющихъ основу въ «Тысячѣ и одной ночѣ». Въ той же книгѣ находится интересная статья профессора пражскаго университета Поливки о чешской фольклористикѣ.

Къ книжкамъ приложены хромолитографіи типичныхъ по лицу и одеждѣ крестьянъ и крестьянокъ, и въ самомъ текстѣ встрѣчаются рисунки характерныхъ частей дома, плетней, дворовыхъ строеній, ремесленныхъ издѣлій, что съ внѣшней стороны украшаетъ и оживляетъ журналъ.

Появленіе журнала «Wisła» и успѣшное развитіе его указываетъ на существованіе въ польскомъ образованномъ обществѣ серьезнаго стремленія къ изученію народа и на свѣжее и бодрое настроеніе людей науки, опирающихся на сочувствіе и поддержку всей интеллигенціи. Нельзя не пожелать, чтобы подобнаго рода изданія возникли и укрѣпились на берегахъ Невы и на берегахъ Днѣпра. Находятъ же у насъ большое распространеніе разныя иллюстрированныя исторіи, даже при большой денежной стоимости и съ плохимъ текстомъ, то тѣмъ болѣе можетъ имѣть успѣхъ серьезное періодическое изданіе, посвященное изученію народной жизни, при сочувственномъ содѣйствіи со стороны людей науки разныхъ спеціальностей, антропологовъ, этнографовъ, филологовъ, изслѣдователей народной словесности, разумѣется, безъ натянутыхъ и пустыхъ противоположеній на тему мы и они, но съ полнымъ и уважительнымъ признаніемъ науки и народности, гдѣ бы и въ какой бы формѣ онѣ ни обнаруживались. Къ фольклорѣ всѣ цивилизованные народы дружелюбно сходятся на нейтральной почвѣ науки и подаютъ другъ другу руку въ общемъ дѣлѣ детальнаго изученія народной жизни и цивилизаціи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Краткое описаніе г. Житоміра, составленное Т. І. Вержбицкимъ. Изданіе 2 е Житоміръ. 1889.

«Краткое описаніе г. Житоміра», вышедшее въ первый разъ въ приложеніи къ «Памятной книжкѣ волынской губ. на 1888 г.» и отдѣльнымъ оттискомъ, выпущено недавно вторымъ изданіемъ. Описаніе состоитъ изъ слѣдующихъ частей: историческаго очерка Волыни и Житоміра (стр. 3—15), списка волынскихъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, волынско-житомірскихъ архіепископовъ и викаріевъ острожскихъ (стр. 15—25), краткаго очерка нынѣшняго состоянія города (стр. 25—30) и списка источниковъ. Такое распредѣленіе, какъ видно, не совсѣмъ равномѣрно, такъ какъ собственно описанію города, главной цѣли автора, удѣлено только 5 страничекъ.

Пособіями, перечисленными въ концѣ книги, авторъ пользовался очень мало. Такъ, онъ не счелъ нужнымъ прибавить что нибудь во второмъ изданіи своей книги, хотя ему сдѣлались извѣстными 4 новыхъ источника, между прочимъ книга Гамченка «Житомірскій могильникъ». Раскопки г. Гамченка доказываютъ, что поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго г. Житоміра существовало еще въ VII или VIII столѣтіи, и вообще имѣютъ немалый интересъ для исторіи г. Житоміра. Историческое описаніе г. Житоміра у г. Вержбицкаго представляетъ перечень годовъ и событій, невсегда вѣрный; на стр. 7, напр., упоминается битва съ русскими при р. Ирпени въ 1320 г. Начиная съ 1804 г., авторъ не сообщаетъ уже почти ни одного историческаго факта, онъ ограничивается перечисленіемъ губернаторовъ и архіереевъ. А между тѣмъ сказать было о чемъ, если бы внимательно отнестись къ источникамъ. Въ «Волын. Губерн. Вѣдомост.» за 1878—79 сообщены были любопытнѣйшія свѣдѣнія о масонской ложѣ въ г. Житомірѣ, о ея дѣятельности и вліяніи на общество. Далѣе, нужно было упомянуть объ устройствѣ и преобразованіи училищъ въ 30-хъ годахъ, имѣвшемъ важное значеніе для распространенія русскаго вліянія, о томъ, какъ отразилось на положеніи города возстаніе 1863 года. Не менѣе замѣчательны и слѣдующія два десятилѣтія, такъ какъ въ это время пробудился значительный интересъ къ изученію исторіи и этнографіи Волыни; многимъ извѣстны имена Г. Оссовскаго, Пероговскаго, О. Левицкаго, А. Хойнацкаго, Н. Трипольскаго, открыты въ это время въ Житомірѣ публичная библіотека, нѣсколько новыхъ учебныхъ заведеній (прогимназія, женская гимназія), основана частная газета. Всѣ эти факты не долженъ

былъ, по нашему мнѣнію, пройти молчаніемъ авторъ описанія, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, конечно, могъ избѣжать сухаго перечисленія именъ волынскихъ губернаторовъ.

Описаніе города, какъ мы уже говорили, очень невелико. Почти ничего не сказано объ отношеніи жителей различныхъ національностей другъ къ другу, о количествѣ и приростѣ населенія, о состояніи учебныхъ заведеній. Вообще, желательно, чтобы г. Вержбицкій, если бы понадобилось новое изданіе «Описанія г. Житоміра», обработалъ его полнѣе, выпустивъ, пожалуй, перечень губернаторовъ и архіереевъ. Слѣдуетъ также уменьшить цѣну за книжку: 30 коп. за 30 страничекъ—цѣна очень высокая.

Арк. Лященко.

Памятная книжка волынской губ. на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена подъ редакціей члена-секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1888 г.

Дѣятельность волынскаго губернскаго статистическаго комитета выражается, между прочимъ, въ изданіи ежегодныхъ «памятныхъ книжекъ волынской губ.», главный интересъ которыхъ составляютъ матеріалы по статистикѣ волынской губ. Кромѣ матеріаловъ содержаніе книги составляютъ общекалендарныя свѣдѣнія, адресъ-календарь служащихъ разныхъ вѣдомствъ (въ волынской губ.) и справочный отдѣлъ.

Статистическія данныя (за 1887 г.) довольно разнообразны: тутъ мы находимъ свѣдѣнія о пространствѣ губ., о количествѣ населенія по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ, движеніи населенія, о посѣвѣ и урожаѣ, о цѣнахъ на рабочія руки, числѣ торговцевъ, ремесленниковъ, фабрикъ, заводовъ и суммы производительности ихъ, о пожарахъ, числѣ арестантовъ и родѣ преступленій, числѣ учебныхъ заведеній и т. д. Всѣ цифры приведены для каждаго города и уѣзда въ отдѣльности, далѣе, общая сумма для всѣхъ городовъ и уѣздовъ и наконецъ для всей губерніи. Можно было бы пожелать, чтобы этимъ матеріаламъ была предпослана, хотя бы и краткая историко-статистическая статья о волынской губ. Въ нѣкоторыхъ таблицахъ (напр. на 13 стр.) нужно еще вычислить общую сумму населенія въ губерніи для каждаго вѣроисповѣданія, недостаетъ также общей цифры населенія каждаго города и уѣзда (стр. 4—9), не мѣшало бы вычислить процентное отношеніе жителей по вѣроисповѣданіямъ.

Цифры, приводимыя въ матеріалахъ, представляютъ особенный интересъ при сравненіи съ подобными же за прошлые года. Мы сравнимъ нѣкоторыя изъ нихъ съ цифрами за 1863 г., помѣщенными въ книжкѣ Wolyń i jego mieszkańce w r. 1863 p. F. N. Drezno 1870 г. Общее число жителей волынской губ. въ 1863 г. было:

мужч.	772.287	(49,3%)
женщ.	795.611	(50,7%)
	1,567,898	

Въ сравненіи съ 1835 г. общее число жителей съ 1.300.000 возросло до 1.570.000, т. е. на 20,6%.—Въ 1887 г. жителей всего 2.264.867, изъ нихъ:

мужч.	1.143.800	(50,5%)
женщ.	1.121.067	(49,5%)

Слѣдовательно, съ 1863 г. населеніе увеличилось на 44,5%, но вмѣстѣ съ тѣмъ бросается въ глаза уменьшеніе женскаго населенія.

По вѣроисповѣданіямъ населеніе распредѣлялось такъ:

въ 1863 г.:			въ 1887 г.:		
правосл. . .	1.192.754	(76,07%)	правосл. . .	1.652.404	(72,9%)
раскольн. . .	3.580		раскольн. . .	5.876	
католик. . .	175.367	(11,18%)	католик. . .	184.203	(8,1%)
протест. . .	5.684		протест. . .	97.000	(4,3%)
гусситовъ. .	—	—	гусситовъ. .	14.919	
евреевъ . .	190.017	(12,13%)	евреевъ . .	305.350	(13,5%)
караимовъ .	250		караимовъ .	102	
магометанъ .	285		магометанъ .	450	

Въ губ. гор. Житомірѣ населеніе съ 38.897 увеличилось до 56.207; замѣчательно увеличеніе Ковля: съ 3.700 жител. въ 1863 г. населеніе возросло въ 1887 г. до 14.241.

Фабрикъ въ 1863 г. было 998 съ производствомъ на 4.221.604 руб., а въ 1887 г.—1312 съ производствомъ на 13.567.057 руб.

Среднихъ учебныхъ заведеній въ 1863 г. было 13 съ 2.427 воспит. (изъ нихъ 2.327 мальчик.), низшихъ учебн. завед. 1.312 съ 16.957 ученик., т. е. 1 учащійся приходился на 92 жителя. Въ 1887 въ 17 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ волын. губ. обучалось 2.569 мальч. и 879 дѣв., т. е. всего 3.448, и въ 1471 низш. учебн. завед. 40.143 мальч. и 9.905 дѣвоч., всего 50.048 учащихся, а всѣхъ учащихся 53.496, или 1 учащійся на 44,2 чел., если же принять во вниманіе одно мужское населеніе, то 1 учащійся мальчикъ на 26,8 мужч. Успѣхи сравнительно большіе.

Арк. Лященко.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 186—192. Столѣтній юбилей новогородсѣверской гимназіи—замѣтка о программѣ празднованія этого юбилея 19-го сентября, утвержденной г. попечителемъ округа.

— Слухъ объ изданіи въ Кіевѣ новой газеты «Театръ и искусство».

187. Освященіе въ Кіевѣ новой церкви во имя Александра Невскаго.

— Переяславъ (корреспонденція). О смерти А. О. Козачковскаго—мѣстнаго старожила.

190. Крестный ходъ 29-го августа въ Кіевѣ, установленный въ 1872 году въ память избавленія отъ холеры на Подолѣ.

— Праздникъ свѣчки на кіевскихъ базарахъ 1-го сентября—замѣтка.

192. Желтоводская битва—замѣтка.

— Гадячская сельско-хозяйственная выставка—замѣтка.

Кіевское Слово №№ 750—773. 754. Село Казиміровка—корреспонденія о празднованіи въ мѣстномъ костелѣ въ честь чудотворной католической иконы Божіей Матеріи.

775. Кіевскій гостинный дворъ—замѣтка.

— Голодъ въ Галиціи — перепечатка изъ «Славянскихъ Извѣстій» статьи г. Наумовича.

756. Сооруженіе церкви во имя св. кн. Александра Невскаго въ дворцовомъ паркѣ въ Кіевѣ.

— А. О. Козачковскій (некрологъ).

759. Объ исполнившемся 31-го августа 800-лѣтіи смерти кіевскаго митрополита Іоанна.

760. Село Желтое верхнеднѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губ.,—замѣтка о побѣдѣ надъ поляками Богдана Хмельницкаго, бывшей при этомъ селѣ.

— Къ юбилею новгородсѣверской гимназіи.

765. Библіограф. замѣтка о книгѣ И. П. Матченка «Св. Владиміръ—просвѣтитель Руси».

768. Перепечатка изъ «Рус. Старины» отрывки изъ дневника А. В. Никитенка.

772. Перепечатки изъ № 9 «Кіев. Стар.» отрывковъ изъ воспоминаній К. А. Трутовскаго и статьи Ю. Д. Талько-Грынцевича о семьѣ Шевченка.

769, 770. Археологическое открытіе. Объ открытомъ В. И. Гошкевичемъ на лѣв. бер. р. Гнилуши, притока Черторои, противъ Кіева, у с. Вигуровщины, городищѣ. По предположенію г. Гошкевича, это остатки лѣтописнаго Пѣсочнаго и здѣсь же стоялъ замокъ кн. Симеона Олельковича.

Волынь №№ 138—159. 147. Описаніе Кіево-Печер. лавры, по поводу ея 800-лѣтія (перепечатка изъ «Кіевлянина»).

151. Воспоминанія бывшаго воспитанника переяслав. духов. училища, рисующія нравы школы въ 30-хъ годахъ (Перепечатка изъ «Церков. Вѣстника»).

153. Новыя архивныя данныя о ротѣ амазонокъ въ Крыму въ концѣ прошлаго столѣтія.

153, 154. Отчетъ о состояніи житомирской гимназіи въ истекшемъ учебномъ году.

156. Корреспонденція изъ Ровно о празднованіи 50-лѣтняго юбилея ровен. реал. училища.

159. Указаніе на запущенность и заброшенность развалинъ въ г. Овручѣ древняго Васильев. храма, сооруженнаго св. Владиміромъ.

— Описаніе древней церкви въ селѣ Стидини.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 24—26. 24, 26. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (продолженіе) М. Мизочъ, с. Мирогаща, с. Молодава, с. Мокрое, с. Большая Мощаница, с. Малая Мощаница, с. Обговъ, с. Спасовъ. с. Цурковъ, с. Ступно, с. Тростянецъ, с. Ульбаровъ, с. Конюшки, с. Бакаринъ, с. Пелма, с. Боремецъ, с. Большая Городница, с. Малая Городница, с. Дерно, с. Покашевъ, с. Дидычи.

Православное Крестовоздвиженское братство въ г. Луцкѣ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 33—37. 33. 34. С. Козацкое, с. Сѣнная, с. Бендзари, с. Буриловка, с. Тридубы, с. Люшневатая, с. Лозоватая, с. Таужная, с. Мазурова, с. Ясеновая, с. Великій Бобрикъ, м. Кривое Озеро, с. Познанка, с. Корытная, с. Пассатъ.

— Борьба мѣстной епархіальной власти съ языческимъ чествованіемъ древней богини Цереры.

Черниг. Губ. Вѣд. №№ 66—72. 66. Известковый и мѣловой промыселъ въ глуховскомъ уѣздѣ. А. Петровскаго.

66, 67. 71. Къ исторіи края. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г. 59. Гриневичъ, 60. Кириченко, 61. Лайкевичъ Иродіонъ, 62. Комовскій, 63. Дераковскій, 64. Чернявскій 65. Ступаковъ.

67. Перепеч. изъ «Кіевлянина» списка кіевскихъ генералъ-губернаторовъ.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 16—17. 16. Некрологъ бывшаго архіепископа полтавскаго и переяславскаго Іоанна.

— Рѣчи по случаю закладки каменнаго храма во имя Успенія Божіей Матери въ г. Переяславѣ.

— По поводу пятидесятилѣтія возсоединенія уніатовъ западныхъ областей Россіи съ православною церковію.

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости. №. 17. Краткое описаніе села Данкоуцъ, хотинскаго уѣзда.

Крымъ. №№ 95—110. 95. Сообщеніе о раскопкахъ, произведенныхъ проф. Н. И. Веселовскимъ въ Неаполисѣ по Госпитальной балкѣ, при чемъ найдено много посуды, обнаружено существованіе тамъ древняго скиѳскаго кладбища и открыты фундаменты древнихъ сооруженій, можетъ быть храмовъ. (Подробнѣе объ этомъ сообщено въ № 96).

— 96, 98. Статья «Учебная колонія на Салгирѣ» въ Симферополѣ заключаетъ себѣ историч. справку о дѣятельности жившихъ здѣсь академиковъ Палласса (1741—1811), Стивена (1781—1863), доктора Мюльгаузена и г. Сумарокова, автора книги: «Досуги крымскаго судьи» 1803—1805 г.г., по изученію Крыма.

Курскій Листокъ. №№ 96—105. 99. Учучшеніе хозяйства въ казенныхъ лѣсахъ въ связи съ улучшеніемъ быта крестьянъ—Китаева.

101. По поводу статьи Китаева.

Минскій Листокъ. №№ 62—72. 62. Извѣстіе о возникшей недавно на югѣ Россіи еврейской сектѣ «Новый Израиль», стремящейся къ ассимиляціи евреевъ съ христіанами.

Варшавскій Дневникъ. №№ 179—204. 200, 201. Передовая статья по поводу упомянутой въ предъидущемъ № «Кіев. Старины» книги: «Glos z ludu w kwestyi polskiey».

190. Описаніе побѣды фельдмаршала Миниха надъ турками при м. Ставучанахъ (близь Хотина бессараб. губ.) 28 августа 1739 года—историч. справка по поводу 150-лѣтія этой битвы.

203. Описаніе годичнаго торжества въ г. Холмѣ 8-го сентября и рѣчь К. В. Божовскаго, въ которой авторъ кратко очерчиваетъ исторію отношеній католицизма и уніи къ православію, шляхты къ народу.

204. Замѣтка о брошюрѣ г. В. Левицкато: «Nasze czy obce zywioły», въ которой авторъ представляетъ статистическія данныя о польскомъ и еврейскомъ землевладѣніи въ Галиціи.

Червоная Русь. №№ 162—193. 162. Некрологъ Лозинскаго.

166. Цѣнная находка.

172. «Къ любителямъ древностей».

174. «800 лѣтъ тому назадъ».

184. Братство св. Георгія въ Яворовѣ.

185. Іеронимъ Анонимъ.

189. Интересныя археологическія находки.

Вышли въ свѣтъ отдѣльною книгою и поступили въ продажу въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ и въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ и въ С.-Петербургѣ

НАКАЗЫ МАЛОРОССІЙСКИМЪ ДЕПУТАТАМЪ 1767 Г.

и

акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія уложенія.

Кіевъ. 1889. Стр. VIII+292+XX. Цѣна 2 р. Выписывающіе изъ редакціи журнала „Кіевская Старина“ за пересылку не платятъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1889 г.

		стр.
I.	Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга» — по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида**	I—VIII
II.	Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. **А. Востокова.**	1—17
III.	Культурныя переживанія. LXXII — LXXXVI. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**	18—51
IV.	Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Николайчика**	52—69
V.	Живая могила. (Малорусская легенда). **Людмилы Старицкой**	70—102
VI.	Старая Брацлавщина и ея люди. II. **Ц. Неймана.**	103—120
VII.	Воспоминанія **М. К. Чалаго.**	121—142
VIII.	Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе.** (Переводъ съ польскаго)	143—160
IX.	Документы, Извѣстія и Замѣтки: Старинное малорусское стихотвореніе. Два дѣла о волшебствѣ. **И. А. Линниченка.** Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи. Сообщ. **О. Л.** Пропавшія рукописи Н. И Костомарова. **L.** Рисунки Шевченка. Изъ прошлаго г. Кіева. **А. Востокова.** Одинъ изъ Мазепинцевъ. Плачъ дворянина	161—197
X.	Для справокъ.	197

СТР.

XI. Библіографія. Этнографическое Обозрѣніе. Період. изд. отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Кн I. подъ ред. Н. А. Янчука. **Ц. Г. Неймана**. Николай Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губерніи. **П. Голубовскаго**. Сочиненія Г. Ѳ. Квитки. Ш. Повѣсти и разсказы. **В Г.** Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. **А. Степовича**. «Wisła» 1887—1888 г. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**. Краткое описаніе г. Житомира, составленное Т. І. Вержбицкимъ. Изданіе 2 е. **Арк. Лященка**. Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. **Арк. Лященка**. Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ . . . . . 198—224

Приложеніе: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.

образомъ вознаграждаетъ понесенныя жителями потери. Если отрядъ велъ себя хорошо, поручникъ возвращаетъ эти деньги по окончаніи похода, когда разводитъ по домамъ свои хоругви въ то самое мѣсто, гдѣ получилъ ихъ изъ рукъ кастеляновъ, которые собираютъ ополченіе и распредѣляютъ ихъ на полки и хоругви.—Таковъ въ общихъ чертахъ тотъ порядокъ, какого держатся поляки въ военномъ дѣлѣ, составляющемъ единственное ихъ занятіе какъ дворянъ, которые не должны признавать ничего другаго.

Что касается ихъ вооруженія и военныхъ пріемовъ, то они всегда представляли легкую конницу, одѣтую въ кольчуги и кафтаны изъ лосиной или буйволовой кожи; главное оружіе ихъ составляетъ очень длинное копье, топоръ, булава и ножъ. Большинство изъ нихъ въ особенности жители Литвы, Червоной Руси, Волыни и Подолія употребляютъ сверхъ того турецкій лукъ и стрѣлы, которыми владѣютъ съ большимъ искусствомъ; всѣ же прочіе, уроженцы великой и малой Польши и Пруссіи уже освоились съ пистолетами и карабинами. Во всякомъ случаѣ они менѣе пригодны къ пѣхотной службѣ, нежели къ кавалерійской, а также менѣе способны къ осадѣ или защитѣ крѣпостей, чѣмъ къ сраженію въ открытомъ полѣ. Поэтому, когда польская конница имѣетъ дѣло съ непріятелемъ тяжело вооруженнымъ, она никогда не вступаетъ сразу въ рукопашный бой, но старается безпрерывными аттаками своихъ летучихъ отрядовъ утомить и ослабить его и, если возможно, произвести безпорядокъ въ непріятельскихъ рядахъ. Напротивъ, въ войнахъ съ татарами, москвитянами и всякимъ другимъ непріятелемъ, употребляющимъ тѣ же пріемы, поляки поступаютъ совсѣмъ наоборотъ и стараются какъ можно скорѣе перейти къ холодному оружію, такъ какъ они лучше вооружены, лошади ихъ крѣпче и сами они отважны, мужественны и непоколебимы.

О татарахъ.

Король Владиславъ Локетокъ, приказавши отыскивать мертвыхъ послѣ крупной побѣды, одержанной имъ надъ прусскими крестоносцами, замѣтилъ бѣднаго дворянина, лежащаго навзничь на землѣ, который полу-

чилъ нѣсколько ранъ и удерживалъ руками вывалившіяся изъ живота внутренности. „Посмотрите, каково мужество этого человѣка, замѣтилъ король сопровождавшимъ его лицамъ, Боже мой, какія мученія долженъ онъ испытывать". „Конечно, государь, отвѣчалъ тотъ, но еще больше терпятъ тѣ, у кого есть дурной сосѣдъ, подобный моему".

Король, которому легко было сдѣлать это, тотчасъ избавилъ его отъ мученія, предоставивъ ему одному все помѣстье. Но было бы дѣломъ, несравненно болѣе высокимъ и прекраснымъ, если бы этотъ король или кто нибудь изъ его преемниковъ могъ освободить свой народъ отъ татаръ и москвитянъ, двухъ столь дурныхъ и зловредныхъ сосѣдей и вѣчныхъ враговъ, изъ которыхъ первый превосходитъ жестокостью самые варварскіе и безчеловѣчные народы, какіе когда либо существовали. Что же касается втораго, то онъ въ непродолжительномъ времени силою и могуществомъ сравняется съ турками, которыхъ также можно было бы пріобщить къ первымъ двумъ, если бы не удалось установить съ ними нѣкоторое подобіе мира.

Но что за народъ были татары въ древности, гдѣ они обитали первоначально, откуда вышли въ первый разъ, чтобы поселиться въ этихъ странахъ, что они дѣлали и чего не дѣлали,— сказать обо всемъ этомъ что нибудь положительно чрезвычайно трудно, такъ какъ это былъ народъ малоизвѣстный, всѣми презираемый и до того варварскій, можно сказать скотоподобный, что тѣ, которые могли оставить о немъ кое какія письменныя свѣдѣнія, или сами ничего не слыхали, или же считали излишнимъ тратить чернила на такой презрѣнный предметъ. Точно такъ же и сами татары, не знавшіе употребленія письма, тѣмъ менѣе могли оставить потомству какія нибудь воспоминанія о своихъ дѣяніяхъ и судьбахъ. Впрочемъ подъ конецъ у нихъ не было недостатка въ писателяхъ, подобно инымъ, болѣе храбрымъ и образованнымъ народамъ, не взирая на то, что это племя никогда не было въ состояніи усвоить себѣ какую нибудь цивилизацію или понятіе о честности, смягчить нравы и приспособиться къ болѣе культурнымъ формамъ быта.

Дѣйствительно татары даже наружностью отличаются отъ другихъ народовъ: цвѣтъ кожи ихъ смуглый, носъ приплюснутый, глаза

небольшіе, впалые и горящіе, взглядъ всегда косой, лицо круглое и плоское, какъ тарелка, лишенное волосъ на бровяхъ и щекахъ за исключеніемъ бороды, которую они отпускаютъ очень старательно; при большей полнотѣ они малаго роста, но несмотря на это обладаютъ чрезмѣрною силою и выносливостью въ трудѣ и лишеніяхъ, больше какого бы то ни было другаго народа. Такъ напримѣръ, татарамъ случается иногда пробыть верхомъ цѣлыхъ четверо сутокъ, не вставая съ лошади, безъ пищи и питья. Если подъ конецъ татаринъ почувствуетъ себя слишкомъ слабымъ, истощеннымъ отъ голода и жажды, онъ надрѣзываетъ кожу своей лошади и выпиваетъ добрый глотокъ крови, отчего лошадь, по ихъ словамъ, становится еще лучше. За то по возвращеніи изъ похода они объѣдаются и спятъ за четверыхъ. Поэтому случается нерѣдко, что русскіе и литовцы настигаютъ татаръ (вторгнувшихся въ ихъ страну съ цѣлью грабежа) въ состояніи полнаго безчувствія отъ пресыщеній и сна и производятъ страшную рѣзню.

Любимую пищу для нихъ составляетъ конина, причемъ внутренности и потроха предназначаются главнѣйшимъ начальникамъ и вождямъ, равно какъ и голова, которая считается самымъ цѣннымъ и лакомымъ кушаньемъ, подобно тому какъ бы у насъ хорошо приготовленная кабанья голова, а запиваютъ это нѣжнѣйшимъ для нихъ напиткомъ — кобыльимъ молокомъ, отъ котораго, по ихъ мнѣнію, они дѣлаются сильнѣе.

Вообще какъ продовольствіе татаръ, такъ и вся ихъ жизнь тѣсно связана съ ихъ лошадьми, такъ какъ эти послѣднія служатъ имъ во время войны, носятъ ихъ самихъ и всѣ необходимыя припасы, одежду и багажъ, питаютъ ихъ своею кровью, мясомъ и молокомъ. И въ самомъ дѣлѣ сами татары скорѣе похожи на лошадей, нежели на существа, одаренные разсудкомъ. Они не признаютъ инаго занятія кромѣ войны, т. е. внезапныхъ набѣговъ, сопровождаемыхъ убійствами и грабежами, такъ какъ ни осады, ни обороны замковъ у нихъ не бываетъ и въ поминѣ. Если удается заманить ихъ изъ степи (гдѣ они чрезвычайно опасны вслѣдствіе своей многочислен-

ности и боевыхъ пріемовъ) въ мѣста тѣсныя и закрытыя, тогда не трудно уже покончить съ ними.

Впрочемъ, татары никогда не просятъ пощады и, хотя избѣгаютъ правильной войны, до послѣдняго издыханія защищаются ногтями и зубами, если не имѣютъ другаго оружія. Дѣйствительно, вооруженіе ихъ весьма несложно и состоитъ по большей части изъ одного лука и стрѣлъ, иногда съ прибавкою кинжала или меча. Они никогда не употребляютъ копій и потому не встрѣчаютъ непріятеля лицомъ къ лицу, сомкнутымъ строемъ и въ боевомъ порядкѣ, а только безпрерывно нападаютъ и отступаютъ. То вдругъ яростно и неудержимо набрасываются на непріятеля, затѣмъ также внезапно обращаются въ бѣгство и это ихъ самый опасный пріемъ; таковы были древніе парфяне, отъ которыхъ татары вѣроятно позаимствовали нѣкогда эту хитрость. Затѣмъ они тотчасъ же снова смыкаютъ свои ряды и стараются какъ можно тѣснѣе окружить и оцѣпить непріятеля, оставляя всегда свободный проходъ для тѣхъ, которые продолжаютъ тревожить его своими аттаками. Во всемъ этомъ они наблюдаютъ величайшій порядокъ и къ этому сводится ихъ военная хитрость и дисциплина. Если разъ удастся остановить ихъ или смѣшать ряды, то нѣтъ уже никакой возможности возстановить порядокъ и татары бѣгутъ, сломя голову.

За то, когда перевѣсъ на ихъ сторонѣ, они быстрымъ, усиленнымъ движеніемъ рѣшаютъ битву и тогда побѣжденные должны приготовиться ко всевозможнымъ жестокостямъ, какія только можно вообразить; поэтому для каждаго гораздо предпочтительнѣе быть убитымъ на мѣстѣ, такъ какъ плѣнъ, куда уводятъ татары всѣхъ попавшихъ къ нимъ въ руки, несравненно хуже самой лютой смерти. Впрочемъ, они позволяютъ рабамъ, прослужившимъ 7—8 лѣтъ, выкупаться на свободу. Что же касается малолѣтнихъ дѣтей и стариковъ, неспособныхъ къ работѣ, то ихъ предоставляютъ молодымъ татарскимъ мальчикамъ для забавы и для того, чтобы пріучить ихъ къ виду человѣческой крови, подобно тому какъ охотники даютъ куропатокъ на растерзаніе молодымъ соколамъ, еще не привыкшимъ къ живой дичи, для того, чтобы пріучить ихъ къ охотѣ.

Дѣти, получившіе этихъ несчастныхъ въ свое распоряженіе, придумываютъ для нихъ всевозможныя мученія: терзаютъ тупыми, иззубренными ножичками, побиваютъ маленькими камешками, или заставляютъ по нѣсколько разъ бросаться съ высокой скалы до тѣхъ поръ, пока они не разобьются на части и пока каждому не достанется по куску мяса, чтобы играть имъ, какъ снѣжкою.

Но, оставляя въ сторонѣ всѣ эти жестокости и переходя къ историческимъ даннымъ (такъ какъ все это заслуживало бы отдѣльнаго и подробнаго трактата), узнаемъ, что около 1162 года, какъ говоритъ преданіе, татары впервые начали сознавать свою силу и рѣшились оставить свою родину. Они избрали предводителемъ одного изъ среды себя, называемаго Чингизъ, человѣка низкаго происхожденія, но одареннаго чрезвычайно предпріимчивымъ и развитымъ умомъ, зарѣзали господствовавшаго надъ ними царя Умкана, иначе называвшагося „попомъ Іоанномъ“; но это не былъ царь Абиссиніи и Эфіопіи, которому ошибочно присваиваютъ этотъ титулъ. Послѣ того татары овладѣли его страною и въ непродолжительномъ времени покорили всѣ окрестныя земли, проникли на востокъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ и береговъ Индійскаго океана въ Китаѣ, Шанхаѣ и Катаѣ [1]). Здѣсь они основали впослѣдствіи величайшій и могущественнѣйшій городъ Камбалю, столицу верховныхъ государей татарскихъ, называемыхъ обыкновенно великими ханами катайскими. Слово ханъ означаетъ не собака, какъ думаютъ нѣкоторые, но императоръ или монархъ, между тѣмъ какъ то же слово безъ придыханія (канъ) означаетъ кровь.

И такъ Чингизъ-ханъ положилъ начало этой могучей и грозной династіи; что же касается заволжской орды, самой главной и многочисленной изъ всѣхъ татарскихъ, орды, которую они также называютъ Таккси (Тасхі), т. е. главная орда, то она многолюднѣе всѣхъ остальныхъ, которыя отъ нея и произошли, по свидѣтельству

---

[1]) Подъ именемъ Катай средневѣковые географы разумѣли сѣверную часть нынѣшняго Китая; въ этой области находился городъ Камбалю, зимняя столица великихъ хановъ монгольскихъ; городъ этотъ описанъ подробно въ путешествіи Марко-Поло въ X—XI главахъ второй книги этого сочиненія.

самихъ татаръ. Слово орда въ татарскомъ языкѣ означаетъ собраніе многихъ народовъ въ одинъ. Заволжская орда расположила свои кочевья на огромныхъ равнинахъ по сю сторону рѣки Волги, иначе называемой Ра, впадающей въ Каспійское море близь города Астрахани 70-ю рукавами, изъ которыхъ самый меньшій равняется величиною р. Сенѣ.

Чингизъ-хану наслѣдовалъ его сынъ Іоку-ханъ, отецъ Заинъ-хана, иначе называемаго Батыемъ, который первый изъ татаръ вторгся въ Польшу въ царствованіе Болеслава Стыдливаго, около 1202 года[1]), причинилъ неисчислимыя бѣдствія и опустошенія и проникъ еще дальше въ Силезію, Моравію и Венгрію. Онъ первый также принялъ законъ Магомета, который исповѣдываютъ татары и понынѣ, между тѣмъ какъ до того времени они были язычниками-идолопоклонниками, или точнѣе говоря, совсѣмъ не имѣли понятія о религіи, даже самой грубой и несложной.—Четвертымъ ханомъ татарскимъ былъ Темиръ-Кутлукъ, что значитъ счастливое желѣзо, сынъ Батыя, иначе называемый Тамерланомъ[2]), обладавшій войскомъ въ 1,200,000 человѣкъ. Онъ взялъ въ плѣнъ турецкаго султана Баязета и возилъ его повсюду за собою заключеннаго въ желѣзную клѣтку. Историческія сочиненія достаточно переполнены разсказами о его подвигахъ и дѣяніяхъ. Пятымъ былъ сынъ этого Тамерлана, Темиръ-ханъ, что значитъ счастливый царь; но онъ погибъ въ битвѣ между Владиславомъ Ягайломъ и прусскими крестоносцами. Шестымъ былъ Махметъ-ханъ, седьмымъ Ахметъ-ханъ, восьмымъ Шихъ-Ахметъ. Этотъ послѣдній, призванный польскимъ королемъ Альбертомъ и великимъ княземъ литовскимъ на помощь противъ хана перекопскаго Менгли-Гирея въ 1500 году, явился съ 60,000-мъ войскомъ, которое сопровождали женщины и дѣти въ количествѣ болѣе 100,000. Въ это время стояли такіе сильные холода, что собственная жена хана, не въ силахъ будучи выдерживать трудностей похода, бѣжала

[1]) Болеславъ Стыдливый съ 1227 по 1279 годъ; нашествіе Батыя на Польшу относится къ 1241 году.

[2]) Считаемъ излишнимъ отмѣчать всѣ грубыя ошибки Виженера, касающіяся генеалогіи и порядка наслѣдованія монгольскихъ хановъ. Ошибки эти слишкомъ элементарны и вполнѣ ясны для читателя.

вмѣстѣ съ самыми избранными его воинами къ упомянутому Менгли-Гирею, который немедленно собралъ свою армію, выступилъ на встрѣчу Шихъ-Ахмету и разбилъ его. Этотъ послѣдній скрылся съ тремя стами всадниковъ и прибылъ въ Мункастро, но узнавши здѣсь, что Баязетъ, у котораго онъ надѣялся найти пріютъ, послалъ людей, чтобы схватить его, повернулъ обратно съ ничтожнымъ отрядомъ въ 50 лошадей и отступилъ въ окрестности Кіева; кіевскій воевода, извѣщенный о его приближеніи, задержалъ его и отослалъ въ Вильно. Великій князь Александръ, присутствовавшій въ это время на генеральномъ сеймѣ въ Брестѣ, приказалъ встрѣтить Шихъ-Ахмета съ большимъ почетомъ, затѣмъ доставить ему нужное количество верховыхъ лошадей и препроводить въ Радомъ, откуда онъ могъ возвратиться въ заволжскую Татарію; а самъ между тѣмъ послалъ впередъ его брата Солтанъ-Козика, чтобы извѣстить о его прибытіи ихъ дядю Албугера. Вскоро однако несчастный Шихъ-Ахметъ былъ схваченъ литовцами въ угоду его смертельному врагу Менгли-Гирею и отправленъ въ качествѣ плѣнника въ ковенскій замокъ, гдѣ и содержался до конца жизни съ женою и дѣтьми.—Такимъ образомъ онъ оправдалъ имя, которое носилъ и которое на его языкѣ означаетъ мученикъ.

Вотъ все, что можно сказать о заволжской ордѣ, иначе называемой джагатайскою. Другое татарское племя, такъ называемая перекопская орда, происходящая отъ первой (отъ которой выдѣлились и всѣ остальныя), получила начало отъ нѣкоего Улана, человѣка безроднаго и неизвѣстнаго происхожденія, который первый овладѣлъ полосою земли, извѣстною подъ именемъ Херсонеса Таврическаго. Это полуостровъ, почти отрѣзанный отъ материка и вдающійся далеко въ Меотійское болото, сѣвернѣе великаго (Чернаго) моря, на протяженіи около 24 миль въ длину и 15 въ ширину. На немъ находятся три города: Солхатъ, Киркея, Каффа и двѣ крѣпости: Манкупъ и Азовъ. Главный городъ Солхатъ, называемый татарами Крымъ; отъ него приняли свой титулъ ихъ государи, которые называются крымскими ханами. Другой городъ, менѣе значи-

тельный, Киркея [1]), въ которой находится замокъ, сдѣланный изъ дерева и дерна на вершинѣ скалы. Разсказываютъ, что нѣкогда жилъ тамъ драконъ, пожиравшій всѣхъ и грозившій совсѣмъ опустошить страну, если бы нѣкоторые изъ проживавшихъ тамъ итальянцевъ, привычныхъ къ различнымъ чудовищамъ, не прибѣгли съ молитвою о помощи къ Дѣвѣ Маріи. Вскорѣ послѣ того они замѣтили какой то свѣтъ въ скалѣ, вырубили въ ней ступени и проникли въ подземелье, гдѣ нашли икону Богородицы, передъ которою горѣла свѣча, а у ногъ ея лежалъ драконъ, пронзенный насквозь. Слухъ о чудѣ распространился и потому ханъ перекопскій Ачи-Гирей, готовясь къ войны съ братьями, также вручилъ себя заступничеству чудотворной иконы и надавалъ множество обѣтовъ, если ей угодно будетъ оказать помощь въ этомъ дѣлѣ. Ибо сами магометане съ большимъ почетомъ относятся къ Пречистой Дѣвѣ, признавая, что она безъ всякаго сообщества мужчины и безъ нарушенія дѣвства зачала и родила великаго пророка Іисуса Христа (какъ они называютъ его). Поэтому ханъ, получивъ помощь, которую искалъ, продалъ пару самыхъ лучшихъ изъ своихъ лошадей, за вырученныя деньги купилъ воску и приказалъ отлить двѣ свѣчи, которыя день и ночь горѣли передъ иконою, что и понынѣ поддерживается его преемниками.

Третій городъ въ Крыму есть Каффа, въ древности называемая Ѳеодосіею, которую султанъ турецкій Магометъ отнялъ у генуэзцевъ и вслѣдъ затѣмъ предалъ въ ней смерти двухъ братьевъ, начальниковъ манкупскаго замка, послѣднихъ представителей готскаго племени. Кажется, онъ занялъ также и Азовъ при устьи Танаиса и укрѣпилъ его.

Татары занимаютъ своими кочевьями всѣ степи и равнины, простирающіяся отъ входа на полуостровъ вдоль Меотиды и Понта Эвксинскаго до самаго Мункастра. Входъ этотъ они укрѣпили на западѣ земляным валомъ на протяженіи доброй мили, но сдѣлали это такъ плохо, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ постоянно раз-

[1]) Киркъ-Эри или Киркоръ есть древнее названіе Чуфутъ-Кале. (Смирновъ-Крымское ханство, стр. 102—103).

мывается водою. Вотъ почему полуостровъ, который слѣдовало называть Таврикою, теперь называется Перекопъ, что на татарскомъ языкѣ означаетъ ровъ, такъ какъ онъ отрѣзанъ рвами со стороны материка.

Послѣ Улана царствовалъ Тохтамышъ, сопровождавшій литовскаго князя Витовда въ походѣ противъ заволжскаго хана Тамерлана, не смотря на то, что тотъ приходился ему братомъ; но оба союзника были разбиты этимъ послѣднимъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Шихъ-Ахметъ, о которомъ говорилось выше и который былъ изгнанъ Ачи-Гиреемъ, занявшимъ его престолъ. Ачи-Гирей оставилъ семерыхъ сыновей, изъ которыхъ старшій Гайдеръ наслѣдовалъ престолъ. Но братъ его Менгли-Гирей отправился ко двору султана, который женилъ его и помогъ изгнать Гайдера, Ямурци [1]) и всѣхъ остальныхъ братьевъ, которымъ не оставалось инаго исхода, какъ сдаться великому князю московскому Ивану Васильевичу. Тотъ принялъ ихъ весьма охотно и далъ имъ въ управленіе казанское царство.

У Менгли-Гирея было девять сыновей, а именно: Магометъ, Серей, Ахметъ, Махмудъ, Бетый, утонувшій въ Валахіи въ 1510 г., Бурнасъ, Мубархъ, Садехъ [2]) и два другіе, имена которыхъ неизвѣстны.

Перекопскіе татары живутъ въ шестомъ климатѣ, тепломъ и мягкомъ и потому, казалось бы, должны быть милосерднѣе и человѣчнѣе другихъ, на самомъ же дѣлѣ они остались вѣрны своей первоначальной природѣ, жестокой и хищнической, подобно волкамъ или инымъ дикимъ звѣрямъ; ибо не проходитъ года, чтобы они не являлись самымъ предательскимъ образомъ грабить и опустошать русскія области, Литву, Валахію, Польшу, а нерѣдко и самую Московію.

---

[1]) Послѣ смерти Ачи-Гирея ханскій престолъ занялъ старшій изъ его сыновей Нуръ-Даулетъ; младшій братъ Менгли-Гирей вступилъ въ борьбу съ нимъ и, опираясь на помощь турокъ, принудилъ Нуръ-Даулета и другаго брата, помогавшаго ему, Хойдера, бѣжать изъ Крыма. Изгнанные царевичи бѣжали въ Москву, гдѣ поступили на службу къ царю Ивану Васильевичу. (Смирновъ—Крымское ханство, стр. 251).

[2]) Изъ сыновей Менгли-Гирея трое занимали послѣ его смерти ханскій престолъ: Мухаметъ, Саадетъ и Сахыбъ-Гиреи.

Татары третьей орды называются казанскими, по имени крѣпости Казани, расположенной на рѣкѣ Волгѣ на границѣ съ Московіею; они поселились здѣсь, отдѣлившись, подобно прочимъ, отъ главной джагатайской орды. Казанская орда располагаетъ 12,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, а въ случаѣ необходимости могла бы стянуть до 30,000, призвавши на помощь своихъ союзниковъ. Впрочемъ, составляющіе ее татары находятся въ полномъ подчиненіи московскому князю, который располагаетъ ими по своему усмотрѣнію и назначаетъ въ ханы кого пожелаетъ.

Четвертая орда, новѣйшая по времени, возникшая позже всѣхъ названныхъ, оккасійская или ногайская, еще недавно отдѣлившаяся отъ заволжской. Ибо послѣ того, какъ одинъ изъ подданныхъ великаго хана Оккасъ, личность чрезвычайно мужественная и отважная, былъ казненъ, его сыновья, въ количествѣ тридцати, отдѣлились отъ заволжцевъ и удалились въ окрестности сарайской крѣпости около 1450 года. Въ короткое время родъ ихъ до того размножился и усилился, что теперь это самая многолюдная изъ всѣхъ ордъ. Живутъ они сѣвернѣе другихъ, въ болѣе холодной странѣ въ сосѣдствѣ съ Московіею на восточной ея границѣ, куда онѣ нерѣдко вторгаются, причиняя многія бѣдствія и разоренія, точь въ точь какъ перекопцы или заволжцы въ Червоной Руси, Польшѣ и Валахіи. Потомки Оккаса понынѣ господствуютъ надъ ногайцами, которые не знаютъ еще употребленія монеты; вся ихъ торговля состоитъ въ обмѣнѣ рабовъ, скота и лошадей.

Вотъ четыре главнѣйшія орды тѣхъ татаръ, которые наводятъ страхъ не только на сосѣдей, но и на самые отдаленные народы и племена и одно имя которыхъ приводитъ въ трепетъ даже грудныхъ дѣтей. И дѣйствительно, ихъ справедливо можно признать истиною заразою, созданною на погибель рода человѣческаго. Существуетъ еще много другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ отпрысковъ и развѣтвленій этого нечестиваго племени, но всѣ они отдѣлились отъ указанныхъ выше и теперь живутъ и дѣйствуютъ самостоятельно. Они владѣютъ обширными кочевьями въ неизмѣримыхъ степяхъ, или вѣрнѣе сказать пустыняхъ, простирающихся къ востоку до самаго

Катая и границъ Китая. Количество этого народа неисчислимо, подобно песчинкамъ въ морѣ или звѣздамъ на небѣ.

Однако, несмотря на ихъ крайнюю дикость и неспособность къ какой бы то ни было гражданственности, они все же соблюдаютъ извѣстный этикетъ и порядокъ во взаимныхъ отношеніяхъ, при чемъ величайшій почетъ и повиновеніе оказывается ихъ государямъ, называемымъ ханами. Слѣдующія степени знатности составляютъ: солтанъ или сынъ хана, бей, эмиръ, мурза, т. е. сынъ эмира; олбудъ--совѣтникъ, олваудулу—сынъ дворянина; сеидъ-верховный жрецъ или первосвященникъ, пользующійся такимъ почетомъ, что самъ ханъ подходитъ къ нему пѣшій и подаетъ руку, не дожидаясь, пока тотъ сойдетъ съ коня. Подобной чести не оказывается никому другому, такъ какъ знатнѣйшіе вельможи, князья и сановники могутъ прикасаться только къ колѣнамъ хана, дворяне къ его ногамъ, а простой народъ къ одеждѣ. Сверхъ того существуетъ еще четверо лицъ, изъ которыхъ первый называется ширни, второй баринъ, третій гарни и четвертый тзиитзанъ, которые составляютъ совѣтъ хана по всѣмъ болѣе важнымъ дѣламъ.

К. М.

Леонардъ Горецкій.

Описаніе войны Ивоніи, господаря волошскаго.

(1574).

Сочиненіе Горецкаго представляетъ памятникъ весьма интересный для исторіи борьбы Польши съ Турціею во второй половинѣ XVI столѣтія за гегемонію надъ Молдавіею. Отношеніе этого памятника къ исторіи южной Россіи состоитъ не только въ томъ, что борьба происходила въ области, сопредѣльной съ южною Русью; памятникъ этотъ, вслѣдствіе недоразумѣнія, основаннаго на употребленной въ немъ терминологіи, послужилъ источникомъ одного изъ ошибочныхъ положеній относительно времени возникновенія и дѣятельности первоначальнаго козачества; недоразумѣніе это было принято большинствомъ писателей, занимавшихся южно-русскою исторіею и до того укоренилось въ общественномъ мнѣніи, что подало даже поводъ къ составленію подложныхъ эпическихъ произведеній, воспѣвавшихъ подвиги одного изъ героевъ разсказа Горецкаго—мнимаго козацкаго гетмана Свирчовскаго.

Полагаемъ, что болѣе близкое знакомство съ самымъ памятникомъ будетъ способствовать къ разъясненію этого историческаго недоразумѣнія.

Леонардъ Горецкій былъ польскій дворянинъ, по вѣроисповѣданію кальвинистъ; въ качествѣ протестанта онъ пользовался покровительствомъ познанскаго кастеляна графа Андрея Гурки, вокругъ котораго группировались болѣе культурныя силы польскаго протес-

тантизма. Горецкій принадлежалъ къ группѣ протестантскихъ польскихъ писателей, посвятившихъ свои труды исторіи; въ исторической литературѣ второй половины XVI столѣтія онъ занимаетъ почетное мѣсто на ряду со своими современниками и единовѣрцами: Мартиномъ Бѣльскимъ и Яномъ Ласицкимъ. Онъ составилъ на латинскомъ языкѣ обширную исторію Польши въ двадцати книгахъ, доведенную до смерти короля Сигизмунда I, и занятъ былъ составленіемъ ея продолженія до восшествія на престолъ короля Стефана; это видно изъ введенія и посвященія, приложенныхъ къ настоящему сочиненію, которое представляетъ эпизодъ предположеннаго продолженія. Большое сочиненіе Горецкаго не было издано и рукопись его утрачена; уцѣлѣлъ только эпизодъ „о войнѣ Ивоніи", благодаря тому обстоятельству, что авторъ поднесъ его съ особымъ посвященіемъ Андрею Гуркѣ, послѣдній же напечаталъ этотъ трудъ въ 1578 году во Франкфуртѣ, въ типографіи Вехеля, въ видѣ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ: „Descriptio belli Ivoniae voivodae Valachiae, quod anno 1574 cum Selimo II, turcarum imperatore, gessit". Этотъ трудъ Горецкаго былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Николаемъ Генигеромъ въ видѣ приложенія къ его сочиненію, вышедшему въ Базелѣ 1578 года подъ заглавіемъ: „Hoffhaltung des türckischen Kaisers ünd othomanischen Reichs Beschreibung biss auff dies 1578, Iahr ersteckt und ausgefüret".— Вслѣдъ затѣмъ онъ вошелъ въ составъ третьяго тома историческаго сборника, вышедшаго въ Франкфуртѣ въ 1584 году, подъ заглавіемъ: „Rerum polonicarum tomi tres", въ качествѣ дополненія къ сочиненіямъ Гвагнино.

Но еще раньше своего появленія въ печати, этотъ трудъ Горецкаго былъ извѣстенъ, вѣроятно въ рукописи, его современнику, историку Мартину Бѣльскому († 1575), который занесъ его въ сокращенномъ видѣ подъ 1574 годомъ въ свою „Кронику польскую".

Въ XVII столѣтіи монографіею Горецкаго пользовался при составленіи своихъ сочиненій Симеонъ Старовольскій; очевидно, что сообщаемыя имъ краткія извѣстія о войнѣ Ивоніи и о гетманѣ Свир-

човскомъ [1]) заимствованы изъ разсказа Горецкаго. Тотъ же разсказъ съ значительными амплификаціями вошелъ въ составъ сочиненія львовскаго кастеляна, воеводы подольскаго, Андрея-Максимиліана Фредра († 1679), носившаго заглавіе: Gesta populi Poloni sub Henrico Valesio". Наконецъ, въ исходѣ XVII столѣтія разсказъ Горецкаго проникъ въ южно-русскіе хронографы. Здѣсь мы впервые встрѣчаемъ его въ „Лѣтописцѣ", составленномъ въ 1699 году въ Выдубицкомъ монастырѣ, монахомъ Леонтіемъ Боболинскимъ [2]). По словамъ самого Боболинскаго, онъ заимствованъ составителемъ „Лѣтописца" изъ кроники Мартина Бѣльскаго и переведенъ имъ почти буквально.

Въ XVIII столѣтіи составители малороссійскихъ лѣтописей продолжаютъ пользоваться разсказомъ Горецкаго, заимствуя его изъ пересказа Бѣльскаго. Такъ, полный переводъ текста М. Бѣльскаго мы встрѣчаемъ въ „Собраніи историческомъ" Стефана Лукомскаго [3]) и краткія замѣтки и извлеченія изъ того же разсказа въ „Лѣтописи" Грабянки, въ „Хронологіи высокославныхъ, ясневельможныхъ гетмановъ", въ „Именной переписи малороссійскихъ гетмановъ", въ „Лѣтописцѣ" Якова Лизогуба, въ „Повѣсти о томъ, что случилось на Украинѣ", въ лѣтописи Рубана и т. д. Въ то же самое время разсказомъ Горецкаго пользуются и иностранные ученые, пытавшіеся составить первые опыты систематической исторіи козачества. Такъ напримѣръ, краткую замѣтку о Свирчовскомъ, заимствованную изъ малорусскихъ пересказовъ, мы встрѣчаемъ у Миллера и весьма подробный разсказъ о войнѣ Ивоніи, составленный просто уже по сочиненію Горецкаго, у Энгеля [4]).

---

[1]) Simonis Starovolscii—Institutorum rei militaris libri VIII. Cracoviae, 1639, стр. 154 и 256. Его же—Sarmatiae bellatores, стр. 101.

[2]) См. Южнорусскія лѣтописи, изданныя Н. Бѣлозерскимъ, стр. 110, 130; Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси. Кіевъ 1888, стр. 3; Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ, стр. 1.—Краткая лѣтопись Малыя Россіи, Василія Рубана, стр. 7; Лѣтопись Грабянки, стр. 21.

[3]) Миллеръ. О малороссійскомъ народѣ и запорожцахъ, изд. Бодянскаго, Москва, 1846, стр. 4.

[4]) Engel. Geschichte der Ukraine, Halle, 1796, стр. 72—74.

Невѣдомый намъ составитель „Исторіи Русовъ“ воспользовался разбросанными въ козацкихъ лѣтописяхъ краткими извѣстіями о Свирчовскомъ и войнѣ Ивоніи и, слѣдуя усвоеннымъ имъ пріемамъ, составилъ на основаніи этихъ замѣтокъ довольно пространный разсказъ о гетманствѣ Свирчовскаго, украсивъ его фантастическими подробностями и испещривъ анахронизмами. По его словамъ, Свирчовскій до гетманства занималъ должность генеральнаго обознаго (въ то время еще не существовавшую), затѣмъ состоялъ въ союзѣ съ господаремъ Лупуломъ, сражался съ Кара-Мустафою и т. д.—Талантливое, но совсѣмъ не историческое повѣствованіе Исторіи Русовъ оказалось не безъ вліянія на послѣдующихъ историковъ Малороссіи. Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ повторили этотъ разсказъ въ болѣе или менѣе сокращенныхъ варіантахъ [1]).

Такимъ образомъ первоначальный разсказъ Горецкаго, пройдя черезъ нѣсколько пересказовъ и подвергшись совершенной передѣлкѣ въ Исторіи Русовъ, является у послѣднихъ названныхъ историковъ съ характеромъ легендарнымъ, фантастическимъ, утратившимъ всякую историческую достовѣрность. Между тѣмъ какъ бы въ подтвержденіе подробностей, заключающихся въ этомъ легендарномъ разсказѣ, начали появляться въ разныхъ историческихъ сборникахъ будто народныя историческія пѣсни о Свирчовскомъ; такія пѣсни впервые напечатаны въ „Запорожской Старинѣ“ затѣмъ въ сборникѣ украинскихъ народныхъ пѣсенъ Максимовича 1834 г. и въ Малорусскомъ литературномъ сборникѣ, изданномъ Мордовцевымъ въ Саратовѣ въ 1859 году; всѣ онѣ повторяли, согласно Исторіи Русовъ, имя Свирчовскаго въ передѣлкѣ „Свѣрговскій“ [2]) и считали этого псевдогетмана, со словъ того же источника, погибшимъ во время приступа къ городу Килію.—Въ настоящее время критика доказала апокрифическое происхожденіе многихъ народныхъ думъ „Запорожской Старины“; что же касается другихъ двухъ сборниковъ, то кажется, они просто заимствовали изъ нея думу о Свирчовскомъ.

[1]) Исторія Русовъ стр. 23—24. Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, т. I, стр. 131—136. Маркевичъ. Исторія Малороссіи, т. I, стр. 52—56.

[2]) Еще въ концѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе ошибки въ транскрипціи, малорусскіе лѣтописцы передѣлали имя Свирчовскаго въ Свѣрговскаго.

Только послѣ 1855 года историки южно-русскаго козачества вновь возвратились къ первоисточнику, благодаря тому обстоятельству, что въ указанномъ году сочиненіе Горецкаго было издано вновь, въ польскомъ переводѣ, Владиславомъ Сырокомлею [1]). Н. И. Костомаровъ обратилъ вниманіе на это изданіе и на основаніи его составилъ монографію, озаглавленную: „Иванъ Свирговскій, украинскій козацкій гетманъ XVI вѣка“ [2]). Все изложеніе и эпизоды этой монографіи основаны на повѣствованіи Горецкаго, но талантливый историкъ не обратилъ должнаго вниманія на судьбу самаго источника, на многочисленныя заимствованія, передѣлки и амплификаціи его разсказа и потому, на ряду съ извѣстіями современника событія Горецкаго, приводитъ данныя изъ сочиненій писателей XVII и XVIII столѣтій, которые заимствовали собственно изъ того же Горецкаго посредственно или непосредственно свои свѣдѣнія и передавали ихъ въ искаженномъ видѣ. Такъ, онъ противопоставляетъ Горецкому данныя Фредра, Грабянки, Миллера и даже Исторіи Русовъ и мнимыхъ народныхъ думъ.

Разсматривая самое сказаніе Горецкаго, мы не можемъ не обратить вниманіе на употребленную имъ номенклатуру, которая и подала поводъ къ передѣлкамъ и недоразумѣніямъ позднѣйшихъ писателей. Горецкій называетъ ополченіе, ходившее въ помощь Ивоніи „козаками“ и предводителя ихъ Свирчовскаго „гетманомъ“. Малорусскіе лѣтописцы и писатели XVIII и XIX столѣтія поняли эти слова въ томъ смыслѣ, будто дѣло идетъ о малорусскихъ, днѣпровскихъ или запорожскихъ козакахъ и о малорусскомъ козацкомъ гетманѣ въ томъ значеніи, какое получилъ гетманъ послѣ Хмельницкаго. Между тѣмъ и то, и другое предположеніе ошибочны: историческіе польскіе писатели XVI столѣтія называли козаками вообще всякую милицію, самопроизвольно собравшуюся въ походъ безъ вѣдома своего правительства; въ такомъ именно смыслѣ у современника Горецкаго—Матвѣя Стрыйковскаго, упоминаются козаки-крестоносцы,

[1]) Оно появилось въ историческомъ сборникѣ, носящемъ общее заглавіе: „Dziejopisowie krajowi“.

[2]) См. Историческія монографіи и изслѣдованія, т. II, стр. 3–33.

козаки польскіе, литовскіе, нѣмецкіе, татарскіе и т. п.—Самъ Горецкій, назвавъ козаками ополченіе, ходившее въ Молдавію, впослѣдствіи, когда желаетъ назвать его участниковъ по національности, называетъ ихъ поляками. Изъ приведенныхъ имъ данныхъ и именъ сподвижниковъ Свирчовскаго мы видимъ, что ополченіе это состояло исключительно изъ дворянъ воеводствъ подольскаго, брацлавскаго и другихъ; всѣ упомянутые Горецкимъ лица носятъ фамиліи польскія, дворянскія.

Точно также и титулъ гетмана польскіе писатели XVI вѣка даютъ всякому независимому военачальнику, предводительствующему самостоятельнымъ отрядомъ войска. Въ этомъ смыслѣ названъ гетманомъ и Свирчовскій; ставить его въ ряду малороссійскихъ гетмановъ невозможно уже потому, что въ то время должность малороссійскаго гетмана еще не существовала. До 1569 года днѣпровскими козаками управляли старосты пограничныхъ повѣтовъ, а послѣ этого года, до времени Петра Конашевича Сагайдачнаго, чиновники, носившіе оффиціальный титулъ „старшаго козацкаго“. Свирчовскій принялъ подъ свое начальство отдѣльные шляхетскія партіи уже въ Молдавіи, куда они пришли въ количествѣ 800 человѣкъ пятью отдѣльными отрядами, изъ которыхъ каждый имѣлъ самостоятельнаго предводителя. Отряды эти по словамъ Горецкаго, состояли изъ легкой польской конницы и сформировались нѣсколько раньше, намѣреваясь предпринять набѣгъ съ цѣлью военной добычи на берегахъ Чернаго моря, но были отозваны въ Молдавію вслѣдствіе приглашенія Ивонія.

К. М

Приступая къ исторіи войны молдавскаго господаря съ турецкимъ султаномъ Селимомъ, считаю умѣстнымъ сдѣлать выписку изъ второй книги „Исторіи польскаго народа“, которую я оставилъ въ двадцати книгахъ и довелъ до смерти Сигизмунда I. Я выпишу оттуда свѣдѣнія о географическомъ положеніи Молдавіи, о плодородіи ея почвы, о количествѣ народонаселенія, его обычаяхъ и т. п.

Волощина, извѣстная нѣкогда подъ именемъ Мизіи и Дакіи, граничитъ на востокѣ съ Чернымъ моремъ, на югѣ съ рѣкою Истромъ или Дунаемъ, на западѣ съ Трансильваніею и на сѣверѣ съ Червоною Русью. Весь этотъ край дѣлится на двѣ части: Закарпатскую Валахію и Молдавію. Въ восточной части Закарпатской Валахіи находится изобилующее рыбою озеро, которое образуется нижнимъ теченіемъ рѣчки Прута или Гирасуса, притока Дуная. На западѣ она прилегаетъ къ границамъ Трансильваніи. Въ ней понынѣ сохранились замѣчательныя 34 арки отъ моста на Дунаѣ, построеннаго Траяномъ. На сѣверѣ границу ея составляетъ небольшой потокъ Гойна, впадающій въ Дунай, который своими извилинами образуетъ небольшой островъ, упоминаемый древними писателями и извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ Барильяна. Дунай вытекаетъ изъ Арбонскихъ горъ въ Германіи (Шварцвальдъ), близъ швабскаго города Ротвейль, у села Донаушингенъ. Вначалѣ онъ протекаетъ по Иллиріи, гдѣ носитъ названіе Истеръ; затѣмъ принимаетъ около 60 притоковъ, изъ которыхъ половина судоходныхъ, и шестью большими рукавами вливается въ море.

Другая часть Румыніи, изобилующая полями и пастбищами, стадами и прекрасными боевыми лошадями, называется Молдавіею, по имени рѣки Молдавы [1]), протекающей посрединѣ этой страны. Лежитъ она нѣсколько ниже верховьевъ рѣки Серета [2]) у подошвы Трансильванскихъ горъ, на мѣстѣ древней Дакіи и имѣетъ видъ огромнаго амфитеатра, обращеннаго на западъ. Столица воеводъ молдавскихъ Сочава лежитъ надъ р. Серетомъ; затѣмъ эта рѣка принимаетъ небольшіе, но обильные водою потоки: Гойну, Добенису и Арлу, дѣлается многоводною и протекаетъ по Молдавіи и Валахіи, гдѣ вливается въ Ольту или Алюту [3]). Сѣверные предѣлы Молдавіи окаймляетъ большая рѣка Тирасъ, обыкновенно называемая Днѣстромъ.

---

[1]) Правый притокъ Серета.

[2]) Въ текстѣ ошибочно вмѣсто Серета названъ Прутъ. Сочава лежитъ не на Серетѣ, а на правомъ его притокѣ, рѣкѣ Сочавѣ.

[3]) Также географическая ошибка: Серетъ впадаетъ прямо въ Дунай, Алюта же вливается въ Дунай значительно выше Серета.

Рѣка эта вытекаетъ изъ горъ Сарматскихъ или Карпатъ и направляется къ Черному морю по границѣ Подоліи и Червоной Руси.

Кто впервые владѣлъ страною, извѣстною нынѣ подъ именемъ Молдавіи, о томъ ничего достовѣрнаго нельзя почерпнуть у древнихъ писателей. Подобно Венгріи, Молдавія послѣдовательно служила мѣстомъ жительства многихъ народовъ. Происхожденіе нынѣшняго молдавскаго народа приписываютъ римскому полководцу Флакку, имя котораго, видоизмѣняемое съ теченіемъ времени, должно было сообщить Волощинѣ ея названіе. Ибо съ того времени, когда Флаккъ занялъ Мизію или Дакію, простиравшуюся за Дунаемъ до самой Скиѳіи, — край, о которомъ мы говоримъ, началъ называться Флакціею, а путемъ искаженія названіе это измѣнилось въ слово Валахія. Въ Валахіи сохранились не только римскіе законы, судопроизводство и обычаи, но сверхъ того еще многія выраженія латинскаго языка, вслѣдствіе чего многіе принимаютъ валаховъ за народъ, тождественный съ итальянцами и даже сами нѣмцы называютъ оба эти народа однимъ общимъ именемъ *Welchen*. О причинахъ, въ силу которыхъ Флаккъ занялъ эту страну, Эней Сильвій, бывшій впослѣдствіи римскимъ первосвященникомъ, разсказываетъ, что когда во времена императора Трояна даки или готы задумали освободиться отъ ига римлянъ, то туда посланъ былъ Флаккъ съ 30,000 воиновъ, которыхъ онъ посылалъ въ качествѣ земледѣльцевъ съ обязательствомъ продовольствовать римскіе гарнизоны, охранявшіе границы отъ скиѳовъ и сарматовъ. Съ теченіемъ времени и по изгнаніи готовъ, край, названный по имени Флакка, перешелъ къ римлянамъ. Можно было бы согласиться съ этимъ мнѣніемъ, но иные увѣряютъ, что Сильвій, ослѣпленный славою собственнаго края, былъ склоненъ писать вымыслы. Позднѣйшіе историки признаютъ то же начало для нынѣшней Молдавіи, но приводятъ иныя причины поселенія здѣсь римлянъ,— по ихъ словамъ, здѣсь были водворены изгнанники, а не воины, число которыхъ было такъ велико, что они вытѣснили не только туземцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и готовъ, выстроили мостъ черезъ Дунай и раздѣлились на двѣ части, т. е. на закарпатскихъ валаховъ и молдаванъ.

Обѣ страны имѣютъ собственныхъ правителей. Закарпатская Валахія, которую турки называютъ Карабогданъ, по причинѣ воздѣлываемой въ ней гречихи, имѣетъ въ Тырговищѣ столицу своихъ господарей, которые находятся въ зависимости отъ турокъ и платятъ имъ огромныя суммы золотомъ въ качествѣ обычной дани, называемой гарачемъ. Такъ покупаютъ они позорный миръ и не могутъ освободиться отъ ига, потому что на противоположномъ берегу Дуная, на мѣстѣ поселеній древнихъ изибальтовъ, въ Сербіи и Болгаріи, существуетъ множество неприступныхъ турецкихъ крѣпостей.

Другая половина Волощины, которую Днѣстръ отдѣляетъ отъ Подолія, также платила гарачъ туркамъ со времени султана Магомета, овладѣвшаго Константинополемъ. Но въ прошедшемъ году, послѣ того какъ Ивонія былъ измѣнически схваченъ турками и преданъ мучительной смерти, Валахія и Молдавія были включены въ число турецкихъ владѣній. Сперва воеводы молдавскіе платили легкую дань турецкимъ султанамъ: Казимиръ, отецъ короля Сигизмунда I, занятый войною съ крестоносцами, не могъ оказать поддержки воеводѣ Петру [1]) противъ Магомета, который въ 1455 году наложилъ на него гарачъ въ 2,000 червонцевъ. Впослѣдствіи, когда турецкіе султаны были заняты войнами въ Азіи, Персіи, Аравіи и Египтѣ, Молдавія подчинялась то венграмъ, то полякамъ; но, когда силы ея возросли, разбила нѣсколько разъ польскія войска, сбросила съ себя господство венгровъ и снова подчинилась туркамъ. Молдаване неоднократно приносили присягу на вѣрность польскимъ королямъ и пребывали ихъ ленниками, но это продолжалось лишь до новаго разрыва; впрочемъ при большой предусмотрительности со стороны покойнаго короля Августа, Молдавія могла бы навсегда остаться подъ властью Польши. Альбертъ Ласкій, мужъ великій въ бою и въ совѣтѣ, долго владѣвшій хотинскою крѣпостью въ Молдавіи, просилъ короля Августа прислать ему подкрѣпленіе, послѣ чего вся страна легко признала бы его господство. Еще раньше тотъ же Ласкій, вмѣстѣ съ Ляхоцкимъ, Филипповскимъ и другими, возвратилъ господарскій

[1]) Воевода Петръ III Ааронъ княжилъ въ 1450—1458 годахъ.

престолъ Якову, который происходилъ изъ древняго владѣтельнаго рода этой страны [1]). Послѣ гибели Александра вспыхнула жестокая война, господарь былъ предательски убитъ молдаванами, а Вишневецкаго, знаменитаго рыцаря, выдали туркамъ, которые предали его мучительной смерти. Ласкій держался еще нѣкоторое время подъ Хотиномъ, желая отстоять дѣло Александра [2]). Александру наслѣдовалъ сынъ его Богданъ, этому послѣднему Ивонія, исторію котораго я намѣренъ разсказать. Послѣ пораженія войскъ Богдана при помощи турокъ онъ нѣкоторое время княжилъ въ Молдавіи.

И прежде бывали въ Молдавіи славные и воинственные господари, особенно славенъ Стефанъ, нанесшій нѣсколько пораженій венгерскимъ и татарскимъ войскамъ и бывшій грозою главныхъ враговъ

---

[1]) Яковъ, занимавшій столъ молдавскаго господарства въ теченіе двухъ лѣтъ (1562—1564) и овладѣвшій имъ съ помощью Ласкаго, принадлежалъ къ числу ловкихъ политическихъ авантюристовъ. Яковъ Василаки былъ родомъ грекъ изъ острова Крита, онъ долгое время странствовалъ по Европѣ, занималъ различныя должности въ Римѣ, Испаніи, Германіи, Даніи и Польшѣ. Находясь въ Испаніи, онъ завладѣлъ документами встрѣтившагося ему тамъ его земляка Якова Ираклидеса, бывшаго деспота Самоса и Пароса, и принялъ его имя; затѣмъ составилъ подложную генеалогію, въ которой пытался установить свое родство по женской линіи съ династіею молдавскихъ господарей Драгошей, прекратившеюся въ 1552 году, и на ея основаніи добивался молдавскаго стола съ помощью польскаго магната Ласкаго. Очевидно, въ Польшѣ подложная генеалогія Василаки пользовалась полнымъ довѣріемъ, вслѣдствіе чего и Боренкій придаетъ ей серьезное значеніе. (Engel. Geschichte der Walachei und Moldau, стр. 196. Палаузовъ—Валахія и Молдавія, гл. III).

[2]) Александръ Лопушано (1552—1562 и 1564—1566) былъ первый избирательный господарь Молдавіи, занявшій столъ послѣ прекращенія династіи Драгошей. Упорная и веденная имъ съ страшною жестокостью борьба съ боярами возбудила противъ него оппозицію этого сословія и облегчила Якову Василаки достиженіе престола; но послѣдній не могъ также сладить съ боярами; его религіозный индиферентизмъ, покровительство, оказываемое имъ социніанамъ, и значительные налоги, которые онъ вынужденъ былъ назначить, послужили поводомъ къ возстанію. Явилось нѣсколько претендентовъ на господарство, въ томъ числѣ молдавскій гетманъ Томза и кн. Дмитрій Вишневецкій, увлеченный въ Молдавію Альбертомъ Ласкимъ, который бросилъ Якова, не удовлетворившаго его честолюбивыхъ и корыстныхъ надеждъ. Вишневецкій былъ разбитъ Томзою и выданъ туркамъ, отъ руки Томзы погибъ и Василаки, тѣмъ не менѣе господарство досталось не Томзѣ. Во время междоусобной войны Александръ Лопушано, проживавшій въ Константинополѣ, успѣлъ подарками и обѣщаніями склонить на свою сторону турецкое правительство. Онъ былъ назначенъ вторично воеводою Молдавіи, но черезъ два года погибъ отъ отравы.

своихъ турокъ, которыхъ многочисленныя арміи онъ истреблялъ не однократно. Къ числу болѣе извѣстныхъ господарей этой страны принадлежитъ Дракула, которому венгерскій король Матвѣй подарилъ крѣпости Чижову и Цехиль, лежащія на границѣ Трансильваніи съ Малдавіею, въ награду за то, что онъ отнялъ у турокъ городъ Мункастро. Не менѣе славенъ военною доблестью былъ воевода Петръ, враждовавшій съ султаномъ Солиманомъ и потерпѣвшій пораженіе у Обертына отъ храбраго гетмана Тарновскаго въ царствованіе Сигизмунда I.

Вѣра и обряды молдаванъ весьма близки къ церкви греческой и армянской; священники у нихъ женятся. Молдаване особенно славятся конницей, даже бѣднѣйшіе изъ нихъ имѣютъ верховыхъ лошадей, годныхъ для походовъ и сраженій. Подобно венграмъ, они вооружены щитомъ, шлемомъ и копьемъ; употребляютъ въ битвѣ также лукъ и стрѣлы. Порода ихъ лошадей крѣпкая, ретивая, славится не столько быстротою бѣга, сколько выносливостью и силою; здѣсь установился обычай прокалывать ноздри лошадямъ для того, чтобы облегчить имъ дыханіе; вслѣдствіе этого здѣшняя лошадь, даже во время лѣтняго зноя, можетъ втеченіе трехъ дней выдерживать напряженіе военнаго похода. Народъ молдавскій легкомысленъ и непостояненъ по отношенію къ своимъ властителямъ. По самому ничтожному поводу составляются заговоры, господари лишаются престола и на ихъ мѣсто возводятся другія лица, иногда самаго низкаго происхожденія; ибо они не обращаютъ вниманія на знатность рода, а только на богатство. Край этотъ очень богатъ, особенно славится большимъ количествомъ весьма крупнаго рогатаго скота, который жители сбываютъ на Руси и въ Германіи. Изъ плодовъ Молдавія особенно изобилуетъ виномъ, ячменемъ и пшеницею. Армянскіе торговцы провозятъ черезъ Молдавію изъ Турціи въ Польшу различные товары, служащіе предметами роскоши, какъ то: вино малвазію, перецъ, шафранъ, благовонія и ковры. Сдѣлавши этотъ краткій обзоръ Молдавіи, перейдемъ къ историческому изложенію тѣхъ событій, которыя мы намѣревались описать.

Богданъ, получившій Молдавію по смерти Александра, такъ сильно возненавидѣлъ господство турокъ, что заключилъ съ польскимъ

королемъ Августомъ, умершимъ въ 1572 году, вѣчный миръ, въ силу котораго получилъ право посѣщать знатнѣйшіе дома на Руси и искать въ нихъ для себя невѣсту. Въ силу того же договора онъ обязался въ случаѣ войны доставить Августу 20,000 вооруженныхъ всадниковъ. Поговаривали всюду, будто онъ намѣревается купить на Руси помѣстья и поселиться тамъ на случай, если бы вѣроломные молдаване свергли его съ престола. Король Августъ не довѣрялъ туркамъ, которые еще при жизни Солимана, отца Селима, нерѣдко производили вооруженные набѣги на Русь приднѣстровскую, разоряли замки, города и села и уводили въ плѣнъ множество народа и значительные стада скота. Союзъ съ Богданомъ въ случаѣ войны съ турками обезпечивалъ Польшѣ помощь со стороны Молдавіи, которая, находясь посединѣ между Польшею и Турціею, представляла какъ бы щитъ и крѣпкую стѣну, удерживающую напоръ варваровъ. Польскіе магнаты, сознавая эти обстоятельства, были расположены къ союзу съ Богданомъ; онъ жъ, полагаясь на дружбу великаго монарха, часто бывалъ на Руси, посѣщалъ дома болѣе знатныхъ лицъ, расположеніе которыхъ онъ старался снискивать богатыми подарками. Когда эти обстоятельства сдѣлались извѣстны султану Селиму, вступившему на престолъ послѣ смерти отца, онъ вознегодовалъ на то, что польскому королю въ силу договора обѣщано было господаремъ столь численное вспомогательное войско, и рѣшился втайнѣ низложить Богдана, предоставивши господарство другому лицу. Онъ опасался, чтобы поляки, воинственные сами по себѣ, не пріобрѣли рѣшительнаго надъ нимъ перевѣса при содѣйствіи Богдана и цѣлой Молдавіи. Между тѣмъ господарь возбудилъ также большое къ себѣ нерасположеніе среди молдаванъ за то, что заключилъ тѣсный союзъ съ поляками и обѣщалъ имъ вспомогательное войско отъ имени народа, но безъ его вѣдома; притомъ онъ обѣщалъ отдать въ замужество свою сестру Крыштофу Зборовскому, брату краковскаго воеводы Петра, какъ раньше отдалъ другую сестру замужъ за русина Каспера Пановскаго. Бракъ этотъ былъ весьма желателенъ для Зборовскаго, ожидавшаго получить богатое приданое; чтобы скорѣе покончить это дѣло, Зборовскій посѣтилъ Богдана въ Молдавіи съ многочисленною бле-

стящею свитою. Совершенно для него неожиданно господарь отказалъ ему въ рукѣ сестры. Зборовскій возвратился на Русь, гдѣ владѣлъ обширными помѣстьями, и рѣшился отомстить ему при первой возможности. Случай къ тому вскорѣ представился, такъ какъ Богданъ также отправился на Русь къ Яну Тарлу, на дочери котораго, дѣвицѣ, исполненной красоты и добродѣтели, намѣренъ былъ жениться. Когда онъ на саняхъ переправился по льду черезъ Днѣстръ и въ сопровожденіи одного или двухъ придворныхъ далеко опередилъ свою свиту, онъ встрѣтилъ пажа Зборовскаго, который со слезами на глазахъ жаловался, будто бы потерялъ письма, порученныя ему его господиномъ. Затѣмъ пажъ во весь опоръ понесся къ Зборовскому и извѣстилъ его, что встрѣтилъ господаря, ѣхавшаго безъ всякаго конвоя. Зборовскій немедленно бросился въ погоню съ нѣсколькими изъ своихъ придворныхъ и настигъ его, благодаря быстротѣ своихъ лошадей; въ послѣдовавшей затѣмъ схваткѣ Богданъ былъ раненъ въ ухо шляхтичемъ Сецыгніовскимъ и взятъ въ плѣнъ. Зборовскій объявилъ, что выпуститъ его изъ темницы не иначе, какъ получивши отъ него вознагражденіе за убытки, понесенныя имъ на путешествіе въ Молдавію. Находясь въ крайности, Богданъ уплатилъ ему 6,000 червонцевъ и обязался въ опредѣленный срокъ уплатить остальную претензію. За него поручился Пановскій.

Этотъ поступокъ Зборовскаго сильно не понравился королю Августу. Съ другой стороны молдаване, не довѣряя Богдану и негодуя за то, что онъ уѣхалъ въ Польшу, просили Селима назначить имъ другаго господаря. Назначенъ былъ Ивонія, о которомъ думаютъ, что онъ полякъ, родомъ изъ Мазовіи, самъ же онъ утверждалъ, что онъ потомокъ древнихъ господарей молдавскихъ[1]). Это былъ человѣкъ высокаго роста, представительной наружности, лицо его было красиво, взглядъ пріятный, внушающій уваженіе, тѣлосложеніе крѣпкое. Еще при жизни Солимана, послѣ смерти господаря Александра, онъ искалъ молдавскаго воеводства, но тогда это званіе

[1]) Происхожденіе Ивоніи осталось неизвѣстнымъ; онъ выдавалъ себя за побочнаго сына господаря Стефана VII, но въ подтвержденіе этого заявленія не имѣлъ ни документовъ, ни другихъ доказательствъ.

было предоставлено Богдану. Послѣ этой неудачи онъ часто посѣщалъ и Турцію, и Русь вмѣстѣ съ молдаваниномъ Іереміею Черневичемъ, измѣна котораго должна была погубить его впослѣдствіи. Для того, чтобы снискать расположеніе турокъ, Ивонія принялъ обрѣзаніе и сдѣлался мусульманиномъ, разсчитывая такимъ путемъ достигнуть значительныхъ выгодъ; онъ окружилъ себя роскошною и великолѣпною обстановкою, обратившею на себя вниманіе не только болѣе знатныхъ пашей, но и самаго Селима. Подкупивъ дарами членовъ дивана, Ивонія началъ внушать имъ подозрѣнія относительно Богдана, доказывая, что послѣдній преданъ польскому королю, и, опираясь на покровительство поляковъ, можетъ свергнуть турецкое иго. Селимъ внялъ внушеніямъ дивана и, раздраженный отсутствіемъ господаря, который оставался на Руси для излѣченія ранъ, онъ передалъ Ивоніи молдавское господарство; сверхъ того вручилъ ему значительный отрядъ войска для того, чтобы побудить народъ принести ему присягу на вѣрность. Говорятъ, что король Августъ спрашивалъ у Селима объясненія по поводу этихъ распоряженій, но тотъ отвѣтилъ, что послалъ Ивонію въ Молдавію исключительно по дѣламъ торговымъ. Между тѣмъ этотъ послѣдній безъ труда подчинилъ себѣ страну и привелъ народъ къ присягѣ на вѣрность.

Есть въ Молдавіи крѣпость Хотинъ, недоступная по своему мѣстоположенію; Богданъ рѣшился занять ее сильнымъ гарнизономъ, но турки, оберегавшіе ее, отказались впустить его и дали рѣшительный отпоръ. Въ виду переворота въ Молдавіи Богданъ, на основаніи договора, потребовалъ отъ короля Августа военной помощи противъ турокъ. Король отрядилъ 4,000 конницы подъ начальствомъ подольскаго воеводы Николая Мелецкаго, вождя опытнаго и разсудительнаго, которому поручено было возстановить Богдана на господарскомъ столѣ. Но попытка эта оказалась тщетною, ибо Молдавію занимали столь численныя турецкія войска, что Мелецкій успѣлъ только занять Хотинъ въ пользу Богдана, послѣ чего принужденъ былъ отступить обратно въ Русь, причинивъ туркамъ незначительный уронъ. Во время этого похода въ числѣ другихъ отличился военною доблестью благородный рыцарь Николай Гер-

буртъ. Онъ былъ окруженъ отрядомъ турецкой конницы, но успѣлъ пробиться сквозь ея ряды, перебить многихъ непріятелей и, не получивъ ни одной опасной раны, благополучно соединился со своимъ войскомъ. Богданъ нѣкоторое время продержался въ Хотинѣ и, усиливъ укрѣпленія этого города, передалъ начальство надъ крѣпостью знатному польскому дворянину Доброславскому, а самъ бѣжалъ въ Москву, гдѣ, какъ говорятъ, и поселился.

Доброславскій не долго управлялъ Хотиномъ; онъ вскорѣ сдалъ крѣпость Ивоніи по приказанію польнаго гетмана Язловецкаго, получившаго соотвѣтственное распоряженіе отъ короля Сигизмунда Августа; при томъ въ это время распространилась молва о смерти короля; Ивонія возстановилъ спокойствіе въ Молдавіи. Онъ обязался уплачивать Селиму гарачъ въ обычномъ размѣрѣ, а противниковъ своихъ, въ особенности родственниковъ Богдана, отличавшихся знатностью рода и богатствомъ, предалъ жестокимъ казнямъ. Такимъ образомъ онъ злоупотребилъ побѣдою, забывая, что подобная участь можетъ постигнуть и его самого.

Между тѣмъ господарь Валахіи Петръ [1]) былъ сильно озабоченъ тѣмъ, чтобы устроить судьбу своего брата. Расположенные къ нему совѣтники Сигизмунда подали ему мысль низвергнуть съ молдавскаго стола, въ пользу брата, Ивонію при помощи турокъ, подобно тому, какъ самъ Ивонія свергнулъ съ престола Богдана. При этомъ послѣдовали точно образу дѣйствій, которому непосредственно передъ тѣмъ слѣдовалъ Ивонія. Петръ сверхъ того обѣщалъ уплачивать двойной гарачъ, т. е. 120,000 червонцевъ, въ случаѣ если братъ его получитъ молдавское воеводство; притомъ онъ донесъ, что Ивонія, отрекшись отъ магометанства, вновь сдѣлался христіаниномъ и открыто покровительствуетъ христіанамъ, что, по примѣру Богдана, онъ завязалъ дружелюбныя сношенія съ Польшею и, опираясь на ея помощь, въ непродолжительномъ времени освободится отъ турецкаго господства. Члены дивана, убѣжденные

---

[1]) Онъ названъ ошибочно; господаремъ Валахіи былъ въ то время Александръ II, сынъ Петра II Хромаго.

этими словами и обѣщаніемъ большаго гарача, успѣли уговорить Селима отправить къ нему посольство и вызвать въ Константинополь, при чемъ онъ долженъ былъ передать послу управленіе Молдавіею. Въ случаѣ, если бы Ивонія не исполнилъ приказа, рѣшено было прибѣгнуть къ оружію. Селимъ, жадный къ деньгамъ и недавно опорожнившій свою казну на вооруженіе флота, который былъ разбитъ венеціанцами на Іоническомъ морѣ во время взятія Кипра—легко склонился на это предложеніе. Онъ отправилъ къ Ивоніи посольство, прибывшее 21 февраля, въ тотъ самый день, когда въ Краковѣ короновался краковскою короною Генрихъ Валуа.

Посолъ турецкій сказалъ слѣдующую рѣчь: „Султанъ Селимъ прислалъ меня къ тебѣ, господарь Ивонія, для того, чтобы я тебѣ передалъ приказанія, которыя ты обязанъ немедленно исполнить: ты долженъ будешь впредь уплачивать гарачъ въ двойномъ количествѣ, т. е. 120,000 червонцевъ въ годъ;—если ты не исполнишь этого требованія, то султанъ имѣетъ уже въ виду другое лицо, которое обязывается за себя и за своихъ наслѣдниковъ уплачивать эту сумму. Но султанъ Селимъ, полагаясь на твою вѣрность и преданность, не желаетъ лишать тебя молдавскаго стола, если ты станешь уплачивать упомянутый гарачъ. Если же ты не исполнишь требованія, то ты долженъ немедленно уступить свой постъ и послѣдовать за мною въ Константинополь для представленія отчета за время твоего управленія. Но если ты усумнишься исполнить и это требованіе, то знай, что султанъ пришлетъ твоего преемника въ сопровожденіи многочисленнаго войска, которое займетъ Молдавію. Покорись волѣ падишаха, ибо, въ противномъ случаѣ, султанъ, доведенный до крайняго предѣла гнѣва, лишитъ тебя не только престола, но и самой жизни“.

Слова эти сильно встревожили Ивонію; онъ притворился больнымъ и приказалъ своимъ боярамъ отвести посла въ его квартиру для того, чтобы выиграть время; дѣло было слишкомъ важно и требовало обсужденія, потому онъ не рѣшился отвѣчать немедленно послу.—Такъ какъ рѣшеніе дѣла зависѣло отъ сената, то Ивонія назначилъ его засѣданіе черезъ нѣсколько дней. Между тѣмъ, послѣ

ухода посла онъ сталъ обдумывать требованія султана. Онъ соображалъ, что турки вѣроломны и обыкновенно не исполняютъ обѣщаній, данныхъ даже подъ присягою христіанскимъ владѣтелямъ (непонятно, по какому праву Ивонія причислялъ себя къ нимъ, такъ какъ онъ былъ отступникомъ отъ христіанства) и выжидаютъ только предлога для того, чтобы нарушить принятыя ими обязательства. Непомѣрно большая сумма дани, которую Селимъ требуетъ отъ страны, обнищавшей и разоренной междоусобною войною, не удовлетворитъ его, напротивъ того уплата ея усилитъ его жадность; въ будущемъ году онъ вновь потребуетъ прибавки и требованіямъ его невозможно будетъ удовлетворить даже при самыхъ дружныхъ усиліяхъ всего народа; потому согласіемъ на уплату двойной дани нельзя достигнуть спокойствія и безопасности, тѣмъ болѣе, что есть какое то лицо, которое, повышая сумму дани, пытается добиться господарства.— Обдумавъ всѣ эти положенія, онъ обратился къ сенату съ слѣдующею рѣчью: „Никогда, вѣроятно, вамъ не случалось совѣщаться при болѣе трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ; Селимъ, возгорѣвшись безмѣрною жадностью, не удовлетворяется тѣмъ гарачемъ, который мы ему постоянно уплачиваемъ, и требуетъ уплаты его въ двойномъ количествѣ. Не мое дѣло побуждать васъ къ согласію на это требованіе, ибо вся тяжесть уплаты ляжетъ не на меня лично, но на васъ и на вашихъ потомковъ. Если мы откажемъ, то намъ угрожаетъ война съ грозными силами врага, опустошеніе нашей страны, пожары и грабежи. Если согласимся на требуемую уплату, то я не знаю, какимъ образомъ мы удовлетворимъ требованію при всеобщей нищетѣ вслѣдствіе разоренія страны междоусобною войною.—Пусть всякій изъ васъ выскажетъ свое мнѣніе; я, съ своей стороны, полагаю, что, въ случаѣ если мы рѣшимъ уплачивать столь непосильный гарачъ, Селимъ не удовлетворится имъ и станетъ ежегодно повышать сумму, пока не овладѣетъ всѣмъ нашимъ имуществомъ. По моему мнѣнію лучше лишиться жизни вмѣстѣ съ нашими женами и дѣтьми, чѣмъ терпѣть такія обиды. Я говорю это не изъ желанія сохранить свое имущество, ибо новый налогъ касается васъ, не меня; и потому вы опредѣленно выскажитесь: желаете ли долѣе нести по-

зорное и тягостное ярмо. Я готовъ принять дѣятельныя и усиленныя мѣры для того, чтобы этому невѣрному псу не дозволить взять съ васъ не только новой, требуемой имъ подати, но чтобы вовсе освободиться отъ гарача; я думаю, что я успѣю этого достигнуть, если вы меня дружно поддержите. Я сознаю, милые товарищи, свои обязанности по отношенію къ вамъ и вашей странѣ, за цѣлость и безопасность которой я готовъ сложить голову". Слушая его рѣчь, сенаторы съ грустью обдумывали, молча, его слова и трепетали, будто подъ вліяніемъ страшнаго кошмара.—Слова Ивоніи не были плодомъ досужаго краснорѣчія, но изображали истинное положеніе дѣлъ; дѣйствительно, турецкая неволя развивалась быстрыми шагами; и потому они предпочли смерть безчестію и униженіямъ. Они объявили, что немедленно перевезутъ свои семейства и болѣе цѣнное имущество въ хотинскую крѣпость, сами же соберутъ на свой счетъ войско для Ивоніи и отправятся на встрѣчу врагу на берега Дуная съ твердымъ намѣреніемъ отстаивать свое дѣло до послѣдней крайности, въ чемъ они принесли присягу. Ивоня, выслушавъ ихъ рѣшеніе, одобрилъ его краткою рѣчью и принялъ присягу въ томъ, что они соединятъ съ нимъ свои силы для успѣха общаго дѣла и будутъ до послѣдней крайности сражаться съ турками. Въ свою очередь онъ принесъ присягу въ томъ, что не сложитъ оружія, пока не вытѣснитъ турецкой арміи изъ Молдавіи и не заставитъ турокъ заключить почетный миръ.—Послѣ исполненія присяги, Ивонія приказалъ позвать турецкаго посла и въ присутствіи сената объявилъ ему слѣдующій отвѣтъ: „Согласно данному мною раньше Селиму, какъ моему сюзерену, обязательству, я готовъ былъ уплачивать гарачъ и не помышлялъ о томъ, чтобы уклониться отъ этой обязанности. Но тягостныя требованія ежедневно возрастаютъ до такой степени, что становится невозможнымъ выносить впредь столь позорную зависимость. Удвоеннаго гарача я не въ состояніи взыскать съ моихъ подданныхъ и потому усиленно прошу Селима, чтобы онъ мнѣ не ставилъ въ вину отказа. Я ожидалъ, что дружба Селима принесетъ мнѣ не угнетеніе, а славу и защиту, и потому я добивался молдавскаго господарства, которое и получилъ въ награду

за мою вѣрность. Еще разъ усиленно его прошу не разрушать упованія, которое я на него возлагалъ". Сказавъ эти слова, онъ отправилъ посланника, не давъ ему никакихъ подарковъ, и приказалъ его проводить за Дунай, до границъ Молдавіи, подъ эскортою молдавской конницы. Такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что отвѣтъ Ивоніи раздражитъ Селима, то немедленно послѣ высылки посла начались военныя приготовленія. Пѣхотѣ было назначено жалованье, равное тому, какое получала конница. Всѣ окружили дружно Ивонію и клялись въ томъ, что будутъ бороться съ жестокимъ Селимомъ до послѣдней капли крови, что скорѣе лишатся отечества, жизни, женъ и милыхъ дѣтей, чѣмъ оставятъ дѣло своего господаря.—Тотчасъ же опредѣлено было взымать усиленную подать, для того, чтобы дать Ивоніи возможность нанять польскихъ солдатъ, которые болѣе другихъ славились мужествомъ.

Ивонія, ободренный готовностью молдаванъ къ борьбѣ, вполнѣ положился на ихъ вѣрность и отправилъ пословъ въ Краковъ, поручивъ имъ извѣстить короля Генриха и польскій сенатъ о положеніи дѣлъ въ Молдавіи и просить помощи для предстоящей трудной войны съ Селимомъ, подобно тому, какъ издревле польскіе короли всегда находились въ союзѣ съ молдавскими господарями и защищали ихъ отъ турокъ; при томъ послы должны были поставить на видъ то обстоятельство, что Польша должна оказать помощь и защиту Молдавіи въ своемъ же интересѣ; ибо она, благодаря Молдавіи, уже много лѣтъ свободна отъ турецкихъ вторженій; если же турки завладѣютъ Молдавіею, то опасность будетъ угрожать польскому королевству. Послы особенно настойчиво просили, чтобы, въ случаѣ отказа въ военной помощи, король приказалъ объявить черезъ возныхъ въ Каменцѣ, Львовѣ и въ другихъ городахъ, что господарь готовъ принять къ себѣ въ военную службу всякаго желающаго служить за хорошее жалованье, ибо господарь болѣе дорожитъ независимостью своего государства, чѣмъ денежными средствами.—Король Генрихъ отвѣтилъ посольству, что онъ не можетъ ни послать вспомогательнаго войска, ни разрѣшить полякамъ

поступать на службу въ Молдавію потому, что Польша заключила съ Турціею мирный договоръ срокомъ на сто лѣтъ.

Ивонія, получивъ печальное извѣстіе объ отказѣ въ помощи со стороны Польши, рѣшился положиться исключительно на своихъ и на малочисленный отрядъ польской конницы, который отправился было искать добычи на берега Днѣпра и Чернаго моря; это были люди, испытанные въ бою и привыкшіе къ побѣдамъ; въ это именно время, не успѣвъ снискать добычи, они возвращались домой. Къ нимъ послано было приглашеніе отправиться въ Молдавію и предложено жалованье по ихъ усмотрѣнію, лишь бы они помогли въ борьбѣ съ турками, для нихъ же ненавистными, такъ какъ на нихъ исключительно возлагается надежда на успѣхъ. Ивонія, по совѣту своихъ сенаторовъ, дважды посылалъ къ нимъ гонцевъ. Конница эта была неутомима, она никогда не оставалась на одномъ мѣстѣ, но постоянно рыскала за добычею, преслѣдуя непріятелей въ пустынѣ вдали отъ всякихъ путей, по самымъ укромнымъ мѣстамъ. Ивонія обратился къ этому отряду, заявивъ, что хочетъ переговорить съ нимъ по дѣлу, и для того, чтобы они не боялись хитрости, онъ приказалъ объявить имъ съ полною откровенностью, что ему угрожаетъ война съ султаномъ, что потому ему необходимо завербовать ихъ на службу и что онъ готовъ имъ давать жалованье, по ихъ собственной оцѣнкѣ, уплачивая его не по полугодіямъ и не по мѣсячно, а даже если нужно каждодневно. Когда козаки (въ Польшѣ симъ именемъ называли этихъ наѣздниковъ) услышали условія Ивоніи, они тотчасъ отправились къ нему, несмотря на запретъ короля Генриха. Заботясь о славѣ и добычѣ какъ своей, такъ и своихъ предводителей, козаки, съ разрѣшенія своей старшины, тотчасъ предприняли разъѣзды съ цѣлью захватить нѣсколько человѣкъ турокъ и татаръ, чтобы вывѣдать отъ нихъ планы и намѣренія враговъ; ибо хотя турки и татары, повидимому, пребывали въ мирѣ съ Польшею и, какъ казалось, дорожили имъ, тѣмъ не менѣе значительныя скопища ихъ врывались часто въ Русь и въ Подоліе, причиняли значительныя опустошенія, и, при приближеніи военныхъ отрядовъ, разсѣивались и убѣгали домой.

Во главѣ этихъ козаковъ стояли слѣдующіе вожди: Свѣрчовскій, мужъ опытный въ военномъ дѣлѣ и отличавшійся необыковенною силою, онъ имѣлъ отрядъ въ 200 конницы, сверхъ того 200 человѣкъ брацлавянъ и столько же барянъ [1]); всѣ они находились подъ начальствомъ Свѣрчовскаго и не могли сражаться безъ его приказанія.—Въ отрядахъ Козловскаго и Стуженскаго находилось по 200 человѣкъ. Янціусъ и Соколовскій имѣли отряды по 100 человѣкъ. Всѣ они, по приглашенію воеводы, прибыли въ Молдавію безъ всякаго опасенія. Ивонія, узнавъ о вступленіи ихъ въ предѣлы Молдавіи, отправилъ посольство съ порученіемъ привѣтствовать ихъ дружески отъ имени господаря и снабдить ихъ всякаго рода провіантомъ. Когда козаки приблизились къ молдавскому лагерю, Ивонія выѣхалъ имъ на встрѣчу, окруженный сенаторами и отрядомъ отборной конницы. Замѣтивъ ихъ расположенность къ себѣ и готовность подвергнуться опасности, онъ произнесъ лишь нѣсколько словъ радостнаго привѣтствія, дальнѣйшую рѣчь его прервали слезы. Затѣмъ онъ пригласилъ предводителей въ свой лагерь на угощеніе,— и здѣсь пространно разсказалъ о войнѣ съ Селимомъ и объ угрожающей опасности. Когда козаки вступали въ лагерь, господарь приказалъ палить изъ большихъ пушекъ, громъ которыхъ отражался въ небѣ и заставлялъ дрожать землю; козаковъ встрѣтила молдавская пѣхота въ равномъ числѣ ихъ количеству, приняла ихъ лошадей и доставила имъ обильный кормъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, Ивонія угостилъ козаковъ не походнымъ солдатскимъ обѣдомъ, а роскошнымъ пиршествомъ. Вожди козацкіе и болѣе знатные молдаване приглашены были Ивоніею къ обѣду въ большую палатку, разбитую въ полѣ; остальныхъ козаковъ угощали въ другихъ палаткахъ. По окончаніи обѣда принесли серебряныя миски, наполненныя золотою монетою, которая предложена была козацкой старшинѣ и ихъ слугамъ; господарь заявилъ любезно, что послѣ долгаго похода, они вѣроятно нуждаются въ средствахъ для подкрѣпленія

[1]) Т. е. жителей барскаго староства, въ которомъ находились многочисленныя боярскія села.